

МИХАИЛ МЯГКОВ

ЕВРОПА

**МЕЖДУ РУЗВЕЛЬТОМ
И СТАЛИНЫМ**

1941–1945 гг.

УДК 94(47+57)
ББК 66.3(2)615-4
М 99

Мягков М.Ю.

М 99 Европа между Рузвельтом и Сталиным. 1941–1945 гг. / М.Ю. Мягков. – М.: Алгоритм, 2017. – 400 с. – (Уроки истории).

ISBN 978-5-906914-99-6

Книга доктора исторических наук М.Ю. Мягкова посвящена одному из важнейших периодов во взаимоотношениях нашей страны и США – 1941–1945 гг. Автор отвечает на вопросы:

– что стало решающим фактором в решении союзников всё же открыть «второй фронт»?

– кем выстраивалась глобальная система послевоенной безопасности и как создавалась Организация Объединенных Наций?

– кто и почему выступал против политики тесного взаимодействия Вашингтона и Москвы?

– почему именно факт становления России как одной из двух послевоенных сверхдержав предопределил неизбежное столкновение интересов США и СССР, которое проявилось прежде всего на пространстве Европы?

Усвоив уроки прошлого благодаря этой книге, читатель сможет разобраться в настоящем и понять, чего ждать на современном этапе от взаимоотношений России, США и Европы.

УДК 94(47+57)
ББК 66.3(2)615-4

ISBN 978-5-906914-99-6

© Мягков М.Ю., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Историческо-публицистическое издание

Михаил Юрьевич Мягков

ЕВРОПА МЕЖДУ РУЗВЕЛЬТОМ И СТАЛИНЫМ. 1941–1945 ГГ.

*Редактор Н.В. Мезина
Художник Б.Б. Протопопов*

ООО «ТД Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 01.02.17. Подписано в печать 06.03.17
Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная.
Печ. л. 12,5, Тираж 1500 экз. Заказ № .

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
<i>Глава I.</i> Американские оценки международной ситуации и политики СССР в Европе (начало 1939 — июнь 1941 г.)	48
<i>Глава II.</i> Неудачник или важнейший союзник (перспективы и реалии союза с Россией, июнь 1941 — конец 1942 г.)	84
<i>Глава III.</i> Россия после Сталинграда: новые оценки советских возможностей и развития сотрудничества, 1943 — июнь 1944 г.	117
<i>Глава IV.</i> Россия и союзники в Европе	173
<i>Глава V.</i> Кончина Ф. Рузвельта и «новый курс» Г. Трумэна во взаимоотношениях с СССР	254
Заключение	332
<i>Приложение.</i> Документы	338
Примечания	362

ВВЕДЕНИЕ

Основной задачей союзной дипломатии после нападения Германии на СССР стало объединение всех сил, противостоящих блоку агрессоров, создание мощной коалиции, способной одержать решительную победу над странами «Оси». В борьбе за свободу, спасение основ человеческой цивилизации и безопасный послевоенный мир объединились страны с различными социально-политическими системами, сотни миллионов людей. Во главе коалиции находились СССР, США и Великобритания, которые одновременно с решением военных задач обсуждали насущные вопросы устройства будущего мира. Большинство государственных деятелей Соединенных Штатов и Великобритании воспринимали сопротивление Красной армии как важнейший фактор достижения конечной победы над агрессорами. Поражение России означало для Лондона и Вашингтона не только прямую угрозу их национальным интересам, но и самой независимости этих стран. Соответственно, для США и Великобритании возникла необходимость обсуждения военно-политических, территориальных, экономических интересов СССР. Слишком большое значение его позиция и реальные действия приобрели для западных союзников и для всего мира.

В 1941—1945 гг. общность военных целей обусловила обреченность Ф. Рузвельта и У. Черчилля искать и находить конструктивное взаимопонимание с И. Сталиным при координации боевых действий, решении проблем признания советских границ на 22 июня 1941 г., участия СССР в послевоенном устройстве Европы и других вопросов союзных отношений великих держав. Вместе с тем каждая из держав Большой тройки имела свои собственные национальные интересы. Военно-политические, стратегические,

экономические, идеологические и другие факторы предопределяли различное отношение руководства той или иной страны к действиям своих союзников. Неоднозначные оценки потенциала, вероятных акций, в конце концов, значения Советского Союза для развития послевоенного мира выдвигались и разрабатывались как на самых высших эшелонах власти США и Великобритании, так и в различных военных, внешнеполитических, экономических и других ведомствах западных государств. Эти оценки, которые в первую очередь диктовала обстановка на фронтах войны, во многом предопределяли реакцию Вашингтона и Лондона на конкретную позицию и прогнозируемые намерения Москвы. Конечное принятие решения по важнейшим вопросам оставалось за президентом и премьер-министром. При этом они учитывали особенности дискуссий среди своего окружения по проблемам внешней политики, равно как и общественное мнение своих стран.

Настоящая книга посвящена одной из ключевых проблем союзного взаимодействия в годы Второй мировой войны — взглядам и планам руководства США на роль и место СССР в послевоенном устройстве Европы, которые определяли важнейшее содержание принимаемых в Вашингтоне решений по военным, территориальным и политическим вопросам в этом регионе мира. Эта тема требует сегодня новых подходов к анализу традиционных и специфических механизмов принятия решений теми структурами и персоналиями, которые несли ответственность за разработку курса в отношении СССР в годы войны, объективного взгляда на истоки явлений, произошедших в мире в послевоенное время, в период холодного противостояния западного и советского блоков.

Действия лидеров ведущих западных стран (прежде всего США) становятся более прогнозируемы в результате изучения ранее неизвестных широкой общественности документов американского происхождения 1941—1945 гг. Оставаясь наиболее мощной в экономическом и военном плане державой, США обладают и особой ответственно-

стью за устойчивость системы безопасности на планете, становление которой тесно связано со взаимодействием с СССР в годы войны. В ближайшем обозримом будущем цена принятия Америкой своих внешнеполитических решений останется чрезвычайно высокой, а в условиях появления перед мировым сообществом новых угроз многое будет зависеть от того, сумеют ли США поддерживать взаимовыгодное сотрудничество с Россией, учитывать и уважать ее национальные интересы, разрешать имеющиеся противоречия, исходя из положительного и отрицательного опыта времен совместной борьбы против фашизма.

Анализ американских оценок и прогнозов действий СССР в отношении будущего Европы и послевоенной системы международной безопасности рассматривается во взаимосвязи с американскими взглядами и расчетами на общие контуры послевоенного устройства мира, роль и место в нем каждой из ведущих мировых держав, их границ и влияния после окончания глобального конфликта. Выделяется такая сложная и неоднозначная тема, как освещение побудительных мотивов, решений и суждений относительно Советского Союза главного действующего лица в руководстве США военных лет — президента Ф. Рузвельта. Все это помогает сегодня ответить на вопрос, почему Америка пошла на сближение с Советской Россией и до каких пределов она готова была с ней сотрудничать. Здесь мы также неизбежно выйдем и на более глубокую, не менее важную проблему — явился ли послевоенный раздел континента логичным завершением противоречий между целями СССР и западных союзников, обозначившимися еще при жизни Рузвельта, либо внешнеполитическая доктрина Г. Трумэна в европейских делах (в годы президентства которого весь комплекс отношений между двумя странами развивался в условиях жесткой конфронтации) кардинально отличалась от расчетов своего предшественника? Исследование, касающееся темы ответственности великих держав за начало холодной войны, будет неполным без изучения этой весьма неоднозначной дилеммы.

Курс Рузвельта и его суждения во многом находились под влиянием идей В. Вильсона, под началом которого он работал еще в годы Первой мировой войны. Но Рузвельт сумел придать этим идеям не только новое обрамление, но и переосмыслить их исходя из реалий очередного мирового конфликта и новой роли Америки и России в европейских делах и, в целом, в обеспечении дальнейшего существования мирового сообщества государств. В этой связи большую ценность для нынешнего поколения исследователей, работающих уже в эпоху после окончания холодной войны, представляют подлинные замыслы президента (прежде всего документально зафиксированные) о механизме функционирования Организации Объединенных Наций и его видение участия США и СССР в поддержании безопасности в различных районах планеты.

В книге представлены государственные деятели и структуры, которые несли ответственность за разработку внешнеполитического курса США в отношении СССР в годы войны, материалы, прямо или косвенно затрагивающие суждения высшего руководства США, прежде всего Ф. Рузвельта, Г. Трумэна и их ближайших помощников, отражающие работу Государственного департамента США, ряда его комитетов, подкомитетов и отделов, военного ведомства США, Объединенного комитета начальников штабов Великобритании и США (ОКНШ), разведывательных и аналитических комитетов Комитета начальников штабов (КНШ), Управления стратегических служб США и других ведомств.

Автор попытался также исследовать альтернативы американской внешней политики 1941—1945 гг., подверженные влиянию событий войны и внутренней жизни США, рузвельтовские идеи построения мира на новых началах, особенности взгляда Вашингтона на Москву и важнейшие выводы американской политической элиты о роли Советского Союза в послевоенных европейских и, в целом, мировых делах. На основе прежде всего документальных источников из архивов США, многие из которых ранее были неизвестны широкому кругу читателей, проанализировать

содержание и динамику американских оценок Советского Союза, его возможностей и уязвимых мест, экономических достижений, состояния и потенциала вооруженных сил накануне и в ходе Второй мировой войны.

Важно было также показать особенности американского взгляда на СССР во взаимосвязи с военными и политическими событиями, достижениями и перспективами экономики Соединенных Штатов, состоянием и прогнозами развития американских вооруженных сил, суждениями президентов США (в первую очередь Ф. Рузвельта), мнением ответственных государственных и общественных деятелей США, предлагавших ответы на возникавшие внешнеполитические вызовы.

В основе настоящей книги лежат, прежде всего, документальные источники, хранящиеся в архивах США. Первоочередное внимание уделялось ведомствам, ответственным за подготовку важнейших решений Вашингтона, касающихся ведения военных действий, внешнеполитического курса, укрепления своих позиций в различных регионах мира и, конечно же, отношений с СССР. Особый интерес вызывали те источники, которые прямо или косвенно затрагивали суждения высшего руководства США — прежде всего Ф. Рузвельта и Г. Трумэна.

Среди документальных коллекций Национального архива выделяются доклады, отчеты, меморандумы, памятные записки, отложившиеся в фонде Государственного департамента США (RG 59), ряда его комитетов, подкомитетов и отделов, образованных после начала Второй мировой войны, в частности Комитета по проблемам мира и реконструкции, Консультативного комитета по проблемам международных отношений, Отдела специальных исследований, Политического комитета и др. В задачи этих структур входили анализ текущей международной ситуации, разработка многочисленных вопросов, касающихся послевоенного мирного устройства, прогнозирование будущей роли США и других государств (в том числе СССР) в делах Европы и всего мира. В работе комитетов участвовали веду-

щие политические и общественные деятели США, дипломаты К. Хэлл, С. Уэллес, Э. Стеттиниус, Л. Пасвольский и др. В ряде документов, хранящихся в этих фондах, зафиксированы неординарные суждения Ф. Рузвельта о перспективах развития международной ситуации и возможной реакции Америки на те или иные события. Безусловно, они представляют для нас особый интерес. Кроме того, необходимо отметить записи заседаний, проводившиеся в Госдепартаменте, на которые приглашались видные государственные деятели и дипломаты. Откровенность высказанных на них замечаний о намерениях СССР и перспективах сотрудничества с ним в разрешении послевоенных проблем заставляют внимательнее присмотреться к вопросу о степени влияния, присутствовавших там лиц на решения президента и мере их участия в адаптации тех или иных альтернатив внешнеполитического курса США.

В фонде Госдепартамента хранится и различная корреспонденция президента и других официальных лиц, относящаяся к советско-американским отношениям. Наряду с уже опубликованной перепиской по вопросам внешней политики США в 1930—1940-е годы (в *“Foreign Relation of United States”* и др. изданиях), отложившиеся в архиве письма, телеграммы, другие важные документы, проходившие в годы войны через Госдепартамент, также весьма ценны для исследователей, занимающихся изучением отношений США и СССР в годы Второй мировой войны. Среди огромного массива источников внешнеполитического ведомства хотелось бы также выделить документы, которые содержат сведения о динамике общественного мнения американцев. Имеются в виду обзоры прессы и радиопередач, высказываний влиятельных конгрессменов и общественных деятелей о значении для США «русского союзника» и перспективах взаимодействия с Москвой. Вся эта информация помогает нам лучше понять не только общий фон, на котором президент принимал свои важнейшие решения, но и глубже разобраться в вопросе, насколько хозяин Белого дома и его ближайшие помощники

были зависимы от настроений различных групп американцев, — например граждан США польского или прибалтийского происхождения.

Весьма важные источники, касающиеся темы исследования, находятся в документах военного руководства США, в частности в фонде Комитета начальников штабов (КНШ) — RG 218. Не секрет, что американские военные деятели оказывали самое непосредственное влияние на разработку общей стратегии ведения Соединенными Штатами совместно со своими союзниками войны против агрессоров в Европе и Азии. Д. Эйзенхауэр, Дж. Маршалл, У. Леги, Д. Макартур и другие высшие офицеры не раз высказывали перед президентом и премьер-министром свое мнение относительно сроков и масштабов высадки союзных сил в Европе, значении Восточного фронта, деталей сотрудничества с СССР в деле разгрома агрессоров как на Европейском, так и на Азиатско-Тихоокеанском ТВД. Большую ценность представляют отчеты о заседаниях Объединенного комитета начальников штабов Великобритании и США (ОКНШ). Их дискуссии отражают проблемы координации собственных стратегических планов с действиями Красной армии, оценкой потенциала и военно-политических намерений СССР на европейском континенте. Источники этих оценок и расчетов содержатся в документах разведывательных и аналитических комитетов ОКНШ и Комитета начальников штабов США. Речь идет прежде всего о материалах Объединенного разведывательного комитета, Объединенного комитета стратегического обзора, Объединенного комитета военного планирования и ряда других структур. Их изучение раскрывает весьма значительную степень британского влияния на принятие совместных решений. Одним из основных вопросов, относящихся к деятельности указанных выше комитетов, является вопрос о степени знакомства с их разработками об СССР высшего руководства США. Известно, тем не менее, что в сжатом виде важнейшая информация американской разведки, касающаяся планов и возможностей Москвы, так или иначе попадала

на стол президенту. В конце войны, с изменением общего климата советско-американских отношений, деятельность разведывательно-аналитической структуры американского КНШ была перенаправлена на выявление уязвимых мест в управлении, экономике, идеологии и стратегическом положении Советского Союза. Америка приобрела ядерную монополию, и Объединенный разведывательный комитет уже осенью 1945 г. занялся определением первых 20 объектов (городов) на территории СССР, предназначенных для атомной бомбардировки.

Степень влияния обрабатываемой информации на руководство Белого дома позволяют проследить документы фонда Управления стратегических служб США (в 1941 и до июня 1942 г. — Офиса координатора информации при президенте, У. Донована, RG 226). Сотрудники Донована в ходе войны собирали, анализировали и представляли высшему командованию, в т.ч. президенту, различные разведанные, в том числе касающиеся Советского Союза. Уже с 1941 г. в этой организации — важнейшей составной части разведывательного сообщества США — действовал Восточноевропейский отдел, а с 1942 г. при Исследовательском и аналитическом отделе УСС была создана специальная структура для изучения СССР. Деятельность сотрудников УСС неотделима от истории тайной дипломатии США в годы войны, — достаточно вспомнить известный «бернский инцидент», оказавший существенное влияние на характер советско-американских отношений в конце войны. Но для настоящей книги первостепенное значение имели материалы УСС именно оценочного, аналитического характера, в которых прослеживается динамика американского взгляда на СССР, его возможности, военные усилия и политику в отношении будущего Европы. Своеобразным достижением разведывательно-аналитической мысли сотрудников отдела УСС по изучению СССР можно назвать объемный доклад, подготовленный в августе 1943 г., «Могут ли Россия и Америка сотрудничать», который заслуживает особого внимания.

Следует заметить, что директор УСС У. Донован относился к тому ограниченному кругу лиц, которые имели доступ не только к важнейшим разведсведениям (касавшимся в частности СССР), но и консультировали относительно русского вектора американской внешней политики непосредственно президента США. Еще одним человеком из этого круга был специальный представитель Рузвельта, участвовавший в переговорах со Сталиным с 1941 г., а в 1943 г. назначенный послом в СССР, Аверелл Гарриман.

Коллекция Гарримана, хранящаяся в Отделе манускриптов Библиотеки Конгресса США, стала одной из важнейших документальных основ подготовки настоящей работы. Гарриман был в Москве вместе с Бивербруком осенью 1941 г. — в критический момент немецкого наступления на столицу Советского Союза. Тем не менее, именно его и Г. Гопкинса высокие оценки потенциала СССР, советского народа и его лидеров оказались в ряду главных побудительных мотивов для занятия руководством США позиции, направленной на возрастающую поддержку военных усилий Красной армии. В ходе трехсторонней конференции в Москве 1941 года и на последующих встречах со Сталиным Гарриману удалось наладить с советским лидером довольно дружественные отношения. Президент Рузвельт пользовался этим обстоятельством, доверяя ему и Гопкинсу обсуждение с Кремлем самых конфиденциальных вопросов территориального и военно-политического характера. Записки и послания Рузвельта по различным аспектам взаимоотношений с Москвой, отложившиеся в бумагах Гарримана, представляют для историков большую ценность.

Коллекция документов Гарримана помогает проследить динамику американских взглядов на Россию и на заключительном этапе войны. Помощник президента, став в 1943 г. послом, переехал в Москву, но по-прежнему оставался в доверительных контактах с Рузвельтом, посылая ему тщательно подготовленные телеграммы о текущих событиях в СССР и вероятных акциях России в ближайшее время. В организации аналитической работы американ-

ского представительства в Москве большую помощь по-слу оказывал с 1944 г. его заместитель Дж. Кеннан, еще ранее — глава Военной миссии США Дж. Дин и другие дипломаты, телеграммы и записки которых также отложились в Коллекции Гарримана. Переписка посла с Вашингтоном, а также записи, относящиеся к его личным встречам с Рузвельтом во время приезда Гарримана на краткое время в США, помогают лучше понять направленность суждений о России самого президента. В то же время Гарриман, Кеннан и другие представители американской дипломатии выдвигали собственные рекомендации относительно изменения курса к СССР. Их влияние на Рузвельта, руководителей внешнеполитического ведомства, других государственных деятелей США выражалось в первую очередь в представлении таких оценок и прогнозов о политике Москвы (к концу войны все более жестких), которые, по их мнению, наиболее полно отражали интересы США в отношениях с Россией. Рост противоречий между двумя странами по самым различным проблемам послевоенного устройства и, в конце концов, последующее сползание мира к холодной войне невозможно представить и объяснить без учета материалов, появившихся на свет в результате работы Гарримана и его ближайших помощников. Существенным моментом является и тот факт, что в коллекции Гарримана находятся и некоторые копии документов, хранящиеся ныне в Библиотеке (архиве) Рузвельта в Гайд-парке.

В настоящей работе были использованы и многие другие документы из американских архивов и ряд источников отечественного происхождения (прежде всего из Архива внешней политики РФ), касающиеся взгляда США на Россию в годы Второй мировой войны, анализа различных разведывательных и аналитических данных о потенциале СССР, переписки лидеров Антигитлеровской коалиции, некоторых данных советской стороны о характере внешнеполитического курса США, опубликованные в различных документальных сборниках и научно-исторических трудах, о которых будет сказано ниже. Важное место в книге занима-

ют и воспоминания ряда американских и британских политических деятелей о событиях, связанных с сотрудничеством союзников в 1941—1945 гг. и последующим обострением противоречий между западными державами и СССР.

Основные опубликованные источники, касающиеся внешнеполитической деятельности американского президента и Госдепартамента, в том числе на советском направлении в военные годы, представлены в томах «Документов внешней политики США», вышедших в 1950—1960-е гг. Значительным вкладом в изучение событий периода войны стала публикация известным историком У. Кимболлом переписки между Рузвельтом и Черчиллем, в которой обсуждался практически весь комплекс военно-политических проблем того времени, включая и отношения западных держав с Россией. Весьма интересна для разработки темы корреспонденция между Рузвельтом и У. Буллитом, другие документальные работы американских исследователей; в США была также переведена переписка Сталина с Рузвельтом и Трумэнном, опубликованная Министерством иностранных дел СССР¹.

В 2005 году издан труд, содержащий полную корреспонденцию между двумя лидерами в годы войны «Мой дорогой мистер Сталин»². Это первая западная работа, в которой послания публикуются в английском оригинале и с уточненными датами подписания текста. Ее несомненным достоинством являются необходимые комментарии С. Батлер, отражающие исторический фон и важнейшие решения сторон того времени. Предисловие к книге написано известным историком А. Шлезингером (мл.).

В плане изучения активности спецслужб США на советском направлении, которые кроме непосредственно разведывательной и контрразведывательной деятельности занимались подготовкой для американского правительства специальных аналитических материалов о потенциале СССР, его возможных замыслах и альтернативах внешней политики США во взаимоотношениях с Москвой, необходимо упомянуть ряд документальных сборников, посвя-

щенных деятельности Управления стратегических служб США (УСС)³. Публикуемые в них справки, отчеты и доклады весьма интересны и информативны, однако остается далеко не выясненным вопрос об их влиянии на выработку внешнеполитической стратегии Вашингтона, в том числе по отношению к России. Говорить о важности и исключительности того или иного документа из этой серии можно лишь в том случае, если с ним знакомился президент или другие ответственные лица из его окружения.

Сегодня мы не можем сказать, что отечественная и зарубежная историография уже достаточно полно ответила на все вопросы, связанные с истоками холодной войны, понять которые невозможно без учета американских оценок роли России в делах послевоенной Европы, военно-политических и территориальных запросов Москвы. Более изученной здесь может представиться позиция британской стороны. Действительно, благодаря выходу в свет вскоре после окончания войны мемуаров У. Черчилля историки получили возможность подробного ознакомления с его отношением к советской политике, территориальным приращениям СССР и советским акциям в восточноевропейских странах⁴. Однако многие оценки Черчилля носят глубоко личный характер; известно также, что британский премьер имел склонность менять свое мнение о текущих событиях в зависимости от обстоятельств, позиции Вашингтона, а также собственного понимания интересов Британской империи. Динамика взгляда Черчилля на Россию требует еще дополнительного изучения с использованием новых источников. В этом отношении много было сделано официальным биографом премьера и известным историком М. Гилбертом, который опубликовал военную корреспонденцию Черчилля, содержащую, в том числе, его прогнозы будущего взаимодействия СССР⁵.

Любое объективное исследование документов военного времени, вышедших из-под пера Черчилля, невозможно без восприятия того факта, что еще до 22 июня 1941 г. он в целом положительно комментировал выдвижение со-

ветских войск в Западную Белоруссию, Западную Украину и Прибалтику после заключения советско-германского пакта о ненападении 1939 года. Выступая по лондонскому радио 1 октября 1939 г. он, в частности, сказал, что это решение «без всякого сомнения, было необходимо для безопасности России перед немецкой угрозой. Во всяком случае, была занята позиция и создан Восточный фронт, который немецкая армия не осмелилась атаковать». Гитлер представлялся для Черчилля абсолютным злом, грозящим самому существованию Британской империи. Следуя этой логике, британский премьер был готов помогать практически любой стране, вступившей в войну с Германией. В этом отношении угроза коммунизма, с которым он боролся на протяжении многих лет, отходила у него на второй план. Известно памятное выражение Черчилля: «Если Гитлер вторгнется в ад, я, по меньшей мере, выступлю в Палате общин с благожелательными комментариями в отношении дьявола». Примерно в этом же направлении развивались в 1941 г. и мысли Рузвельта. Так, в беседе с бывшим послом США в Советском Союзе Джозефом Дэвисом он бросил следующую фразу: «Я не могу воспринять коммунизм. Этого не можете сделать и вы. Но для того, чтобы пройти по этому мосту, я пожму руку и дьяволу»⁶. Для обоих западных лидеров Россия представлялась тогда в виде хитрого и достаточно мощного оппонента с непредсказуемым потенциалом. Но оппонента такого рода, который не нес непосредственной угрозы независимости англосаксонскому миру и с которым лучше избегать конфликта, используя его силу ради достижения первоочередных целей.

Исследователи не располагают мемуарами Рузвельта, умершего в апреле 1945 г., поэтому позиция президента в отношении СССР, вопросе о советских границах, к «прибалтийской», «польской» и другим спорным проблемам, участию СССР в послевоенном устройстве Европы требует специального анализа, основанном как на архивных документах и мемуарах, так и на многочисленных исследовательских работах, посвященных его деятельности.

При разработке этой темы мы должны учитывать как традиционные принципы американской внешней политики, так и роль отдельных личностей в определении позиции США к России.

Американская (и в целом западная) историография отношений между СССР и США в годы Второй мировой войны, контактов лидеров союзных государств и особенностей политики Вашингтона в диалоге с Москвой в 1941—1945 гг. весьма обширна и многогранна. Прежде всего, следует отметить большой пласт мемуарной литературы государственных, военных и общественных деятелей США, уделявших в своих воспоминаниях существенное внимание оценкам Советского Союза. В этом ряду стоят Г. Трумэн, К. Хэлл, Э. Стеттиниус, Дж. Ф. Бирнс, Г. Уоллес, У. Леги, Г. Икес, Э. Рузвельт, У. Стендли, А. Гарриман, Дж. Дин, Ч. Болен, Дж. Кеннан, Р. Шервуд, А. Даллес и другие⁷. Подавляющее число подобных мемуаров было написано вскоре после окончания войны — в разгар холодного противостояния между СССР и США, поэтому многие оценки действий СССР на международной арене были преимущественно негативными. Несмотря на приводимые в книгах важные факты взаимодействия в борьбе с фашизмом, они служили, прежде всего, обоснованием жесткой линии Вашингтона в отношении Москвы. Были и исключения, например, в работах Р. Шервуда и Э. Рузвельта, представивших объективную картину сотрудничества и поиска взаимоприемлемых компромиссов между СССР и США в 1941—1945 гг. на фоне деятельности в годы войны Ф. Рузвельта и его ближайшего помощника Г. Гопкинса. Труд Шервуда был переведен на русский язык⁸. В целом, несмотря на всю неоднозначность воспоминаний представителей американского политического Олимпа военных лет, они содержат обширный фактический материал о динамике советско-американских отношений 1941—1945 гг., отражают взгляд руководителей США на политику СССР того времени. Эти мемуары оказали и большое влияние на становление «традиционалистского» (или «ортодоксального») направления изучения истоков холодной вой-

ны в США, где основная вина за начало противостояния возлагается на Советский Союз. Более подробно об этом и других направлениях западной исторической школы холодной войны будет сказано позднее.

Работы западных авторов, вышедшие в свет в 1950—1980-х гг. и посвященные советско-американским отношениям, публиковались в условиях холодной войны. Однако, независимо от сделанных в них оценок и выводов, многие из которых, мягко говоря, были не совсем объективными и только обвинительными по отношению к Москве; они вводили в научный оборот значительный пласт архивных документов, упоминали о ранее неизвестных широкой общественности фактах, анализировали детали деятельности самого президента США, Госдепартамента, других американских министерств и ведомств, их оценки военно-политических акций СССР. В этой связи заслуживают внимания работы М. Столера, Р. Гэннона, Р. Мессера, Р. Дивайна, Р. Даллека, Л. Гарднера, А. Полонски и других авторов⁹.

Историки западной «ортодоксальной школы»¹⁰, интерпретируя причины начала холодной войны, действия ее основных виновников, стремясь ответить на вопрос о ее неизбежности и истинных намерениях Сталина, Рузвельта, Трумэна и Черчилля, так или иначе, затрагивали проблему многовариантности американских оценок России в 1939—1945 гг.

Современный историк М. Макколли замечает, что основные положения «ортодоксального» направления были сформулированы еще в знаменитой «длинной телеграмме» Дж. Кеннана от 22 февраля 1946 г. и его статье (подписанной анонимом «мистер Х») «Источники поведения Советов» в июле 1947 г. К концу 1948 г. большинство американских и, в целом, западных политических деятелей восприняли позицию Кеннана, выражавшуюся, прежде всего, в жесткой критике намерений и поведения Москвы на международной арене¹¹. В научной среде аргументация Кеннана была также адаптирована и вскоре нашла выражение в работах историков. Наиболее влиятельными на раннем

этапе холодной войны стали книги таких представителей «ортодоксальной» школы как У. Макнейла и Г. Фейса, позднее А. Шлезингера (мл.), Дж. Комбса и др.¹² По мнению этих авторов, истоки холодной войны лежат в самой идеологии марксизма-ленинизма, в советской доктрине классовой борьбы, предусматривающей распространение коммунистической революции по всему миру, в мобилизации московскими лидерами своего народа против кажущихся им внешних угроз. Советская политика к западным странам представлялась, в этой связи, изначально враждебной, а имевшее место сотрудничество 1941—1945 гг. объяснялось лишь временной необходимостью со стороны Кремля. Отмечалось, что Сталин всегда стремился расширить зону коммунистического влияния, надеясь на ослабление ведущих западных держав в борьбе друг с другом. Нападение Германии вынудило его пойти на временный альянс с Великобританией и США, не забыв при этом свои основные экспансионистские цели. В 1941—1945 гг. Сталин получал огромную помощь от США и Великобритании, без которой война могла бы пойти по другому сценарию, но в конце войны, не удовлетворившись оккупацией одной лишь Восточной Европы, советский лидер задумал прибрать к своим рукам и всю Германию. Дальнейшие его планы, как утверждали историки, распространялись на различные регионы Европы и Азии.

Согласно «ортодоксальной» точке зрения, президент Рузвельт, государственный секретарь К. Хэлл и, до некоторой степени, президент Г. Трумэн и госсекретарь Дж. Бирнс недооценили «потенциально экспансионистскую основу» советской внешней политики. В ходе войны, лелея напрасные мечты о будущей демократизации советского режима, присоединении России к демократическому сообществу государств и опасаясь общественного мнения в собственной стране, не желающего затягивания разрешения проблем о послевоенном устройстве Европы, они уступили Сталину восточную часть континента, оправдывая это тем, что она нужна для обеспечения безопасности СССР.

Более того, замечали историки, американские лидеры не имели ясного представления о характере будущего устройства мира и Европы и, несмотря на предупреждения англичан, шли на долгосрочные политические уступки Москве в обмен на краткосрочные военные выгоды. Заботясь прежде всего о сохранении сотрудничества со Сталиным, они допустили Красную армию в самый центр Европы, признали просоветское правительство Польши, согласились с новыми границами Польского государства, сквозь пальцы смотрели на эксплуатацию СССР своей зоны оккупации Германии. На встрече Совета министров иностранных дел в декабре 1945 г. признали коммунистические правительства Болгарии и Румынии. В целом в работах указанных авторов подчеркивалось, что Советский Союз, хотя и помог западному миру избавиться от угрозы коричневой чумы, во главу угла всегда ставил свои экспансионистские цели. Раздел Европы и начало холодной войны вызревали в ходе самих боевых действий и стали неизбежными после вхождения Красной армии в европейские страны и отказа СССР пойти на действенное сотрудничество с западным миром. Неверные оценки намерений Москвы в европейских и общемировых делах, распространявшиеся в 1941—1945 гг., значительно осложнили положение западных демократий в послевоенном противостоянии с коммунистической Россией. Создание в 1949 г. НАТО стало логичным и неизбежным ответом на экспансионистские устремления СССР, заключали представители «ортодоксальной» школы. В целом подобные оценки роли СССР были отнюдь не удивительными в разгар холодного противостояния двух систем.

Однако с конца 1950-х — начала 1960-х годов в западной историографии, посвященной отношениям между СССР, США и Великобританией во время Второй мировой войны и причинам начала холодной войны, стало развиваться направление, противоположное «ортодоксальному». Оно получило название «ревизионистское». Оценки России, ее роли в войне и делах послевоенного мира продолжали занимать в нем ведущее место. Среди исследо-

вателей этой школы выделяются У.А. Вильямс, Т. Маккормик, У. Лафебер и Л. Гарднер, Г. Колко, Г. Альперовиц и др.¹³ Они полагали, что Советский Союз просто не может быть обвинен в начале холодной войны. Россия, едва избежавшая разгрома в борьбе с Гитлером, понесшая гигантские потери, лежащая фактически в руинах была теперь вынуждена отстаивать свои интересы перед могущественными Соединенными Штатами, национальный продукт которых увеличился за годы войны более чем в два раза и которые приобрели монополию над ядерным оружием. «Ревизионистское» направление выделяет тезис о том, что сталинская Россия 1930-х годов была сконцентрирована главным образом на подъеме своей экономики и модернизации и уделяла лишь опосредованное внимание идеям мировой революции. Гитлеровское нападение на СССР, за которым последовало мужественное и эффективное сопротивление Красной армии немецкой военной машине, сняли с повестки дня угрозу мировой гегемонии стран-агрессоров. Бескомпромиссная борьба на Восточном фронте дала возможность западным демократиям провести спокойную подготовку к высадке в Европе, но в то же время она несла с собой огромные жертвы и разрушения для советских людей. Вполне понятно, что Москва уже в ходе войны ставила перед своими союзниками вопрос о гарантиях своего будущего существования и развития. В целях собственной безопасности она желала утверждения в пограничных с собой странах таких правительств, которые не проводили бы антисоветской политики и искала путей полной ликвидации угрозы со стороны Германии. Подобные цели необязательно означали, что государства Восточной и Юго-Восточной Европы должны были быть советизированы. Более того, Москва сдерживала в конце войны коммунистические движения на западе и юге континента, что предопределило сохранение капиталистической системы в этих регионах еще до начала осуществления «плана Маршалла».

Главная причина начавшейся после войны конфронтации, согласно мнению «ревизионистов», кроется в аме-

риканской экономической и политической системе. Либеральная капиталистическая экономика США нуждалась в резком укреплении своих возможностей в области торговли и инвестиций. В противном случае могли проявиться присущие ей слабости, остановив быстрое поступательное развитие страны. Такой курс требовал и масштабного распространения политического влияния Америки. Историк У. Вильямс подчеркивает и выгодную для Вашингтона политику «открытых дверей», предполагавшую равный доступ США на все иностранные рынки, свободу торговли и ликвидацию протекционистских тарифов. Поскольку Соединенные Штаты являлись ведущей экономической державой, такая политика равных возможностей вела только к усилению американского доминирования в мире — как экономического, так и политического¹⁴. Пропаганда открытого мира, в котором США и СССР будут совместно следить за безопасностью, была отнюдь не ошибкой Рузвельта. В конечном итоге, целью Вашингтона было распространение «*Rex Americana*» на всю планету, где ведущую роль в поддержании порядка принадлежала бы США¹⁵.

«Ревизионисты», говоря о причинах вовлечения США во Вторую мировую войну, усматривают и их желание расширить свое влияние на мировую экономику, не дав Японии и Германии захватить столь необходимые Америке рынки. В ходе войны решалась также и проблема проникновения США в сферу влияния Британской империи, которая считалась одной из самых приоритетных. Что касается негативных оценок Вашингтоном поведения Москвы в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, то здесь также многое зависело от политики «открытых дверей». Этот регион ранее не имел большого значения для США, но новый курс подразумевал активную борьбу и на этом направлении, конечной целью которого должно было стать ослабление России и рост конкурентных возможностей самих Соединенных Штатов.

С точки зрения «ревизионистов» советское руководство не могло терпеть подобную угрозу своим нацио-

нальным интересам, тем более, что экономическое и политическое проникновение США в различные регионы сопровождалось воинственным антикоммунизмом. В ответ, СССР предоставил свободу рук революционным организациям и занялся укреплением своего влияния в тех странах, куда могли проникнуть американцы. По мере того как в Вашингтоне в 1944—1945 гг. все больший вес приобретали лица, придерживавшиеся самых негативных оценок внешней политики Москвы, отношения двух стран продолжали скатываться к конфронтации. Важнейшими вехами на пути к послевоенному противостоянию бывших союзников стал отказ США предоставить СССР большой кредит на восстановление своей экономики, давление администрации Трумэна на Кремль с целью адаптировать политику «открытых дверей» в Восточной и Юго-Восточной Европе, одностороннее решение Вашингтона оборвать поставки в СССР по ленд-лизу сразу после окончания войны, сопротивление американских представителей размерам советских репарационных требований от Германии и прекращение репарационных поставок в Россию из западных оккупационных зон Германии в мае 1946 г., использование Соединенными Штатами своей атомной монополии для получения контроля над экономикой Советского Союза и сопредельных ему стран. Когда же Вашингтон осознал, что Москва не собирается сдаваться и уступать американским требованиям, то приступил к созданию собственной сферы влияния. Его последующие действия привели к окончательному разделу Германии и Европы и жесткой конфронтации двух блоков.

С середины 1970-х — в 1980-х годах в западных странах стало набирать силу новое (компромиссное) направление в исследованиях истоков краха послевоенного сотрудничества стран Большой тройки и начала советско-американского противостояния — «постревизионистское». Относящиеся к нему историки — Дж. Гэддис, Г. Лундестад, А. Стефансон, Д. Ергин, У. Лот, Дж. Херринг и другие¹⁶ — стремились избежать одностороннего обвинения либо

СССР, либо США в срыве сотрудничества и начале холодной войны, рассматривая происходившие события, оценки и решения лидеров государств, в широком историческом аспекте, учитывая многогранный комплекс взаимных отношений и взглядов. «Постревизионистская» школа, многие аргументы которой основаны на более солидной, чем у ее предшественниц источниковой базе, усматривает известную слабость позиций как у представителей «ортодоксального», так и «ревизионистского» направлений. Отмечается, что «ортодоксы» уделяли мало внимания объективным требованиям СССР обеспечения собственной безопасности, тогда как «ревизионисты» не обращали внимания на поведение Москвы в Европе, которое оказывало самое существенное влияние на американскую политику в 1944—1946 гг. В то же время эти историки фактически не имели доступа к советским источникам. «Ортодоксальная» и «ревизионистская» школы не пытались во всей глубине рассмотреть вопрос — было ли начало холодной войны неотвратимо вследствие роста противоречий между двумя различными социально-политическими системами (противоречий, которые обозначились уже по ходу борьбы с общим врагом), либо послевоенной конфронтации возможно было избежать, если бы сигналы, посылаемые сторонами друг другу, прочитывались бы правильно, и реакция на них была бы адекватной? «Постревизионисты», более беспристрастно рассматривая характер сотрудничества Москвы и Вашингтона в 1941—1945 гг., их геополитические интересы и действия, которые могли привести к росту обоюдного недоверия, поставили перед собой и другую проблему (напрямую связанную с взаимными оценками) — оправданно ли было ожидать от России и США правильного и быстрого понимания интересов друг друга в 1941—1945 гг., если до нападения Гитлера на СССР они имели очень незначительный опыт взаимоотношений? Насколько сильно в этом контексте было влияние традиционных взглядов, развивавшихся задолго до 1941 года, но столкнувшихся с необходимостью принять и объяснить союз в рамках Антигитлеровской коалиции?

«Постревизионисты» соглашаются с «ревизионистами», что Соединенные Штаты заняли активную позицию в мировых делах задолго до 1947 г. и показали свою враждебность советским намерениям как минимум еще в 1944 г. Тем не менее, они отказываются говорить об изначальном антисоветизме Вашингтона в делах Восточной Европы. Утвердив в этом регионе западную демократию и свободу торговли, США, в конечном итоге, усилили бы и собственные позиции за счет СССР, но американцы действовали на этом направлении, не представляя в полной мере, как много нужно еще жертвовать ради достижения этих целей. Следствием этого стало признание Вашингтоном подконтрольных Москве правительств в Польше, Румынии и Болгарии. Соглашаясь с «ревизионистами» в том, что прекращение поставок по ленд-лизу стало недружественным шагом со стороны США, «постревизионисты» обращают также внимание на особенности внутреннего законодательства Соединенных Штатов и подчеркивают неоднозначное отношение к СССР со стороны многих конгрессменов. Говоря об участии Москвы в послевоенном устройстве Европы, они не усматривают в действиях Сталина элементы мессианской революционной идеологии, однако замечают экспансионистский характер советского поведения на континенте, который не мог не вызвать ответной и однозначно негативной реакции со стороны Запада.

С конца 1980-х годов, на фоне перемен, происходивших в Советском Союзе, открытия ранее недоступных архивных фондов как в СССР (после 1991 г. — в России), так и в США, интерес историков к проблеме американских оценок Советского государства и его политики в годы Второй мировой войны получил новый мощный импульс. До конца 1990-х годов в Соединенных Штатах и других западных странах вышла масса научных работ, так или иначе затрагивающих тему советско-американских отношений, в том числе столкновение интересов двух стран на европейском пространстве. Были введены в оборот новые источники, посвященные деятельности Ф. Рузвельта, Г. Трумэна, И. Ста-

лина, видных государственных и военных деятелей Соединенных Штатов и СССР, послов США в Москве, записи бесед различных лиц, ответственных за выработку внешнеполитической концепции Вашингтона. Исследователи приступили к более глубокому рассмотрению (и этот процесс сегодня успешно продолжается) всех проблем сотрудничества СССР и США, достижений и просчетов лидеров обеих стран. В работах У. Кимболла, Дж. Гэддиса, П. Бойля, Р. Эдмондса, Л. Гарднера, Д. Мэйерса, Д. Дилкса, Дж. Эриксона, Дж. Харпера, М. Столера, Дж. Робертса, Р. Даллека и других авторов анализируется целая совокупность факторов, влиявших на советско-американское взаимодействие в годы войны; факторов, которые имели геополитический, военный, экономический и идеологический характер¹⁷.

В то же время историк М. Макколи говорит о том, что в «постревизионистском» направлении появилась сегодня еще одна ветвь, к которой он относит, прежде всего, работы Дж. Гэддиса и, очевидно, свои собственные¹⁸. Исходя из этой последней интерпретации событий, связанных с ростом напряженности в межсоюзнических отношениях и истоками холодного противостояния двух систем, США и Великобритания нуждались в годы войны в сталинской России для разгрома Германии и Японии и соответственно строили на этом свою стратегию. Действия СССР помогли достаточно быстро добиться необходимой победы при сравнительно незначительных потерях западных союзников. Однако цена за эту стратегию, которую пришлось заплатить Вашингтону и Лондону, состояла в том, что на международной сцене появилось еще более мощное, но менее понятное тоталитарное государство, управляемое из Москвы. Политика США в отношении СССР с весны 1945 г. может быть определена как политика «сдерживания» (термин Дж. Кеннана), направленная на противодействие намерениям СССР переделать мировой порядок таким образом, что он представлял бы для западных интересов такую же угрозу как гегемония Германии и Японии. В ходе войны Рузвельт, Трумэн и их помощники прекрасно осознавали проблему распространения влияния России в Европе.

В то же время они безуспешно пытались разрешить дилемму — как, оказывая помощь СССР в разгроме Германии, добиться ее подчинения статьям, изложенным в Атлантической хартии 1941 года.

Говоря об американских оценках России в 1941—1945 гг., М. Макколи, в частности, отмечает, что президент Рузвельт в оценках текущей военно-политической ситуации и роли Америки в будущих международных делах оказался опытным последователем идей Вильсона. Он отстаивал необходимость создания новой организации планетарной безопасности, искореняющей старую систему баланса сил. Благоклонно относясь к требованиям Советского Союза в области обеспечения своих насущных государственных интересов, Рузвельт понимал, что «после разгрома Германии силы Советов могут продвинуться в образовавшийся вакуум и даже достигнуть Атлантического океана». Президент считал, что США и Великобритания не смогут вести новую войну против СССР, полагая, что Советский Союз не представляет непосредственной угрозы для Соединенных Штатов, а мир достаточно велик, чтобы в нем смогли ужиться эти две державы. Рузвельт видел в Сталине союзника и в антиколониальном движении. Одной из своих главных задач он считал привлечение СССР к активной работе в Организации Объединенных наций. Однако он не мог открыто согласиться с требованиями советского лидера в Восточной Европе, поскольку это полностью противоречило бы идеям Вильсона¹⁹. Он оказался в тисках — на международной арене он был готов следовать политике, исходящей из существующих реалий, но у себя дома должен был оставаться четким последователем политики Вильсона. Такое поведение было необходимо, в частности, для миллионов граждан США польского происхождения²⁰.

Рузвельт умер, так и не доведя до конца дело объяснения американскому общественному мнению необходимость уступок Советскому Союзу в Восточной Европе. М. Макколи, вслед за Дж. Гэддисом, замечает в этой связи, что на Сталина следует возложить бóльшую ответственность за начало холодной войны, поскольку в тот период, когда

в Белом доме появился новый президент, «именно в силах советского лидера было наладить нормальные рабочие отношения с Соединенными Штатами». Историк добавляет, что ни Сталин, ни Трумэн не хотели начала такого противостояния, но возможно в 1945 году они оба уверовали в то, что именно их системы, в конце концов, окажутся в роли лидеров будущего мира. Плюс к этому на Сталина большое давление оказывала необходимость поддержания своего контроля во внутригосударственных делах, что подразумевало ужесточение отношений с Западом²¹.

В западной историографии не ослабевает интерес к личностям, принимавшим в годы Второй мировой войны важнейшие решения, касающиеся стратегии вооруженной борьбы и характера будущего мирного устройства. Главное внимание приковано, конечно, к Рузвельту, Сталину и Черчиллю. В своем труде «Франклин Д. Рузвельт и американская внешняя политика, 1932—1945: С новым послесловием»²², основанном на большом количестве источников, Р. Даллек попытался доказать, что большинство историков не смогли полностью проникнуть в сущность внешней политики Рузвельта. Исследователи фокусировали внимание на ее недостатках, тогда как оставляли в стороне те сдерживающие факторы, с которыми приходилось иметь дело президенту. Имеется в виду, что Рузвельту всегда приходилось поддерживать баланс и находить компромисс между общественным мнением и направленностью внешней политики. Говоря о механизме принятия им решений в международных делах, Даллек приводит пример, что в предвоенные годы Рузвельт не имел возможности убедить своих граждан в необходимости начать подготовку к войне и оказать помощь потенциальным союзникам. Вместо этого президент вынужден был позволить событиям говорить самим за себя, меняя отношение американцев к происходящему в Европе и Азии.

В другой своей работе «Потерянный мир»: лидерство во времена ужаса и надежды, 1945—1953» Р. Даллек поставил перед собой задачу не обвинять тех или иных лидеров в скатывании к холодной войне, а «подчеркнуть их просчеты

и необдуманные действия, которые вызвали продолжительные распри и страдания». На основе же изучения прошлых ошибок предложить затем «альтернативы, которые могли бы быть применены для более широкой международной гармонии»²³. Тем не менее, автор явно ангажировано относится к действиям Советского Союза и обвиняет прежде всего Сталина в начале послевоенной конфронтации: «отказываясь от предположений, что более сговорчивые действия по отношению к Западу могут привести к долгосрочным хорошим отношениям, Сталин помог погрузить мир в новый виток напряженности и конфликтов, которые грозили миру даже большими разрушениями, чем перенесенные во Второй мировой войне»²⁴. Основную вину советского лидера Р. Даллек видит в желании свергнуть планету в привычную систему противостояния. И если Рузвельт желал видеть будущий мир единым, а сферы влияния считал неизбежным злом, «реальностью, которую пока нет надежды отменить», то Сталин, «независимо даже от ошибок своих западных партнеров, разжигавших его недоверие, был именно тем человеком, кто уверовал, что в послевоенный мир — это продолжение традиционного соперничества между великими державами, то есть то, что стали называть холодной войной»²⁵.

В трудах У. Кимболла, посвященных Рузвельту, Черчиллю и их отношениям со Сталиным, четко прослеживается тенденция заглянуть в глубинные мотивы принятия лидерами Большой тройки важнейших внешнеполитических решений. В работе «Жонглер: Франклин Рузвельт как государственный деятель военного времени»²⁶ историк исследует проблему видения президентом структуры послевоенного мира, разбирая в подробностях характер тех задач, которые он ставил во время Второй мировой войны, суть его далеко идущих политических целей. Исследователь также считает, что в свете происходящих в мире изменений внешнеполитические суждения президента, которые считались мало практичными в годы холодной войны, могут теперь оказаться востребованными. В труде «Сплоченные в войне: Рузвельт, Черчилль и Вторая мировая война» У. Кимболл разбирает непростые отношения между руко-

водителями двух государств, имевших много противоречий, но объединенных общей целью борьбы против агрессоров. Он справедливо критикует Черчилля, который своей оппозицией быстрейшего вторжения в Европу через Ла-Манш, создал много трудностей во взаимоотношениях со Сталиным не только для себя, но и для Рузвельта. Черчилль поддерживал инициативы президента по созданию ООН, послевоенному сотрудничеству великих держав, но ни в коем случае не желал осуществления всего этого за счет ослабления Британской империи и удара по ее интересам на европейском континенте. В то же время Рузвельт понимал, что Москва не потерпит никакого солидного британского присутствия в Восточной Европе. Кимболл замечает, что еще до Ялтинской конференции 1945 года Черчилль с тревогой заключил, что президент США действительно верит, что может вести дела со Сталиным и доверять ему и поэтому согласится на уступки в Польше, Чехословакии и других странах. Не в последнюю очередь в связи с этим, во время переговоров в Москве со Сталиным в октябре 1944 г. и дискуссий вокруг т.н. «процентного соглашения» по Балканам «Черчилль стоял твердо относительно Греции, поскольку считал, что статус Британии как великой державы должен быть подвергнут испытанию»²⁷. Можно согласиться с присутствием в поведении Черчилля сильных имперских устремлений, которых Кимболл не находит в действиях Рузвельта, желавшего, по мнению историка, на протяжении всей войны, прежде всего, сохранения Большого союза. Однако нельзя не отметить, что и для Великобритании, и для США Греция, равно как и Турция, стали вскоре важнейшими опорными пунктами и зонами военно-политического присутствия в непосредственной близости от советских границ и путей выхода ВМФ СССР из Черного в Средиземное море.

Открытие в 1990-х годах новых документов стимулировало в западной историографии продолжение исследований, посвященных причинам послевоенного раздела Европы и началу холодной войны. О том, какую роль в ее

эскалации сыграли противоречия между великими державами по судьбе Германии, говорится в работе Марка Трахтенберга «Построенный мир: процесс европейского урегулирования, 1945—1963»²⁸. Автор разбирает отношение лидеров СССР и США к проблеме сфер влияния, говоря о том, что и Америка, и Россия по окончании боевых действий желали сохранения статус-кво в Европе. Но одновременно задается вопросом, что тогда привело их к конфликту, который едва не вылился в ядерный холокост? Ответ, по мнению Трахтенберга, нужно искать в противоречиях по германскому вопросу, он составляет сердцевину начала холодной войны. Только шаги к разрешению этого вопроса в последующее время смогли поддержать относительно стабильный мир.

Солідные исследования по причинам послевоенного раздела Европы, взаимоотношениям великих держав в период нарастания между ними противоречий в конце Второй мировой войны и в последующие годы проводят американские ученые П. Кеннеди и У.И. Хичкок. В работе под их редакцией «От войны к миру: Измененный стратегический ландшафт в XX веке»²⁹ собраны 11 статей ведущих западных историков международных отношений, в которых разбирается позиция прежде всего США, Великобритании, Франции, Германии по вопросам безопасности, образования на континенте после Первой и Второй мировых войн блоковых систем. К сожалению, роли СССР (России) в происходивших событиях уделяется не столь значительное место. В труде У.И. Хичкока «Борьба за Европу: Бурная история разделенного континента с 1945 г. по настоящее время»³⁰ говорится, в том числе, о влиянии Второй мировой войны на политику лидеров западных стран и СССР, действиям Москвы и Вашингтона по разрешению европейских проблем. Среди прочего историк подчеркивает моменты сопротивления европейцев жестким указаниям со стороны великих держав.

Значению применения США атомной бомбы, ядерному фактору и его влиянию на начало холодной войны посвящено немало исследовательских работ. Хотелось бы вы-

делить в этой связи интересную книгу Р. Лифтона и Г. Митчелла «Хиросима и Америка: пятьдесят лет отрицания»³¹, многие тезисы которой идут вразрез с представлениями о вынужденности тотального уничтожения американским ядерным оружием японских городов ради достижения быстрой победы. Историки, используя многие материалы, ставшие доступными лишь недавно, подвергают критическому анализу действия правительства США по манипулированию общественным мнением сразу после взрывов в Хиросиме и Нагасаки. Они разбирают в этой связи доклады о радиационном заражении, запреты на распространение сведений о разрушениях на земле, обескураживающие дискуссии по поводу альтернатив атомной бомбардировке, ее «военной необходимости», полагая, что атомный удар только частично обосновывался военными факторами. Анализируются действия по засекречиванию в США ученых и всех их документов для того, чтобы предотвратить дискуссии и публикации по ядерной проблеме, исходящие не от военных. Добавляя новые штрихи к портретам политиков и военных того переломного момента истории, авторы пытаются проследить за их мотивами действий, отмечая, что последние не всегда были чистыми и искренними, как это принято думать. Историки рассуждают также о роли Трумэна в вопросе о применении атомной бомбы, склоняясь к мысли, что новый президент был скорее человеком, давшим согласие на этот шаг, чем лицом, настоявшим на таком решении.

К сожалению, не во всех книгах, вышедших в западных странах в 1990-е годы и основанных на новом архивном материале, воссоздается беспристрастная картина событий, связанных с отношениями СССР и США в годы Второй мировой войны и в период начала холодного противостояния. Крах Советского Союза, распад социалистического блока породили у некоторых историков тенденцию отождествлять все эти события с проявившейся сразу после окончания боевых действий враждебностью политики Москвы по отношению к Вашингтону и Лондону, изначальной ущербностью советского внешнеполитического курса на

европейском пространстве. В работе Дж. Л. Гэддиса «Мы теперь знаем: Переосмысление холодной войны»³² с привлечением множества разнообразных источников исследуются события, покрывающие в основном ранний период противостояния сверхдержав на мировой арене. Гэддис говорит о том, что в конце войны Сталин верил в возникновение следующего конфликта между конкурирующими капиталистическими странами, полагал, что рабочие во всем мире будут едины, и что Советскому Союзу нужно только дождаться, когда капиталисты уничтожат сами себя. Советский лидер не сумел осознать, что его агрессивное продвижение в Центральную Европу объединит капиталистические нации против него самого. Автор считает, что если кто и может быть обвинен в начале холодной войны, то это именно Сталин. Тому причиной характер его личности и стиль правления. Несмотря на то, что свои империи после 1945 года были основаны как СССР, так и США, в первом случае это была империя по принуждению, вторая по согласию. То есть Гэддис уверен, что западноевропейские страны активно искали поддержки у США, тогда как в Восточной Европе СССР вынужден был подавлять неизбежное сопротивление советизации. Говоря о ядерном оружии, автор не оставляет без внимания его деструктивное влияние на климат международных отношений, однако, подчеркивает, что оно делало неразумным прямой вооруженный конфликт между США и СССР, даже тогда, когда Америка имела подавляющее превосходство в этом виде оружия над Советским Союзом³³.

В книге Гэддиса можно найти немало важных заключений. Но весьма спорными представляется утверждение об агрессивном характере советского продвижения в Центральную Европу, разоренную войной и получившую свободу именно из рук Красной армии. Именно она внесла решающий вклад в победу над Германией с ее человеконенавистнической идеологией и практикой. Если говорить об противоположности «империй» СССР и США, не следует забывать об экономическом состоянии этих стран в конце войны, возможностях выделять деньги на программы по-

мощи другим нациям, различиях во внутреннем положении самих государств Европы накануне и в годы Второй мировой войны, которое не могло не влиять на характер их режимов и уровень жизни после 1945 г. Монопольное же владение американцами ядерным оружием и дальнейшее форсированное его наращивание даже в условиях испытаний СССР собственной атомной бомбы вылилось в разработку в США целого ряда военных планов удара по Советскому Союзу. Кроме того, отказ Рузвельта официально информировать Москву о ядерных достижениях США не мог не восприниматься Сталиным как явное недоверие, граничащее с возможностью будущего силового давления. Этот момент в причинах свертывания сотрудничества двух стран, взаимных оценок друг друга, причин нарастания конфронтации требует дальнейшей тщательной разработки.

Следуя в русле «постревизионистской» школы изучения холодной войны и стремясь глубже рассмотреть глубинные предпосылки послевоенной конфронтации между великими державами, Дж. Гэддис не останавливается на достигнутых выводах и даже пытается внести в них определенные коррективы. В своей очередной книге «Холодная война. Новая история»³⁴ он не акцентирует внимание на виновности Сталина в начале противоборства западного и восточного блоков, а объясняет происхождение холодной войны столкновением двух принципиально различных представлений о будущем развитии мира и двух теорий организации общества. Хотя его предпочтения очевидны: Запад для него — олицетворение демократии, а Восток — диктатуры и командно-административных методов. Видимо, это не последняя работа известного американского историка, относящаяся к причинам военного сотрудничества и последующего столкновения интересов СССР и США.

В уже упомянутом выше предисловии к изданию в 2005 г. полной корреспонденции между Рузвельтом и советским лидером за военный период «Мой дорогой мистер Сталин» А. Шлезингер (мл.) попытался глубже разобраться в причинах установления тесных контактов между двумя

руководителями, их подходах к послевоенному устройству мира. Он, в частности, замечает, что Рузвельт не питал иллюзий относительно Советской России и не был наивен в ведении дел со Сталиным. И Сталин также не особо доверял президенту. Однако Рузвельт видел в советском лидере того человека, с которым можно работать, несмотря на различия в идеологиях двух стран, руководителя, способного отойти от жестких доктрин. «Решимость Рузвельта искать расположения у Сталина, работать от начала до конца и вместе с ним, — пишет историк, — основывалась на рефлексках проницательности и хитрости искушенного мастера политики. В изменении образа мысли Сталина был единственный шанс для Запада сохранить мир», — заключает он³⁵. Стоит добавить, что в последнем утверждении Шлезингера возможно было проставить более объективные акценты. Поскольку не все зависело только от Сталина, и измененный образ мысли западных политиков также давал шанс СССР, сохранив свою безопасность, участвовать в обеспечении международной стабильности в послевоенное время. Историк обращает внимание на то, что после войны «в условиях разгрома агрессоров, истощения потенциала европейских стран, развала колониальных империй в мире оставались только два государства — США и СССР — которые обладали динамизмом, чтобы заполнить вакуум, образовавшийся после расстройтва прежнего международного порядка. Эти два государства были построены на противоположных и антагонистических принципах, удивительным образом воплощенных в Ф. Рузвельте и И. Сталине. Ни для кого не сюрприз, что произошло в дальнейшем. Напротив, настоящим сюрпризом стало бы отсутствие холодной войны». Говоря о том, что рузвельтовское желание продолжить альянс с Москвой и в послевоенное время наткнулось на тяжелую скалу сталинской идеологии, Шлезингер забывает упомянуть объективный факт распространения коммунистических и левых настроений в Европе под влиянием побед Красной армии, с которыми не могли не считаться западные лидеры³⁶.

Из новых работ западных историков, посвятивших свои исследования непосредственно Ф. Рузвельту, его ближайшим помощникам, а также работе американской дипломатии на советском направлении, следует отметить книги К. Блэка и Д. Данна³⁷. Они очень информативны и помогают глубже разобраться в динамике американской внешней политики и оценок возможностей России в 1939—1945 гг. Отношениям между союзниками по Большой тройке, в том числе СССР и США в 1939—1945 гг., дискуссиям между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем относительно послевоенных границ и будущего устройства Европы, истокам начала холодной войны посвящены коллективные труды под редакцией Д. Рейнольдса «Истоки холодной войны в Европе: Международные перспективы» и под редакцией А. Варсори и Е. Каландри «Неудача мира в Европе, 1943—1948»³⁸. В труде под редакцией Д. Рейнольдса выделяется глава «Большая двойка», первую часть которой, «Соединенные Штаты» (с. 23—52), была подготовлена А. Стефансоном, а вторая «Советский Союз» (с. 53—76) — В. Зубоком и К. Плешаковым. Андерс Стефансон, проводя глубокий анализ западной историографии, посвященной причинам холодной войны, равно как и историк Макколи, пытается глубже разобраться в том влиянии, какие идеи Вильсона оказали на американскую внешнюю политику в годы Второй мировой войны. Владислав Зубок и Константин Плешаков основной упор делают на разборе влияния архивных источников, воспоминаний и устных свидетельств о деталях и характере внешней политики Советского Союза 1941—1953 гг., ставших доступными историкам лишь в последнее время.

В работе «Неудача мира в Европе, 1943—1948» весьма интересна глава, написанная К. Швабе «Соединенные Штаты и Европа от Рузвельта до Трумэна», — хотя многие положения автора и вызывают неоднозначную реакцию. К. Швабе одной из главных своих задач посчитал ответ на вопрос, насколько Трумэн явился преемником внешнеполитического курса Рузвельта, прежде всего в отношении России. Он прослеживает сложную динамику размышлений и оценок

Рузвельта, касавшихся обеспечения послевоенной безопасности, функций «четырёх полицейских», участия США и России в мирном устройстве Европы, и приходит к выводу, что Трумэн во многом следовал в фарватере внешней политики и «универсалистских» идей будущего мироустройства, обозначенных его предшественником. Неудача же послевоенного сотрудничества Соединенных Штатов и Советского Союза произошла как раз вопреки «универсалистским» идеям Рузвельта. Трумэн также стремился, чтобы Европа осталась политически единой и двигалась по пути демократического развития. Но новый президент был вынужден учитывать позицию ведущих специалистов по советским вопросам, государственных деятелей, военных и дипломатов, считавших курс Москвы в европейских делах негибким, антидемократическим и потенциально угрожающим свободам западного мира. Не видя готовности Сталина достигнуть конструктивного взаимодействия по многим «назревшим» и «перезревшим» проблемам, Белый дом встал на путь требования от СССР четкого соблюдения духа и буквы предыдущих договоренностей³⁹.

В русском издании своей монографии «Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. Проблема enforcement в 1942—1945 гг.» итальянский историк А. Дж. Робертис подчеркивает важность изучения исторических примеров взаимодействия США и СССР в годы войны, которые так или иначе будут влиять на будущую политику Соединенных Штатов, России и Европы. Исследуя основные этапы переговоров между США, Великобританией и СССР, предпринятых в ходе Второй мировой войны, ключевые моменты внешней политики Ф. Рузвельта, А. Дж. Робертис вновь обращается к идее американского президента о «четырёх полицейских». По его мнению, обсуждаемый в наши дни тип мирового порядка «вполне соответствует идеям великого президента и его помощников в осуществлении «нового курса», направленного на формирование международной системы, окончательное установление которой должно было произойти в конце переходного послевоенного периода»⁴⁰.

Неоднозначным действиям Белого дома на международной арене в годы Второй мировой войны посвящена и книга Д. Доенека и М. Столера «Дискутируя над внешней политикой Франклина Д. Рузвельта, 1933—1945»⁴¹. Оба автора согласны с тем утверждением, что «если и был президент США, чья политика была противоречивой, то это Ф.Д. Рузвельт... [Она] вызывала и продолжает вызывать напряженные дискуссии». В то же время историки отходят от традиционных, по их мнению, моментов критики президента, к которым они относят обвинения в промедлении в принятии решений, сокрытии своих истинных замыслов, втягивании страны в ненужную войну ради отвлечения общества от домашних проблем, «умиротворении Советского Союза» и т.д. Авторы избегают упрощенного толкования внешней политики Рузвельта, представляя на суд читателя более сбалансированную картину его решений в международных делах. Нелицеприятные заключения остаются. Причем более жестко относится к курсу президента в своей части работы Д. Доенек, обращая внимание на опасные «мелочи» в его поведении. Так, он называет «опасной игрой» убеждение Рузвельта, что он может также хорошо заниматься внешней политикой, как это получалось во внутренней. Особенно это касается взаимодействия со Сталиным. Историк подчеркивает, что президент не любил хозяина Кремля, — он ему не нравился ни как личность, ни как руководитель. Тем не менее, Рузвельт был до нелепости полон оптимизма относительно силы своего очарования и способности воздействовать на партнера по переговорам. Этот оптимизм вел его к выводу, что со Сталиным можно сработаться при новом послевоенном международном порядке, заключает Доенек⁴². В свою очередь, М. Столер, признавая, что президент обладал многими недостатками (включая неискренность и двойную мораль), замечает, что он часто находил самое эффективное из всех возможных решений⁴³. Это утверждение относится и к взаимодействию с СССР в 1941—1945 гг. Можно полагать, что эта новая работа американских историков является еще одним вкладом в развитие «постревизиони-

стского» направления в исследовании отношений СССР—США в годы войны и истоков холодного противостояния в послевоенное время.

В заключение этого краткого анализа западной историографии, посвященной американскому взгляду на Россию в годы Второй мировой войны, реакции Соединенных Штатов на действия СССР в Восточной Европе и, в целом, истокам происхождения холодной войны следует выделить книгу историка разведки США Леонарда Лешука «Оценки советской мощи разведкой Соединенных Штатов, 1921—1946»⁴⁴. Л. Лешук исследует материалы американской военной разведки, донесения послов и военных атташе в Москве, представителей Государственного департамента, находившихся до войны в Риге, касающиеся советского военного потенциала накануне и в ходе отражения нацистской агрессии. Он затрагивает также важнейший вопрос — какое реальное влияние эти донесения, меморандумы и справки, хранящиеся по большей части в специальном отделе Национального архива США (National Archive Research Administration — NARA), оказывали на высшее политическое и военное руководство Америки.

Значительный вклад в изучение внешней политики США 1941—1945 гг. и непосредственно американского курса в диалоге с СССР, альтернатив, имевшихся у Вашингтона и Москвы, в вопросах своего взаимодействия, нараставших между двумя странами противоречий по проблемам послевоенного устройства Европы и в целом мира, внесли российские исследователи. Особо хотелось бы выделить написанные на богатом архивном материале работы В.Г. Трухановского, Г.Н. Севостьянова, А.О. Чубарьяна, В.Л. Малькова, В.О. Печатнова, О.А. Ржешевского, Н.Н. Яковлева, Р.Ф. Иванова, Д.Г. Наджафова, М.М. Наринского, В.В. Соколова, П.В. Стегния⁴⁵. Достижением отечественной историографии можно считать том сборника документов «Советско-американские отношения» за 1941—1945 гг. под редакцией академика Г.Н. Севостьянова. По сравнению с ранее выходившими документальными публикациями и пере-

пиской лидеров двух стран военного времени, настоящий том существенно дополнен архивными материалами, причем многие источники носят уникальный характер⁴⁶. Глубже разобраться в причинах нарастания противоречий между СССР и США и начала холодной войны помогает уже следующий подготовленный Г.Н. Севостьяновым документальный том о советско-американских отношениях, покрывающий период 1945—1948 гг.⁴⁷

Большое значение для изучения уникальной переписки Сталина, Рузвельта и Черчилля в годы войны стало ее новое переиздание (в качестве документального исследования), подготовленное в 2015 году В.О. Печатновым и И.Э. Магадеевым⁴⁸. Заслугой авторов стало то, что они сопровождают переписку «историческим фоном» и содержательными комментариями. В издании представлена информация из 5000 засекреченных прежде документов из Архива внешней политики, Архива Президента Российской Федерации, а также архивов Великобритании и США. Эти материалы помогают нам лучше осознать подоплеку общения лидеров «большой тройки», ее сложный политический и психологический подтекст. Читатели узнают, как создавались и как воспринимались эти послания их адресатами, какое место они занимали в широком контексте союзной дипломатии военных лет.

Многие десятилетия работает над проблемами американо-советских отношений и внешней политики США в целом профессор В.Л. Мальков. Неординарный взгляд на внешнеполитическую концепцию США первой половины XX в., широкое использование неизвестных ранее документов американских архивов, в том числе записей разговоров Рузвельта с его доверенными лицами, яркий стиль изложения материала являются отличительными чертами монографий В.Л. Малькова «Путь к имперству: Америка в первой половине XX века» и «Великий Рузвельт. "Лис в львиной шкуре"»⁴⁹. Неизменно большим вниманием пользуются работы профессора МГИМО (У) В.О. Печатнова. Они знакомят читателей не только с закулисной стороной со-

трудничества между СССР и США в годы второй мировой войны, но подоплекой многих важнейших союзнических договоренностей, в которых так или иначе были представлены интересы Москвы и Вашингтона. Тайные механизмы принятия Белым домом своих решений в 1941—1945 гг. становятся более понятны после введения В.О. Печатновым неизвестных ранее документов, относящихся к деятельности московского посольства А. Гарримана⁵⁰. Книга историка «Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг.»⁵¹ также напрямую касается советско-американского сотрудничества времен войны, причинам его последующего превращения в свою противоположность — холодную войну. Ее ценность состоит прежде всего в том, что автор переосмысливает узловые моменты и малоизвестные эпизоды союзных отношений двух держав, показывает противоречия между Сталиным и Рузвельтом (позднее Трумэном) на фоне работы дипломатии, разведки, военного и политического планирования, пропаганды сторон. Исследование проводилось на базе новых документов из архивов руководителей СССР и США, многие из которых представлены читателю впервые. Книга профессора О.А. Ржешевского, посвященная взаимоотношениям Сталина и Черчилля⁵², содержит около 200 записей бесед, дискуссий и сопутствующих материалов, раскрывающих драматическую картину поисков союзниками согласованных решений, позицию Рузвельта по вопросам советско-американских отношений, записи его переговоров с В. Молотовым в 1942 г.

Пользуются большим вниманием и неоднократно переиздаются книги по истории международных отношений 1939—1945 гг. Н.Н. Яковлева. Многие выводы, которые он приводит в работе «США и Англия во Второй мировой войне»⁵³, продолжают волновать исследователей и в настоящее время. Речь идет об отношении западных союзников, прежде всего США, к росту военной мощи СССР после Сталинграда, причинах и значении поддержки ими эмигрантских правительств европейских стран, ситуации в связи с возможным возрождением к 1945 году т.н. «санитарного

кордона» на границах Советского Союза. Н.Н. Яковлев анализирует факты серьезного опасения правящих кругов Вашингтона и Лондона по поводу распространения среди народов Европы левых настроений, останавливается на роли атомного оружия и его применения в конце войны в процессе ухудшения отношений между союзниками. В книге «Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение»⁵⁴ Н.Н. Яковлев рассказывает о жизни и деятельности американского президента, чья личность, по его мнению, во многом противоречива. Автор излагает суть споров о роли Рузвельта в войне и в послевоенном устройстве мира, воссоздает его живой и яркий политический портрет. В работе «3 сентября 1945» исследуются причины, обстоятельства и последствия американо-японского противоборства в годы войны, но, одновременно, приводятся примечательные оценки Вашингтоном мощи Красной армии, вероятности вступления СССР в войну против Японии. Интересно замечание историка, что во второй половине 1941 года «в правительственных ведомствах США не могли взять в толк, что в Токио куда более трезво оценивали мощь Советского Союза, чем многие политики США. Не вообще, а на основании скрупулезного анализа динамики вооруженной борьбы на советско-германском фронте»⁵⁵.

Сложнейшему германскому вопросу, его генезису и развитию в годы Второй мировой войны и в послевоенное время, дискуссиям представителей великих держав о будущем Германии посвящены работы доктора исторических наук А.М. Филитова. Необходимо выделить его книгу «Германский вопрос: от раскола к объединению»⁵⁶, в которой он на широком архивном материале показывает, как союзники собирались относиться к немецкому государству, что происходило на практике, почему не удалось избежать раскола страны и какой путь пришлось пройти, чтобы Германия вновь стала единой. В ряде своих последующих документальных исследований историк вводит в научный оборот интересные данные о деятельности комиссий Наркомата иностранных дел 1943—1945 гг., зани-

мавшихся вопросами мирных договоров, послевоенного устройства, перемирия и возмещения ущерба Советскому Союзу. Представленные А.М. Филитовым свидетельства обогащают наши знания не только о разработках Московской концепции послевоенного устройства Европы и мира, но и об отношении советской дипломатии к очевидным и гипотетическим планам США и Великобритании. Говоря о работе т.н. комиссии Майского (возмещение ущерба), исследователь, в частности, отмечает, что высшее советское руководство весьма активно обращало на нее внимание. Проблема репараций была весьма актуальной для Кремля. В то же время в записках И.М. Майского и М.М. Литвинова, ряда других дипломатов присутствовал прогноз позиции Вашингтона и Лондона к странам вражеского блока на послевоенное время⁵⁷.

Целый блок неизвестных ранее материалов, касающихся политики советского руководства в период войны и в первые послевоенные годы по отношению к Германии, реакции Кремля на предложения США и Великобритании в германском вопросе, эволюции линии Сталина по проблеме расчленения немецкого государства на отдельные территории представлены в публикации Г.П. Кынина и Й. Лауфера «СССР и германский вопрос. 1941—1949 гг. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации» в 2 томах⁵⁸. Тома являются первым официальным изданием документов политики СССР к Германии на базе российских архивных материалов, осуществленным совместно Россией и ФРГ. Они подготовлены Историко-документальным департаментом МИД России при участии Центра изучения новейшей истории в Потсдаме.

Весьма компетентны и чрезвычайно информативны в плане лучшего понимания характера советско-американских отношений в различные периоды Второй мировой войны статьи и доклады на научных конференциях доктора исторических наук В.В. Познякова. Своей темой исследователь выбрал анализ деятельности советского разведывательного сообщества в западных странах, прежде всего

в США. Оценки советской разведкой политики Вашингтона, влияние ее донесений на позицию Кремля в 1940-х гг. представляют для исследователей большую научную ценность. В монографии В.В. Позняка «Советская разведка в Америке. 1919—1941» впервые в российской историографии целостно рассматривается ранее запретная для отечественных исследователей тема деятельности советских разведывательных спецслужб в США в межвоенный период и накануне нападения Германии на СССР⁵⁹.

Большую и плодотворную работу по изучению холодной войны как феномена международных отношений, в том числе ее важнейших причин, хода и последствий проводит Институт всеобщей истории РАН и его центр по изучению холодной войны, возглавляемый доктором исторических наук Н.И. Егоровой. Одна из работ центра — сборник «Холодная война. 1945—1963. Историческая ретроспектива» на основе новых архивных материалов и с учетом ведущихся научных дискуссий представляет современную интерпретацию основных этапов становления и развития конфронтации между западным и советским военно-политическими блоками, начиная с середины 1940-х годов⁶⁰. Формированию и эволюции внутренней и внешней политики СССР в первое десятилетие после Второй мировой войны, роли советского лидера в этом процессе, причинам конфронтации между союзниками, зарождавшейся еще до окончания глобального конфликта, посвящен сборник, созданный под началом членов редколлегии И.В. Гайдук, Н.И. Егоровой, А.О. Чубарьяна (отв. ред.) «Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы»⁶¹.

Подробный анализ американского и британского взгляда на Россию в годы Второй мировой войны, основанный на изучении многочисленных работ западных историков, представлен в книге профессора А. Уткина «Мировая холодная война»⁶². Автор считает, что для Вашингтона и Лондона Россия была «хороша, сражаясь против Германии в фактическом одиночестве, защищая от нацистского варварства цивилизацию, но недостаточно привлекательна

при обустройстве нового мира. В Восточной Европе американцы усмотрели опасность того, что они назвали советским экспансионизмом... Ради силового противостояния Москве Америка не только разрушила в конце 1940-х годов союз времен войны, но и пошла на крайние меры: заново вооружила Германию, создала Североатлантический союз, постаралась осуществить контроль над мировым экономическим развитием». Книга А. Уткина помогает ответить на многие непростые вопросы, связанные с истоками холодной войны.

Тем не менее, вопрос об американских оценках участия СССР в послевоенном мирном устройстве — в том числе территориальных и политических намерений Москвы на Европейском континенте — во многих своих аспектах нуждается в дальнейшем исследовании. Прежде всего, это касается прогнозирования американскими государственными деятелями будущей роли в мировых делах как своей страны, так и Советского Союза, особенностей их отношения к СССР в различные периоды войны, вариантов участия Вашингтона вместе с Москвой в строительстве новой системы безопасности. Рассмотрение этих проблем тесно связано с продолжением изучения деятельности президентов США военного времени, членов их ближайшего окружения, анализом документов, отражающих динамику суждений Белого дома о взаимодействии с Кремлем и ужесточение американской линии в диалоге с СССР, что стало одной из причин начала холодной войны. Здесь предстоит еще большая работа в различных архивных коллекциях Соединенных Штатов Америки, прежде всего в Национальном архиве США, Отделе манускриптов Библиотеки Конгресса, Библиотеке Ф. Рузвельта, и других хранилищах исторических документов.

Глава I

АМЕРИКАНСКИЕ ОЦЕНКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ И ПОЛИТИКИ СССР В ЕВРОПЕ (НАЧАЛО 1939 — июнь 1941 г.)

1. Основные тенденции американских оценок СССР 1930-х гг.

Общеизвестно, что изоляционистские настроения, вновь взявшие верх в США после окончания Первой мировой войны, во многом определяли политический курс государства и в первые месяцы после начала нового глобального конфликта в Европе в сентябре 1939 г.

Достаточно сказать, что президентская кампания Ф. Рузвельта 1940 г. вряд ли была бы успешной, если бы он выступал с лозунгами скорейшего вступления страны в войну на заокеанском театре военных действий. Общественное мнение Соединенных Штатов (в своем большинстве), равно как и влиятельные политические лидеры страны, были пока не готовы воспринять интернационалистские призывы и осознать теснейшую взаимосвязь сохранения их безопасности, ценностей, да и самой жизни с результатами кровавой борьбы, происходившей за многие тысячи километров от их родных очагов.

Накануне развязывания европейского конфликта, в первой половине 1939 г., в Вашингтоне крайне настороженно относились к постановке вопроса о возможной помощи своим бывшим союзникам в Первой мировой войне — Великобритании и Франции, считая, что США должны избегать такого вмешательства в дела континента, которое ведет в перспективе к полномасштабному участию страны в кровопролитных сражениях. Неоднозначной была позиция самого президента. В некоторых общественных кругах Рузвельта критиковали за усилия, направленные на прове-

дение в жизнь политики разоружения и называли «наивной» его реакцию на агрессивные акции фашистской Италии и нацистской Германии. Однако многие современные американские историки называют такие оценки несостоятельными, говоря о серьезных внутренних препятствиях, с которыми сталкивался глава Белого дома при определении адекватного растущей опасности внешнеполитического курса. Р. Даллек заостряет внимание на том, что руки президента были сильно связаны основными положениями Акта о нейтралитете, давлением со стороны изоляционистов, активистами движения за мир из студенческой среды, различными религиозными группами, особенно католиками⁶³. Кроме того, значительная часть американских деловых кругов оказывала материальное содействие Германии, что во многом было обусловлено структурой монополистических связей. К 1933 г. сложилась разветвленная сеть картельных соглашений между США и Германией, особенно в электротехнической и химической промышленности. Почти 2,5 тыс. авиамоторов в 1933—1939 гг. были закуплены немецкими фирмами в США; ряд германских заводов по производству моторов работали на базе новейшей американской технологии⁶⁴. Нельзя сказать, что финансово-промышленные круги Соединенных Штатов оказывали доминирующее воздействие на политику Вашингтона по отношению к Берлину, но в период укрепления мощи нацистов некоторые из них считали, что финансовая помощь Германии предотвратит наплыв коммунистических настроений на европейском континенте. Все это сдерживало критику фашистского режима. Лишь после того, как нацистское правительство приняло ряд мер для вытеснения американского капитала из экономики Германии, в результате которых инвестиции США сократились с 5 до 1 млрд марок (с 1930 по 1938 гг.), торговые отношения между двумя странами стали приобретать характер «экономической войны». Гитлеровская политика автаркии прямо противоречила проводимому более сильными экономически США курсу на «свободу торговли»⁶⁵. Обострение конкуренции в

экономике и сферах влияния, беспокойство Белого дома растущей экспансией Германии в Латинской Америке усиливало геополитическое противоборство между Германией и Соединенными Штатами на мировом пространстве, к которому теперь добавлялась угроза интересам США со стороны Японии — союзнику Третьего рейха по антикоминтерновскому пакту. Многие государственные и общественные деятели Запада, в том числе и США, понимали, что вновь милитаризованная Германия и ее союзники означают угрозу их интересам и всей системе безопасности в мире. Рост американско-германских противоречий создавал предпосылки для сближения США с Великобританией и Францией. Однако страх перед коммунизмом, ставящим под вопрос существование экономических и социальных основ западного общества, поощрял влиятельные группы западных политиков и промышленников на продолжение контактов с гитлеровским режимом.

Роль Советского Союза в разразившемся перед войной кризисе виделась в Вашингтоне преимущественно с негативной стороны. Отметим, что в то время на Государственный департамент США достаточно сильное влияние оказывали сторонники «жесткой» линии в отношении СССР — Ч. Болен, У. Буллит, Н. Гендерсон и др. США отказывались признавать СССР до 1933 г., но для того, чтобы быть в курсе намерений этого социалистического государства во внешнеполитическом ведомстве США, был образован специальный отдел, занимающийся русскими делами. Большую часть информации о положении в СССР Госдепартамент получал из Риги, которая стала с 1920-х годов ключевым центром исследований, относящихся к Советскому Союзу. В этом городе, который ранее входил в состав Российской империи, было аккредитовано достаточно много американских дипломатов, которые постоянно общались с эмигрантами из России. Многие эмигранты принадлежали в прошлом к высшему сословию империи или имели отношение к ее правящей элите. Понятно, что их мнение относительно большевистской власти было, как правило, отри-

цательным. Взгляд на Советскую Россию из Риги (или как его еще называли «Рижская аксиома») оказывал на протяжении 1920—1930-х гг. значительное влияние на ответственных и политических деятелей США. Для многих из них образ Советского Союза был органично связан с такими понятиями, как «экспансия революции» и «агрессивность» коммунистического режима. Соответственно, идея вступления с таким государством в возможный союзный альянс изначально обрекалась на жесткую критику внутри самой Америки⁶⁶.

Курс Рузвельта на сотрудничество с СССР, логичным следствием которого стало признание Советского Союза в 1933 г., казалось, мог переломить устоявшиеся негативные представления о диалоге с Москвой. В Советской России также связывали определенные надежды укрепления своего экономического и внешнеполитического положения путем более тесного взаимодействия с США. Но, к сожалению, прорыва во взаимоотношениях двух стран, как в области торговли, так и в поддержании международной безопасности, не произошло. Год спустя вопросы о старых долгах Временного правительства, нерешенность проблемы о предоставлении СССР новых займов затормозили дальнейшее сближение двух стран. Крайне негативную реакцию в США вызвали сведения о репрессиях в СССР, жертвами которых пали многие хорошо известные в Америке фигуры из руководства Советского Союза. Даже несмотря на то, что многие частные американские бизнесмены и финансисты продолжали в то время активно работать с СССР, вступившим на путь гигантской модернизации своей промышленности и сельского хозяйства, в большинстве своем политическая элита США видела в Советском Союзе перманентный источник угрозы для соседних стран; а через Коминтерн, находящийся в Москве — и самим Соединенным Штатам. Мнение отдельных лиц о преувеличенности подобных угроз — как, например, Дж. Дэвиса — оставалось в меньшинстве.

Авторы фундаментального труда «1939 год: Уроки истории» подчеркивают виновность прежде всего руководителей Англии и Франции в срыве попыток поставить заслон агрессии фашистских держав, проведении политики умиротворения. Так, Л.В. Поздеева пишет, что западные лидеры не расставались с иллюзорной надеждой достигнуть компромисса с Германией, тогда как их курс «основывался на реальных расчетах... направить фашистскую агрессию против СССР»⁶⁷. Политика же советского правительства, отмечает И.В. Чельшев, была направлена, прежде всего, на обеспечение безопасности СССР и предотвращение войны. Государственное и партийное руководство считало, что враждебное социализму капиталистическое окружение неизбежно предпримет военные акции против Советского Союза. В середине 1930-х гг. стало ясно, что наиболее вероятными противниками в войне выступят Германия, Италия и Япония. В то же время советское руководство считало необходимым укрепить международное положение страны путем расширения связей с неагрессивными капиталистическими государствами, создать на договорной основе систему коллективного отпора агрессии⁶⁸. В 1934 г. СССР вступил в Лигу наций, в 1935 г. им были подписаны хотя и не полноценные, но важные договора о взаимопомощи с Францией и Чехословакией. Но вся политика в области создания коллективной безопасности была подорвана Мюнхенским соглашением 1938 г. Германии, Италии, Франции и Великобритании, по которому от Чехословакии в пользу Германии отторгалась Судетская область. Последующие переговоры дипломатические и военные переговоры СССР, Великобритании и Франции весной-летом 1939 г. к положительному результату создания союза против агрессии не привели. Москва меняла приоритеты и брала курс на соглашение с Берлином ради обеспечения собственных интересов безопасности.

Профессор В.Л. Мальков, характеризуя курс США в кризисный 1939 г., отмечает, что сигналы, шедшие из Вашингтона, воспринимались в столицах Европы и в Токио

как доказательство отстраненности Соединенных Штатов от европейских дел и их незаинтересованности в сотрудничестве с Москвой. «И даже чисто внешне, — продолжает он, — ни захват германскими войсками Чехословакии, ни отторжение Германией у Литвы Клайпеды, ни тем более оккупация Италией Албании не произвели потрясения в США. А одни только словесные осуждения... скорее всего, убеждали фашистских главарей в том, что США намерены оставаться в стороне от европейского конфликта...» Говоря о политике Рузвельта, профессор справедливо указывает на его симпатии к «интернационалистам», противникам курса на умиротворение агрессоров (ближайшие советники президента Г. Икес, Г. Моргантау, Г. Гопкинс, Ф. Франкфуртер), что не мешало ему порой заигрывать с «изоляционистами» (в число которых входили многие руководители Госдепартамента), влияние которых уменьшилось, но осталось весьма значительным на протяжении 1930-х гг. Касаясь взгляда США на роль Советского Союза в разрешении европейского кризиса, В.Л. Мальков замечает, что «в Вашингтоне не было единой позиции в отношении идущих переговоров между СССР, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, а в определенных влиятельных кругах преобладало даже мнение, что они не могут быть полезными. Сказывалось очень сильное влияние той отрицательной реакции общественности на волну политических репрессий, которая захлестнула страну в 1937—1938 гг.»⁶⁹. Нежелание пойти на действенное сотрудничество с СССР выражалось, в том числе, в отказе Рузвельта направить в Москву с миссией Дж. Дэвиса, человека, доброжелательно настроенного к Советскому Союзу. Опасность игнорирования интересов СССР в момент усиления гитлеровской Германии прекрасно осознавалась бывшим послом в СССР. В июне 1939 г. Дэвис предсказывал, что если британский премьер-министр Н. Чемберлен будет продолжать умиротворять Германию, «то старому медведю надоест оставаться мальчиком для битья и он, возможно, заключит мир с Германией на своих собственных условиях»⁷⁰. Однако в Ва-

шингтоне решили не только не посылать в Москву Дэвиса, но и отправить туда в качестве нового посла Л. Штейнгардта — дипломата, не питавшего симпатий к взаимодействию с Москвой. Такие поступки основывались, в том числе, на недоверии к внешней политике Советского государства, различного рода данных о плохой боеспособности Красной армии, слухах о скором развале страны, чуждости для Америки социально-политического строя в СССР. Печать США продолжала распространять негативную информацию о Советском государстве. Доминантой в настроениях американского общества «оставались по преимуществу настороженность в отношении намерений Советского Союза и полярные по своему характеру оценки его роли в мировых делах»⁷¹.

В этой связи нет ничего удивительного в том, что «профессионалы» из Государственного департамента США не были шокированы советско-германским пактом о ненападении от 23 августа 1939 г. и последовавшим вслед за тем вступлением Красной армии на территорию Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, равно как и началом советско-финской войны⁷². В их глазах это лишь доказывало правильность предыдущих прогнозов о потенциально экспансионистском характере советского внешнеполитического курса. Не стоит говорить, что подобные прогнозы строились отнюдь не на глубоком анализе активных попыток Москвы в середине 1930-х годов участвовать в создании системы коллективной безопасности в Европе. Напротив, события конца 1939 — начала 1940 гг. усиливали в Вашингтоне позиции тех влиятельных сил, которые не переставали указывать на опасность коммунистической угрозы, исходящей от Советского государства. Предложенная ими схема восприятия акций СССР была бы почти идеальной, если бы не одно «но» — наличие в Европе и Азии реальных и неуклонно усиливающих свою мощь агрессоров, к тому же уже заявивших свои претензии на мировое господство. Известие о подписании советско-германского договора о ненападении подвигло

Рузвельта обратиться к Гитлеру и его итальянским союзникам с предложением воздержаться от агрессии и содействовать в урегулировании спорных вопросов, однако нападение Германии на Польшу и Вторая мировая война начались, как это было и спланировано в немецких штабах, 1 сентября 1939 г.

Несмотря на распространенное убеждение в агрессивности замыслов Советского Союза, большое влияние на ответственных работников правительственного аппарата в Вашингтоне продолжала оказывать информация о потенциальной неэффективности Красной армии. Достаточно взвешенные и реалистичные оценки, которые выдвигались в начале 1939 г. бывшим послом в СССР Дж. Дэвисом и военным атташе полковником Ф. Файмонвиллом, входили в противоречие с данными, поступавшими из Риги и говорившими о слабости и уязвимости Советской России. Можно сказать, что образ СССР в представлениях американских аналитиков складывался как весьма противоречивый. Однако превалировала тенденция считать его «великаном на глиняных ногах», имевшим дурное прошлое и неудовлетворенные аппетиты в отношении соседей. Еще в январе 1939 г. Э.Л. Пэкер послал из латышской столицы в Вашингтон доклад с записью своей беседы с министром иностранных дел Латвии В. Мунтерсом. Последний, в частности, утверждал, что «Россия слаба и находится в состоянии полной смуты. Трудности внутреннего положения определяют и ее слабость во внешних делах». Мунтерс добавил, что СССР не только не способен вести наступательную войну, но и вряд ли сможет надежно оборонять свою собственную территорию. В случае если Польша выступит на его стороне, то СССР сможет только сопротивляться Германии. Но если поляки встанут на сторону немцев, то Советам придется отдать Германии значительную часть Украины. Интересно, что в докладе упоминалось и об отличном мнении эстонского министра иностранных дел К. Селтера, который считал СССР способным выдержать любую атаку. Но Мунтерс отнесся к этим словам как

к обычной эстонской «переоценке русской угрозы», добавив, что «с 1921 по 1923 гг. Советская Россия казалась неотвратимой опасностью, и все думали, что ее армия пронесется по всей Европе со своей идеей мировой революции. Но затем Россия устала и перестала быть той угрозой, которой являлась ранее. Возможно, то же самое случится и с Германией»⁷³.

Леонард Лешук, историк военной разведки США и исследователь американского взгляда на потенциал Советского Союза в предвоенные и военные годы, замечает, что подобные оценки СССР оказывали определенное влияние на представителей руководства США. В связи с этим достаточно несуразной выглядит вера в слабость СССР, основанная лишь на том историческом факте, что страна, промышленность и сельское хозяйство которой находились в 1920-х гг. в хаотическом состоянии, так и не смогла войти в Европу силой своей революционной инерции. Такие суждения, замечает историк, совершенно не принимали в расчет, что после этого были почти 20 лет форсированного экономического и военного развития государства, и кажется странным использование примера экономически несостоятельного СССР в 1920-е гг. в качестве модели для Германии образца 1939 г., находившейся на этапе экономического могущества⁷⁴.

В заключение настоящего раздела хотелось бы еще раз подчеркнуть то сильное влияние, которое оказывали в предвоенное время на Белый дом изоляционисты. Не следует забывать, что между окончанием Первой мировой войны и развязыванием новой лежал сравнительно небольшой исторический период. Несмотря на то, что президент В. Вильсон предсказывал скорое погружение мира в новый глобальный конфликт, если Америка не присоединится к Лиге наций, Сенат США все равно отклонил это предложение. В межвоенный период Ф. Рузвельту приходилось прикладывать массу сил и энергии, чтобы переломить изоляционистские настроения в Соединенных Штатах. Еще до того, как стать президентом, он писал в 1928 г.,

что, только участвуя в интернациональном сотрудничестве, США «вернут себе доверие мирового сообщества и дружбу»⁷⁵. А. Шлезингер, размышляя над ситуацией, отмечает: «опыт интернационалистского движения, за которым последовало глубокое и страстное воскрешение изоляционизма, навсегда запечатлелось в сознании старых вильсонианцев». Историк приводит весьма показательный пример ожесточенных дискуссий между сторонниками полномасштабного участия Америки в мировых делах и противниками этого курса. Даже после вступления США в мировую войну изоляционисты сохраняли очень влиятельные позиции. Во время выборов в Конгресс 1942 года интернационалисты развернули масштабную кампанию за победу в войне, обрушив основной огонь критики на изоляционистов. Но их ведущие лидеры прошли через первичные выборы. В собственном округе Рузвельта интернационалисты, республиканцы У. Уиллки и Т. Дьюи, противостояли ожесточенному изоляционисту Х. Фишу, но Фиш прошел через первый этап голосования. В конечном итоге лишь 5 из 115 конгрессменов изоляционистов потерпели поражение⁷⁶. Рассуждая о международной обстановке во время предвоенного кризиса, возможном участии США в войне и их важнейших целях, выдвигая послевоенные планы, Рузвельту всегда необходимо было учитывать мнение влиятельных кругов из Конгресса. Тем не менее, президент был полон решимости не допустить повторения событий 1919—1920 гг., отказа Америки от разрешения мировых и, прежде всего, европейских дел.

2. Начало войны и альтернативы американского курса в отношении событий в Европе

Когда в Европе после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. разразилась война, оценки ответственных деятелей в Белом доме всей международной ситуации и роли в ней отдельных стран претерпели значительную трансформацию. Прежде всего, это касалось потенциала Германии, в считанные недели разбившей польскую

армию. В Госдепартаменте и других правительственных ведомствах США стали осознавать, что их страна предстала перед одной из самых трудных задач в своей истории — выбором дальнейшего курса на международной арене, который будет определяющим образом воздействовать не только на внешнюю политику государства в период продолжения вооруженного конфликта, но и подготовит Америку к встрече уже послевоенных проблем политического, экономического и социального характера. Лидирующая роль в оформлении американского взгляда на текущие события в Европе, да и во всем мире, изучении и оценке свершившихся фактов исходя из интересов США и выработке рекомендаций внешнеполитического характера для президента США принадлежала в то время Государственному департаменту и тем новым консультативным подразделениям, которые образовались в его недрах спустя несколько месяцев после начала Второй мировой войны.

27 декабря 1939 г. в кабинете госсекретаря США К. Хэлла собралась группа ответственных работников внешнеполитического ведомства, которые обсудили функции и задачи «Комитета по проблемам мира и реконструкции», задуманного в качестве межведомственной структуры Госдепартамента. На встрече присутствовали Самнер Уэллес — заместитель госсекретаря, Р. Уолтон Мур, Джордж С. Мессершмит, Адольф А. Берл (мл.), Генри Ф. Грэди, Стенли К. Хорнбек, Джей Р. Моффэт, Герберт Фейс, Лео Пасвольский, Грин Х. Хэкворт. Было решено, что в функции Комитета должны входить: 1) анализ базовых принципов построения мирового порядка после окончания войны с первоочередным учетом интересов США; 2) определение политики, которой впоследствии будет придерживаться США для построения такого мирового порядка; 3) исследование предложений, поступающих из различных источников (как официальных, так и неофициальных), относящихся к проблемам мира и реконструкции⁷⁷.

В первую неделю января 1940 г. группа уже упомянутых ответственных лиц с включением в нее Хью Р. Вильсо-

на, Джеймса Данна, других сотрудников Госдепартамента, а также двух лиц, не являвшихся членами внешнеполитического ведомства Нормана Х. Дэвиса и Джорджа Рубли, вновь собралась в кабинете К. Хэлла. В результате был основан «Консультативный комитет по проблемам международных отношений», о котором было объявлено 8 января 1940 г. Его председателем стал С. Уэллес, вице-председателем — советник госсекретаря Х. Вильсон, который в 1938—39 гг. являлся американским послом в Берлине. Функции этого подразделения охватывали те же проблемы, которые обсуждались на встрече в Госдепартаменте 27 декабря 1939 г. Было решено, что Комитет будет иметь два подкомитета — Политический и Экономический.

Наиболее важная работа проводилась в Политическом подкомитете. Она началась с рассмотрения нескольких меморандумов членов Комитета по проблемам международных отношений, в которых рассматривался возможный мировой порядок после окончания войны. Внимание авторов было в то время приковано, прежде всего, к Европе. Напомним, что на Западном фронте шла так называемая «странная война» между войсками англо-французской коалиции и германской армией. После захвата Польши Германия готовилась к новому броску теперь уже против Скандинавских стран, Бельгии, Голландии и Франции. Кроме того, Великобритания вела борьбу с германскими военно-морскими силами на просторах мирового океана. Италия в 1939 г. вошла в союз с Германией, подписав с ней т.н. «Стальной пакт», и оккупировала Албанию. Япония продолжала агрессию против Китая и рассматривала различные варианты продолжения наступления — либо в северном направлении (против СССР), либо в южном (против колониальных владений западных стран в Восточной Азии), что непосредственно затрагивало интересы США. В свою очередь СССР, оставаясь нейтральной стороной в глобальном конфликте, находился в состоянии войны с Финляндией и вел ожесточенные (и пока малорезультативные) бои с финскими частями на Карельском перешейке, пытаясь прорвать «линию Маннергейма».

Имеет смысл привести ряд важнейших выводов, сделанных в то время членами Политического подкомитета. Так, помощник госсекретаря А. Берл, являвшийся специалистом в русских и восточноевропейских вопросах, посчитал нереальной организацию будущего мира как некой «универсальной империи, руководимой либо из Москвы, либо из Берлина». Он сомневался в необходимости участия США в Лиге наций, и делал упор на развитии связей в рамках Панамериканской группы, к которой и принадлежали Соединенные Штаты. В Лиге наций, по его мнению, необходимо было образовать дополнительный и авторитетный орган — нечто вроде аппарата президента или председательствующего со своими представителями в каждом государстве — члене Лиги. Х. Вильсон рекомендовал экономическое взаимодействие США со странами Европы, но отверг возможность каких-либо обязательств Америки, касающихся чисто европейских проблем. По его мнению, европейским странам в будущем необходимо было бы частично отказаться от своего суверенитета ради достижения большей экономической и политической кооперации. Б. Лонг поддержал идею сохранения и взаимодействия между собой после войны региональных организаций (таких как Лига наций), включающих европейские и африканские страны, и Панамериканского союза, представляющего американские государства. Однако он не рекомендовал Соединенным Штатам выступать с предложением о создании какой-либо конкретной организации для будущей Европы, поскольку это повлекло бы за собой определенную ответственность за ее работу. Участие Америки в судьбах европейского континента предполагалось строго лимитировать. Кроме того, члены комитета говорили о необходимости склонить СССР и Японию к признанию необходимости «регионального» ограничения вооружений⁷⁸.

Основной задачей Политического подкомитета было рассмотреть пути выхода из европейского вооруженного противостояния, которые были бы адекватны сложившейся ситуации временного затишья на фронте боевых

действий. Возможные американские инициативы в плане посредничества между противоборствующими сторонами были представлены 20 января 1940 г. в меморандуме Х. Вильсона. Однако еще до того, как меморандум обсудили члены подкомитета, он конфиденциальным образом оказался у заместителя госсекретаря и председателя Комитета по проблемам международных отношений С. Уэллеса. Отношение Уэллеса к посредническим инициативам было негативным по следующим причинам: «1) Приостановление войны на этом этапе войны могло бы зафиксировать германское превосходство в Западной Европе; 2) мир на основе переговоров в сложившейся ситуации был бы осужден огромным количеством американских граждан, которые отнеслись бы к нему как ко “второму Мюнхену”; 3) нескрываемые симпатии американцев в отношении союзников сделают невозможным принятие Германией Соединенных Штатов в качестве посредника в мирном урегулировании; 4) акции посредничества США вместе с другими нейтральными государствами навряд ли могут быть осуществимы по причине их обременительности и растущего осознания нейтралами антагонистического характера войны со стороны Германии; 5) пока еще нет никаких существенных свидетельств того, что либо Германия, либо Франция и Великобритания желают идти на переговоры»⁷⁹.

Тем не менее, зимой и ранней весной 1940 г. правительство Соединенных Штатов желало получить достоверные подтверждения относительно того, возможно все-таки восстановить мир в Европе или нет. С этой целью в конце февраля 1940 г. на континент был послан заместитель госсекретаря С. Уэллес. В течение последующих трех недель он встретился с руководителями правительств Германии, Италии, Великобритании и Франции, равно как и с другими ответственными деятелями этих стран. По возвращению в Вашингтон он подготовил конфиденциальный доклад для президента и государственного секретаря, в котором содержались следующие выводы:

«Я не верю в то, что сейчас существует хоть малейший шанс для успешных переговоров о восстановлении длительного мира, если в основе для их начала будет лежать проблема политического и территориального передела — т.е. “политического мира”, на котором настаивает Муссолини, — либо проблема экономического передела. Эти две проблемы должны быть решены еще до того, как будут найдены пути к мирному урегулированию. Однако они все-таки носят второстепенный характер.

Основная проблема, как мне представляется, есть проблема безопасности, неразрывно связанная с проблемой разоружения. Я полагаю, что все же существует небольшой шанс для начала переговоров о мире, если он был нарушен по причинам, в основе которых лежали вопросы безопасности. Если великим европейским державам — даже за исключением России — возможно будет продемонстрировать практические способы достижения безопасности и разоружения, никакие проблемы политического, либо экономического мира не смогут стать препятствием для переговоров...»

С. Уэллес прекрасно понимал все трудности достижения мира, пока у власти в Германии находится Гитлер. Немецкий народ, по его мнению, жил как будто жизнью людей с другой планеты: «для них ложь стала правдой, зло — добром, агрессия — самообороной». Тем не менее, Уэллес подчеркивал, что, несмотря на все это, действительным требованием немцев является безопасность, желание жить счастливой и мирной жизнью. «Если германский народ, — писал Уэллес, — в этой войне объединен вокруг Гитлера (я думаю, что это большинство народа), то это происходит исключительно потому, что немцы искренне боятся, что на карту поставлена их собственная безопасность. И пока у власти находится Гитлер, единственной слабой надеждой на мир — пока Европа не опустилась в пучину разрушительной войны на истощение — является соглашение между великими державами относительно практического плана обеспечения безопасности и разоружения. Все это

было бы “чудом”, как выразился Чемберлен, который мог бы склонить Великобританию и Францию еще раз на переговоры с Гитлером». Уэллес был согласен также со словами Муссолини, который заметил перед заместителем госсекретаря США, что «никакой народ сейчас не хочет войны».

С. Уэллес не считал возможным, чтобы инициатива такого рода переговоров исходила от Ватикана, который слишком сильно увяз в вопросах политического и территориального характера. Их инициатором не смог бы стать и Муссолини, которого ассоциируют с близким к Гитлеру человеком. Остаются Соединенные Штаты, поддержанные другими нейтральными государствами. И если США решатся на подобную инициативу, то Ватикан и Муссолини должны поддержать Вашингтон⁸⁰.

Следует отметить, однако, что мысли и предложения, высказанные Уэллесом, носили по большей части виртуальный характер, поскольку Рузвельт запретил ему выступать с какими-либо инициативами от США, направленными на «достижение мира».

3. Неопределенное отношение к Советской России, конец 1939—середина 1940 года

В начале Второй мировой войны американское восприятие Советского Союза, его роли и возможностей в европейских делах оставалось неопределенным и противоречивым. В Вашингтон продолжали поступать данные о слабости Красной армии, и многие из них, как и ранее, приходили от американских представителей в странах Прибалтики. После вхождения Красной армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии поверенный в делах США в Риге Джон Уайли передавал в Госдепартамент слова эстонского президента о неэффективности советских вооруженных сил, которые, по его мнению, «не смогли бы даже оборонять Эстонию в случае войны»⁸¹. Насколько искренним был в то время президент Эстонии К. Пятс, остается вопросом. Дальнейшие события 1939—1940 гг., вхождение советских войск на территорию Прибалтики заставля-

ют относиться к его высказываниям скорее как к попыткам получить опережающую политическую поддержку (а, возможно, и военную помощь) от западных демократий. Если подобные утверждения о Красной армии и не рассматривались американскими дипломатами в конце 1939 г. как абсолютно достоверные, то могли повлиять на рост сочувствия к прибалтийским республикам в Вашингтоне.

Члены американского правительственного аппарата, представители Государственного департамента, равно как и разведывательные аналитики, могли искать и находили для своих заключений, как подтверждение слабости, так и силы Советского Союза. Свидетельства слабости можно было обнаружить в недостаточно внушительной демонстрации мощи советских соединений в боевых действиях на оз. Хасан в 1938 г. и в ряде локальных поражений РККА в начавшейся в конце 1939 г. войне с Финляндией. Причины сбоев военного механизма СССР виделись из Вашингтона в масштабных репрессиях командного состава Красной армии 1936—1938 годов, незавершенности ее организационной перестройки, качественном отставании советских типов вооружений от западных аналогов и др. В то же время подобная точки зрения шла в разрез с анализом полковника Файмонвилла, который ранее высказывал мнение, что советские вооруженные силы находятся на достаточно высоком уровне боеготовности и обучения личного состава, а все проблемы, связанные с чистками в армии, были решены уже к 1938 году⁸².

Интересно, что в оценках британской разведки, оказавшей в последующем значительное влияние на становление важнейших структур американской разведывательной службы, также говорилось о больших потенциальных возможностях Красной армии образца 1939 года. Так, в послании, полученном в апреле 1939 г. в Форин офисе от бывшего корреспондента агентства Рейтер в СССР Яна Флеминга (служившего потом в разведке ВМС Великобритании, а после войны написавшего знаменитые романы о Джеймсе Бонде), подчеркивалось, что после революции

три четверти советской страны пребывало в состоянии мобилизации и ее люди были приучены к нужде и лишениям. Флеминг писал об идеологических противоречиях между СССР и западными демократиями, которые проявятся, даже если они станут союзниками. По его мнению, Россия стала бы ненадежным членом альянса и преследовала бы свои собственные интересы. Поэтому любое сотрудничество с Советами нужно строить на основе их реального вклада в общее дело. Тем не менее, взаимодействие с СССР имело бы для союзников огромное стратегическое значение, а устранение угрозы со стороны Германии явилось бы более чем значительной компенсацией России за ее участие в войне⁸³.

Как уже отмечалось, в начале 1940 г. мысли сотрудников Государственного департамента США и, в частности, членов Комитета по проблемам международных отношений, были сконцентрированы в основном на ходе и возможном исходе противостояния англо-французской и германо-итальянской коалиций в Европе. Большие опасения вызывала в Америке и позиция Японии. При анализе роли СССР в европейских делах американские дипломаты, безусловно, учитывали укрепление его военно-политического влияния, которое, по их мнению, могло усилить «агрессивные» устремления Москвы на континенте. Давали знать о себе и прошлые страхи «идеи мировой революции», исходящей от Советского Союза, и желание противопоставить ему достаточные военные силы объединенных стран Запада.

Никто в Госдепе США пока не видел в СССР будущего полноправного союзника в решении всего комплекса проблем международной безопасности, хотя и не сбрасывал его со счетов как потенциального участника переговоров о разоружении и развитии торговли. Советский Союз считался подозрительным и потенциально враждебным государством, действия которого не вписывались в систему ценностей западных демократий. Члены Комитета по проблемам международных отношений в начале 1940 г. от-

нюдь не относили СССР к числу нейтральных государств по причине ведения им боевых действий против Финляндии. В равной мере они исключали из этого списка и Японию, ведущую войну в Китае. Как известно, в период «Зимней войны» США объявили СССР т.н. «моральное эмбарго», практически выражавшееся, прежде всего, в запрете на поставки в Советский Союз материалов стратегического характера и охлаждении с ним дипломатических отношений⁸⁴. Тем не менее, в меморандуме Л. Пасвольского⁸⁵ (Экономический подкомитет) от 2 мая 1940 г. содержалась рекомендация пригласить советское правительство (указывая на то, что подобные приглашения направляются и другим государствам, которые не участвуют в войне) к обмену мнениями по проблемам, касающимся послевоенных международных экономических отношений и практического разоружения. Однако такое приглашение так и не было подготовлено⁸⁶.

В дискуссиях членов Комитета по проблемам международных отношений во второй половине апреля 1940 г. рассматривался и вопрос о возможных агрессивных акциях со стороны России. Причем мысль о реальности подобного развития событий оставалась господствующей. В процессе обсуждения вопроса о местах размещения интернациональных сил после войны было отмечено, что «если мир приведет к достаточному уровню доверия между западноевропейскими странами, по всей вероятности, угроза Западной Европе будет исходить от России. Таким образом, интернациональные силы должны быть как минимум эквивалентны силам Советского Союза и размещены таким образом, чтобы было возможно их стратегическое использование, в случае необходимости, в акциях против СССР. Очевидно, что война может закончиться еще при тех условиях, когда Германия продолжит оставаться величиной, представляющей угрозу, но при этом варианте вся структура, рассматриваемая в настоящем документе, окажется неприемлемой»⁸⁷.

Как бы ни было велико недоверие Вашингтона к Москве, военно-политические события, происходившие в мире, заставляли многих ответственных государственных деятелей США тщательней задумываться над перспективами будущего мирового развития в случае продолжения нацистских побед, глубже осознавать тот факт, что Германия, развязав боевые действия в Европе, претендует в скором времени стать силой, не только блокирующей любое проникновение американского (равно как и британского) капитала на континент, но и, в перспективе, угрожающей позициям США в Новом свете — в странах Центральной и Южной Америки. Восходящая же мощь Японии может потеснить, а затем и вовсе ликвидировать американское влияние на всем огромном пространстве Восточноазиатского региона. В подобной обстановке Рузвельт, зная о том, что подготовка вооруженных сил и всего общества США к большой войне требует значительного времени, не мог полагаться на одних только «старых» союзников Америки. Тем более, что после Франции, в считанные недели разгромленной вермахтом летом 1940 г., среди западных великих держав потенциальным союзником США оставалась одна лишь Великобритания, армия и флот которой были не в состоянии нанести Германии решающего поражения. Советский Союз по-прежнему представлялся широким кругам политической элиты США потенциальным соперником, но взгляд на его роль в разворачивавшемся глобальном конфликте постепенно трансформировался. Появилась идея пожать руку этому непредсказуемому «колоссу» хотя бы по той причине, что у Москвы существовали свои интересы в противовес германским и японским, как в Европе, так и в Азии. Но подняться над традиционными оценками государства, исповедавшего враждебную западному миру идеологию — коммунизм — было весьма сложно для лидера, облеченного в США самыми большими властными полномочиями — президента. На все это требовалось время.

В конце 1939 — начале 1940 г. военное ведомство США, пытаясь сделать прогноз дальнейших военных акций Советского Союза, оставалось недовольным имеющейся у него информацией о мобилизационных возможностях и вооружении Красной армии. Новый американский военный атташе в Москве капитан И. Итон подверг критике данные о советском военном потенциале, которые ранее были получены в Управлении военной разведки от Файмонвилла. Итон считал, что эти данные были основаны на официальных советских источниках, которые содержали много пропагандистского материала (в частности о производстве советских самолетов), и приведенные в них цифры способны ввести в заблуждение американское командование. Он приготовил новую диаграмму роста авиапромышленности СССР, но предупредил, что некоторые сведения могли уже устареть. В целом, Итон отмечал большую степень милитаризации советской промышленности, темпы развития которой определить было достаточно трудно из-за существующей на ее предприятиях секретности. Его слова о том, что практически все отрасли советской экономики так или иначе работают на армию, были весьма впечатляющими. Тем не менее, превалирующим в Вашингтоне оставалось мнение об относительной отсталости советской военной индустрии⁸⁸.

Цифры, касающиеся развития советских вооруженных сил, получаемые военным ведомством США как из посольства в Москве, так и из Риги, часто разнились. Например, в одних документах говорилось о наличии в РККА 8 тыс. самолетов, в других — 10 тыс. и т.д. Интересно, что в Вашингтоне в то время не могли толком определить даже количество собственного оборудования военного назначения, поставленного в СССР в предыдущие годы⁸⁹. В любом случае, данные о возможностях ежегодного выпуска Советским Союзом боевых самолетов, танков, артиллерии, имеющиеся у американской разведки в 1939 — начале 1941 гг., были явно заниженными, и окончательно этот факт был осознан в Вашингтоне лишь после начала германского вторжения

в Россию. Зимняя война между СССР и Финляндией 1939—1940 гг. дала возможность американским аналитикам более обстоятельно рассмотреть состояние и боевую готовность Красной армии, хотя приводимые в то время Управлением военной разведки данные о почти 4 млн советских военнослужащих, развернутых на 500-километровом фронте против финнов, являлись фантастическими. Общее мнение военных дипломатов США сводилось к тому, что РККА показала себя в Зимней войне отнюдь не с лучшей стороны. Потери ее авиации оценивались по некоторым источникам как 10-кратно превысившие финские. Интересно, что выводы о результатах боевых действий Красной армии зимой 1939—1940 гг., приведенные в отчетах некоторых американских военных дипломатов, были сходны по своему характеру с заключениями, сделанными по той же кампании германскими генералами. Военный атташе США в Хельсинки майор М. Стенсет уже в августе 1940 г. отмечал, что «хотя считается, что Россия обладает в первой линии от 10 до 12 тыс. самолетов и имеет от 4 до 5 тыс. танков... весьма вероятно, что германские силы смогут нанести по ней уничтожающий удар и принудить при благоприятных условиях к капитуляции в течение 2-3 месяцев...»⁹⁰

Несмотря на столь низкую оценку потенциальных возможностей Красной армии, многие американские военные полагали возможным сохранение в обозримой перспективе пакта о ненападении между СССР и Германией и вытекающей из этого опасности усиления мощи Третьего рейха за счет поставок советского сырья и других стратегических материалов. В связи с этим считалось вполне вероятным, что одним из возможных вариантов дальнейших действий Англии и Франции в начале 1940 г. станет нанесение ими бомбовых ударов по нефтеносным месторождениям в районе советского Баку⁹¹.

Прогнозы о том, что СССР в состоянии еще планировать совместные с Германией агрессивные акции продолжали распространяться в американском военном ведомстве летом-осенью 1940 г. В докладе Управления военной

разведки США от 10 октября 1940 г. присутствовала ссылка на информацию, полученную британской военно-морской разведкой, что Советы предоставили возможность немецким офицерам осмотреть подходящие места на побережье Берингова моря с целью постройки там баз для подводных лодок. Активность советских военных была замечена и на островах в Беринговом проливе, практически вблизи островов, принадлежащих Соединенным Штатам⁹².

В первой половине 1940 г. в Вашингтоне обсуждали и достоверность сведений о серьезном противодействии, с которыми столкнулась политика Сталина внутри самого государства. Такие данные в Государственном департаменте США были получены, в частности, от Александра Керенского. Но сделать в связи с этим какие-либо прогнозы дальнейшего поведения Москвы на внешнеполитической арене было достаточно трудно, тем более, что бывший глава Временного правительства никак не связывал трудности внутреннего порядка в СССР с его договоренностями с Германией. В целом, представители военно-политического руководства США так и не смогли получить достоверной информации, касающейся влияния внутренней жизни в СССР на его внешнеполитические акции и на этой основе глубже разобраться в мотивах поведения Кремля. Причиной подобного положения дел крылись как в малочисленности аппарата американской разведки (всего 22 офицера в вашингтонском Управлении военной разведки на сентябрь 1939 г.), так и в определенном нежелании разведчиков делиться информацией с людьми, ответственными за принятие важнейших политических решений. Так, отвечая на запрос о деталях советско-финской войны, сделанный в Управление военной разведки в феврале 1940 г. тогда еще сенатором Г. Трумэнном, полковник Маккэйб просил его не разглашать источник информации другим членам Сената, поскольку готовить доклады подобного рода для малочисленного штаба разведчиков было достаточно трудно. Кроме того, специальные службы военного ведомства видели свое главное предназначение в получении и анализе информации, которая предназначалась для использования

непосредственно армейскими и флотскими военачальниками, но отнюдь не теми политическими деятелями, которые были ответственны за принятие решения о начале войны и ее прекращении.

Силы Германии в Европе, а Японии — на Тихом океане уже проявили себя как главная угроза безопасности всему миру, в том числе и безопасности американским интересам. Но государственные деятели Америки в первой половине 1940 г. не пришли к согласованному выводу о том, какова могла бы быть потенциальная роль СССР в разворачивающемся глобальном конфликте. Доклады о Советской России, поступавшие в Управление военной разведки, были во многом противоречивы и неточны. Начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл позднее характеризовал их ценность как «немногим более того, что военный атташе смог бы узнать во время ужина, и примерно то, что обычно узнают за чашкой кофе». Кроме того, как отмечает Л. Лешук, в Вашингтоне отсутствовал здравый и адекватный курс в отношении СССР, позволявший реально оценить его силы и возможности, спрогнозировать его дальнейшее поведение. В итоге Соединенные Штаты двигались к большой войне, практически игнорируя потенциал той страны (России), которая в последующем оказала такое огромное влияние на весь ее ход и конечный результат⁹³. Что касается самого Рузвельта, то его международная политика в большой мере зависела тогда от внутривнутриполитических факторов — и, не в последнюю очередь, от предстоящих ноябрьских 1940 г. выборов в Белый дом. В период 1939—1940 гг. он полагал, что события в Европе являются настолько серьезными, что Америке следует вначале изучить создавшееся положение и одновременно заняться объединением собственной нации для решения текущих экономических и политических проблем. Президент учитывал и тот факт, что в начале сентября 1939 г. от американских граждан в Конгресс поступало более 200 тыс. писем, почтовых открыток и телеграмм в день, и 90% из них содержали строгое неприятие вступления США в европейскую войну⁹⁴.

4. Глобальные интересы Америки и трансформация оценок СССР в результате поражения англо-французской коалиции на европейском континенте

После того как в мае 1940 г. германские войска начали наступление на Западном фронте и поражение англо-французской коалиции стало неизбежным, оценки членов Комитета по проблемам международных отношений Госдепартамента претерпели очередную трансформацию. Угроза становления гегемонии нацистов и их союзников во всей Евразии и Африке, а также опасения их вероятного проникновения в Западное полушарие стали определяющими в суждениях сотрудников внешнеполитического ведомства США. 27 мая 1940 г. Х. Вильсон информировал С. Уэллеса, что в Госдепартаменте была образована межведомственная группа по изучению экономических последствий победы Германии для Соединенных Штатов. Было также предложено расширить Политический подкомитет, который изучал бы именно политические результаты германских успехов. Члены Комитета по проблемам международных отношений вновь собрались в кабинете С. Уэллеса 31 мая 1940 г. Главным в повестке дня был вопрос, как продвижение Германии скажется на: 1) политических взаимоотношениях США с другими американскими государствами, 2) статусе владений союзных и оккупированных Германией стран в Западном полушарии (Карибские о-ва, Гренландия и Исландия), 3) на Канаде и 4) Африке, Индии, территориях в Тихом океане. Уэллес подчеркнул, что победа Германии будет иметь самые серьезные последствия для Соединенных Штатов. Он указал, что «если немцы преуспеют в создании внушительного таможенного и валютного европейского союза, то они смогут диктовать условия, на которых американские государства будут экспортировать свои товары в Европу. Для того чтобы предотвратить их экономическую и политическую зависимость от Германии, США должны будут неизбежно субсидировать экспорт этих государств».

Политический подкомитет обсудил возможную совместную резолюцию Конгресса, в которой было бы указано, что США не признали бы никакой переход территории в Западном полушарии от одного неамериканского государства к другому неамериканскому государству. Если все же такой переход будет совершаться или только намечаться, то США немедленно проведут консультации с другими американскими странами по поводу совместных акций. Государственный департамент исходил из того, что Гренландия является составной частью Западного полушария (хотя к нему не принадлежит Исландия), и что упомянутая выше резолюция не будет препятствовать американским государствам приобретать различные территории у своих союзников⁹⁵.

Далее участники совещания в кабинете С. Уэллеса обсудили положение на Дальнем Востоке. Среди прочих проблем было подчеркнуто, что захват Японией Голландской Индии будет означать дипломатическое поражение США. Уэллес выдвинул предположение, что после приобретения Японией доминирующего положения в дальневосточном регионе восточнее Индии последует непосредственный захват самой Индии. Далее следовал интересный и достаточно важный в плане потенциальных американо-советских отношений пассаж заместителя госсекретаря: «Япония, — подчеркнул он, — надеется, что Германия атакует Россию. В этом случае Япония будет чувствовать себя в состоянии одновременно держать оборону против России и в то же время атаковать Индию. В случае победы Германии флот США должен будет держать оборону собственно американской территории...» Доктор Хорнбек в этой связи отметил, что в плане обороны США против агрессоров на Дальнем Востоке линии коммуникаций японского флота в южной части Тихого океана будут самым уязвимым местом совместного фронта стран «Оси».

Х. Вильсон, видимо под влиянием положения на фронтах войны, счел необходимым поставить перед членами Комитета по проблемам международных отношений во-

прос о переходе ответственности за некоторые отдаленные территории земного шара к другим государствам, «иными словами, передачи ответственности за них от Британской империи к Соединенным Штатам». Общим мнением членов Комитета было следующее: США должны начать приготовления к ведению оборонительных действий; закон о нейтралитете должен быть изменен таким образом, чтобы правительство имело право продавать оружие, которое в данный момент не является необходимым для оснащения собственно американской армии и флота; общественное мнение США нужно склонять к тому, что «наилучший способ избежания войны в течение последующих пяти лет — это совершение действенных акций именно сейчас». В то же время Уэллес подчеркнул, что «несмотря на то, что отправка американских военно-воздушных и военно-морских сил в Европу могла бы стать решающим фактором в развитии военных действий, такое решение невозможно в год выборов ввиду неблагоприятного отношения к ней общественного мнения в США». Он лишь выразил надежду, что мнение американцев в последующем изменится, и это спасет союзников⁹⁶.

Позиция Госдепартамента, и в частности членов Комитета по проблемам международных отношений, находила свое действенное воплощение в конкретных решениях американского правительства. Очевидно, что Рузвельт, внимательно наблюдая за ходом развития военно-политических событий, прекрасно понимал важность разработанных Госдепом рекомендаций политического, экономического и военного характера. Несмотря на то, что еще 3 сентября 1939 г. президент заявил, что сделает все возможное, чтобы США остались вне войны, а 5 сентября подписал акт о нейтралитете, запрещающий экспорт военных материалов в воюющие страны, уже в начале ноября 1939 г. Конгресс не без ведома Рузвельта внес поправки в закон о нейтралитете, отменяющие ряд запретов на продажу оружия. Отныне воюющие страны могли закупать в США необходимые военные материалы за наличный расчет и везти их к себе на собственных судах.

После начала решительного германского наступления на Западном фронте правительство США приняло ряд решений о расширении военного производства и наращивании вооруженных сил. В конце мая 1940 г. штабы армии и флота США завершили разработку плана обороны территории страны, ее владений на Тихом океане и всего Американского континента («Рейнбоу-4»). В начале июля 1940 г. на военные программы Конгресс по инициативе президента выделил более 5 млрд долларов. В середине июля был принят план строительства новых мощных военных кораблей. 16 сентября утвержден закон о выборочной воинской повинности. Все свидетельствовало о том, что США не только не исключают в будущем свое вступление в мировой конфликт, но и готовятся к длительной войне на истощение противников⁹⁷. В то же время, как отмечает профессор В.Л. Мальков, «долголетняя привычка не застревать на текущих делах, “думать вперед”, заглядывая за горизонт, помогала [президенту] не изменять целеустремленности более высокого порядка, нежели сиюминутные, тактические расчеты». Чувство исторической перспективы позволяло ему размышлять об основах безопасности в уже послевоенном мире. Именно поэтому уже 26 мая 1940 г. он обратился к нации с призывом продолжать созидать «новую жизнь для еще не родившихся поколений»⁹⁸.

Об еще не родившихся поколениях американцев и срочных мерах по укреплению американской обороны в связи с расширением германской агрессии размышляли летом 1940 г. и другие высокопоставленные государственные деятели США. Итогом состоявшейся между ними дискуссии стал меморандум «Тотальная оборона», подготовленный 26 августа 1940 г. В сопроводительном письме к меморандуму нет указаний на имена конкретных лиц, обсуждавших тогда важнейшие для страны вопросы, но по характеру самого документа, хранящегося в Национальном архиве США, очевидно, что они занимали самые ответственные и влиятельные правительственные посты. О позиции СССР в будущих событиях в меморандуме не было

сказано почти ни слова, но это и не было целью его составителей. Они мыслили глобальными категориями, исходя из геополитического положения Америки, конкретной обстановки и наилучших вариантов развития войны. В этом отношении документ претендовал на роль своеобразного манифеста руководящей элиты Соединенных Штатов. Многие зафиксированные в нем предложения в последующем были реализованы на практике во внутренней и внешней политике США. Текст документа хорошо передает и моральный настрой представителей американского руководства, особенности процесса разработки ими тех решений, которые наиболее полно отвечали бы будущим интересам Соединенных Штатов. Эти интересы занимали главенствующее место и в строительстве дальнейшей внешнеполитической линии Вашингтона в отношении с Москвой.

«Тотальная оборона означает оборонять самих себя до последней возможности, — подчеркивали составители документа. — Это означает использовать каждую унцию нашей силы и каждую каплю нашей изобретательности...» Констатировался факт, что Америка еще не приложила всех усилий для организации тотальной обороны: «Несмотря на то, что с февраля месяца удалось обеспечить работой 4 миллиона человек, в июле еще оставались безработными 9 миллионов человек...» Признавалось, что «поражение Англии сделает США в индустриальном отношении слабее потенциального противника. Англия является в настоящее время линией фронта в американской обороне. Это дешевле и более эффективней помогать Англии воевать, чем воевать вместе с ней... Мы, — считали члены американского руководства, — должны продолжать помогать англичанам и давать им все необходимое, исходя из наших возможностей... Но мы не можем игнорировать тот факт, что Великобритания может потерпеть поражение и должны быть готовы к последующему развитию событий. Если Англия падет, вся Европа западнее России окажется полностью под управлением Гитлера. Япония могла бы контролировать Восток (включая Голландскую Восточную

Индию), а Россия — оставаться независимой. Фашистские державы, возможно, возьмут под контроль Ближний Восток с его нефтью и другими ресурсами...»

Исходя из этого наихудшего сценария продолжения войны, представители американского руководства производили примерный расчет потенциала США в противоборстве с возможным «Пан-европейским блоком». По большинству основных экономических показателей, прогнозировалось отставание Америки от конгломерата стран, руководимых из Берлина (по углю, железной руде, меди, стали, торговым и военным судам). По людским ресурсам (принимая в расчет только «белое население») отставание было троекратным. В то же время отмечалось, что по производству продуктов питания и бензина американцы будут значительно превосходить упомянутый блок (по бензину на 880%). В отношении электроэнергии соотношение могло быть примерно равным. Из всех этих расчетов следовал важнейший вывод: «Мы должны сделаться сильнее Европы. Имеется в виду, что мы можем сделать себя настолько сильными, чтобы достичь состояния вооруженного нейтралитета между двумя полушариями, где каждая сторона настолько мощная, что не смеет атаковать другую. Если мы полностью используем наши людские и материальные ресурсы, мы сможем добиться превосходства по всем показателям индустриального и военного производства над Пан-Европой. А затем, если мы будем стоять на своей защите достаточно долго, сильные и единые, противостоящая нам система может рухнуть из-за развития в ней внутренних противоречий...»

Составители меморандума указывали на пути и возможности военного и промышленного роста. «Одна четвертая часть нашей потенциальной рабочей силы в городах, — подчеркивали они, — остается безработной или лишь частично занятой на заводах и фермах. Много наших новых машин и технологий нашли пока лишь слабое применение или совсем не используются. Их должное введение в дело смогло бы поднять наше индустриальное про-

изводство намного выше европейского и сделать нас настолько мощными, что никакая другая держава не посмела бы соревноваться с Америкой. Если внутри страны останется недовольная группа, которая тяготится своей безработицей, безработицей, оторванностью от места проживания, — это намного усиливает опасность деструктивного влияния на нас извне. Мы должны также реально учитывать потребности этой группы в нашей американской демократии». В документе подчеркивалось, что государство должно не просто тратить деньги на свою защиту, но и разработать детальную программу «тотальной обороны». Она призвана обеспечить промышленное развитие и сплошную занятость, строительство новых машин и предприятий, быстрое и эффективное обучение новых рабочих и военнослужащих, четкое выполнение всех поставленных задач. В то же время Америка должна избежать ошибок, уже совершенных Францией и Англией, которые старались подготовиться к обороне, не перестроив свою экономику на военный лад, заботясь больше о сбалансированном бюджете, чем о производстве самолетов и танков. Напротив, Муссолини и Гитлер производили вооружение независимо от состояния своей финансовой системы. Они бросили все свои людские ресурсы на производство. То же самое нужно сделать и Америке, которая не должна ставить финансовое благополучие выше задачи «создания эффективной обороны, защиты американских ценностей, надежд нынешнего поколения и свободы их детей и внуков».

В заключении меморандума говорилось, что программа «тотальной обороны» не должна нанести ущерб жизненному уровню американских граждан. Напротив, если государству удастся мобилизовать все свои ресурсы и обеспечить работой незанятых людей, оно станет не только неуязвимым для любой атаки, но и даст своему населению еще более высокие стандарты жизни, чем раньше. Германия уже показала, как она добилась огромного военного производства, используя незадействованный ранее людской и материальный потенциал. США могут сделать это

еще лучше. Америка обладает богатыми ресурсами, сильными умами, истосковавшимися по настоящему делу, миллионами мужчин и женщин, желающих быть обученными и направленными на работу. «Мы имеем народ, — подчеркивали авторы документа, — с нетерпением ждущий, когда его организуют для целей обороны. Все, чего нам не хватает, — это решения двигаться вперед».

Последние слова меморандума напоминали призыв ко всей нации и соответствовали настрою президента Рузвельта и большинства членов его окружения в то сложное и опасное время: «Начало состязания в достижении военного превосходства осталось за Пан-Европой, — заключали руководящие деятели США. — Мы же должны двигаться в этом отношении еще быстрее и мощнее. Все, что мы делаем или готовы сделать, можно отнести к неплохому старту, но это еще далеко от того, что мы смогли бы совершить. Если Англия падет, этого будет крайне недостаточно, раз мы хотим, чтобы демократия продолжала жить»⁹⁹.

Разгром Франции и угроза распространения гегемонии нацистской Германии на Европейском континенте (а в дальнейшем и во всем мире) заставляли Белый дом идти на дальнейшее сближение с Великобританией, нуждающейся в военной и финансовой помощи со стороны США. Но в то же время Вашингтон не терял из виду возможность получить и материальную компенсацию от такого сотрудничества. Практическую реализацию на практике получили рекомендации Госдепа о переходе под протекторат США отдаленных владений некоторых государств, или, как говорил Х. Вильсон 31 мая 1940 г., «передачи ответственности за них от Британской империи к Соединенным Штатам». 2 сентября было оформлено англо-американское соглашение о предоставлении США Великобритании 50 старых эсминцев и некоторого количества другого вооружения в обмен на 8 баз, находящихся на Багамских островах, Ямайке, Тринидаде и других британских владениях в Западном полушарии¹⁰⁰. С одной стороны, приобретение этих баз повышало обороноспособность США, с другой, расширя-

ло сферы влияния Вашингтона за счет Англии, что могло быть использовано в экономических и политических целях уже после войны. Наконец, 11 марта 1941 г., несмотря на сопротивление изоляционистов, Конгресс принял закон о ленд-лизе. Теперь США могли продавать, передавать, давать займы и в аренду оружие и другое военное снаряжение тем государствам, оборона которых, независимо от их платежеспособности, расценивалась как жизненно важная для обороны самих Соединенных Штатов. Первыми странами, получившими помощь от Америки, стали Великобритания и Греция¹⁰¹.

Как отмечает В.Л. Мальков, Рузвельт стремился в то время решительно преодолеть не оправдавшие себя, но все еще живучие в американском обществе идеи изоляционизма, как бы заранее предопределявшие для США занятие позиции «над схваткой». Президент готовил страну к принятию в случае необходимости самых крайних мер, вплоть до вступления в войну с целью воспрепятствовать установлению в мире гитлеровской гегемонии и не допустить в будущем возрождения германского реваншизма¹⁰². С этих позиций Рузвельт рассматривал возможности других государств в ослаблении мощи Германии, корректировке американского политического курса к тем из них, которые в будущем могли оказаться в одной лодке с Соединенными Штатами¹⁰³.

В конце 1940 — начале 1941 г. произошло некоторое улучшение американо-советских отношений, вызванное прежде всего тем, что в Вашингтоне все больше стали рассматривать СССР как потенциальную жертву нацистской агрессии, активные оборонительные действия которой также могли играть важную роль для защиты не только Англии, но и самих США. Многие американские политические деятели еще относились к Советскому Союзу как к союзнику Германии, в то время как другие представители правящей элиты США полагали, что использование Советским Союзом ситуации европейского кризиса обусловлено, прежде всего, интересами его собственной безопасности и бу-

дет ограничено вхождением советских войск на территорию небольших и слабых соседей¹⁰⁴.

Как уже отмечалось, в январе 1941 г. было отменено «моральное эмбарго» на поставки из США в СССР товаров стратегического назначения. Кроме того, в конце декабря 1940 г. окончательно решился вопрос об открытии Генерального консульства США во Владивостоке. Несмотря на то, что до нападения Германии на СССР официальных соглашений о создании американо-советского союза достигнуто не было, обстановка диктовала руководителям двух государств необходимость объединения сил в борьбе против военной угрозы со стороны стран «Оси», что и объясняет столь быстрое сближение их основных позиций после 22 июня 1941 г. С американской стороны первостепенное значение в этом отношении имела позиция президента Рузвельта, хотя она часто и противоречила мнению и суждениям представителей политического руководства США.

Лишь немногие американские аналитики (равно как и британские) усматривали тогда в СССР тот ресурс, который будет способен возвести Россию в конце войны на доминирующие позиции в Европе. Устоявшееся в правительственных кругах мнение о слабости советской военной машины предрекало быстрый разгром Красной армии в случае нападения германского вермахта. Но участвовавшие в начале 1941 г. запросы военного ведомства США к военным атташе с просьбой уточнить возможности сухопутных армий СССР указывали на то, что появилось, по крайней мере, осознание необходимости взять в расчет военный потенциал государства, занимающего 1/6 части земной поверхности. Решительные действия Германии вызывали в Вашингтоне особую тревогу. Ее альянс с Японией в перспективе угрожал жизненным интересам Америки. Но никто пока не заглядывал слишком далеко вперед и детально не рассматривал такую альтернативу послевоенного мира, где присутствовали бы поверженная и ослабленная Германия и мощная Россия, одержавшая победу в глобальном конфликте в союзе со странами западной демократии.

Будет или нет Германия атаковать СССР, и если да, то когда? И что представляет собой в военном отношении Советский Союз? Такие вопросы стояли на повестке дня американских разведывательных аналитиков. Пытаясь учесть всю совокупность доступной информации, Управление военной разведки приходило к заключению, что нападение вполне возможно, если война между Германией и Великобританией приведет к ничейной ситуации. Военное ведомство было слабо подготовлено к ответам на возникшие вопросы, но некоторые гипотезы все же выдвигались. Так, существовала версия, что Сталин готов ради избежания войны с Германией отдать ей Украину и Кавказ, и тем самым, выиграв время, в течение последующих 2-4 лет создать достаточные силы, чтобы стать сильнее Третьего рейха¹⁰⁵. Однако эта гипотеза грешила отсутствием достоверных сведений об экономической географии СССР. Украина и Кавказ являлись важнейшими сырьевыми, индустриальными и сельскохозяйственными районами СССР, лишившись которых он неизбежно столкнулся бы с гигантскими трудностями ведения войны.

Военная разведка принимала к сведению и предположение о том, что Сталину скорее всего выгодно продолжение европейской войны, опять же поскольку через 3-4 года потенциал его армии может оказаться куда более значительным, чем у ослабевших Германии и Великобритании. Такая стратегия Сталина казалась адекватной его военно-политическим целям. 24 мая 1941 г. военный атташе в Москве И. Итон передал в Вашингтон информацию, полученную им от югославского военного представителя в СССР. Югославский офицер утверждал, что «... в одном из разговоров Сталин выдал свое желание, состоявшее в следующем пассаже: поскольку Франция пала, для господства в Европе необходимо, чтобы Соединенные Штаты и Англия оказались способны ослабить Германию, а СССР сможет нанести тогда финальный удар»¹⁰⁶.

Подобная информация подтверждала мысль о том, что СССР стремился к ослаблению ведущих игроков на евро-

пейской арене и выигрышу времени для укрепления собственных сил. Вопросы о вариантах их дальнейшего использования, потенциальной значимости, как для коррекции военных планов США, так и вероятного изменения хода войны, оставались фактически без ответа. Американским специальным службам пока не доставало для этого ни сил, ни необходимого опыта. Более искушенный британский разведывательный аппарат, имевший и значительно большие возможности, и практику, и солидное финансовое обеспечение, приходил на помощь своим американским коллегам. Не без участия представителей английской военно-морской разведки перед Вашингтоном был поставлен вопрос о централизации обработки разведданных, поступающих в США. Летом 1941 г. было рекомендовано создание Объединенного разведывательного комитета армии и флота США — аналога британского Объединенного разведывательного комитета (JIC)¹⁰⁷. У. Доно-ван, будущий директор Управления стратегических служб, созданного в 1942 г., еще в июле 1940 г. совершил визит в Великобританию. Вопросы, которые обсуждались им с англичанами, несомненно, затрагивали оценку потенциалов Германии и России.

Глава II

НЕУДАЧНИК ИЛИ ВАЖНЕЙШИЙ СОЮЗНИК (ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕАЛИИ СОЮЗА С РОССИЕЙ, июнь 1941 — конец 1942 г.)

1. Прогнозы советского потенциала и возможности долгосрочного взаимодействия с СССР

Накануне нападения Германии на СССР Государственный департамент США полагал целесообразным не обнадёживать СССР никакими политическими обещаниями в случае развязывания против него военной агрессии. В меморандуме Отдела европейских стран Госдепартамента от 21 июня 1941 г. говорилось: «1) Мы не должны давать СССР никаких советов, если только СССР сам не обратится к нам за ними... 3) Если советское правительство прямо обратится к нам за помощью, мы должны... ослабить ограничения на экспорт в Советский Союз... 6) Мы не должны заранее давать никаких обещаний Советскому Союзу в отношении помощи, которую мы сможем оказать в случае германо-советского конфликта, и не будем принимать на себя никаких обязательств в отношении нашей будущей политики к России...»¹⁰⁸

Тем не менее, 23 июня — на другой день после нападения Германии на СССР и произнесенных по радио слов У. Черчилля о решении правительства его величества оказать всю возможную помощь России — заместитель госсекретаря США С. Уэллес заявил, что «Если бы еще требовались какие-либо доказательства истинных целей и планов нынешних руководителей Германии достичь мирового господства, то такое доказательство дает предательское нападение Гитлера на Советский Союз», «любое сплочение сил против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорит конец лидеров нынешней Германии и поэтому выгодно для нашей собственной обороны и безопас-

ности. Гитлеровские армии являют сегодня наибольшую опасность для американцев». Однако Уэллес в то же время указал, что «для народа Соединенных Штатов... принципы и доктрины коммунистической диктатуры являются совершенно неприемлемыми. Они такие же чуждые американским идеям, как и принципы и доктрины нацистской диктатуры»¹⁰⁹. Это заявление было, естественно, сделано не без ведома Рузвельта, который 24 июня выразил поддержку борьбе России против агрессии, огласил решение правительства о предоставлении ей всей возможной помощи, хотя не уточнил характера этой помощи и отказался комментировать вопрос о вероятности включения СССР в систему поставок по ленд-лизу¹¹⁰. Как отмечает Р. Шервуд, «в то время Рузвельт верил в политику “поспешать медленно”. Черчилль сказал свое слово, и не могло быть сомнений, что Рузвельт поддерживает его. Однако прежде чем предпринимать открыто меры для помощи России, он хотел знать, во-первых, в чем она нуждается и, во-вторых, как можно организовать доставку...»¹¹¹

Осознание критического значения России для существования самих западных демократий получило отражение и в американской прессе. 26 июня «Нью-Йорк Таймс» писала: «Не должно быть сомнений относительно того, что быстрая и полная победа Гитлера в России была бы величайшей катастрофой для Англии и Америки. Она дала бы ему возможность противостоять британской блокаде, обеспечить на годы нефть и продовольствие, создать в России вассальный режим, завладеть Индией и нефтеносными районами Ближнего Востока, заключить союз с Японией для захвата Китая и создания угрозы Соединенным Штатам со стороны обоих океанов»¹¹². Но у некоторых американских политических деятелей прагматизм в понимании национальных интересов Америки тесно переплетался с эгоизмом. Они рассчитывали, что Америке выгодно затягивание кровопролития на Восточном фронте, которое в перспективе ведет лишь к укреплению мировых позиций США. Так, хорошо известно заявление сенатора и будущего

президента США Г. Трумэна: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Германии ни при каких обстоятельствах»¹¹³. Тем не менее большинство государственных деятелей США отклонили позицию этой части истеблишмента. Их аргументы были реалистичны — успешное сопротивление Красной армии является одним из важнейших факторов в деле отстаивания независимости и интересов их собственной страны. Военный министр США Г. Стимсон писал в то время, что нападение Германии на СССР — это «дар неба», и возникшую передышку необходимо максимально использовать для осуществления американской программы перевооружения¹¹⁴.

Оказавшись перед лицом общего врага, ответственные государственные деятели США и Великобритании были заинтересованы в организации действенного сотрудничества с СССР, хотя они не скрывали свое неприятие идеалов советской системы. Известно, что в первый период Великой Отечественной войны многие руководящие лица в Вашингтоне и Лондоне довольно скептически относились к возможности эффективного сопротивления Красной армии германскому вермахту. Военное ведомство США полагало, что Германии потребуется для разгрома России минимум месяц, а максимум 3 месяца¹¹⁵. Оценки стали меняться после визита в СССР в конце июля 1941 г. и встречи со Сталиным личного представителя Рузвельта Г. Гопкинса. Помощник президента увидел в Москве готовность сражаться, «безграничную решимость победить» и призвал Рузвельта к самой активной помощи СССР¹¹⁶. Обращаясь к Гопкинсу, Сталин сказал, что Россия прежде всего нуждается в зенитных орудиях, авиационном бензине, алюминии для производства самолетов. «Дайте нам зенитные орудия и алюминий, и мы сможем воевать три-четыре года»¹¹⁷. Гопкинс, конечно, не видел настоящего фронта в России, но его вера в способность русских к сопротивлению возникла в том числе под влиянием

характера самих просьб Сталина. Если бы советский лидер собирался сдаваться, он не просил бы о первоочередных поставках алюминия, необходимого для сложного и трудоемкого процесса производства боевых самолетов. Позднее Гопкинс писал о своих московских переговорах в журнале «Америкэн»: «...Иосиф Сталин знал, чего хочет, знал, чего хочет Россия, и он полагал, что вы также это знаете... Его вопросы были ясными, краткими и прямыми. Как я не устал, я отвечал в том же тоне. Его ответы были быстрыми, недвусмысленными, они произносились так, как будто они были обдуманы им много лет назад... В Соединенных Штатах и в Лондоне миссии, подобные моей, могли бы растянуться и превратиться в то, что Государственный департамент и английское Министерство иностранных дел называют беседами. У меня не было таких бесед в Москве, а лишь шесть часов разговора. После этого все было сказано, все было разрешено на двух заседаниях»¹¹⁸.

Сведения, поступавшие в США из России в первые месяцы войны, подтверждали официальную немецкую информацию о том, что Красная армия понесла жесточайшие потери. Но сила ее сопротивления не только не ослабевала, но, напротив, возрастала. В Вашингтон приходила информация и о том, что СССР располагал значительными экономическими ресурсами для продолжения ожесточенной борьбы.

В меморандуме Дж. Т. Робинсона координатору информации при президенте США полковнику У. Доновану¹¹⁹ от 12 сентября 1941 г. давалась предварительная оценка потерь индустриальных возможностей Советского Союза, произошедших в результате продвижения фронта на восток летом 1941 г. Данные базировались в основном на официальных материалах советского правительства, но в их обработке и анализе участвовали также департамент торговли США, получавший информацию от американского консульства в Москве, и другие правительственные ведомства¹²⁰.

Экономические потери СССР были согласно этим сведениям огромны, но в то же время оставляли вашингтон-

ским аналитикам надежду на продолжение сопротивления Красной армии в ближайший обозримый период. Потери угля к тому времени определялись ими как незначительные; нефти (сырой и очищенной — так же, как не существенные; электроэнергии — существенные, но не фатальные; железной руды — около 3/5; железного лома — тяжелые, но не фатальные (между 1/4 и 1/2); стали — тяжелые, но не фатальные (между 1/5 и 2/5); марганца — около 1/3; никеля — не фатальные; алюминия — около 3/5; меди — не существенные; машиностроения и других металлообрабатывающих отраслей — возможно 1/4 (см. док. № 1)¹²¹.

Данных о потерях и количестве остающихся запасов военного имущества, снаряжения, самолетов, других видов боевой техники, в том числе танков, в меморандуме представлено не было. Но из него вытекало, что даже такую ослабленную страну, какой представлялся СССР в начале осени 1941 г., преждевременно относить к числу неудачников, присвоив ей очередной номер среди жертв германского вермахта. Оказываемое Красной армией сопротивление объективно создавало из СССР важнейшего союзника, как для Великобритании, так и Соединенных Штатов. Для самого Рузвельта еще одним, хотя и косвенным, подтверждением весомого потенциала Красной армии служила информация от Гарримана, полученная последним во время совместного визита с английским представителем Бивербруком в Москву в конце сентября — начале октября 1941 г. Так, во время приема англо-американских гостей в Кремле, Сталин сказал помощнику президента США: «Если бы Гитлер дал мне еще только один год...»¹²² Можно предположить, что советский руководитель имел в виду, что Гитлеру не удалось бы тогда продвинуться столь далеко на восток.

После окончания трехсторонней конференции в Москве, 13 октября 1941 г., Гарриман выступил в эфире радиокomпании «Си-Би-Эс», где попытался объяснить американским слушателям, почему «проходит неделя за неделей, а русские продолжают сражаться, сдерживая огромную германскую военную машину? И все это вопреки оценкам на-

ших военных экспертов, утверждавших ранее, что русские будут разбиты в самое короткое время...» Специальный представитель президента США пояснил, что он и Бивербрук имели дело непосредственно со Сталиным, и советский руководитель был откровенен с ними. Переговоры об организации военных поставок в СССР привели к важному взаимопониманию. Кроме того, членам английской и американской делегации удалось посетить те предприятия, которые они запрашивали. Гарриман особо подчеркнул, что «все эксперты говорят в один голос, что последнее поколение русских произвело на свет первоклассных механиков... Заводы оснащены по последнему слову техники, с использованием на них лучшего американского оборудования. На них хорошо налажена организация всего производства. Лучшей работы я еще нигде не видел...» Гарриман рассказал также об увиденных им отличных аэродромах, на которых трудились «опытные, изобретательные, находчивые и сильные духом люди», о том, что «русские летчики учатся летать на американских самолетах также быстро и грамотно, как наши собственные или английские пилоты». Представитель президента делал вывод — Россия успешно воюет с Германией не в последнюю очередь из-за того, что «научилась работать с машинами» и американцам не нужно бояться за то, что случится с их оборудованием, самолетами, танками, которые будут поставляться в СССР. Кроме того, Гарриман заострял внимание на том, что русские обладают большим людским потенциалом и духовной силой, а «Сталина сейчас волнует только одна забота — это русская нация... Его, конечно, интересует, как русские будут развивать отношение в Британской империей и Соединенными Штатами, и он уверен, что мы найдем общий базис для того, чтобы работать вместе...» «Если русские солдаты, русские летчики будут продолжать получать необходимые им орудия, танки, самолеты, они будут продолжать бороться с врагом. Мы не знаем, где проходит фронт в настоящую минуту. Мы не знаем, где он будет проходить завтра. Но я убежден, что, получая оборудование и военные материалы, Россия будет сражаться» (см. док. №. 2)¹²³.

Со своей стороны, президент уже 1 августа 1941 г. на встрече с членами своего кабинета подверг их жесткой критике за отсутствие реальных мер по поддержке Москвы, говоря о том, что «прошло уже почти шесть недель с того момента, как Германия напала на Советский Союз, но мы не сделали практически ничего, чтобы обеспечить доставку необходимых русским материалов через Сибирь». Интересно, что в подготовленном им меморандуме по итогам этой встречи проскальзывают нотки, относящиеся не только к конкретным военным поставкам, но и затрагивающие морально-этический вопрос взаимодействия с СССР. Этот документ президент направил непосредственно У. Кою, одному из самых уважаемых администраторов в Вашингтоне. Кой заменял Г. Гопкинса в вопросах организации помощи России в период визита последнего в Москву. Несмотря на тяжелейшее положение Красной армии и неясность перспектив войны, Рузвельт поднял проблему доверия к руководству США со стороны Москвы. Как представляется, он делал это с учетом будущих перспектив сотрудничества, понимая, что вскоре предстоит решать множество сложнейших вопросов взаимодействия, и чтобы завоевать доверие русских, необходимо, чтобы они считали американцев честными людьми: «По правде говоря, — отметил он, — если бы я был русским, то наверняка чувствовал бы сейчас, что американцы просто-напросто обводят меня вокруг пальца (...)»¹²⁴ (см. док. № 3).

* * *

Исследователь международных отношений военного времени и причин холодной войны Мартин Макколи отмечает, что одним из результатов визита Гарри Гопкинса в Москву летом 1941 г. стала договоренность между США и СССР создать мощный противовес Германии, которая рассматривалась обеими державами как самая большая угроза человеческой цивилизации. Последствия этого решения выходили далеко за рамки текущей военной стратегии. Разгром Третьего рейха должен был неизбежно повлечь за

собой образование в Восточной и Юго-Восточной Европе определенного вакуума силы. И европейское будущее во многом зависело от того, кто впоследствии заполнит этот вакуум. Однако Макколи подчеркивает, что «тогда в Лондоне и Вашингтоне пока мало кто думал о том, как будут развиваться события после войны. Основные мысли лидеров Великобритании и США были заняты проблемой разгрома агрессоров, остальные вопросы имели для них второстепенное значение»¹²⁵.

Тем не менее, Рузвельт как дальновидный политик уже в то время размышлял о перспективах дальнейшего сотрудничества с СССР, и его суждения не были однозначными. Президент верил в возможность срыва германской агрессии, и уже летом 1941 г. размышлял над тем, что может произойти, если Красная армия вступит в пределы Европы. В конце июня 1941 г. он направил послание своему доверенному лицу адмиралу У. Леги, на тот момент послу США при вишистском правительстве Франции. Говоря о том, что теперь настал черед России, президент задавался вопросом и сам на него отвечал: «Если это будет означать нечто большее, чем только освобождение Европы от нацистской оккупации — и в то же время я не думаю, что мы должны волноваться за возможность русского доминирования»¹²⁶. Он продолжал придерживаться мнения, что Советский Союз являлся диктаторским государством, экономика, культура и идеология которого были не приемлемы для жизненных ценностей американцев. К тому же он не мог игнорировать жесткие оценки Советской России со стороны членов правительства и Конгресса. Однако в ряде существенных аспектов его суждения о СССР значительно отличались от мнения многих политических деятелей США. Прежде всего, он проводил четкую грань между советским режимом и нацизмом. Гитлеровский рейх, по его мнению, был в несравнимо большей мере ориентирован на экспансию, чем СССР, что давало надежду на постепенный отказ Москвы от поддержки коммунистического движения во всем мире, посредством уважительно-

го восприятия в будущем ее законных интересов в области безопасности. Считалось также, что окончание войны Советский Союз почти наверняка встретит экономически ослабленным, стоящим перед гигантскими проблемами восстановления своего разрушенного хозяйства. Поэтому, если к тому времени удастся погасить советские подозрения относительно намерений капиталистического Запада, то энергия СССР могла бы быть перенацелена в направлении реконструкции собственной территории¹²⁷.

В конце лета — начале осени 1941 г. у Рузвельта сложилось и стало расти убеждение в необходимости вести переговоры с Москвой на самом высоком уровне — непосредственно со Сталиным, избегая преград, устраиваемых бюрократией. Рузвельт понимал, что экономическая мощь Соединенных Штатов является его надежным козырем в ведении дел с советским руководителем, который в ней все более будет нуждаться. Еще одним козырем Америки вскоре стал «Манхэттенский проект» — работы по созданию в США атомного оружия. В любом случае, на начальном этапе войны Вашингтон в кратчайшие сроки пришел к ясному пониманию необходимости сотрудничества с Москвой с целью разгрома агрессоров. Кроме того, у него имелся солидный запас возможностей, которые, как тогда казалось, могли воздействовать на будущее поведение Советского Союза в европейских и общемировых делах. Заранее обозначать в этих условиях сферы своих политических, военных и экономических интересов, считали в Вашингтоне, было не в интересах США, поскольку с течением времени американские позиции по отношению к СССР могли оказаться еще более прочными. Преждевременный раздел мира (и в первую очередь Европы) на зоны, блоки и сферы влияния мог осложнить, а то и вовсе поставить непреодолимый заслон проникновению американского капитала в тот или иной район планеты и ограничить выгоды, которые могла бы получать экономика США благодаря политике «открытых дверей». Блоковое размежевание и четкое определение границ влияния было поэтому крайне неже-

лательно для Рузвельта и могло быть одобрено им только в случае обострения противоречий между западными союзниками и СССР. Последнего следовало по возможности избегать, поскольку это вело к риску эскалации нового силового противостояния.

В августе 1941 Рузвельт и Черчилль подписали Атлантическую хартию, двумя первыми пунктами которой были следующие: «1. США и Великобритания не стремятся к территориальным или другим приобретениям. 2. Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов»¹²⁸. Несомненно, что, обсуждая с британским премьером контуры будущего мира, президент стремился к созданию после войны такого порядка, который был бы свободен от страха и насилия, где государства-агрессоры в любом случае были бы принуждены к соблюдению правил цивилизованного существования на планете. Однако оставалось неясным, например, какие намерения в отношении будущих границ России существовали в тот момент у лидеров США и Великобритании. Не была ли Хартия своеобразным сепаратным соглашением, которое, подчеркивая общность военных, территориальных, экономических и, в целом, геополитических целей двух стран, в то же время предоставляло им свободу рук в определении будущего отношения к интересам (в том числе территориальным) других государств? В конце концов, почему, заявляя о своей позиции в территориальных делах, Вашингтон и Лондон (у последнего, кстати, было немало проблем в своих колониях), не только не проконсультировались с Москвой, но даже ни разу не упомянули о ее интересах в процессе обсуждения статей Хартии в бухте Арджентия? Считали ли они, что в будущем СССР уже вряд ли займет место среди мировых держав, либо готовили официальное обоснование для неприятия его требований в случае поражения стран «Оси»? В сентябре 1941 г. Советский Союз заявил, что выражает свое согласие с основными положениями Хартии, хотя это отнюдь не означало, что

он согласен на пересмотр своих границ по состоянию на 22 июня 1941 г.

Трехсторонняя встреча в Москве в сентябре-октябре 1941 г. и достигнутые на ней договоренности о военных поставках в СССР открыли новую страницу в межсоюзнических отношениях. 7 ноября Рузвельт официально одобрил распространение закона о ленд-лизе на Советский Союз. Обещание весомой американской помощи свидетельствовало о возросших надеждах Вашингтона на боеспособность Красной армии, что, в свою очередь, должно было дать новый импульс американским аналитическим разработкам о месте и роли России в послевоенном устройстве Европы. Но здесь в дело вмешался очередной военный кризис на Восточном фронте — начало германской операции «Тайфун» с целью взятия советской столицы.

7 октября 1941 г. немцам удалось окружить несколько советских армий под Вязьмой и Брянском, более полумиллиона бойцов РККА оказались во вражеском плену. В обороне Красной армии на московском направлении образовалась 500-километровая брешь, закрыть которую могли пока только немногочисленные резервные части и курсанты военных училищ. Судьба не только столицы, но и во многом страны висела теперь на волоске, и практически все зависело от мужества воинов, вставших на пути моторизованных колонн вермахта и экстренных мер советского правительства по переброске к Москве дополнительных сил.

В конце октября 1941 г., после того как в Москве было введено осадное положение, иностранные посольства, находившиеся в столице, были эвакуированы в Куйбышев. Туда же переехала и дипломатическая миссия США во главе с послом Л. Штейнгардтом, предварительно уничтожив многие бумаги, касавшиеся, в том числе, оценок потенциала Советского Союза. Тем не менее, и в этих сложных условиях посольство продолжало аналитическую работу, восстанавливая необходимые данные и пересылая их в Вашингтон. Несмотря на кризисное военное положение, одной из самых насущных задач американской развед-

ки того времени стало получение реальной информации об масштабах эвакуации промышленности СССР. Ясность в этом вопросе могла содействовать составлению более точных прогнозов, касающихся эффективности дальнейшего сопротивления Красной армии. Одни данные говорили за то, что Советам так и не удалось эвакуировать свои важнейшие военно-промышленные предприятия на восток, и вскоре страна окажется перед лицом тяжелейших трудностей в деле оснащения своих войск. Другие источники, напротив, доказывали, что советское руководство не только справилось с перемещением огромной массы промышленного оборудования в безопасные районы, но и способно теперь быстро наладить производство на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Более того, подчеркивалось, что еще до войны во внутренних регионах СССР была создана достаточно мощная экономическая база, потенциал которой был недооценен как немцами, так и англо-американскими союзниками. Так, в бюллетене под названием «Россия в войне» Американско-российского института, занимавшегося культурными связями между США и СССР, а также изучением различных аспектов жизни в Советском Союзе, утверждалось, что важнейшие машиностроительные предприятия, располагавшиеся в Одессе, приднепровских городах, в Харькове, Азове и в Донбасском регионе были «более или менее полностью эвакуированы». Этот бюллетень был получен в Управлении военной разведки США 6 ноября 1941 г.¹²⁹

9 ноября 1941 г. из Куйбышева в Вашингтон пришло еще одно обнадеживающее сообщение, согласно которому Красная армия постепенно оправляется от понесенных потерь и, самое главное, намерена продолжать ожесточенную борьбу. Посол США Л. Штейнгардт направил в Государственный департамент — для сведения К. Хэлла, С. Уэллеса и передачи самому Рузвельту — телеграмму, в которой излагал информацию о своей беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозовым.

Основной текст послания предваряло замечание Штейнгардта о том, что «Деканозов, возможно, являет-

ся наиболее (чем кто-либо еще в советском правительстве) доверенным лицом Сталина». В процессе разговора это «лицо» высказало послу следующие соображения:

«1. Для немцев станет невозможным захват Москвы и Ленинграда этой зимой, если русские силы смогут удерживать эти города еще в течении 30 дней. 2. В течение последней недели германский нажим усилился на определенных направлениях, но ослаб на других. 3. Немцы столкнулись с серьезными транспортными трудностями, вызванными как погодными условиями, так и продолжительностью кампании... 5. Этой зимой советское правительство столкнется с серьезными продовольственными трудностями... 7. Русские армии столкнулись с тяжелым недостатком материального обеспечения. Советские офицеры полагаются на поставки из Соединенных Штатов. По этому вопросу ими выражается сейчас определенное нетерпение... 8. Даже по масштабам СССР людские потери Красной армии чрезвычайно велики. Однако остаются еще огромные резервы, которые в настоящее время направляются на формирование новых армий. Но эти армии не смогут проявить себя с лучшей стороны, если им не будет доставлено необходимое материальное обеспечение... 11. Военной индустрии Советского Союза нанесен серьезный удар. Выпуск продукции сейчас упал до самой нижней точки. Однако советское правительство продолжает перебазировать свои военные предприятия на восток, и можно рассчитывать, что часть из них заработает уже через три месяца или даже меньше... 12. Из состава русских войск на Дальнем Востоке было взято и отправлено на фронт значительное количество военных материалов. Однако те войска, которые остаются на Дальнем Востоке, способны вести жесткую оборону против любой атаки со стороны Японии...» Со стороны Деканозова было выражено также сожаление по поводу позиции, занятой Великобританией, и ее нежеланием произвести «диверсию» (т.е. хотя бы ограниченную десантную операцию в Европе. — *М.М.*). Им было отмечено, что «Россия сражается с противником вот уже пятый месяц, но Красная армия по-прежнему одна несет всю ношу

вооруженной борьбы... Тем не менее, — заключал Штейнгардт, — суть высказываний Деканозова сводилась к следующему: советское правительство определенно намерено продолжать войну, независимо от того, какие от Советского Союза потребуются еще жертвы»¹³⁰ (см. док. № 4).

Сведения, представленные американскому дипломату Деканозовым, оказались весьма точными. Со дня получения этой телеграммы в Вашингтоне и до начала контрнаступления Красной армии под Москвой прошло меньше месяца. События у стен советской столицы, произошедшие зимой 1941/42 г., можно с полным правом отнести к началу коренного перелома в войне, повлиявшему на весь ее последующий ход и окончательный результат. Однако на пути к победе Красная армия столкнулась еще со множеством невероятных трудностей, понесла огромные потери и вновь пережила горечь отступления. Так или иначе, в 1941—1942 гг. американским аналитикам, равно как и самому президенту США, приходилось во всех своих оценках потенциала и вероятного поведения Советского Союза непременно учитывать масштабы и характер вооруженной борьбы, стратегическое положение сторон на советско-германском фронте.

2. Динамика подходов к решению территориальных вопросов с Москвой, конец 1941—начало 1942 г.

В общем контексте проблемы американских оценок участия СССР в послевоенном устройстве Европы, разработки проектов, касающихся распределения сфер влияния на континенте, необходимо выделить, прежде всего, динамику отношения руководства США к признанию советских границ 1941 г., включающих прибалтийские республики, Западную Украину и Западную Белоруссию, Бессарабию с Северной Буковиной и новую границу с Финляндией. Большое значение для исследователей имеют в этой связи особенности английского влияния на позицию Вашингтона, касающуюся территориальных изменений в восточной части Европы.

Как уже было отмечено, Черчилль довольно благо-клонно отзывался о выдвигании советской границы на запад в 1939 г. Более того, во время встречи с послом И. Майским 6 октября 1939 г. Черчилль откровенно сказал, что «исходит из того положения, ...что основные интересы Англии и СССР в наши дни нигде не сталкиваются». Далее Майский подчеркивал: «Черчилль прекрасно понимает, что СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что балтийские страны включаются в нашу, а не в германскую государственную систему. Это исторически нормально и вместе с тем сокращает возможный “лебенсraum” для Гитлера. Здесь опять-таки интересы Англии и СССР не сталкиваются, а скорее совпадают»¹³¹.

Тем не менее, летом-осенью 1941 г. англичане, равно как и американцы, считали весьма вероятным поражение Красной армии в борьбе с вермахтом. Даже после краха германского «блицкрига» британский кабинет сомневался в эффективности процесса восстановления боевой мощи СССР. И давать Москве какие-либо обещания относительно ее территорий, не зная, где окажутся советские войска в конце войны, было, по мнению Лондона, преждевременно. Так, в декабре 1941 г. министр иностранных дел Великобритании А. Иден отказался на переговорах со Сталиным подписывать секретный протокол к советско-английскому договору, содержащий пункты о восстановлении оккупированных войсками гитлеровской Германии и ее союзников территорий Эстонии, Латвии и Литвы, Бессарабии и Северной Буковины в государственных границах СССР, существовавших к 22 июня 1941 г.; уклонился от обсуждения вопроса о польско-советской границе, о которой в секретном протоколе говорилось, что Польское государство должно быть восстановлено в границах 1939 г. «с оставлением в пользу СССР территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, за исключением районов с преобладающим польским населением», а территория Польши расширена «за счет западной части Восточной Пруссии». Остался без решения «в духе действительного обеспечения безопасности СССР» вопрос о советско-финской границе¹³².

Как отмечал Иден, цель русских по вопросу о границах была твердо определена и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы будущей безопасности России. Британский министр объяснил, что не может согласиться с секретным протоколом без консультаций со своим кабинетом, а также с руководством США. Он добавил, что «Рузвельт еще до того, как Россия подверглась нападению, направил нам послание с просьбой не вступать без консультаций с ним в какие-либо секретные соглашения, касающиеся послевоенной реорганизации Европы»¹³³. Другими словами, Иден подчеркнул, что США в будущем выступят как сторона — участник послевоенного устройства мира, а, следовательно, обсуждать вопросы о послевоенных границах преждевременно и по этой причине.

Важно отметить, что против принятия советских территориальных запросов в Европе выступал в то время не только американский Госдепартамент, мнение которого не мог не учитывать Рузвельт, но и некоторые ближайшие помощники президента — в частности А. Гарриман¹³⁴. Так, после беседы Гарримана с руководителем Европейского отдела внешнеполитического ведомства США Р. Атертоном 22 января 1942 г. последний констатировал в своем меморандуме, что, «говоря вкратце, мистер Гарриман полностью одобряет политику Госдепартамента, подчеркивая, что мы не должны заключать какие-либо договоренности [с СССР] до подписания мира. Однако мы могли бы обсуждать их, но быть готовыми к тому, что, если мы когда-либо пойдем на заключение соглашений, то будем их соблюдать». В меморандуме раскрывались и детали точки зрения Гарримана на ведение дел с Советским Союзом, основанной, в том числе, на его личном впечатлении от кремлевского руководства, полученном во время визита в Москву вместе с лордом Бивербруком осенью 1941 г.

Прежде всего, Гарриман отметил, что «Черчилль не любит русских и не желал бы идти с ними в вопросах сотрудничества или каких-либо договоренностей дальше необходимого предела. Однако лорд Бивербрук, который явля-

ется довольно неосведомленным человеком и всегда был твердым изоляционистом, убежден в необходимости предоставить Сталину все необходимое для того, чтобы удержать его в войне. В свою очередь, Иден — хотя и человек слова — не проявил крепкий характер и на момент, когда Бивербрук озвучивал свои принципы, следовал той же линии». Тем не менее, Гарриман отметил, что во время пребывания англо-американской миссии в Москве британцы, несмотря на давление Сталина, не согласились с идеей немедленного открытия второго фронта.

Обсуждая с Р. Атертоном возможности американской внешней политики на советском направлении, Гарриман, в частности, заявил, что если США все же пожелают обсуждать с СССР территориальные изменения еще до подписания мирного договора, они «должны быть непреклонны в отказе от поисков любых договоренностей или даже взаимопонимания секретного характера». Гарриман объяснил также, почему Сталин настаивает на разрешении европейских проблем именно сейчас. Согласно его прогнозу, «если Сталин добьется больших успехов, англичане уже будут связаны определенными договоренностями относительно Европы, и тогда советский лидер сможет требовать территориальных уступок в других регионах мира — в районе Персидского залива и на Дальнем Востоке — еще до того, как СССР вступит в войну с Японией». Гарриман не испытывал сомнений в том, что Советский Союз в будущем вступит в войну на Дальнем Востоке, но отмечал, что для начала Сталин хотел бы видеть Японию ослабленной ожесточенной борьбой с Соединенными Штатами.

Специальный представитель президента усматривал явное стремление Сталина к исправлению европейских границ СССР [по сравнению с 1939 г.], в то же время в отношении Турции отмечал некоторое равнодушие советского лидера. Все это подводило его к мысли о том, что «если Турция будет соблюдать свой нейтралитет в течение войны, который, кажется, наилучшим образом отвечает задачам СССР, Москва могла бы потребовать Дарданеллы в

качестве своей финальной цели за столом мирных переговоров...» Говоря далее о военных поставках в СССР, Гарриман подчеркивал, что их увеличение сделает будущую позицию западных союзников в отношениях с СССР намного сильнее, и предупреждал, что ни при каких условиях не следует идти на компромисс в территориальных вопросах с таким «оппортунистом» и «ловким дельцом», как Сталин. При всем этом следует также удерживать британцев на одной позиции с США. Гарриман полагал, что Сталин все еще чувствует себя «социальным изгоем» среди великих союзников. «Будет большим делом, — говорил он, — посылать ему почаще дружеские послания и повторяющиеся заверения о том, что позиция России за столом мирных переговоров будет идентична британской и американской»¹³⁵.

Мысли и суждения Гарримана относительно будущего взаимодействия с СССР в европейских делах (в основном совпадающие с политикой Госдепартамента США), вполне укладывались в привычные категории контроля территорий, борьбы за сферы влияния и ответственности за поддержание баланса сил на континенте. Гарриман не верил, что Сталин продолжает придерживаться идеи мировой революции. Он отмечал, что «если бы советский лидер почувствовал себя на равных началах с Англией и США, это идея сама собой сошла бы на нет», и Сталин мог бы использовать теперь эту идею разве что для достижения конкретных целей во внешней политике¹³⁶. Вполне понятным представляется стремление Госдепартамента США не заключать с СССР преждевременных договоренностей, относящихся к его европейским границам, поскольку это связало бы западных союзников и ослабило бы их позиции при решении территориальных проблем в других регионах. Правда, возникает вопрос, зачем американцам было одновременно заверять Сталина в том, что за столом мирных переговоров он будет обладать равными правами с западными лидерами. Как представляется, предложения Гарримана в этом отношении базировались не только на уважении «интересов России». Как в Лондоне, так и в Вашингтоне еще со-

хранялись большие опасения за судьбу Восточного фронта. Не последнюю роль играли здесь и данные, полученные от военных дипломатов в Москве. Новый американский военный атташе в Москве майор Дж. А. Мичела в январе 1942 г. доносил в Вашингтон, что хотя прежние данные о военном потенциале СССР грешили недооценкой, все же советское производство, по его мнению, еще не скоро оправится от огромных потерь и последствий эвакуации, в то время как месячный объем выпуска самолетов не превышает 1500 единиц¹³⁷.

Поставки в СССР по ленд-лизу были пока незначительными и, по мнению некоторых американских аналитиков, они не только не оказывали существенного влияния на ход боевых действий на Восточном фронте, но и служили объектом политических спекуляций в различных кругах советского руководства. В связи с этим в Вашингтоне стали циркулировать слухи о реальности сепаратного замирения между СССР и Германией. Так, помощник начальника штаба Управления военной разведки Р. Ли в меморандуме от 12 февраля 1942 г. «Возможность русско-германского урегулирования путем переговоров», указал на противоречивость советских запросов о военной помощи. С одной стороны, по его мнению, «русские говорят о своих больших возможностях и успехах восстановления экономики, но в то же время они подчеркивают свое плачевное положение и ругают нас за недостаточную поддержку. Такие противоречивые заявления, — замечал Р. Ли, — делаются, очевидно, намеренно, чтобы скрыть истинное положение дел... и служат ширмой для оппортунистических изменений в политической линии, как в ходе самой войны, так и на будущей мирной конференции...»¹³⁸

Однако генеральной линией Рузвельта и ряда его ближайших помощников в политике на советском направлении — таких как Г. Гопкинс, бывший посол в СССР Д. Дэвис и др. — оставалась всемерная и возрастающая помощь Москве в военном отношении и трезвые оценки ее национальных интересов. Сталин должен был не только

знать, что он не один в этой гигантской битве с мощнейшими агрессорами, что ему помогают, но что ему отводят также равную роль с США и Великобританией в разрешении послевоенных проблем. В подобной атмосфере любая мысль о сепаратном мире (хотя развивалась она в мыслях самих американских аналитиков) должна была показаться Сталину неприемлемой в сравнении с теми результатами, которые предоставят преимущества совместной борьбы с фашизмом. Политическая мудрость американского президента в то время проявилась именно в том, что он не стал заложником негативного отношения к Советскому Союзу. Конечно, можно рассуждать о том, что Рузвельт стремился избегать разговоров о негативных моментах советской политики или просто не принимать во внимание сведения о тех или иных акциях Москвы, — как, например, информацию Госдепартамента от мая 1942 г. об «исчезнувших» в СССР после начала Второй мировой войны тысячах польских офицеров. Президент искренне надеялся и рассчитывал на успехи Красной армии, сознавая одновременно громадные трудности ведения ею боевых действий против все еще смертельно опасного врага в лице германского вермахта.

В то же время Рузвельт был прагматиком, который не только осуществлял общее военно-политическое руководство военными действиями своей страны, но постоянно держал в уме способы наиболее эффективного и бескровного использования американских сил в развернувшемся глобальном конфликте. Вступление в сражения на европейском континенте должно было стать для граждан США ожидаемым и положительным событием, влекущим за собой и достойное вознаграждение. Но чтобы это случилось, западным союзникам необходимо было, прежде всего, продолжение эффективной борьбы СССР — от силы сопротивления которого зависело и их собственное будущее. Здесь в более стесненном положении находился Черчилль, поскольку следующий немецкий удар в случае поражения Красной армии наверняка пришелся бы именно

по его стране. Однако прагматичный подход имел и другую сторону, касающуюся уже послевоенных проблем. Для Соединенных Штатов — территорию которых от района боевых действий с Германией отделял целый океан — давать Сталину какие-либо обещания территориально-политического характера, когда немецкие войска находились в двухстах километрах от ворот Москвы, могло представляться весьма преждевременным шагом. Многие зависело от того, как далее будут развиваться военные события. Но Рузвельт, как мы увидим, несмотря на все еще неопределенность дальнейшего хода войны, принадлежал к числу именно таких государственных деятелей, которые сумели предвидеть положение и потенциальные возможности великих держав к концу мирового противостояния.

К весне 1942 г. позиция Лондона по территориальным проблемам с СССР, прежде всего касавшимся Прибалтики, стала меняться в сторону удовлетворения требований Москвы. Великобритания, исходя из разворачивавшихся на фронте событий и с учетом необходимости идти на компромисс с СССР ввиду отсутствия второго фронта в Европе, считала необходимым изменить подход к некоторым принципам Атлантической хартии. Так, 7 марта 1942 г. У. Черчилль писал Ф. Рузвельту: «В условиях возрастающих тягот войны я прихожу к мысли, что принципы Атлантической хартии не следует трактовать таким образом, чтобы лишить Россию границ, в которых она находилась, когда на нее напала Германия. Это была основа, на которой Россия присоединилась к Хартии, и я полагаю, русские провели жестокий процесс ликвидации враждебных элементов в Прибалтийских государствах и т.д., когда они заняли эти районы в начале войны. Я надеюсь поэтому, что Вы сможете предоставить нам свободу действий для подписания договора, который Сталин желает иметь как можно скорее. Все предвещает возобновление весной широкого немецкого наступления в России, а мы очень мало можем сделать для того, чтобы помочь единственной стране, которая ведет тяжелые бои с германскими армиями...»¹³⁹

Уже весной 1942 г. в британском Министерстве иностранных дел рассматривали ситуацию, казавшуюся просто фантастической всего несколько месяцев назад — возможность достижения советской победы над Германией и без участия в европейских операциях крупных сухопутных сил Англии. В этом случае СССР вряд ли бы стал серьезно прислушиваться к мнению своих союзников относительно проведения его послевоенных границ. Кроме того, он был бы в состоянии единолично разоружить промышленность Третьего рейха и отказаться от экономической помощи со стороны Великобритании и США. Следовательно, для британского кабинета могло оказаться более выгодным пойти на определенные уступки СССР по пограничным проблемам именно в разгар войны, но тем самым создать почву для удовлетворительного разрешения других территориальных и политических вопросов в будущем. Такого рода опасения доминирования Москвы на континенте возникли в Лондоне в апреле-мае 1942 г., но не получили в то время широкого распространения¹⁴⁰.

Сталин и далее продолжал настаивать на том, чтобы договор с Великобританией гарантировал Москве бывшие польские, финские и прибалтийские территории, присоединенные к СССР в 1940 г., стремился, чтобы и США признали границы СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. Однако Рузвельт и Госдепартамент в то время решительно возражали против такого пункта в соглашении между Москвой и Лондоном¹⁴¹. В феврале 1942 года президент США дал указания заместителю госсекретаря С. Уэллесу сообщить британскому послу в Вашингтоне Галифаксу, что не считает возможным принять советские предложения относительно границ. Этот вопрос, сказал он, должен решаться после окончания войны. Рузвельт пояснил, что сам собирается обратиться по этому вопросу к советскому правительству¹⁴².

С течением времени позиция США относительно территориальных проблем и сфер влияния в Европе претерпела изменения. Менялись взгляды самого Рузвельта и его

окружения на проблемы послевоенного устройства, их отношение к роли США и России в поддержании безопасности на Европейском континенте и в целом в мире после разгрома агрессоров. Важнейшее влияние на этот процесс по-прежнему оказывали текущие события на фронте. В декабре 1941 г. США вступили в мировую войну, став жертвой нападения Японии. Всю первую половину 1942 г. они вынуждены были отступать на тихоокеанском ТВД по нажимом японских войск. Помощь России в этом районе могла бы иметь решающее значение для Америки, и Рузвельт запросил о ней Сталина практически сразу после событий в Перл-Харборе. Ответ Сталина, данный 10 декабря, объяснял невозможность нарушения советско-японского пакта 1941 г. и неразумность вступления в войну с Японией ввиду ведущейся тяжелейшей борьбы с Германией. Тем не менее, Сталин, как отмечает профессор А.А. Кошкин, разъясняя нецелесообразность такого шага «в настоящий момент», давал понять, что такая помощь может стать возможной в случае успешного развития обстановки на советско-германском фронте¹⁴³. В то же время в докладе о положении на различных фронтах, подготовленном Управлением военной разведки в Вашингтоне 1 апреля 1942 г., делалось заключение, что в случае грозящей опасности японского нападения и ухудшения положения в войне с вермахтом СССР может пойти на заключение сепаратного мира с Германией и даже отвести свои силы за Волгу, одновременно укрепив свой дальневосточный фронт¹⁴⁴.

Ставки в ведущейся глобальной войне были высоки, и Рузвельт понимал, что японский фактор может стать своеобразным козырем Москвы в вопросе о скорейшем открытии второго фронта в Европе и решении в ее пользу различных послевоенных территориально-политических проблем. Несмотря на то, что в начале 1942 г. в Вашингтоне все еще присутствовал рудимент недооценки потенциала Красной армии, многие политические и военные деятели США начинали все яснее понимать, что ее боевые действия являются чрезвычайно эффективными и именно борьба Со-

ветского Союза будет во многом определять исход войны и характер будущей политической карты Европы. Американский президент также внимательно прислушивался к мнению английской стороны, которая считала возможным, чтобы союзники признали право СССР восстановить свои границы 1941 года. Лондон, очевидно, стремился не допустить той ситуации, когда его стали бы подозревать в нежелании удовлетворить минимальные требования Москвы. Вопрос шел об учете взаимных интересов, без чего эффективное сотрудничество с СССР и сама совместная победа над Германией могли быть поставлены под вопрос.

Британская сторона считала возможным и необходимым советовать Вашингтону предпринимать те или иные шаги в отношениях с Москвой. В начале 1942 г. Лондон еще не смирился окончательно с тем фактом, что в любом будущем англо-американском тандеме лидирующая роль будет принадлежать США. Весной 1942 г. в недрах Министерства заморских территорий было подготовлено несколько рекомендаций, касающихся ведения пропаганды на СССР. Впоследствии их копии были переданы в распоряжение Управления стратегических служб США. В одной из них британские аналитики подчеркивали важность улучшения отношений с Советским Союзом, что решение этой проблемы более относится к самим американцам и англичанам, чем к русским. СССР испытывает уважением к американской технической цивилизации и хочет установить дружеские отношения с США. Интересы Советского Союза как на Западе, так и на Востоке в широком контексте находятся в гармонии с аналогичными интересами Соединенных Штатов. «Главная проблема, — делали вывод англичане, — лежит в отношении к России, и Британии принадлежит здесь важная роль в достижении взаимопонимания между этими двумя странами». Часть документа была посвящена личности Сталина, который, по мнению его составителей, был «национально» ориентированным руководителем — «националистом по форме и социалистом по содержанию». Сталин делал упор на «патриотические и национальные

элементы в жизни русских людей»¹⁴⁵. Таким образом, пытаясь в начале 1942 г. повлиять на американские представления об СССР, англичане подчеркивали общность советско-американских интересов и наличие у кремлевского руководства именно «национальных» идей, а отнюдь не курса на интервенцию социальной революции. Следует отметить, что подобные оценки оказывали в то время определенное влияние на представителей американских спецслужб, Государственного департамента США и распространялись в различных общественно-политических кругах Америки.

Отчасти под влиянием мнения Лондона, но более всего ввиду очевидного восстановления боевой мощи Красной армии и важности ее будущей поддержки в войне на Тихом океане, Рузвельт стал менять свои взгляды по вопросу удовлетворения территориальных интересов СССР. 12 марта 1942 г. Рузвельт пригласил советского посла М.М. Литвинова и информировал его о своей позиции. Он сказал, что «по существу у него нет никаких расхождений» с советским правительством о советских западных границах и что он всегда считал ошибкой отделение прибалтийских провинций от России после Первой мировой войны. Рузвельт заявил, что «он заверит Сталина частным образом, что он с ним абсолютно согласен». Президент подчеркнул, что не предвидит «никаких затруднений в связи с желательными нам границами после войны». По указанию из Москвы Литвинов сообщил в Госдепартамент, что советское правительство приняло информацию Рузвельта к сведению. Со своей стороны, оно пока не стало поднимать перед Белым домом вопрос о западных границах СССР¹⁴⁶.

3. Поиски Рузвельтом перспективной концепции взаимодействия с Россией и новое германское наступление на Восточном фронте летом-осенью 1942 г.

Разрешение всего комплекса проблем, касающихся взаимоотношений СССР и США, в огромной степени зависело от личного доверия между лидерами двух государств.

Вопросы территориально-политического устройства Европы и роль, которую могли бы играть в нем Россия и Америка, не являлись здесь исключением. Рузвельт это ясно понимал. 16 марта 1942 г. он направил послание Черчиллю, в котором подверг резкой критике «наихудшую часть» своей прессы — издания Маккормика—Патерсона, Херста и Скриппс-Ховарда за то, что они «сводят роль Америки лишь к защите Гавайских о-вов, восточного и западного побережья континента», и далее писал о своем намерении приложить значительные усилия, чтобы найти деловой контакт с советским лидером и наладить с ним плодотворный диалог, отмечая, что лично он «может вести дела со Сталиным лучше, чем весь Форин офис или Государственный департамент». «Он [Сталин] думает, что лично мне он нравится, — подчеркивал Рузвельт, — и я надеюсь, что он будет продолжать так думать...»¹⁴⁷ Рузвельту нужна была личная встреча со Сталиным. Он понимал, что только когда они сядут за одним столом, они смогут начать конкретную дискуссию о деталях будущего мира. И обращения к Сталину о такой встрече высказывались неоднократно. Президент был также уверен, что его личное обаяние несомненно повлияет на советского лидера, и тот станет доверять ему¹⁴⁸.

Необходимо также заметить, что уже в то время — весной 1942 г. — американский президент приходит к выводу, что Россия может стать после войны одной из ведущих мировых держав. Так, 20 мая, высказывая свои мысли перед представителями Комитета по вопросам послевоенных международных отношений Государственного департамента¹⁴⁹, он отмечал: «Соединенные Штаты, Великобритания, Россия и Китай должны осуществлять контроль, разрешать споры и поддерживать безопасность в послевоенном мире. Именно они будут определять, какие сокращения вооружений необходимо произвести. Они также будут осуществлять периодические инспекции вооруженных сил и контроль как водного, так и воздушного пространства». Президент «выразил мнение, что одна из важнейших стран, которую необходимо было бы разоружить, — Фран-

ция. Мы ничего не сможем решить в Европе до тех пор, пока обе страны — как Германия, так и Франция, не будут разоружены и не останутся в таком положении. Чуть позднее мистер Дэвис подчеркнул, что считает отношение президента к вопросу о Германии совпадающим с мнением членов Комитета (то есть безоговорочная капитуляция)»¹⁵⁰.

Последовательная позиция Рузвельта в германском вопросе хорошо известна. Он считал, что не может допустить, чтобы через 15-20 лет после войны в этом государстве вновь взяли бы верх реваншистские настроения. Но кто воспрепятствует этому? Сам ход войны и сложившаяся коалиция держав, ведущая борьбу против агрессоров, логично предопределяла ответ на этот вопрос. К маю 1942 г. контуры возможного альянса сил, призванных поддерживать будущую международную безопасность и в случае необходимости принуждать ее противников к повиновению с помощью силы, в мыслях Рузвельта определились уже достаточно четко. О задачах и членах этого альянса, названных вскоре «четырьмя полицейскими», он и говорил 20 мая 1942 г.

Все это подтверждает мысль о том, что у Рузвельта было достаточно серьезное основание не препятствовать восстановлению довоенных границ СССР по причинам, прежде всего, глобального характера — возможности сотрудничества с Москвой в деле поддержания международной безопасности в послевоенное время. Позитивные шаги в признании границ СССР 1941 г., безусловно, способствовали укреплению союзнических отношений, особенно в условиях, когда второй фронт в Европе Англия и США открывать пока не собирались. В конструировании своей концепции послевоенного мира президент мог опираться на солидную общественную поддержку в самих Соединенных Штатах. Несмотря на сопротивление изоляционистов, опрос общественного мнения в США показывал возросшее чувство ответственности простых граждан за будущее всего мира. Как подчеркивал 14 марта 1942 г. в своей телеграмме в американское посольство в Лондоне дирек-

тор заокеанских операций Управления военной информации армии США Р. Шервуд, только 11 % из всего числа опрошенных выступали за возвращение к изоляционизму. Еще меньший процент хотел жить в союзе лишь с англоговорящими странами или в составе содружества американских государств. Лидирующим мнением являлось создание мировой лиги или мировой ассоциации. «Все это подтверждает, — писал Шервуд, — что большинство населения поддерживает международную политику президента. Ситуация может измениться только в случае какой-либо грубой ошибки или поражения на фронтах»¹⁵¹.

Обоснованным, по нашему мнению, является вывод о том, что позиции Лондона и Вашингтона относительно советских границ 1941 г. к тому времени во многом сблизились. Обе стороны считали возможным принять за основу сложившееся положение, но оставить пока открытыми для обсуждения вопросы точного прохождения советско-польской границы и признания вхождения в СССР прибалтийских республик. Американская и британская позиции отличались лишь в той части, что Рузвельт не желал пока именно публичного одобрения Америкой территориальных приобретений СССР до 22 июня 1941 г. Такой шаг шел бы вразрез с предыдущими заявлениями руководства США, противоречил идеалам, провозглашенным президентом Вильсоном, и подрывал бы авторитет Рузвельта в глазах части американских граждан, прежде всего польского и прибалтийского происхождения.

В мае-июне 1942 г. нарком иностранных дел СССР В. Молотов совершил визит в Великобританию и США. Среди многих проблем, обсуждавшихся Молотовым с У. Черчиллем, А. Иденом, другими официальными представителями кабинета министров в Лондоне, были и территориальные. Во время дискуссий об условиях союзного англо-советского договора камнем преткновения стала, как и ожидалось, советско-польская граница. Несмотря на то, что Молотов был готов идти на компромисс, «оставив вопрос о наиболее значительной части западной советской границы от-

крытым», взаимного понимания достигнуть так и не удалось. В беседе с советским наркомом 21 мая 1942 г. Иден заявил, что «Английское правительство сделало уступку и согласилось с Советским правительством в отношении Прибалтики. В настоящее время ему, Идену, непонятно, какую уступку должно сделать английское правительство в вопросе о советско-польской границе»¹⁵². Из всего этого следовало, что Лондон шел на уступки СССР в вопросе о Прибалтике, желая использовать это обстоятельство в отношении будущих советско-польских границ. Дело окончилось тем, что Молотов получил инструкцию от Сталина согласиться с предложениями британской стороны и подписать простой договор без указания будущих границ. 24 мая Сталин телеграфировал Молотову в Лондон: «Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. *Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой* (выделено нами. — М.М.)»¹⁵³.

Такое изменение позиции Сталина было вызвано прежде всего необходимостью сосредоточить все внимание на решении вопроса скорейшей высадки союзников во Франции, в условиях, когда ситуация на советско-германском фронте вновь резко осложнилась.

Во время последующего визита Молотова в Вашингтон 29 мая — 5 июня 1942 г. пограничные проблемы не затрагивались. В разговорах с советским наркомом Рузвельт стремился создать «обстановку такой личной искренности и такого дружелюбия, какие только могут быть достигнуты с помощью переводчика»¹⁵⁴. Во время переговоров был обсужден широкий круг военных и политических вопросов, но основное внимание было приковано к неотложным задачам создания второго фронта уже в 1942 году. Будучи реалистом и учитывая общественное мнение в своей стране, Рузвельт избегал детального обсуждения послевоенных

территориальных вопросов, заостряя внимание на общих проблемах мировой безопасности. В новом труде профессора В.Л. Малькова «Путь к имперству...», посвященном историческому пути, проделанному США в первой половине XX века, приводится информация о беседе американского президента с Артуром Свитцером, происходившей как раз в дни визита в Вашингтон В.М. Молотова. Президент говорил об обновленной Лиге наций в виде мощного «резервуара силы» и вновь высказал идею о «четырех полицейских» (США, СССР, Великобритания и Китай), которые могли бы сдерживать в будущем любого потенциального агрессора¹⁵⁵. В. Мальков отмечает также, что в процессе беседы с Молотовым Рузвельт предлагал Москве видеть в Соединенных Штатах надежного союзника не только в войне, но и в мирное время. Этим Рузвельт как бы обещал, что безопасность СССР может быть гарантирована без постановки территориальных вопросов, в которой советское правительство было крайне заинтересовано. Еще одной задачей американского президента было не дать Москве заподозрить, что США и Англия способны на «заговор» за спиной СССР, откуда следовали и его повторяемые упреки в адрес британского премьера¹⁵⁶.

Президент в то время, пожалуй, уже сформулировал свою концепцию взаимодействия союзников после завершения войны. Решая неотложные задачи военных действий, он думал и планировал, какими будут характер и структура грядущего мира. «Это был поразительный инстинкт будущего, который кроме всего прочего отличал Рузвельта, — пишет А. Шлезингер (мл.), — его экстраординарная чувствительность к появлявшимся тенденциям времени»¹⁵⁷. Но, как отмечает профессор У. Кимболл, перед президентом вставала дилемма — не сомневаясь, что безопасность народов в будущем должна зависеть от великих держав, его волновал вопрос, кто и как будет контролировать сами эти великие державы¹⁵⁸. Как сберечь мир от новых войн, если равенства государств-«полицейских» достигнуть будет так же трудно, как и разрешить существующие между ними противо-

речия в геополитических интересах, не говоря уже об очевидном различии в социально-политическом строе между западными державами и СССР? Как основать надежную организацию по безопасности, не повторив печального опыта Лиги наций? Каким образом остаться в рамках принципов Атлантической хартии, признав одновременно, что только сильные и свободные в своих поступках нации способны в дальнейшем предотвратить новый мировой конфликт? Думал ли Рузвельт, что все спорные ситуации будут разрешаться после войны на основе компромисса, или одна из великих держав окажется в более выгодном положении и будет способна в случае необходимости единолично осуществлять контроль над поведением потенциально враждебных государств? Смогут ли США ввиду своей мощи настаивать тогда перед союзниками на признании приоритетной именно своей точки зрения? По мнению профессора В. Малькова, Рузвельт в то время был прежде всего озабочен вопросом, как, одержав победу над Гитлером, «гарантировать лидерство США в послевоенном переустройстве»¹⁵⁹. Подобные гарантии могли включать самый широкий круг политических и территориальных проблем, затрагивающих как стратегическую безопасность, так и сферы геополитических интересов Соединенных Штатов. Рузвельт пока не конкретизировал детали рожденной его мыслями системы безопасности. Многое еще предстояло уточнить и взвесить; многое должно было выясниться в ходе самой войны. Однако за некоторой расплывчатостью формулировок был уже четко определен главный вектор его внешнеполитической концепции, в основе которого было полномасштабное участие США в разрешении всех важнейших проблем будущей безопасности.

Важно подчеркнуть, что о деталях его суждений о будущем мира, Европы, взаимодействии с Советским Союзом в то время знал лишь очень узкий круг приближенных. Чтобы информация о переписке с Черчиллем, Сталиным и Чан Кайши не попала в ненадежные руки, телеграммы президента трем этим лидерам отправлялись через военно-мор-

ское министерство, тогда как задачи кодирования и получения ответов оставались на военном ведомстве. Кроме того, полное собрание корреспонденции хранилось только в комнате карт ("Map Room") Рузвельта в Белом доме¹⁶⁰.

С середины 1942 г. внимание всех воюющих держав было приковано к гигантской битве, развернувшейся на Волге у стен Сталинграда. Немцы рвались к Кавказу, и, казалось, вновь смогли поставить Красную армию на грань поражения. Американские оценки дальнейших возможностей советских вооруженных сил вновь, как и в 1941 г., стали противоречивыми. В одном из докладов Управления военной разведки конца июня 1942 г. говорилось о том, что без значительных поставок военных материалов и участия в войне первоклассных частей из США и Великобритании Советский Союз окажется не в состоянии изгнать вражеские части со своей территории, не говоря уже об открытии боевых действий на Тихом океане. В то же время в документе, подготовленном Управлением стратегических служб 3 ноября 1942 г., подчеркивалось, что масштабы эвакуации, проведенные в СССР с начала войны, были чрезвычайно велики — как минимум, было перемещено 20 млн человек, а остающиеся у России ресурсы рабочей силы вполне достаточны для форсированного роста военного производства — почти 57 млн человек¹⁶¹.

О возможностях Красной армии оборонять Кавказ говорилось и в информационном докладе Объединенного разведывательного подкомитета в Лондоне начальникам штабов англо-американских союзников от 14 ноября 1942 г. В докладе утверждалось, что русские могут удержать за собой Южный Кавказ в период ноября 1942 — апреля 1943 г., даже если немцы оккупируют весь Северный Кавказ, включая Махачкалу. Подчеркивалось, что «русские располагают достаточными силами, чтобы встретить германское наступление... Характер территории, погодные условия также будут способствовать ведению жесткой обороны. Моральное состояние Красной армии укрепилось. Возможность проявления враждебных действий со сторо-

ны местных жителей находится под контролем». Военные разведчики делали вывод: «советские войска не дадут немцам прорваться через главный Кавказский хребет по крайней мере до апреля 1943 г.»¹⁶²

Однако, несмотря на наличие достоверной информации о потенциале Красной армии и выводы об укреплении ее обороноспособности, какие-либо прогнозы о возможностях стратегического контрнаступления советских фронтов в районе междуречья Дона и Волги, которое привело к окружению 330-тысячной германской группировки под Сталинградом, а затем и к быстрому изгнанию немцев с Северного Кавказа, Ставрополья и Кубани, в разработках американских аналитиков отсутствовали.

Глава III

Россия после Сталинграда: новые оценки советских возможностей и развития сотрудничества, 1943 — июнь 1944 г.

1. Динамика взгляда на СССР президента Рузвельта после разгрома германских войск под Сталинградом

Конец 1942 г. — время начала советского контрнаступления под Сталинградом стало знаковым событием, которое подвигло политическое и военное руководство США к окончательному признанию того факта, что отношения Америки с Советским Союзом имеют важнейшее значение для всего дальнейшего хода войны и ее результатов. После того как немцы были откинuty на сотни километров на запад на Восточном фронте, а в ноябре 1942 г. в Северной Африке высадился и повел наступление навстречу британским войскам в Египте и Ливии мощный американско-английский десант, на повестке дня вашингтонских политиков встал вопрос о развитии и укреплении союзных отношений с Москвой, необходимость которых была обусловлена не только совместной борьбой против общего врага в лице Германии, но и расчетами на вступление СССР в войну с Японией. В Вашингтоне также понимали, что без участия все более набирающей силы и международного авторитета России теперь невозможно серьезно обсуждать какие-либо решения о создании прочного фундамента безопасности в послевоенное время, вопросы о будущем многих европейских стран, прежде всего, Германии. Развивается процесс более тщательного изучения потенциала, вариантов долгосрочных военно-политических целей, роли и значения России в двусторонних и в целом межсоюзнических отношениях.

Еще в октябре 1942 г. аналитики из военного ведомства США подготовили для ближайшего помощника Рузвельта Г.

Гопкинса записку, в которой содержались следующие оценки: «...2. Россия нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии; в конечном счете, она понадобится нам в аналогичной роли и для разгрома Японии. И, наконец, она нужна будет нам как подлинный друг и деловой клиент в послевоенном мире. 3. К вопросу о значении России в разгромах Германии. Всякие аргументы излишни. Она столь же необходима, как Соединенное Королевство и Соединенные Штаты. 4. К вопросу о значении России в разгромах Японии... При участии России в качестве активного и мощного союзника мы сумеем в ближайшем будущем эффективно бомбардировать Японию... А нам следует помнить, что каждый месяц этой войны будет стоить нам много жизней и миллиарды долларов... 6. Если союзники победят, Россия будет одной из трех самых могущественных стран мира. Во имя будущего всеобщего мира мы должны быть подлинными друзьями и иметь возможность так направлять мировые события, чтобы обеспечить безопасность и процветание. Далее, после войны потребности России в американской продукции будут попросту колоссальными... Из вышесказанного представляется очевидным, что отношения с Советским Союзом имеют более важное для нас значение, чем отношения с любой другой страной, за исключением только Соединенного Королевства...»¹⁶³ Как свидетельствовал Р. Шервуд, мысли, высказанные в этой записке, «блестяще отражали взгляды самого Гопкинса на отношения с Советским Союзом»¹⁶⁴.

Уже 2 декабря 1942 г. Рузвельт направил послание Сталину, в котором просил его рассмотреть возможность трехсторонней встречи в середине января для обсуждения не только насущных военных вопросов, но и мероприятий, которые должны быть предприняты в случае коллапса Германии¹⁶⁵. Он предлагал место в Северной Африке, и мы знаем, что вскоре Рузвельт и Черчилль, действительно встретились в Касабланке (Марокко) для важнейших переговоров по дальнейшей стратегии ведения войны. Однако в тот момент Сталин отказался, ссылаясь на необходимость не-

отрывного руководства наступательными операциями¹⁶⁶. Действительно, в то время под Сталинградом, на Кавказе и в центральном секторе советско-германского фронта шли тяжелейшие и кровопролитные бои. Решалась судьба всей зимней кампании.

В январе 1943 г. Рузвельт, выступая на совместном заседании членов Палаты представителей и Сената, подчеркнул, что «Самые большие и самые значительные изменения во всей стратегической обстановке произошли в 1942 г. на громадном советско-германском фронте... Объединенные нации могут и должны оставаться объединенными и после войны для поддержания мира и предотвращения новых попыток со стороны Германии, Японии, Италии, либо другой какой-либо нации подвергнуть насилию десятую заповедь — “Не пожелай дома ближнего твоего”»¹⁶⁷.

Дальнейшие события показали, что Рузвельт действительно ратовал за необходимость поддержания дружественных отношений с Россией. Однако после сталинградской победы и высадки американских войск в Северной Африке в ноябре 1942 г. в его оценках будущего взаимодействия с Москвой появились элементы сомнения и тревоги.

Как представляется, Рузвельт, еще ни разу не встречавшийся с советским лидером и не имевший с ним личных доверительных контактов, стал опасаться, что поднимающаяся Россия адаптирует в Европе политику односторонних действий. И эта политика будет идти вразрез с интересами Запада. В окружении Рузвельта были и очень влиятельные силы, которые не одобряли его курса на сближение с Москвой. 22 февраля 1943 г., излагая перед представителями Госдепартамента свой взгляд на перспективы создания мировой системы безопасности, Рузвельт, по свидетельству присутствовавших, был «очень обеспокоен вопросом о России». Констатировалось, что «...с одной стороны, президент придерживается мнения, [что]... фактически весь мир должен быть разоружен, за исключением Соединенных Штатов, Великобритании, России и Китая. Но, с другой стороны, президент с большой похвалой отзывается о плане

Буллита¹⁶⁸, основанном на недоверии к Советскому Союзу, согласно которому вся Европа западнее СССР должна быть организована как единый хорошо вооруженный лагерь. Он нужен для того, чтобы противостоять продвижению России на запад. Президент не знает, что делать с Россией, и беспокоится за будущее развитие событий...»¹⁶⁹

В тот период У. Буллит представил президенту целый ряд меморандумов, в которых настаивал на проведении более жесткой линии к СССР. Он подчеркивал, что цели России и США в ведущейся войне совершенно различные, и если кто-либо поверил, что участие в антифашистской коалиции очистило советскую диктатуру от ее авторитарных и экспансионистских тенденций, то этот человек просто не замечает очевидных фактов. «Европа, управляемая из Москвы, была бы такой же угрозой, как и Европа, управляемая из Берлина». Проблема, по мнению Буллита, заключалась в том, чтобы предотвратить советское доминирование в Европе, без риска лишиться участия Красной армии в войне против нацистской диктатуры. Он предлагал, по сути, то же самое, к чему стремился и Черчилль, — опережающее вторжение западных союзников в Восточную Европу и на Балканы. Тем самым были бы убиты сразу два зайца — повержена Германия и предотвращено вхождение советских войск на территорию европейских стран. Буллит также подчеркивал перед президентом необходимость предварительного анализа политических целей еще на этапе подготовки той или иной военной операции¹⁷⁰.

Как отмечалось выше, Рузвельт прекрасно понимал различие внутривнутриполитической системы США от строя, существующего в Советском Союзе. Слова Буллита, в этом отношении, ложились уже на подготовленную почву и не могли пройти мимо внимания президента. Но Рузвельт был убежден в первостепенной необходимости одержать победу над наибольшим злом, угрожающим всему миру и человеческой цивилизации. Коммунизм не представлялся ему столь опасным, поскольку, как он полагал, концентрировал свои усилия на пропаганде, тогда как нацизм — на

принуждении и силе¹⁷¹. В ходе развернувшейся совместной борьбы против Германии стал возможен поиск взаимоприемлемых договоренностей с Россией, и, самое главное, корректировка интересов Москвы в сторону более тесного сотрудничества с Западом, при котором внутренние хозяйственные проблемы ослабленного войной СССР могли бы решаться не в последнюю очередь с помощью американского капитала. Рузвельт желал скорейшего налаживания личных контактов со Сталиным, в ходе которых возможно договориться о создании постоянно действующей мирной организации. Он был полон решимости убедить советского лидера, что такая организация будет наилучшим образом отвечать интересам СССР. В таком политическом климате Россия сможет восстановить свою разрушенную экономику и достигнуть цели создания полноценного индустриального общества. «Я ставлю на этот реализм [Сталина]. Он должен устать сидеть на штыках», — так однажды президент высказал свою мысль о будущем взаимодействии с СССР перед персональным врачом Р. Макинтайром¹⁷².

В любом случае, Рузвельт ни в начале 1943 г., ни позднее не согласился адаптировать вариант двойного использования вооруженных сил западных союзников, который, с одной стороны, гарантировал бы победу над Германией, а, с другой — сдержал бы советские войска на границах Восточной Европы. Как отмечает М. Макколи, у президента были на это веские причины стратегического и геополитического характера. Во-первых, он рассматривал послевоенный баланс сил как выгодный Америке и опасался гипотетического объединения сил ущемленной России с остатками военной машины поверженной Германии. Во-вторых, Рузвельт понимал, что трагедию «траншейной войны» 1914—1918 гг. с ее непомерными, в том числе американскими жертвами, возможно избежать только с помощью России и ее неослабного сопротивления германским войскам на Восточном фронте¹⁷³. А. Гарриман вспоминал, что президент, несомненно, имел в виду следующую возможность: «если русским армиям удастся сдержать напор

немцев, то перед Америкой откроется перспектива ограничить свое участие в войне в основном морскими и воздушными силами...»¹⁷⁴ Рузвельт рассчитывал и на будущее участие СССР в войне против Японии, которое также гарантировало сокращение потерь западных союзников, прежде всего американских войск, в боевых действиях на Азиатско-Тихоокеанском ТВД.

В отдаленной перспективе Рузвельт обдумывал систему послевоенного сотрудничества, фундаментом которого были бы гармоничные отношения между США, Россией, Британией и Китаем. Более того, это могло представлять такой мир, в котором другие народы жаждали бы стать похожими на Соединенные Штаты. Как объявлял в то время Г. Люс в журнале «Тайм», ближайшие десятилетия станут «американским веком». Но для Рузвельта, который был вынужден удовлетворять общественные иллюзии относительно будущего мироустройства, встречу со Сталиным, как отмечает Р. Даллек, нужно было «разрекламировать в качестве первого шага на пути к международной гармонии». Американцы хотели верить в стабильные взаимоотношения между государствами после войны и не хотели силовой политики, которая привела к двум мировым войнам¹⁷⁵.

Факт, что Соединенные Штаты (равно как и Великобритания) не понесли во Второй мировой войне таких потерь, которые хотя бы отдаленно можно было сравнить с трагедией гигантских жертв, возложенных на алтарь победы Советским Союзом. Более того, именно предельное напряжение мобилизационных возможностей СССР, гибель в самоотверженной борьбе миллионов советских солдат сделало участие США в войне по американским оценкам «приемлемым» и получило поддержку среди подавляющей части американского народа. США к началу 1943 г. превратились по распространенной тогда терминологии в «арсенал демократии» — т.е. державу, поставляющую на фронты своих и союзных войск в возрастающих масштабах вооружения, а также другие средства ведения войны. Но это стало возможным в условиях ожесточенной борьбы на истощение

противников на советско-германском фронте. При иной расстановке сил жертвы США неизбежно бы возросли, и общая картина войны претерпела бы кардинальные изменения. Америка вынуждена была бы пересматривать все свое военное строительство в плане подготовки к боевым действиям дополнительных контингентов сухопутных сил. Вот почему в первую очередь США следовали курсу на сотрудничество с СССР и восприятие его интересов в области послевоенной безопасности.

На встрече 22 февраля 1943 г. президент в сжатом виде затронул и вопросы будущего ряда европейских государств. Его суждения были довольно откровенны, поэтому имеет смысл дать более обстоятельную выдержку из документа, посвященного беседе в Белом доме, состоявшейся в тот день:

В первой половине дня Хэлл, Уэллес, Тейлор, Боуман, Пасвольский пришли в Белый дом, ждали президента 25 минут, но вынуждены были уйти, чтобы вновь возвратиться к нему уже после обеда. Беседа с президентом продолжалась один час. Президент высказал на ней следующие идеи.

Он не знает, что делать с Францией. Восточная Пруссия должна отойти к Польше. В отношении Норвегии, Дании и Голландии нет никаких проблем. Вопросы к Бельгии в основном из-за ее короля. Югославия, возможно, должна быть разделена. Возможно, будет образовано государство Сербия во главе с королем Петром, а в Хорватии проведен плебисцит. Положительное решение о самостоятельности Хорватии должно получить поддержку не менее двух третей от участвовавших в плебисците. Пруссия должна быть отторгнута от остальной части Германии. Китай должен получить Формозу и Маньчжурию. Над Кореей должна быть установлена международная опека. Франция должна лишиться Индокитая, но его новый статус пока под вопросом. Президент очень обеспокоен вопросом о России.

Относительно международной организации президент думает следующее: 1) мирной конференции быть не должно, поскольку все мирные вопросы будут разрешать-

ся четырьмя странами (четырьмя великими державами) совместно с техническими экспертами, число которых не будет превышать десяти; 2) должно быть несколько международных комиссий, которые будут перемещаться из одного места в другое. Женева более не должна быть местом заседаний международной организации — такого постоянного места вовсе не должно быть. Исключая военных договоренностей в Касабланке, не надо вести никаких протоколов о наших беседах и переговорах...

Представители Госдепартамента указывали также, что «новости об этой встрече почти сразу же просочились из Белого дома, и послужили причиной появления нескольких спекулятивных статей...»

Суждения Рузвельта в феврале 1943 г. о послевоенном контроле над миром и будущем Европы можно дополнить следующими строками, отложившимися в качестве примечания к документу Комитета по послевоенным международным отношениям Госдепартамента: «26 февраля 1943 г. м-р Дэвис информировал членов Комитета о том, что Президент изменил свое отношение к Франции. До высадки в Северной Африке Президент придерживался мнения о необходимости разоружения Франции. Но теперь он обдумывает следующий вопрос — что случится, если Франция и Германия будут разоружены, а Россия останется вооруженной и не согласится сотрудничать с США, Великобританией и Китаем в деле поддержания мира?»¹⁷⁶.

Сомнения Рузвельта кажутся, на первый взгляд, вполне объяснимыми — он пытается выстроить свою систему планетарной безопасности и беспокоится о надежности одной из ее ведущих опор. Вопрос вновь идет о доверии между союзниками. Но так ли безупречны стандарты, в рамках которых действует президент?

Попытаемся обозначить некоторые приоритеты, которые могли стоять в то время перед Рузвельтом. Сотрудники Госдепартамента указывали, что президент испытывал колебания относительно Франции. Понятно, что, с одной стороны, ее слабость подрывала и всю французскую

колониальную империю, отдельные части которой в будущем могли оказаться в сфере американского влияния. Но, с другой стороны, разоруженная Франция являлась фактором, нарушавшим европейский баланс сил и как бы приглашавшим Советский Союз воспользоваться ситуацией. Представляется, что решался вопрос не только о военно-политическом балансе, но и о сохранении и укреплении экономических позиций США. Послевоенная финансово-промышленная экспансия американских монополий на европейский континент, в случае доминирования там СССР, оказалась бы по меньшей мере затруднительной. Америке предстояло вести достаточно грамотную игру, чтобы, во-первых, добиться скорейшего разгрома нацистской Германии и, во-вторых, не допустить при этом чрезмерного усиления позиций России на европейском континенте.

2. Политическое будущее Европы в контексте проблемы открытия второго фронта

Решение многих проблем будущего устройства Европы было тесно связано с подготовкой англо-американскими силами вторжения на континент через пролив Ла-Манш. Исходя из «большой стратегии» союзников, вторжения не скорейшего, а оптимально выверенного по времени и масштабам. Действительно, в 1942 и 1943 гг. западные союзники могли опасаться неудачи десантной операции или отсутствия значительного продвижения вперед после высадки главных сил. Такое развитие событий, безусловно, затянуло бы поражение Германии, ослабив ударную мощь вооруженных сил США и Великобритании. Но существовало и другое мнение, которого придерживались советские лидеры: высадка во Франции, в любом случае, облегчит положение Красной армии на Восточном фронте, сократит и без того тяжелейшие потери страны и, в конечном итоге, значительно ускорит освобождение Европы и окончание Второй мировой войны в целом. Было понятно, что с высадкой союзников на европейском континенте темпы наступления советских войск в направлении Герма-

нии могли значительно возрасти, и на каком рубеже тогда встретятся победоносные армии антигитлеровской коалиции — на Висле, Эльбе или на Сене — предполагать было трудно. Напротив, затягивание высадки англо-американских сил во Франции до определенного времени объективно ослабляло мощь и потенциальные возможности Советского Союза, боровшегося со все еще сильным и отчаянно сопротивляющимся противником. Складывающаяся стратегическая ситуация на фронтах войны предоставляла возможность подготовить и осуществить десант именно в то наиболее выгодное время, когда мощь Германии будет уже максимально подорвана, но еще до того, как СССР приблизится к жизненно важным для интересов США и Великобритании районам Европы. Конкретные высказывания президента Рузвельта, где он напрямую говорил о выше-названных причинах затягивания операции вторжения, мы вряд ли когда-нибудь обнаружим. Предполагать, что именно они, а не военно-технические факторы или позиция Черчилля, послужили основными мотивами для открытия второго фронта только в 1944 г., можно лишь на основе косвенных источников. В Москве же объясняли нежелание Запада организовать скорейшую высадку во Франции вполне определенными политическими причинами.

Известно, что в первой половине 1943 г. проблема второго фронта вызвала самые серьезные разногласия между союзниками по антигитлеровской коалиции. В целом, на протяжении 1941—1944 гг. она занимала первостепенное место во взаимоотношениях СССР с США и Великобританией, и на некоторых этапах боевых действий 1941—1943 гг. имела для Советского Союза критическое значение. Так было в ходе Московской битвы и в битве за Сталинград. Не потеряла она своей актуальности и накануне битвы на Курской дуге летом 1943 г. Время шло, но второй фронт так и не был открыт. Англо-американская конференция в Касабланке (январь 1943 г.) показала, что и в 1943 г. наступления союзников во Франции не будет. В совместном послании Рузвельта и Черчилля по итогам их переговоров Стали-

ну не содержалось информации о конкретных операциях и их сроках, а говорилось лишь о том, что «эти операции, вместе с Вашим мощным наступлением, могут, наверное, заставить Германию встать на колени в 1943 г.»¹⁷⁷.

В действительности руководители США и Великобритании готовились к военным действиям на средиземноморском театре. В ходе проводившейся в мае 1943 г. встречи Рузвельта и Черчилля в Вашингтоне (конференция «Трай-дент») президент и премьер-министр одобрили заключительный доклад объединенного англо-американского штаба, первый пункт которого гласил: «Во взаимодействии с Россией и другими союзниками в возможно короткий срок добиться безоговорочной капитуляции стран Оси в Европе». Однако непосредственная реализация этого замысла не предусматривала сроков его осуществления. В документе говорилось о защите Западного полушария и Британских островов, обеспечении морских коммуникаций, наращивании воздушного наступления, и лишь затем о «сосредоточении максимума сил и средств в возможно короткий срок в избранных районах с целью осуществления решающего штурма цитадели стран осей и осуществления всех возможных мер для оказания помощи военным усилиям России»¹⁷⁸. В мае 1943 г. Рузвельт официально сообщил в Москву о переносе сроков открытия второго фронта с 1943 на 1944 г. 26 мая Черчилль вылетел из Вашингтона в Алжир — на Средиземноморский театр военных действий, где встретился с высшими военачальниками союзников. Его целью было добиться принятия решения о вторжении в Италию, в случае если будет захвачена Сицилия. Американские начальники штабов считали, что никакого решения нельзя принять до тех пор, пока не станут известны результаты высадки на Сицилию и обстановка в России. По воспоминаниям британского премьера, на встрече говорилось о том, что «было бы логично создать в различных местах две экспедиционные армии, каждая со своим собственным штабом. Одна армия готовилась бы к операции против Сардинии и Корсики, а вторая для операции на континенте»¹⁷⁹.

Все эти события происходили на фоне разрыва Москвы с польским эмигрантским правительством в Лондоне¹⁸⁰ сокращения поставок в СССР по ленд-лизу. Напряжение нарастало, и стороны сделали ряд резких заявлений¹⁸¹. 11 июня 1943 г. Сталин писал Рузвельту: «...в мае 1943 г. Вами вместе с г. Черчиллем принимается решение, откладывающее англо-американское вторжение в Европу на весну 1944 г.... Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет советскую армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом. Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта...»¹⁸² В свою очередь, американский посол в Москве У. Стендли выступил с резкими высказываниями о невнимании советского правительства к той материальной помощи, которая оказывается со стороны США. Вскоре из Лондона и Вашингтона были отозваны советские послы И. Майский и М. Литвинов. Москва всерьез опасалась за политику союзников и задавалась вопросом — хотят ли они быстрее окончания войны, или, напротив, добиваются взаимного ослабления противников на советско-германском фронте?

Видимо, не случайно в начале 1943 г. в Госдепартаменте, Управлении стратегических служб и других государственных и разведывательных ведомствах США широкое распространение получили «сведения» о вероятном выходе России из войны и заключении Москвой сепаратного мира с Германией. Основанием для подобных гипотетических предположений являлся факт отсутствия в Европе второго фронта и опасение, что СССР больше не захочет проливать кровь своих солдат, так как плодами его победы могут воспользоваться окрепшие и не понесшие серьезных потерь западные союзники. Можно предполо-

жить, что некоторые из подобных оценок, разработанные в УСС, безусловно, достигали внимания Рузвельта по причине достаточно близких отношений У. Донована (директора УСС) с американским президентом. У. Донован, как и А. Гарриман, имел доступ к важнейшим разведсведениям, касавшимся СССР, но что самое главное — оба этих человека стояли в ряду тех немногих американских официальных представителей, которые получали возможность консультироваться по русским проблемам непосредственно с самим Рузвельтом¹⁸³.

К первой половине 1943 г. относится и распространение слухов о контактах советских и немецких представителей в нейтральных странах, версия о якобы имевшей место встрече В. Молотова и Й. Риббентропа в июне 1943 г. в оккупированном немцами Кировограде, где они обсуждали вопросы заключения перемирия¹⁸⁴. Имеются основания предполагать, что это была дезинформация, подготовленная в Москве и специально предназначенная для лидеров Англии и США. Она могла способствовать осознанию западными союзниками угрозы остаться один на один с Гитлером и, соответственно, ускорению их приготовлений к вторжению в Европу.

В то же время в ряде государственных и общественных учреждений США продолжало бытовать мнение об агрессивном характере советского режима. В Управлении стратегических служб США летом 1943 г. обсуждались варианты, которые шли вразрез со слухами о сепаратном мире между СССР и Германией и указывали на вероятность наводнения советскими армиями всей Европы как прелюдии к третьей мировой войне¹⁸⁵. Некоторые американские аналитики даже полагали, что, запрашивая от США важнейшие военные материалы, Москва тем самым преднамеренно ослабляла вооруженные силы США. Одновременно Советы скрывали до сталинградской победы свой истинный военный потенциал, поскольку стремились сохранить в тайне свои экспансионистские устремления на европейском континенте, которые не замедлят проявиться¹⁸⁶.

Признавая тот факт, что советские лидеры никогда не стремились ограничить секретность своих военных программ, информации о распределении помощи по ленд-лизу, масштабов своей военной индустрии, тем не менее, нельзя согласиться с версией о том, что СССР, запрашивая определенные образцы военных материалов, тем самым якобы ставил цель ослабить военный потенциал США. Как отмечает современный американский исследователь истории ленд-лиза профессор Ван Тулл: «счастливым совпадением являлся тот факт, что военные грузы, поставляемые в СССР, были, прежде всего, необходимы именно на Восточном фронте, но не являлись предметами острой нехватки в Соединенных Штатах»¹⁸⁷. Действительно, танки, самолеты, грузовики, приборы связи, промышленные станки, алюминий, провизия, поступавшие в СССР в годы войны, усилили мощь Красной армии, сделали ее более маневренной¹⁸⁸. Бывший глава военной миссии США Дж. Дин был прав, когда вспоминал после войны, что быстрюю переброску советских дивизий во время наступления невозможно было представить без американских грузовых автомобилей. Когда он и члены его миссии побывали на советско-германском фронте в 1944 г., они на каждом шагу встречали эти машины. «Дороги, — по его словам, — были забиты транспортными средствами всех видов, но преимущественно американскими грузовиками... Офицеры и солдаты превозносили их до небес. Почти все отдавали предпочтение студебеккерам»¹⁸⁹. К важнейшим поставкам Дин относил также нефтепродукты, различного рода консервы, обувь, локомотивы и др. Однако основной грузопоток западной помощи стал приходиться в Советский Союз уже после того, как на советско-германском фронте произошел коренной перелом (после 1942 г.), следовательно, ленд-лиз способствовал прежде всего быстрейшему завершению войны, разгрому агрессоров и сокращению потерь Красной армии. В то же время в самые критические годы войны (1941—1942) руководители Соединенных Штатов и Великобритании делали все от них зависящее для модернизации воо-

ружения, увеличения количества и повышения боевой готовности именно своих сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил. Имели место и серьезные задержки в поставках по ленд-лизу — в 1942 г. с июля по октябрь по арктическому маршруту, тогда как проводка грузов через Иран только разворачивалась. В 1943 г. также были значительные перерывы с подходом кораблей западных союзников в советские северные порты. Кроме того, помощь СССР имела непосредственное отношение к усилению мощи западных союзников, давая им столь необходимое время для реорганизации своих армий. Этот последний факт прекрасно понимал Рузвельт, внимательно следивший за ходом событий на Восточном фронте.

В сложившейся ситуации нельзя не прийти к выводу, что обе стороны подозревали друг друга в нечестной игре. Если Рузвельт прислушивался к советам Буллита, видевшего в России источник коммунистической экспансии, то Сталин имел основания задуматься о причинах постоянных отсрочек десантной операции во Франции. Устранить подозрения, добиться большего взаимопонимания, скорректировать стандарты поведения в рамках единой коалиции возможно было только в результате личной встречи лидеров союзных держав. В то же время при Госдепартаменте активизировали свою работу комитеты и подкомитеты, занимавшиеся вопросами прогнозирования роли США и других стран в послевоенном мире. Анализ возможного поведения союзников в ходе войны и после окончания боевых действий проводился в отделах Управления стратегических служб, Комитете начальников штабов и военном ведомстве США. Со своей стороны, в Москве также следили за своими союзниками, их военными приготовлениями и политическими решениями. Чуть позднее, осенью 1943 года, при НКВД была образована Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства, которую возглавил бывший посол в США М. Литвинов (т.н. «комиссия Литвинова»).

3. Расчеты и опасения американского руководства середины 1943 г.

Несмотря на то, что в середине 1943 г. фронт еще находился на расстоянии многих сотен километров от западной границы СССР, как Рузвельт, так и большинство членов его окружения понимали, что Красная армия скорее всего самостоятельно очистит собственную территорию от вражеских войск. Другими словами, СССР сможет восстановить свои рубежи без вмешательства других великих держав. Касательно будущего европейского континента на первое место выходили вопросы, связанные с отношением к послевоенной Германии и распределением сфер влияния, как в Восточной, так и Западной Европе.

Мемуары Ш. де Голля вносят интересные замечания по вопросу об отношении членов Большой тройки к Франции в первой половине 1943 г. Политический деятель, поднявший знамя французского движения Сопротивления и руководивший им из Лондона, вспоминал, что «Соединенные Штаты, опасаясь, что в Европе начнется путаница, собирались урегулировать в дальнейшем вопрос о мире прямым соглашением с Советской Россией и отнюдь не намеревались допустить Францию в тесный круг руководящих держав. Уже присутствие в этом кругу Англии зачастую казалось им неуместным, несмотря на то, что Лондон всячески старался ни в чем не перечить Америке... Англия не позволяла себе такой упрощенной оценки положения. Она знала, что присутствие, сила и влияние Франции будут завтра, так же как это было вчера, необходимы для европейского равновесия... Советская Россия наблюдала, рассчитывала и остерегалась. Конечно, все склоняло Кремль к желанию возродить Францию, способную помочь ему сдержать германскую стихию и остаться независимым от Соединенных Штатов. Но торопиться ни к чему. Сейчас надо победить, добиться, чтобы открылся второй фронт... и не занимать политическую позицию, слишком отличную от позиции англосаксов... Какою будет Франция завтра? От ее внутрен-

него положения будет в значительной мере зависеть ее внешняя политика, в частности, в отношении Советов. Кто поручится, что политика эта не будет враждебной под воздействием тех самых элементов, которые создали Виши? И наоборот, разве невозможно такое положение, что в Париже придут к власти коммунисты?... Короче говоря, выказывая нам любезность и сочувствие, Россия, по сути дела, считала, что надо подождать и посмотреть...»¹⁹⁰

Весну 1943 года можно датировать как время, когда Рузвельт внутренне уже смирился с вхождением в состав Союза ССР территорий, присоединенных к нему в 1939—1940 гг., за исключением некоторых участков границы, которые он считал пока спорными. Так, во время визита А. Идена в Вашингтон в марте 1943 г. он недвусмысленно высказался за то, чтобы Бессарабия оставалась в составе СССР, а восточная граница Польши проходила по линии Керзона. Рузвельт сказал также, что придется согласиться с воссоединением балтийских государств с Россией, но это согласие следует использовать как объект торговли, чтобы добиться от России уступок по другим вопросам¹⁹¹. Президент не уточнял, какие именно вопросы он имел в виду, но из дальнейшего развития событий хорошо видно, что они касались, прежде всего, территорий и политических режимов в Германии, а также в Польше и других государствах Восточной Европы. Большие надежды президент возлагал также и на будущее участие России в войне против Японии.

Анализ динамики отношения Рузвельта к вопросу о восстановлении довоенных границ СССР наглядно показывает, как тесно его позиция была связана с боевыми действиями на Восточном фронте. После разгрома немецких войск на Курской дуге суждения Рузвельта о потенциале СССР стали еще более определенными. В разговоре с кардиналом Спеллманом, с которым он был в довольно доверительных отношениях, президент сказал, что после войны Россия будет «доминировать в Европе». «США и Великобритания не смогут воевать против России... Русские выпускают так много военной продукции, что американ-

ская помощь, за исключением разве что грузовиков, представляется незначительной». Президент выразил надежду, что наступление советских войск через Европу не будет слишком разрушительным для европейских стран. Но самое главное, он решился уже на этом этапе войны не тянуть с разделом сфер влияния в послевоенном мире и договориться о зонах ответственности будущих победителей. Согласно его словам, мир мог бы быть поделен следующим образом: «Китай получает Дальний Восток, США — регион Тихого океана, Британия и Россия — Европу и Африку. Но поскольку Великобритания будет прежде всего занята своими колониями, то можно предположить, что интересы СССР в Европе будут доминирующими»¹⁹².

В этих высказываниях четко просматривается тенденция обеспечить контроль над безопасностью планеты по региональному принципу. Другими словами, в расчетах Рузвельта присутствовали конкретные зоны влияния со своими четырьмя «полицейскими». Президент говорил и о «доминирующем» влиянии СССР в Европе, из чего можно заключить, что, будучи достаточно практичным политиком, он не мог не понимать, насколько сильными стали позиции СССР. Мощь, проявленная Красной армией в летней кампании 1943 года, была впечатляющей и она, безусловно, влияла на суждения и расчеты президента — он здраво учитывал силу Советского Союза и сравнивал ее с возможностями самих США, Великобритании и Китая.

Дискуссии о том, как могут строиться будущие взаимоотношения с СССР, развернулись в то время во многих правительственных и военных учреждениях США. Мнения чиновников и аналитиков о перспективах сотрудничества с СССР в решении послевоенных вопросов, как уже отмечалось выше, были довольно различны. Необходимо выделить аналитические записки о России, которые доставляли в то время на стол президента. В этой связи обращает на себя внимание доклад Исследовательского и аналитического департамента Управления стратегических служб США, подготовленный 20 августа 1943 г., — специально

для Квебекской конференции руководителей США и Великобритании 1943 г.¹⁹³ Доклад назывался «Могут ли Америка и Россия сотрудничать?». Аналитики УСС отмечали, что самой главной целью Соединенных Штатов, равно как и России, является их собственная безопасность. «Цели США в войне не противоречат минимальным требованиям СССР, но они находятся в явном противоречии с его возможными максимальными требованиями, то есть с советизацией Европы и доминированием в ней». В отношении России УСС отмечало существование трех возможных альтернативных линий поведения США: 1) немедленное достижение компромисса с Россией, устранение существующих противоречий; 2) следование такой политике, которая не зависит от политики и стратегии СССР; и 3) «Мы стараемся повернуть против России все силы пока еще не разгромленной Германии, которая будет управляться либо нацистами, либо генералами...»

К чести составителей документа, третий вариант стратегии — о замирении с Гитлером — они отклонили. Отмечая большую вероятность того, что «к моменту окончания военных действий Россия будет иметь в Европе силы значительно большие, чем у США, Великобритании и их союзников вместе взятых», аналитики выдвигали следующие варианты наиболее приемлемых путей дальнейшего взаимодействия с Москвой: скорейшее начало боевых действий в Западной Европе, что было бы выгодно не только США, но и России; совместная оккупация Германии; участие СССР в войне против Японии и т.д. В заключение указывалось, что политика компромисса с Россией «может иметь огромные положительные результаты... Обязательным условием проведения такой политики является твердое согласие на открытие нами боевых действий в Западной Европе. Если же компромисса не удастся достичь, то Америке и Великобритании не останется ничего другого, как преследовать свои собственные цели, независимо от позиции Советского Союза. Однако и в этом случае открытие боевых действий в Западной Европе не может быть предметом для обсуждения» (см. док. № 5)¹⁹⁴.

Содержание этого документа, а особенно его заключительной части, хорошо показывает, что потенциал Красной армии вызывал у сотрудников УСС опасения, необходимость размышлять о действиях вне зависимости от позиции Советского Союза. В известной мере такой вариант учитывался и Ф. Рузвельтом, о чем свидетельствует его решение не информировать Москву о ведущихся в США исследованиях в области создания атомной бомбы («Манхэттенский проект»). Эту «дубинку» американский президент оставлял про запас. Однако медлить с открытием второго фронта западные союзники уже не могли. Для США и Великобритании этот вопрос приобрел геополитический характер. Оттягивать высадку и дальше означало пойти на риск подрыва своего влияния на большей части континента, когда существовала вероятность, что СССР сможет самостоятельно добиться победы над Германией и захватить ключевые районы Европы. Уместно в этой связи заметить, что советские требования об открытии второго фронта свидетельствовали об обратном. Каких-либо планов наступления Красной армии в центральные районы Европы не существовало.

На конференции в Квебеке проходили заседания объединенного англо-американского штаба. Первоочередным вопросом на повестке дня западных союзников стояло решение об открытии второго фронта. В ходе дискуссий удалось в основном согласовать масштабы и предполагаемые сроки начала высадки в Северной Франции. В заключительном докладе объединенного штаба президенту и премьер-министру, составленному 24 августа 1943 г. по результатам Квебекской конференции, говорилось, что операция «Оверлорд» явится «главной операцией сухопутных войск и военно-воздушных сил Соединенных Штатов и Великобритании против стран Оси в Европе (предварительная дата начала операции — 1 мая 1944 года)»¹⁹⁵.

20 августа 1943 г. — в тот же день, когда был подготовлен доклад УСС «Могут ли Америка и Россия сотрудничать?» — высшие военачальники США и Великобритании оживленно обсуждали военно-политическую ситуацию на

европейском континенте, исходя из последних событий на Восточном фронте. Был высказан ряд интересных замечаний, касающихся возможностей и альтернатив, имеющих у СССР и Германии, равно как и опасений за будущее поведение Москвы. В архиве хранится краткая запись состоявшейся между ними беседы.

Начальник Имперского генерального штаба Великобритании сэр Алан Брук в общих чертах обрисовал ситуацию в России. По его мнению, положение русских было «прочным, как никогда ранее». Он считал, что Красная армия располагает достаточными резервами, чтобы продолжать свое наступление и осенью. Венгрия уже осознала, что ей надо искать пути для сепаратного мира; Румыния и Финляндия также не желают оставаться в войне. Брук полагал, что Германия будет продолжать держать на русском фронте все имеющиеся там дивизии или даже усилит их. Это будет содействовать операциям союзников в Италии и «Оверлорду». Он не верил, что существует еще какой-нибудь шанс для Германии заключить сепаратный мир с русскими, которые сделали слишком много, чтобы избавить себя от подобных подозрений.

Начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл упомянул о создании в СССР движения «Свободная Германия»¹⁹⁶. Из докладов, который он получал, ему представлялось, что русские теперь все более враждебно смотрят на капиталистический мир, к которому они стали относиться все более презрительно. «Их последнее заявление о “втором фронте”, — отмечал генерал, — более не питаемое чувством отчаяния, является свидетельством такого отношения». Маршалл был заинтересован узнать мнение начальников штабов Великобритании о возможной ситуации в России с точки зрения применения союзных сил в случае, например, сокрушительного русского успеха. «Будет ли тогда Германия, — добавил он, — содействовать нашему вступлению в страну для того, чтобы отбросить русских?»

Алан Брук ответил, что в прошлом он часто рассматривал такую опасность, когда русские использовали бы вой-

ну для дальнейшего распространения их идей интернационального коммунизма. Они могли бы получить выгоду от хаоса и страданий, проявляющихся в конце кровопролития. Однако недавно он затронул этот вопрос с доктором Бенешем (чехословацким президентом, находившимся тогда в эмиграции. — *М.М.*), который предвидел, что русский механизм контроля за международными коммунистическими организациями снизит свою активность. «Точка зрения Бенеша следующая, — продолжал Алан Брук. — Поскольку Россия будет ужасно ослаблена после войны, ей потребуется период восстановления. И для того, чтобы этот период ускорился, России будет необходима мирная Европа, где она смогла бы заполнить рынки для своего экспорта». А. Брук не упускал из виду тот факт, что Москва наверняка потребует себе часть Польши, по крайней мере часть Прибалтики, и, возможно, концессий на Балканах. «Если Россия получит эти территории, — добавил он, — она будет стремиться помочь нам в установлении мира на континенте».

Начальник штаба ВВС Великобритании сэра Чарльз Портал высказал свое мнение о действиях советской авиации. С его точки зрения, достигнутые ею результаты (исходя из факта ее превосходства на Восточном фронте) были «разочаровывающими». Такое положение дел являлось следствием, прежде всего, недостаточной тренировки летчиков и отсутствия должного обращения с самолетами.

Главком ВМС США адмирал Э. Кинг выразил сомнение, что немцы смогут отвести достаточные силы с Востока на другие театры военных действий в результате сокращения линии фронта. Более того, такое сокращение, напротив, могло бы позволить русским усилить свою диспозицию¹⁹⁷.

Ряд других свидетельств, относящихся к англо-американской конференции в Квебеке в августе 1943 г., подтверждает, что западные союзники в то время весьма опасались односторонних действий СССР в Европе и его «максимальных требований». Во время обеда 24 августа в присутствии Черчилля и Рузвельта обсуждалось недавно полученная от Сталина телеграмма, в которой, по словам Гарримана,

«в достаточно грубой форме выдвигались претензии на то, чтобы советский лидер принимал большее участие в делах на определенных направлениях». Отмечалось также, что в последнее время распространились опасения, что «русские ведут самостоятельную игру». Речь, со всей очевидностью, шла о телеграмме Сталина Рузвельту и Черчиллю от 22 августа 1943 г., в которой советский руководитель выражал свое отношение к ведущимся Англией и США переговорам с итальянцами о новых условиях перемирия. Сталин отмечал неосведомленность советского правительства о деталях этих переговоров и выражал недоумение, «как могла случиться такая задержка при передаче информации по столь важному делу». Он также считал, что «назрело время для того, чтобы создать военно-политическую комиссию из представителей трех стран — США, Великобритании и СССР — для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии. До сих пор дело обстоит так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдавшего. Должен Вам сказать, — подчеркивал советский лидер, — что терпеть дальше такое положение невозможно...»¹⁹⁸

Гарриман отметил, что «премьер-министр и президент были особенно раздражены, поскольку они старались держать Сталина полностью информированным. Однако так невозможно, чтобы вначале раздражаться Сталиным потому, что он оставался в стороне, а затем из-за того, что он грубо присоединяется к компании». Генерал Исмей и А. Иден разделяли подобную точку зрения¹⁹⁹. На самом деле оценки и прогнозы Черчилля шли куда дальше. После обеда он сказал Гарриману, что «предвидит в будущем кровавые последствия (используя слово «кровавые» в его буквальном смысле). Сталин противоестественный человек, — подчеркнул британский премьер. — Будут серьезные неприятности»²⁰⁰. Можно не сомневаться, что эмоциональный британский премьер старался убедить и президента именно в

таком развитии событий. В любом случае, Италия, на территории которой вели боевые действия англо-американские войска, равно как и Югославия, могли считаться Черчиллем сферой интересов западных союзников²⁰¹.

В то же время Р. Шервуд отмечает, что на Квебекской конференции помощник Рузвельта Гопкинс имел при себе документ, озаглавленный «Позиция России», полученный, как отмечалось, от «весьма высокопоставленного военного стратега США» (генерала С. Эмбика. — М.М.). В нем говорилось буквально следующее: «По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания равновесия сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки. Выводы из вышеизложенного ясны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы...»²⁰² Такие оценки, по мнению Р. Шервуда, безусловно, оказывали большое влияние на американское политическое и военное руководство и ими руководствовались, когда позднее принимались решения в Тегеране, а затем и в Ялте²⁰³.

4. Тенденции советской внешней политики второй половины 1943 г. в оценках президента и американской дипломатии

Вопрос о том, как поведет себя Москва в освобожденных странах, стал предметом все возрастающего беспокойства Государственного департамента США. Его сотрудники активно готовили аналитические записки с прогнозами политики СССР на континенте. Доподлинно неизвестно, читал ли их сам президент, однако трудно предположить, что он мог остаться в стороне от общего климата, возник-

шего в Вашингтоне. Содержательным в этом плане представляется документ, подготовленный 1 сентября 1943 г. в Госдепартаменте США, под названием «Современные тенденции советской внешней политики». В нем говорилось, что Москва пока еще точно не обозначила свою будущую стратегию. Несмотря на то, что СССР присоединился к Атлантической хартии, подписал союзный договор с Великобританией, он, тем не менее, отказывается от тесного военного сотрудничества с западными державами, критикует военные усилия Америки и Англии и предпринимает шаги к образованию польского и германского комитетов. Все это, по мнению аналитиков, указывало на то, что «советское правительство могло адоптировать в Европе такую политику, которая была бы независимой от западной или даже противостоящей ей. Советские лидеры, по-видимому, желают сохранить позиции, позволяющие им иметь максимум свободы в определении альтернативной линии поведения. Они будут выбирать политику, зависящую от развития событий и учитывающую постоянные интересы государства... По некоторым особым вопросам СССР продолжает занимать ясную и последовательную позицию. Он требует восстановления своих границ по состоянию на 22 июня 1941 г., выступает против образования любого блока восточноевропейских государств, находящихся не под его контролем. Если западные державы будут выступать против подобной политики, шансы на то, что СССР отвернется от сотрудничества с ними и даже займет в отношении Запада враждебную позицию, серьезно возрастут»²⁰⁴.

Государственный департамент достаточно верно оценивал позицию советского руководства относительно послевоенных границ СССР и сфер влияния в Восточной Европе. Здесь можно вспомнить и телеграмму Сталина Молотову в Лондон от 24 мая 1942 г. об остающейся у Москвы «свободе рук» в решении вопроса о гарантии безопасности советских рубежей. Понимание того, что Москва не отступит от своих территориальных интересов осенью 1943 г., стало все более укрепляться и у Рузвельта.

Для принятия наиболее взвешенных и продуманных решений в области сотрудничества с СССР у президента имелся достаточно большой штат сотрудников Госдепартамента. Их советы были важны для Рузвельта, тем не менее, окончательное решение оставалось только за ним. Это касается и назначения тех или иных дипломатических представителей в союзных странах. Степень доверия между СССР и США при решении ключевых вопросов войны и мира в определенной мере зависела от личности американского посла в Москве. Нельзя было сказать, что посол Стендли не являлся профессионалом. Однако в середине 1943 г. Рузвельт почувствовал, что он не вписывается в сложившуюся ситуацию. Необходим был новый человек, который был бы не только положительно настроен к России, но и обладал уже солидным авторитетом в делах на «советском направлении». В этом отношении, лучшей кандидатуры, чем «специального представителя президента по ленд-лизу в Великобритании» Аверелла Гарримана найти было трудно. Он уже бывал в России, лично знал и хорошо отзывался перед прессой о ее лидере, и, что немаловажно, был весьма обеспеченным человеком — владельцем крупного бизнеса в Америке, что позволяло ему чувствовать себя независимым в финансовых вопросах. В бумагах Гарримана сохранился документ (скорее всего перепечатка американской или английской статьи конца 1942 г.), отражающий некоторые вехи его собственного жизненного пути. В нем, в частности, говорилось:

«Одной из самых важных и наименее известных действующих фигур США в международных делах сегодня является высокий, темноволосый человек по имени Аверелл Гарриман. В нем есть что-то от Гэри Купера и, одновременно, от Рэя Милланда. Этот человек способен отнестись к обстрелу своего самолета как к инциденту, не заслуживающему упоминания — даже перед своей семьей. Он имел отличие добавить к уже и без того лучезарному словарию Уинстона Черчилля классический американизм “так что?”. Гарриман имеет статус министра, хотя и не получает никакого жалования... Его работа, от которой он сам несет некоторый убыток, каса-

ется и всего того, что связано с деятельностью международного посланника (в ранге временного посла) для переговоров со Сталиным. Ему принадлежит рекорд путешествий, превзойденный разве только курьерами из Госдепартамента. За два года после своего назначения [в Великобританию] он тринадцать раз пересек Атлантику, докладывая президенту Рузвельту и другим официальным лицам о положении дел. Кроме того, он совершил два визита в Москву и два на Средний Восток... Гарриман руководил американской группой, которая вместе с английской частью делегации, возглавляемой лордом Бивербруком, осуществила первый совместный визит в СССР. Он также был рядом с Черчиллем во время последнего визита премьер-министра к Сталину [август 1942] на конференцию по "второму фронту". Гарриман находился с президентом Рузвельтом, когда тот заключал с Черчиллем Атлантическую хартию, и сопровождал премьера во время инспекции войск на Среднем Востоке незадолго до начала текущей кампании»²⁰⁵.

Далее в материале говорилось об именитом происхождении Гарримана, его отце, владевшем в свое время 60 тыс. км американских железных дорог, учебе Аверелла в Йеле, последующем бизнесе и финансовых интересах в Польше и России. Отмечалось, что Гарриман не был тем миллионером, который сочувствует левым взглядам, и в его поведении было много консервативных устремлений. Тем не менее, один из его одноклассников был Грейси Холл Рузвельт — брат миссис Рузвельт — и Гарриман был знаком с Франклином Рузвельтом уже некоторое время. Когда была образована NRA²⁰⁶, Гарримана пригласили на должность администратора этой организации в Нью-Йорке. Затем он переехал в Вашингтон, где вскоре стал членом консультативного совета бизнеса при президенте. После начала войны в Европе Гарриман получил предложение от Э. Стеттиниуса работать в правительственном агентстве и через некоторое время занялся вопросами сырьевых ресурсов. Эта работа, а также опыт в вопросах международной торговли стали одной из причин назначения его специальным представителем президента в Великобритании. Кроме того, он

был достаточно знаком с людьми типа лорда Бивербрука и Оливера Литтелтона — министрами британского кабинета, и знал У. Черчилля уже 15 лет.

В материале давались и некоторые подробности о личной жизни Гарримана, в частности, о его дочери Кэтлин — привлекательной брюнетке 25 лет, учившейся в Беннингтонском колледже, жившей рядом с отцом и являвшейся лондонским корреспондентом журнала «Ньюсвик». Рабочий день Гарримана начинался обычно в 7 часов утра. Он завтракал и затем около часа работал в своем домашнем кабинете, прежде чем уйти на работу в лондонский офис. Он много времени проводил на различных обедах и ужинах, и еще в 11 часов вечера мог встречаться с различными британскими лидерами, если ему не удавалось увидеться с ними в течение дня. Много времени он проводил с премьером Черчиллем и членами его семьи — причем как в Лондоне, так и в его загородных резиденциях. Достаточно трезвый образ жизни не препятствовал Гарриману проявлять свое чувство юмора²⁰⁷.

Какие мысли существовали лично у А. Гарримана в 1943 г. относительно будущей политики России в европейских делах? Ряд его высказываний на брифинге для американской прессы сразу после возвращения с англо-американской конференции в Касабланке в январе 1943 г. в какой-то степени отражают представления Гарримана о возможном характере и направленности внешнеполитического курса СССР после достижения на Восточном фронте коренного перелома. Надо отметить, что львиная доля вопросов корреспондентов была так или иначе посвящена будущему взаимодействию союзников с Москвой — причем не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. Их в частности волновала проблема — каким образом воспринял Сталин положение о «безоговорочной капитуляции» Германии, выдвинутое Рузвельтом. Как можно расценить, предыдущие высказывания советского лидера об «изгнании варваров с родной земли», которые отнюдь не тождественны термину «безоговорочная капитуляция» агрессора? «Сталин сказал мне в 1941 г., — ответил Гарриман, —

что русские дерутся как дьяволы, защищая свою страну, но он не знает, как они будут сражаться за пределами своей страны. И это очень показательная вещь, относящаяся как раз к тем изменениям империалистического характера, о которых мы так беспокоимся. Они [русские] уже входили в Польшу, но тут всегда существовал вопрос, не является ли она частью России...»²⁰⁸

Одновременно с новым послом в Москву отправлялась военная миссия США, возглавляемая генералом Дж. Дином, служившим до этого секретарем штаба армии США в Вашингтоне. После конференции в Квебеке 1943 г. президент выразил желание, чтобы на конференции в Москву военным советником К. Хэлла был именно этот офицер. А некоторое время спустя Дина пригласил к себе на обед Гарриман, который сообщил, что его назначают новым послом и предложил генералу стать руководителем военной миссии, объединяющей представителей всех видов вооруженных сил — сухопутные, морские, воздушные и ряд других служб. Роль миссии для налаживания действенного военного сотрудничества сторон несомненно была более значительной, чем роль военного атташе, которого отзывали в США (Й. Мичел). Дин согласился и перед своим отъездом получил детальные инструкции о своих задачах от начальника Штаба генерала Маршалла и других военачальников. Миссии предстояло, помимо обмена информацией о положении на фронтах, состоянии собственных армий и армий противников, способствовать решению вопросов вступления СССР в войну с Японией после окончания боевых действий в Европе, организации челночных бомбардировок вражеских объектов, с посадкой американских самолетов на территорию СССР, помогать разрешать проблемы, связанные с ленд-лизскими поставками для Красной армии, взаимодействием советских и американских спецслужб и многие другие. Генерал Дин лучше, чем многие другие офицеры, подходил для роли главы миссии, имел хороший опыт штабной работы, сотрудничества с представителями британской армии в США, был знаком (до определенной степени) со стилем руководства президента и премьер-ми-

нистра, что могло пригодиться в последующем при составлении посланий в Вашингтон о контактах в Москве. Он, например, отмечал в своих воспоминаниях, опубликованных в 1946 г., что в годы войны Рузвельт «по каким-то причинам, пока не созрело решение... часто держал начальников штабов в некотором неведении. Поэтому предварительная информация зачастую имела неоценимое значение». Дин ценил опыт и авторитет Гарримана, говоря о том, что многих лет тот «являлся самым доверенным и близким советником президента»²⁰⁹.

Встречаясь с А. Гарриманом накануне отъезда последнего в Москву, президент изложил перед ним некоторые суждения относительно будущего взаимодействия с СССР. Рузвельт говорил, что надеется удержать Сталина от односторонних действий в территориальных вопросах путем признания СССР в качестве великой державы и оказания послевоенной помощи, высказывал мысли (показавшиеся Гарриману даже наивными) в частности, о проведении плебисцита в Прибалтике. В своем меморандуме о беседе с Рузвельтом 2 сентября 1943 г. в пункте, посвященном территориальным вопросам с Россией, Гарриман отмечал: «президент [собирается] вести окончательные переговоры основываясь, главным образом, на разъяснении реакции мировой общественности на насильственные захваты. Очевидно, что Советы имеют силу предпринимать односторонние акции». В отношении Германии Рузвельт высказал соображения о разделе ее на три или пять государств и ликвидации ее воздушного флота. Зоны оккупации немецкой территории — три или четыре (если будет допущена Франция) — должны проходить через Берлин. Оккупационные силы, возможно, не будут большими²¹⁰. Относительно сфер влияния в Европе президент, так же как в разговоре с кардиналом Спеллманом, не углублялся в конкретные подробности. Он считал нецелесообразным, «чтобы США в военном плане напрямую отвечали за континент, разве только как дополнительная сила. Это должна быть работа Советского Союза, Великобритании и (возможно) Франции»²¹¹. Рузвельт вновь подчеркивал, что США не за-

интересованы в контроле над Европой, но уже не говорил о «доминирующем влиянии» Москвы европейских делах. Последующие события и поступки Рузвельта приоткрывают нам завесу над его планом собственных действий.

Осенью 1943 г. Рузвельт уже не говорит о Прибалтике, как об объекте торговли с СССР. Основной упор президент делает на возможности коррекции восточной границы Польши. В отношении Прибалтики сделка уступает место обращению к моральным ценностям. И все это происходило накануне встречи министров иностранных дел трех держав в Москве и последовавшей затем Тегеранской конференции, где президенту необходимо было заручиться обещанием Сталина (пусть пока и устным) вступить в войну на Тихом океане.

Незадолго до Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, выступая 5 октября 1943 года перед представителями Госдепартамента, Рузвельт заявил, что «когда он встретится со Сталиным, то он намерен обратиться к нему с позиций высоких моральных ценностей. Президент сказал бы ему, что ни Британия, ни мы сами не намерены воевать против России из-за Балтийских стран. Однако в собственных интересах России, исходя из ее нынешнего положения в мире, сделать заявление о том, что спустя примерно два года после войны она организует еще один плебисцит в Балтии. Несмотря на то, что сама Россия считает предыдущий плебисцит окончательным, остальной мир, по-видимому, так не думает. Подобная идея может быть применима и к Восточной Польше. Президент полагает, что новая граница должна в любом случае проходить несколько восточнее линии Керзона. Лемберг [Львов] должен отойти к Польше, и там необходимо провести плебисцит после того, как население оправится от шока войны...»

Президент затронул на этой встрече вопрос не только западных, но и восточных границ СССР. Рассуждая о международной опеке над различными «ключевыми пунктами безопасности» и островами в мировом океане в послевоенное время, он заявил, что «Курильские острова должны

на самом деле быть переданы России...»²¹² Рузвельт подчеркнул, что представители Госдепартамента «должны внимательно отнестись к идее опеки, и работать над ее осуществлением в той или иной ситуации». Некоторые примеры, приведенные президентом, напрямую затрагивали интересы СССР. Так, «свободной зоной» под международным контролем, по его мнению, мог стать проход в Балтийское море через Кильский канал. Подобную зону Рузвельт предложил организовать специально для России применительно к Персидскому заливу²¹³.

Рузвельт вновь, как и на встрече с Гарриманом, «высказался за раздел Германии на три или более государств, которые будут полностью суверенными, но соединены общими почтовыми службами, едиными линиями коммуникаций, железными дорогами, таможенными правилами, а также, возможно, и энергетическими сетями (хотя он думает, что вся энергетика Европы должна быть объединена на общем континентальном уровне)». Новые германские государства, по мнению президента, должны были быть лишены любой активности в военной сфере. Восточная Пруссия — отторгнута от Германии, а все существующие там «опасные элементы насильственно переселены». Нежелательные последствия такого раздела Рузвельта особенно не волновали. Хотя в процессе дискуссии он заметил, что «переходный период должен стать периодом проб и ошибок, и что может так случиться, что на практике мы поймем, что немедленное разделение Германии сразу же после войны подлежит пересмотру»²¹⁴. В отличие от сентябрьских оценок, уже заметны явные колебания президента в отношении раздела Германии. Как представляется, Рузвельт в этом вопросе все более учитывал не только трудности, связанные с оккупацией этой страны, но и возможную позицию СССР. По крайней мере, он не мог не обратить внимания на информацию Государственного департамента, что Москва может быть не заинтересована в разделе Германии на мелкие государства. В отношении репараций с поверженного рейха президент добавил, что «они не должны быть обязательно

денежные, они могут выплачиваться в форме предоставления рабочей силы и оборудования»²¹⁵. Именно такой вариант в последующем устроил и Сталина.

Военно-политическая ситуация в Европе и Азии, роль СССР в борьбе против блока агрессоров, а также факт задержки открытия второго фронта западными союзниками на фоне гигантских усилий, прилагаемых для разгрома общего врага Красной армией, сделали невозможным для лидеров США и Великобритании ведение диалога с СССР с позиции какого-либо рода диктата. Однако в проекте повестки дня московской конференции, подготовленном аналитиками Госдепартамента к 13 сентября 1943 г., предлагалось, чтобы в случае если Советский Союз будет настаивать на признании его границ 1941 года, поставить перед ним вопрос — почему должны быть сделаны какие-то исключения в пользу СССР в обход основного принципа, что все территориальные и пограничные проблемы должны решаться не до, а после заключения мирного соглашения и одобрения некой формы международной организации для сохранения послевоенной безопасности²¹⁶. В качестве «рекомендаций» Госдепартамент подчеркивал, что делегация Соединенных Штатов должна избегать «неоправдываемой» скоропалительности в уступках советским требованиям и не давать возможности увязывать их с успехом послевоенного сотрудничества СССР с западными демократиями²¹⁷.

Некоторые ответственные государственные деятели США предлагали использовать в дискуссиях с Москвой по территориальным проблемам и значение поставок по ленд-лизу. Однако отправлявшийся в то время на переговоры в Москву государственный секретарь США К. Хэлл вспоминал впоследствии «...Мы с президентом даже на мгновение не воспринимали подобные предложения всерьез. Россия, Великобритания и Соединенные Штаты находились в одной лодке, которая должна была остаться на плаву либо утонуть в зависимости от их способности вести объединенную борьбу против общего врага...»²¹⁸

5. Московская и Тегеранская конференции 1943 г.: вопросы второго фронта и послевоенного урегулирования в межсоюзнических дискуссиях

Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании проходила с 19 по 30 октября 1943 г. и была посвящена главным образом вопросам послевоенного мирного урегулирования. Для выработки рекомендаций по европейским делам стороны решили учредить Европейскую консультативную комиссию с местом пребывания в Лондоне. В дискуссиях активно обсуждался германский вопрос. Государственный секретарь США К. Хэлл предложил на рассмотрение документ «Основные принципы капитуляции Германии», в котором намечались меры по ее оккупации, демилитаризации и расчленению на несколько государств. Министр иностранных дел Великобритании А. Иден одобрил этот план. Свое согласие с американскими мерами высказал и нарком В. Молотов. Однако последний подчеркнул, что СССР не желает пока открыто высказываться за жесткие меры к Германии, поскольку это может привести к усилению сопротивления немцев. Вопрос о будущем германского государства был передан на рассмотрение Европейской консультативной комиссии (ЕКК).

ЕКК предстояло обсудить и французскую проблему, поскольку Москва не поддержала английский проект (одобренный США) управления Францией после ее освобождения главнокомандующим вооруженными силами западных союзников. СССР высказался за передачу власти Французскому комитету национального освобождения (ФКНО), признав его представителем государственных интересов страны, всех французских патриотов, борющихся против Гитлера²¹⁹.

Участники конференции приняли и ряд других важнейших документов, среди них: Декларацию об Италии, предусматривающую демократизацию всех политических институтов страны и Декларацию об Австрии, зафиксировавшую восстановление в будущем ее независимого статуса. В про-

цессе дискуссий стороны признали необходимым создание после войны надежной системы международной безопасности. Суждения Рузвельта о «четырех полицейских», которые будут охранять будущий мир, начали находить воплощение в межправительственных документах. 30 октября представители великих держав — Молотов, Хэлл, Иден, а также посол Китая в СССР Фу Бинчан подписали Декларацию, в которой говорилось о необходимости добиться безоговорочной капитуляции стран «Оси» и «учреждения в возможно короткий срок всеобщей международной организации для поддержания мира и безопасности» с участием в ней всех миролюбивых государств²²⁰.

При разборе планов операций западных союзников в Европе американский представитель Дж. Дин и британский Х. Исмэй подчеркивали, что главным пунктом всех их предыдущих военных совещаний было усиление помощи России. Они подтвердили решение о том, что операция по высадке во Франции должна начаться весной 1944 г. при следующих условиях: сокращение мощи германских ВВС и ограниченном количестве немецких резервов, которые командование вермахта сможет задействовать против десанта. По словам Дина, советская делегация склонна была верить в искренность англо-американских намерений, и заверила о продолжении неослабного давления на Восточном фронте, чтобы создать необходимые предпосылки для операций союзников²²¹. Однако советским представителям вскоре был дан шанс еще раз убедиться, что англо-американские намерения далеко не так однозначны. Так, англичане (и прежде всего Черчилль) в последующие недели пытались отстоять необходимость наращивания военных усилий в Италии и на Балканах, за счет переноса сроков «Оверлорда».

На заседании 29 октября госсекретарь К. Хэлл поднял вопрос о международной опеке, который он обсуждал с президентом незадолго до своего отъезда в Москву. Хэлл, однако, уже знал об отрицательной реакции, высказанной по этому поводу британской стороной. Англичане, несомненно, подозревали, что система опеки может уда-

речь и по британским колониальным интересам. Поэтому американский представитель сказал, что из-за недостатка времени этот вопрос вряд ли можно подробно обсудить на конференции. Тем не менее, Молотов заявил, «что Советское правительство придает вопросу о зависимых странах большое значение и считает его заслуживающим дальнейшего изучения». Хэлл подчеркивал, что хотя никакого решения на Московской конференции по вопросу о зависимых странах принято не было, переговоры по нему между тремя правительствами продолжались и была заложена основа того, что позднее стало системой международной опеки в рамках ООН²²².

Московская конференция стала весомым шагом на пути выработки взаимоприемлемой концепции послевоенного устройства Европы, подготовки документов, фиксирующих новую расстановку сил в международных делах. СССР добился главного: его союзники — США и Великобритания — признавали за ним равноправного участника в решении всего комплекса послевоенных проблем. Пока это происходило в форме их обсуждения и принятия совместных деклараций. Но было понятно, что в дальнейшем предстоит разработать уже полновесные документы, в которых будут учтены позиция и авторитет Советского Союза. Союзники также понимали, что с течением времени — по мере продвижения Красной армии дальше на запад — значение советского фактора в международных делах будет только усиливаться.

Американские оценки участия СССР в будущем устройстве Европы после Московской конференции 1943 г. продолжали претерпевать существенные изменения. Встреча министров иностранных дел трех держав по сути дела открыла новый этап взаимодействия между союзниками, в ходе которого стороны освобождались от старых предрассудков, но уже более четко понимали суть стоящих впереди проблем. Как отмечал в своем послании президенту 5 ноября 1943 г. новый посол США в Москве А. Гарриман, «определенные сомнения, имевшиеся ранее относительно совет-

ских намерений отставлены в сторону. Однако более остро стал заметен характер существующих трудностей». Накануне Тегеранской конференции Рузвельт как никогда нуждался в достоверной информации о намерениях СССР в послевоенном мире, и Гарриман старался не обмануть ожиданий президента. Суждения посла в целом выглядели достаточно оптимистично, и он не говорил о каком-либо повороте СССР от генеральной линии на сотрудничество с США. Однако Гарриман не оставлял в стороне и некоторые тревожные тенденции вероятной политики СССР, анализировать которые предстояло самому Рузвельту. Так, он отмечал: «Советское правительство еще до того, как оно согласилось на эту конференцию, очевидно, решило, что будет пытаться работать с англичанами и с нами в деле разрешения как военных, так и послевоенных проблем. В целом, Советы остались очень довольны тем, как проходила конференция... Было интересно наблюдать за реакцией Молотова. По мере того, как он стал осознавать, что мы не собираемся выступать против него единым фронтом и готовы честно и открыто обсуждать наши предварительные наметки, он выражал все большее удовольствие тем, что впервые допущен к совещанию в качестве полноправного члена, обладая такими же правами, как британцы либо мы сами...» Гарриман заметил, что благосклонное отношение русских к допуску Китая в круг великих держав подтверждает, что они удовлетворены ходом текущих событий и готовы «сделать существенные уступки ради достижения еще большей близости между нами». Однако, с другой стороны, он сомневался, чтобы русские уже полностью встали на путь такой политики и теперь можно свободно доверять им.

Гарриман был удовлетворен отношением СССР к будущему Германии, подчеркнув, что русские готовы вести здесь дела на основе трехсторонней ответственности. Россия последовательно выступала за разоружение Третьего рейха, не исключала возможности его насильственного разделения, но, по мнению посла, могла иметь в отношении немцев и дополнительные требования, особенно в части, касающейся увеличения репараций.

Далее Гарриман перешел к вопросам, непосредственно затрагивавшим как будущие границы СССР, так и политические преобразования в соседних с ним странах. Он заметил, что «хотя территориальные вопросы на конференции не поднимались, можно сделать определенный вывод, что советское правительство будет твердо стоять на позиции, которую оно уже обозначило касательно своих границ 1941 г. У русских, я думаю, создалось впечатление о том, что британцы молчаливо одобрили такое положение дел, и тот факт, что мы также не поднимали этот вопрос, может сформировать у них мнение, что в будущем США не станут серьезно возражать против советских намерений. Проблема Польши еще более сложная, чем нам представлялось. Русские относятся к нынешнему польскому правительству в эмиграции как к враждебному и поэтому считают его совершенно неприемлемым. Они решительно настроены признать только такое польское правительство, которое являлось бы искренним и дружественным соседом. С другой стороны, Молотов вполне определенно сказал мне, что Москва желает видеть Польшу в качестве сильного независимого государства, безотносительно, какую социальную и политическую систему захотят избрать сами поляки. В ходе конференции со стороны русских не было сделано ни одного намека на то, что они собираются расширять свою советскую систему... Но они решительно не настроены иметь на своих границах в Восточной Европе любое подобие санитарного кордона. Молотов сказал мне, что отношения, которые они собираются установить с пограничными странами, не препятствуют поддержанию таких же дружественных отношений с Британией и США...»

Гарриман счел своим долгом предупредить президента о следующем: «Конференция, однако, показала, — писал он, — несмотря на то, что русские собираются информировать нас о своих акциях, они предпочтут предпринимать односторонние действия в отношении этих (пограничных. — *М.М.*) стран, устанавливая с ними такие отношения, которые считали бы удовлетворительными для себя». Так,

в качестве примера он привел «резкую и бескомпромиссную позицию» СССР к Финляндии. Тем не менее, посол чувствовал, что «подобная жесткая линия могла бы быть пропорционально смягчена увеличением доверия Москвы к Британии и США в деле построения всемирной системы безопасности». Более того, Гарриман полагал, что в отношении государств, расположенных к западу от пограничных с СССР стран, Москва, казалось, была готова к полномасштабному сотрудничеству со своими союзниками, — правда, при условии ее участия в принятии решений²²³.

Дискуссии по широкому комплексу военно-политических вопросов, происходивших в Москве, дали возможность главам держав Большой тройки более обстоятельно подойти к их обсуждению в ходе состоявшейся через месяц конференции в Тегеране. По дороге в Тегеран, 22—26 ноября 1943 г., Рузвельт и Черчилль встретились в Каире. Одним из основных обсуждавшихся там вопросов было положение на Дальнем Востоке и нанесение решительного удара по Японии. К переговорам присоединился китайский лидер Чан Кайши, который пытался заострить внимание на китайской проблеме. На встрече 26 ноября была выработана заключительная декларация, которую решили не публиковать до завершения встречи в Тегеране и одобрения документов Советским Союзом (опубликована 1 декабря). В ней, в частности, говорилось, что правительства США, Великобритании и Китая «... не стремятся ни к каким завоеваниям для самих себя и не имеют никаких помыслов о территориальной экспансии». Указывалось, что союзники намерены лишить Японию всех захваченных территорий, в том числе всех островов на Тихом океане, захваченных или оккупированных ею с начала Первой мировой войны. Выдвигалось требование, чтобы «...все территории, которые Япония отторгла у китайцев, как, например, Маньчжурия, Формоза и Пескадорские острова, были возвращены Китайской республике»²²⁴. На встрече в Каире вновь выявилось различие точек зрения США и Великобритании по ряду проблем глобальной военной стратегии, в основе

которого лежало желание Черчилля оттянуть сроки операции во Франции или вовсе поставить ее осуществление в зависимость от операций на Средиземном море. В результате окончательное политическое решение по этому вопросу откладывалось до Тегеранской конференции. Завершив встречу в Каире, Рузвельт и Черчилль направились в Тегеран.

* * *

В ходе работы Тегеранской конференции 28 ноября — 1 декабря 1943 г. лидерам трех ведущих держав антигитлеровской коалиции удалось решить главный вопрос о сроках открытия второго фронта.

Сталин четко стоял на позиции быстрейшего установления сроков операции в Северной Франции и последовательно продолжал поднимать этот вопрос. Несмотря на упорство Черчилля, Рузвельт решил более не затягивать ситуацию. Он не мог и дальше рисковать налаживанием отношений с советским лидером, — многие его послевоенные планы строились именно на прогнозах укрепления могущества СССР, и этот факт подтверждали упомянутые выше беседы президента со своими доверенными помощниками. Было также заметно, что на переговорах Рузвельт решил несколько дистанцироваться от Черчилля. После прилета в Тегеран он принял приглашение поселиться в советском посольстве, рядом с резиденцией Сталина, а премьер-министр остановился в своем посольстве, расположенном неподалеку. Думается, что большую роль в этом решении президента сыграла не только информация о готовящемся нацистском покушении на лидеров трех стран, но и желание Рузвельта установить более тесные контакты со Сталиным.

Во время ужина 28 ноября между Сталиным и Рузвельтом получила продолжение тема предъявления условий капитуляции Германии, обсуждавшаяся Хэллом, Молотовым и Иденом еще на Московской конференции в октябре 1943 г. Москва, исходя, прежде всего, из военных сооб-

ражений, продолжала опасаться усиления сопротивления противника в случае оглашения в данный момент «безоговорочных» условий мира. Имеет смысл привести здесь текст краткого обмена мнениями между лидерами СССР и США по этому вопросу, зафиксированного переводчиком В. Павловым:

«Тов. Сталин сказал Рузвельту, что требование безоговорочной капитуляции со стороны союзников подхлестывает людей во вражеских армиях, заставляя их сражаться с ожесточением, так как безоговорочная капитуляция им кажется оскорбительной. Поэтому он, тов. Сталин, желал бы знать, что думает Рузвельт по поводу того, чтобы разработать, что означает “безоговорочная капитуляция”, то есть определить, какое количество оружия, средств транспорта и т.д. должен выдать противник, и затем огласить эти условия, не называя их безоговорочной капитуляцией. Рузвельт не дал определенного ответа на этот вопрос, перейдя к рассказу о том, как он учился и жил в Германии в своем юношеском возрасте. Иден, сидевший недалеко от тов. Сталина, внимательно выслушал вопрос, поставленный тов. Сталиным»²²⁵.

Запись совещания военных представителей союзников утром 29 ноября 1943 г. создает впечатление, что начальник Имперского Генерального штаба Великобритании А. Брук пытался оставить в отношении «Оверлорда» двери открытыми, как в отношении сроков, так и возможности широкого использования основных сил на других военных театрах, кроме Северной Франции. Он в частности отметил, что важнейшей задачей англо-американских сил является «оказывать давление на врага везде, где это возможно». «Операция “Оверлорд” отвлечет большое количество германских дивизий. Но эта операция, по его мнению, не может иметь места до 1 мая, как наиболее подходящего для десанта срока. Поэтому до начала этой операции будет перерыв в 5-6 месяцев, во время которого необходимо что-либо сделать для отвлечения германских дивизий. Брук указывает, что англичане имеют крупные силы

в Средиземном море, которые они желают использовать как можно лучше... В районе от Югославии до Греции находится в настоящее время 21 германская дивизия...» На возражения К. Ворошилова, что у советского Генерального штаба совсем другие данные, Брук предложил поручить этот вопрос разведчикам. Далее Ворошилов поставил перед английским представителем прямой вопрос: поскольку со слов начальника штаба армии США генерала Маршалла он понял, что американцы имеют против немецких войск во Франции 50-60 дивизий, задержка в использовании которых касается только десантных средств, и относятся к «Оверлорду» как к основной операции, «считает ли генерал Брук как глава британского Генерального штаба, эту операцию также главной операцией, и не считает ли он, что эту операцию можно было бы заменить какой-либо другой операцией в районе Средиземного моря или где-нибудь в другом месте».

В этот момент в дискуссию вмешался генерал Маршалл, отметив, что «сейчас предпринимается все для того, чтобы осуществить операцию "Оверлорд", повторив, что вопрос упирается лишь в транспортные средства. Брук заметил, что «англичане придают этой операции важное значение и рассматривают ее как существенную часть этой войны. Но для успеха этой операции должны существовать определенные предпосылки, которые не позволяли бы немцам, используя хорошие дороги, существующие в Северной Франции, подбрасывать резервы. Брук говорит, что, как полагают англичане, такие предпосылки будут существовать в 1944 г. Для предстоящих операций были реорганизованы все британские силы... Но затруднения англо-американцев заключается в десантных судах. Для того, чтобы быть готовыми к 1 мая, необходимо уже сейчас перебросить основную массу десантных судов из Средиземного моря. Но это привело бы к приостановке операций в Италии. В то же время англичане хотят удерживать максимальное число германских дивизий в непрерывной борьбе. Это необходимо не только для того, чтобы оттягивать германские силы с русского фронта, но и для успеха опера-

ции «Оверлорд»... Тов. Ворошилов говорит, что он еще раз хочет спросить генерала Брука, считает ли англичане операцию «Оверлорд» главной операцией. Генерал Брук отвечает, что он ждал этого вопроса. Он, Брук, должен сказать, что он не желает видеть неудачу операции как в Северной, так и в Южной Франции. При некоторых же обстоятельствах эти операции обречены на неудачу». Далее Ворошилов подчеркнул, что маршал Сталин и советский генштаб рассматривают операции в Средиземном море как операции второстепенного значения, хотя опережающая высадка на юге Франции может иметь большое значение для «Оверлорда». По опыту форсирования Красной армией крупных рек Ворошилов выразил уверенность, что «операция через Канал, если она по-серьезному будет проводиться, будет успешной». В заключение Брук сказал, что «англо-американцы также рассматривают операции в Средиземном море как операции второстепенного значения. Но поскольку в районе Средиземного моря имеются крупные войска, эти операции могут и должны быть проведены для того, чтобы помочь основной операции»²²⁶.

Несмотря на то, что при поддержке английских военных Черчилль не терял надежды отстоять свой «балканский вариант» стратегии и объявил о необходимости первоочередного захвата Рима, он говорил о желательности введения на средиземноморском ТВД дополнительных дивизий, которые все равно ослабили бы давление на русский фронт. Но такой ввод, несомненно, отвлек бы англо-американские силы от выполнения главной задачи. Военное командование США ясно высказалось за скорейшее форсирование Ла-Манша. Британский премьер вел свою игру, стремясь перерезать Красной армии пути в Центральную Европу. Но американские начальники штабов ясно видели всю опасность такого развития ситуации. Они рассуждали военно-стратегическими категориями, сознавая, что удар с юга может привести к затягиванию войны в Европе, а исходя из расчетов на будущее привлечение СССР к боевым действиям против Японии, — и всей мировой войны в целом. Такой позиции придерживался и Руз-

вельт. Глава военной миссии США генерал Дж. Дин, также участвовавший в конференции, вспоминал, что «премьер-министр Черчилль был единственным защитником проведения операции в Средиземном море. Президент Рузвельт был срочно предостережен своим Объединенным штабом от всех шагов, которые привели бы, как следствие, к дальнейшему откладыванию сроков проведения операции «Оверлорд». С другой стороны, ему импонировало логическое красноречие Черчилля. Сталин, напротив, знал точно, чего хотел — второй фронт во Франции, и чем быстрее, тем лучше... Черчилль, стараясь быть убедительным, дал полную волю своему остроумию, которое выигрывало еще больше от его выразительных жестов. Речь премьер-министра была свободна от лести и полна юмора, он то кусал свою сигару, то продолжал выступление, бормоча и рыча. Русские могли оценить его усилия только через переводчика (В. Бережкова)... В устах переводчика слова Черчилля теряли свою силу и становились пустыми»²²⁷. Сталин умело оппонировал Черчиллю, и его высказывания совпадали с позицией американского штаба. Все это укрепляло также мнение президента Рузвельта о необходимости быстрого назначения даты вторжения в Европу. Все доводы Черчилля были, в конце концов, отвергнуты.

30 ноября, после совещания с Черчиллем, Рузвельт наконец сообщил Сталину важнейшую новость: Объединенный комитет начальников штабов США и Великобритании, равно как и сами руководители этих стран, приняли решение назначить дату начала операции «Оверлорд» — высадку во Франции — на май 1944 г. По настоянию Сталина было также ускорено назначение командующего объединенными войсками союзников, которым вскоре стал генерал Д. Эйзенхауэр.

Другими словами, все точки над «i» были расставлены, и одним из главных мотивов позиции Рузвельта по второму фронту было устное заявление Сталина, сделанное еще на 1-м заседании конференции, 28 ноября, о том, что СССР после завершения войны с Германией присоединится к вой-

не с Японией²²⁸. Это обещание имело очень существенное значение для укрепления коалиции, поскольку и Рузвельт и американские военные теперь могли более ясно видеть перспективы окончания войны на Тихом океане.

На конференции были обсуждены и проблемы, касающиеся послевоенного устройства, в том числе территориальные. Рузвельт и Черчилль продолжали придерживаться идеи образования на месте Германии нескольких самостоятельных государств. Сталин также говорил о возможности расчленения Германии. Тем не менее, он возражал против соединения германских территорий с какими-либо другими государствами. Как вспоминал адмирал У. Леги²²⁹, на конференции «не было достигнуто никакого определенного решения по вопросу о расчленении Германии, который длительное время обдумывал Рузвельт, хотя его план, казалось, был в принципе воспринят положительно»²³⁰. Американский президент говорил о возможном появлении на месте рейха пяти стран, международном контроле на Гамбургом, Кильским каналом, Рурской областью и Сааром. Но Сталин с недоверием отнесся к таким планам и избегал брать на себя какую-либо инициативу в вопросе. Он высказался за установление в Германии союзнического контроля над основными стратегическими пунктами и ликвидацию самой возможности будущей германской агрессии. Более того, он прохладно отнесся к предложениям западных лидеров о создании в Европе различных конфедераций государств (например Дунайской). Действительно, на тот момент не существовало никаких гарантий, что эти новые конфедерации окажутся жизнеспособными и не будут затем вновь объектом агрессии со стороны той же Германии. Вероятнее всего, он также опасался, что эти образования могут быстро оказаться под влиянием западных держав и стать полем для организации нового антисоветского кордона.

Таким образом, аналитики из Госдепартамента США в преддверии конференции довольно верно спрогнозировали позицию Москвы в отношении германского вопроса. Исключением стал лишь тот момент, что советский лидер не

собирались, как они предполагали, полностью передавать Восточную Пруссию Польше. Напротив, Сталин поднял вопрос о возможности передачи СССР незамерзающих портов на Балтийском море, в частности Кенигсберга. Как Рузвельт, так и Черчилль проявили готовность учитывать интересы Советского Союза. В итоге германский вопрос (как это произошло и на Московской конференции министров иностранных дел) было решено отложить и передать на обсуждение Европейской консультативной комиссии.

Сталин изложил на конференции и некоторые другие вопросы, напрямую касавшиеся сфер интересов и безопасности СССР. Лидеры трех держав обсудили сложнейшую польскую проблему, включавшую будущее политическое устройство этого государства и прохождение его границ. Известно, что позиция советской стороны о необходимости восстановления советско-польской границы по состоянию на 1941 г. и получения Польшей территориальной компенсации за счет Германии не вызвала принципиальных возражений со стороны западных лидеров. Однако и Черчилль, и Рузвельт пытались побудить Сталина наладить отношения с польским эмигрантским правительством, что было неприемлемо в условиях враждебного отношения последнего к Москве. У. Леги подчеркивал, что во время Тегеранской конференции «проблема польских границ подробно не обсуждалась. После того как все в той или иной мере признали в качестве восточной границы Польши линию Керзона (Рузвельт, правда, конкретного согласия не дал), вопрос о западных границах остался нерешенным, хотя три руководителя в принципе согласились, что Польша должна получить часть германской территории как компенсацию за тот район, который должен был остаться у России...»²³¹

Основная дискуссия по польскому вопросу развернулась позднее — уже в период Ялтинской конференции. Но еще до встречи в Крыму в позициях сторон касательно будущего Польши стали возрастать элементы конфронтации, о чем будет сказано ниже.

30 ноября, в день, когда Рузвельт объявил Сталину о сроках открытия второго фронта, на конференции был поднят вопрос и свободного выхода СССР к «теплым морям». Инициатором обмена мнениями выступил не советский лидер, а британский премьер, считавший, что ранее Британия возражала против этого, но сейчас считает, что СССР должен получить доступ к «незамерзающим портам». Сталин согласился с этим, но добавил, что этот вопрос можно будет обсудить позже. Кроме того, по его мнению, надо было «пересмотреть вопрос и о режиме турецких проливов» — то есть выхода России из Черного моря. Далее речь зашла о Дальнем Востоке, и Сталин сказал, что не возражает против создания независимой Кореи и возвращения Формозы и Маньчжурии Китаю. Советский лидер подчеркнул, что СССР «заперт также и на Дальнем Востоке», так как важнейшие проливы там контролируют японцы. После этого в разговор вступил Рузвельт, заостривший внимание на своей идее свободных портов. «На Дальнем Востоке, — по его мнению, — таким портом мог бы быть Дайрен». На возражение Сталина, что этим возможно будет недоволен Китай, Рузвельт ответил, «что Китай с этим будет полностью согласен».

В конце этой части дискуссии Черчилль заявил: «управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые полностью удовлетворены и не имеют никаких претензий. Сталин же добавил: «управление миром должно быть сосредоточено в руках наций, которые способны на это». Премьер согласился и подвел итог: «судьбы мира должны быть сосредоточены в руках сильных стран, которые полностью удовлетворены и не имеют никакого желания взять себе что-либо еще... три наши страны являются именно такими странами. После того как мы договоримся между собой, мы сможем считать, что мы полностью удовлетворены, а это самое главное»²³².

Понятно желание Черчилля видеть Великобританию мощным и равноправным членом коалиции великих держав. Его предложения Сталину могли показаться весь-

ма «щедрым» подарком. Но не будем забывать, что Черчилль завел речь, прежде всего, о Дальнем Востоке, где британские позиции за последнее время сильно пошатнулись. На роль главного арбитра в этом регионе безоговорочно претендовали США. В отношении европейских дел Черчилль предпочел выдержать паузу.

На Тегеранской конференции лидерам западных стран стало ясно, что лично для себя Сталин уже закрыл тему включения Прибалтики в состав Советского Союза. В работе М. Гилберта приводятся интересные сведения о том, что по возвращению из Тегерана Черчилль сообщил Идену: «когда Сталин говорил о Восточной Пруссии и Кенигсберге, он ничего не сказал о прибалтийских государствах, которые останутся под русским контролем при любых обстоятельствах», — и добавил: «запросы русских никак не выходят за пределы границ бывшей царской России, а в ряде случаев они заметно меньше»²³³. В целом советская точка зрения о необходимости восстановления довоенных границ СССР не вызывала у Черчилля возражений.

Имеются основания полагать, что еще до встречи в Тегеране Рузвельт выработал свой подход к вопросу о прибалтийских странах. Фактически это было одобрение их вхождения в состав СССР, обусловленное проведением там послевоенного плебисцита. Рузвельта особо не интересовали формы этого плебисцита и контроль над ним. Ему нужно было формальное согласие Сталина, которое он мог бы использовать для успокоения общественного мнения американцев и, главным образом, выходцев из прибалтийских государств.

1 декабря 1943 года между Рузвельтом и Сталиным произошел следующий диалог, отрывки из которого подтверждают упомянутый подход американского президента:

Рузвельт заявил, что «В Соединенных Штатах может быть поднят вопрос о включении Прибалтийских республик в Советский Союз, и я полагаю, что мировое общественное мнение сочтет желательным, чтобы когда-нибудь в будущем каким-то образом было выражено мнение народов этих республик по этому вопросу. Поэтому я наде-

юсь, что маршал Сталин примет во внимание это пожелание. У меня лично нет никаких сомнений в том, что народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они сделали это в 1940 году.

Сталин. Литва, Эстония и Латвия не имели автономии до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и с Англией, и никто не ставил вопроса о выводе этих стран из состава России. Почему этот вопрос ставится теперь?

Рузвельт. Дело в том, что общественное мнение не знает истории. Я хотел бы поговорить с маршалом Сталиным о внутреннем положении в Соединенных Штатах. В будущем году в Соединенных Штатах предстоят выборы. Я не желаю выдвигать свою кандидатуру, но если война продолжится, то я, может быть, буду вынужден это сделать. В Америке имеется шесть-семь миллионов граждан польского происхождения, и поэтому я, будучи практичным человеком, не хотел бы потерять их голоса... В Соединенных Штатах имеется также некоторое количество литовцев, латышей и эстонцев. Я знаю, что Литва, Латвия и Эстония и в прошлом и совсем недавно составляли часть Советского Союза, и, когда русские армии вновь войдут в эти республики, я не стану воевать из-за этого с Советским Союзом. Но общественное мнение может потребовать проведения там плебисцита.

Сталин. Что касается волеизъявления народов Литвы, Латвии и Эстонии, то у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю.

Рузвельт. Это будет мне полезно.

Сталин. Это, конечно, не означает, что плебисцит в этих республиках должен проходить под какой-либо формой международного контроля.

Рузвельт. Конечно, нет. Было бы полезно заявить в соответствующий момент о том, что в свое время в этих республиках состоятся выборы.

Сталин. Конечно, это можно будет сделать. Я хотел бы знать, решен ли окончательно вопрос об отъезде завтра...»²³⁴

На последнем этапе Второй мировой войны, 1944—1945 гг., прибалтийский вопрос как бы отошел в тень. Сталин считал его решенным, полагая, что американский президент будет вполне удовлетворен такой формой волеизъявления народов Прибалтики, как участие в выборах в Верховный Совет СССР, что де-факто доказывало желание населения Эстонии, Латвии и Литвы жить, трудиться и участвовать в общественных процессах в составе Союза ССР. Действительно, вскоре после войны, в феврале 1946 года, состоялись выборы в Верховный Совет СССР, а в феврале 1947 г. — выборы в Верховные Советы союзных и автономных республик, в которых приняло участие большинство их коренного населения. Что касается дальнейшей американской позиции в отношении вхождения Прибалтики в состав СССР, то Вашингтон официально не признавал этого свершившегося факта, хотя и не выступал открыто против.

Подобная позиция американского руководства была обусловлена, в первую очередь, фактом изменившейся стратегической ситуации на фронтах войны и возросшим влиянием СССР на международной арене. В целом, после Тегеранской конференции Рузвельт и его помощники были полны оптимизма. Им казалось, как впоследствии замечал Г. Гопкинс, что «зарождается заря нового дня». Поведение Сталина воспринималось как вполне разумное и дальновидное, и не было никаких видимых препятствий для заключения с Советской Россией долгосрочных договоренностей²³⁵. В сложившихся обстоятельствах страны Восточной и Юго-Восточной Европы могли, по мысли президента, научиться жить вместе с СССР. В любом случае эти регионы не объявлялись Москвой объектом большевизации. В то же время Советский Союз должен был играть важнейшую роль в новой организации по безопасности, призванной поддерживать мир во всем мире.

Рузвельт популяризировал свою идею о «четырех полицейских». Но он, как опытный политический деятель, не мог не понимать, что только два из них — США и СССР — после войны будут реально располагать всем спектром военно-политических рычагов для бескомпромиссной за-

щиты своих интересов. Президент вводил в круг великих держав и Китай, но большая часть этого государства еще находилась тогда под японской оккупацией. Даже довоенная экономика страны считалась чрезвычайно отсталой, а китайцам предстояло еще залечивать свои раны в условиях неопределенного политического будущего. Китайские вооруженные силы, хотя и сковывали огромную массу японских войск, пока не проявляли необходимых боевых качеств. Еще один «полицейский» — Великобритания — являлась ближайшим и испытанным союзником США. Однако факт ослабления Британской империи также был очевиден. Мощь американской экономики была несоизмеримо выше английского производства. На Британских островах сосредотачивалась огромная группировка экспедиционных сил союзников, но ее основой являлись войска США. Кроме того, американская армия и флот несли подавляющую часть нагрузки в войне на Тихом океане. Негативным для Лондона становился и факт подъема национального движения в британских колониях. На горизонте обозначились перспективы будущего коллапса империи и неизбежного перераспределения сфер влияния в образовавшемся вакууме. Великобритания оставалась признанным членом Большой тройки, но, как замечал российский историк Р. Иванов, «Черчилль все прекрасно понимал. На его глазах в ходе работы Тегеранской конференции шел быстрый процесс перегруппировки политических и дипломатических сил мирового масштаба. СССР и США играли все большую роль в борьбе с блоком агрессивных держав, что находило свое отражение и в личных отношениях между Сталиным и Рузвельтом»²³⁶.

Нельзя сбрасывать со счетов и отрицательное отношение американского президента к «классическому» колониализму, который объективно уже изжил себя и должен был уступить место новому порядку взаимодействия стран на международной арене. Британия была ближайшим союзником США, но британская колониальная система объективно закрывала для американцев свободный доступ к рынкам сырья и сбыта продукции. Принимая решения в

теснейшем альянсе с Черчиллем, Рузвельт, тем не менее, рассчитывал в ближайшем будущем открыть для американского капитала широкий доступ к тем владениям, которые считались ранее либо подчиненными, либо подопечными Лондону. Сын президента США Эллиот Рузвельт впоследствии вспоминал слова своего отца, сказанные им еще в 1941 г. о том, что он намерен заставить англичан жить согласно антиколониальным принципам, изложенным в Атлантической хартии²³⁷. Логично предположить, что желанием Рузвельта было избежать и такого развития событий, когда на пространство, освобожденное Великобританией под давлением экономических и политических факторов, вступит Советский Союз, и уже Москва поставит барьер распространению здесь американских интересов. Вашингтон мог опасаться и компромиссного англо-советского соглашения, выдержанного в традиционном духе раздела сфер влияния. Однако у Америки имелись и весьма неплохие возможности нивелировать результаты подобной сделки, прежде всего благодаря политическому давлению на Лондон. В этом случае финансовые, экономические и другие рычаги США могли быть использованы для коррекции курса Великобритании в нужном для Вашингтона направлении. Рузвельту, безусловно, нужно было договариваться о деталях послевоенного устройства Европы в рамках союзного альянса трех держав, но он не желал иметь в этом альянсе нечто похожее на тандем, состоящий из Черчилля и Сталина. Сговор этих лидеров без участия американского президента мог ослабить позиции США в решении послевоенных проблем. Тем не менее, как мы увидим в дальнейшем, попытки достижения такого сговора-соглашения с СССР со стороны Великобритании все же предпринимались.

Рузвельт искал пути к стабильному послевоенному миру, в котором Америка могла бы поддерживать выгодный для себя баланс сил. Однако возможность утверждения в нем единолично лидирующей роли США ставилась теперь по большой вопрос. После побед Красной армии в 1943 г. очевидным представлялся факт еще большего укре-

пления военного потенциала СССР. Да, Россия уже многое потеряла в этой войне, но было ясно, что она не выйдет из нее ослабленной в военном отношении. Советская военная мощь была потенциальной опорой дальнейших внешнеполитических акций Москвы. Несомненно, как это и предвиделось Рузвельтом ранее, Россия должна была столкнуться после окончания войны с огромными внутренними проблемами и нехваткой ресурсов для восстановления своего разрушенного хозяйства. Но те гигантские достижения, которые осуществили советские люди в 1941—1942 гг. по эвакуации промышленности, подъему производства боевой техники и всеобщей мобилизации ради разгрома противника, не могли не наводить на мысль о том, что и после окончания вооруженной борьбы СССР будет способен пусть и с огромными издержками, но самостоятельно (без западной помощи) поднять и реконструировать свою экономику.

Рузвельт, как опытный шахматист, просчитывал свои ходы далеко вперед. СССР мог стать после войны единственной кроме США силой, способной идти самостоятельным путем и даже адаптировать политику, противоречащую американским интересам. Москва имела и свои территориальные требования. Являясь глашатаем самой широкой организации международной безопасности, президент и ответственные государственные политики США осознавали, что главные вопросы послевоенного устройства, если не случится чего-нибудь непредвиденного, после войны будут решаться в Вашингтоне и Москве. Следовательно, надо договариваться с СССР, втягивать его в разрешение проблем, имеющих глобальное значение, уходя от жесткой постановки вопросов о его собственных границах и сферах влияния в Восточной Европе. Как вспоминал К. Хэлл, осенью 1943 г. Рузвельт и его ближайшие помощники, к которым он относил и себя, «хотели восстановления нормальных дипломатических отношений между Россией и Польшей, хотели, чтобы Советское правительство согласилось с широкими принципами международного сотруд-

ничества после войны, сгруппированными вокруг создания организации по поддержанию мира. Но мы не собирались настаивать на урегулировании во время войны таких специфических вопросов, как определение границы между Польшей и Россией»²³⁸. Как Рузвельт, так и его ближайшее окружение в то время уже действительно пришли к убеждению, что Россия выйдет из войны одной из самых могущественных держав. Но можно только догадываться, какое место они отводили ей, скажем, через 20-30 лет. Очевидно, что стратегия привлечения СССР к разрешению широких международных проблем приносила США значительный выигрыш по времени, позволяла сохранить западный образ жизни в наиболее развитых европейских странах, а в перспективе давала Америке шанс расширить свое военное и экономическое влияние в различных уголках планеты и добиться тем самым контроля над большей частью ее ресурсов. Однако первым шагом к достижению подобной цели был разгром нацистской Германии совместно с другими союзниками по антигитлеровской коалиции.

После Тегерана Рузвельт начинает постепенно менять акценты в своей концепции «четырех полицейских», переводя ее с рельс чисто региональной ответственности на более широкий базис совместного контроля великих держав за миром на планете. Это стало очевидным еще в ходе работы конференции, когда он в частном порядке сказал Сталину, что ему импонирует мировая организация, состоящая из трех основных учреждений: 1) ассамблеи для ведения дискуссий и выдвижения рекомендаций; 2) исполнительного комитета для решения невоенных вопросов (он мог состоять из представителей СССР, США, Великобритании, Китая, дополнительно двух европейских государств, одного южноамериканского, одного ближневосточного и одного британского доминиона); 3) «четырех полицейских» (США, Великобритании, СССР, Китая) в качестве силового агентства, способного сдерживать агрессию. Историк Д. Доенек приводит интересное замечание, что моделью для такой организации стала в федеральная система в самих

Соединенных Штатах²³⁹. Однако с большой вероятностью можно предположить, что такая система была предложена не только потому, что она была хорошо знакома американскому президенту. Не в последнюю очередь здесь сказались опасения за будущую судьбу европейского континента после разгрома Германии и поведение Советского Союза в предполагаемой зоне его влияния — прежде всего в Восточной Европе. Эксперты из внешнеполитического ведомства США в конце 1943 г. все чаще предупреждали об угрозе единоличного господства СССР на континенте. На переговорах Тегеранской конференции, суммировал эксперт по советским делам Госдепартамента Ч. Болен, стороны договорились о разгроме Германии. В результате «государствам Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы не будет позволено вступать в какую-либо форму федерации или ассоциации. Франция будет лишена своих колоний, стратегических баз за пределами своих границ и достаточной военной силы. Польша и Италия сохраняются приблизительно в своих нынешних территориальных очертаниях, но весьма сомнительно, чтобы им было разрешено иметь сколько-нибудь значительные армии. В итоге Советский Союз станет единственной значимой военной и политической силой на европейском континенте...»²⁴⁰

Рузвельт понимал, к каким ограничениям для американских интересов (в том числе экономическим) может привести подобное развитие событий. Вновь перед ним вставал вопрос о необходимости найти выгодные для США и понятные большинству американцев правила игры в послевоенном мире — обозначить такие перспективы сотрудничества великих держав, которые не привели бы к новому витку напряжения и не стали прелюдией нового мирового конфликта. Актуальным оставался вопрос и о контроле над самими «полицейскими». По свидетельству исследователя политики США в 1940-х годах Клауса Швабе, по мере того как боевые действия все ближе приближались к границам Восточной Европы, президент все более относился к идее организации Объединенных наций имен-

но как к проекту международного института, наделенного контрольными функциями. Точнее говоря, подобным «контролером» мог стать Совет безопасности, постоянные члены которого должны были обладать привилегированными позициями. Рузвельт надеялся, что подчиненные Совету международные полицейские силы будут приемлемы и для американского общественного мнения²⁴¹. Однако на данном этапе войны в подвешенном состоянии оставались вопросы: должны ли при этом существовать специальные и четко ограниченные зоны ответственности для великих держав? И если да, то где они должны проходить в Европе? Историк У. Кимболл, комментируя поведение президента в Тегеране, замечает, что «дилеммой Рузвельта было примерить его видение будущего с необходимостью практического разрешения вопросов, имеющих отношение к политической реальности. Его манерой поведения в таком затруднительном положении было откладывать, избегать, уклоняться и увертываться. Он часто делал три шага назад, два в сторону и затем стоял на месте до момента рассмотрения одного гигантского шага вперед. Проблема состояла в том, что долгосрочные планы требуют времени для своего развития, тогда как непосредственные детали всегда кажутся первоочередными».

Как бы ни развивались мысли главы Белого дома, конкретные ответы на вопросы о характере, составе и структуре послевоенной международной организации напрямую зависели от развития событий на фронтах войны, и Рузвельт как президент и верховный главнокомандующий рассматривал их в критериях стратегической инициативы и решительного наступления англо-американских армий на восток после открытия второго фронта.

Глава IV

Россия и союзники в Европе

1. Начало освобождения европейских стран и долгосрочные интересы США

В начале 1944 г. в Белом доме пришли к выводу о необходимости определиться, где предел территориальных и политических интересов СССР в Европе. Основные вопросы касались прохождения его западных границ — прежде всего границ с Польшей, и судьбы ряда стран Восточной Европы, которые могли оказаться под советским контролем. Теоретически у президента США было два альтернативных выбора. Первый — согласиться со старым и испытанным сценарием, застолбив за каждой великой державой свою зону влияния. (Этот вариант пытался в дальнейшем апробировать У. Черчилль на переговорах со Сталиным в октябре 1944 г.) Но по ряду внутренних и внешних причин такой путь мог оказаться ущербным для интересов США и нанести удар по престижу самого президента. Особую опасность таила ситуация вокруг Польши и соответственно мнение о Рузвельте американцев польского происхождения.

Для Рузвельта было неприемлемым предоставить Москве право свободно распоряжаться в странах Восточной Европы, лишить поддержки законное польское правительство в эмиграции, обладающее к тому же статусом союзника США по антигитлеровской коалиции. Несмотря на то, что «лондонские» поляки были недружественно настроены к СССР, переход Польши в коммунистический лагерь мог быть воспринят в глазах западного сообщества как нарушение статей Атлантической хартии, к которой присоединился и СССР, и ущемление прав первого европейского государства, ставшего жертвой нацистской агрессии. Будучи реалистом, президент понимал, что Польше не избежать вовлечения в орбиту политики Москвы, но

это не обязательно должно означать социально-политическое переустройство жизни страны по воле Кремля. Относительно будущего Европы (в том числе и Польши) Рузвельт все более склонялся к иному выбору — отличному от традиционного раздела по территориальному принципу. Влияние в регионах могли бы иметь все великие державы, представленные в новой международной организации. Степень же влияния отдельных стран предстояло определить в дальнейшем, исходя из результатов переговоров и реально складывавшейся обстановки. В любом случае для президента США важно было видеть в освобожденных европейских странах такие правительства, которые адптировали бы западный стиль демократии, как на западе, так и на востоке континента. Социально-политические преобразования по западному образцу исключали бы их полное подчинение Советскому Союзу и делали более зависимыми от экономики США.

Долгосрочные внешнеэкономические факторы, которые могли бы определять послевоенную жизнь Европы и ее взаимодействие с США, были чрезвычайно важными для Белого дома. Американский президент верил в возможность создания в будущем открытого и безопасного для перемещения любых товаров и капиталов мира, в котором были бы разрушены разделительные барьеры. Сила американской экономики являлась гарантией, что Соединенные Штаты будут занимать в таком мире лидирующие позиции. Открытый мир означал бы также и свободный доступ ко всем существующим рынкам сырья и сбыта продукции. Для американской экономики это стало бы поистине главным призом победителя. С другой стороны, уступки, подразумевающие четкое определение послевоенных зон ответственности в Европе, означали бы для Вашингтона признание в той или иной ее части преимущественных прав других государств, прежде всего, традиционного союзника и давнего экономического конкурента — Великобритании. Это не могло быть выгодно американскому капиталу. Несмотря на противоречия в американско-советских отношениях, порождаемых противоположностью социально-

политических систем, остается фактом, что в годы войны политика и дипломатия Соединенных Штатов чрезвычайно эффективно действовали в плане разрушения Британской империи. Последнюю не спасало то, что она проповедовала тот же стиль демократии и декларировала поддержку глобальным интересам США за пределами своей империи. Экономика и будущие финансовые выгоды диктовали свои законы, и Вашингтон стремился воспользоваться ослаблением Британии для того, чтобы открыть традиционно принадлежавшие ей рынки адекватными на тот момент средствами. Сила Советского Союза, проявившаяся в 1943 г., обязывала относиться к нему более осторожно. Рузвельт никогда не высказывался открыто за то, чтобы осложнить внешнеэкономические возможности России. Однако он оставлял про запас в своем арсенале совместное решение будущего вопроса о репарациях с Германии и проблему послевоенных займов Советскому Союзу.

Насколько оправданны были перспективы посредством репараций и займов оказать влияние на будущие внешнеполитические акции Москвы? Рузвельт не мог не видеть, что Советский Союз к концу 1943 г. уже не просто завоевал, но и утвердил свое место в «Большой тройке» Антигитлеровской коалиции. Его миллионные жертвы практически исключали ситуацию, когда Москве можно было бы под благовидным предлогом отказать в получении с побежденных стран тех или иных репараций. Собственно говоря, и предотвратить их было невозможно по причине быстрого продвижения Красной армии к своим довоенным границам и вступления в скором времени ее частей на территорию соседних европейских стран и самой Германии. Но для Рузвельта было очевидным и то, что огромные потери в войне и необходимость реконструкции промышленности подвигнут Москву к просьбе о получении западной финансовой помощи (такие запросы были сделаны уже в 1944 г.), а это в свою очередь сделает Сталина более уступчивым в решении вопросов о послевоенном политическом и экономическом устройстве Европы и за ее пределами.

После высадки английских, американских и канадских войск в Нормандии, 6 июня 1944 г., сотрудничество держав Большой тройки достигло вершины своего развития. Лидеры стран готовы были обсуждать сложнейшие проблемы послевоенного устройства мира, раздела Германии, создания Организации Объединенных наций и системы международной безопасности, участия СССР в войне с Японией. Будущее восточноевропейских государств и их границ занимало в дискуссиях Сталина, Рузвельта и Черчилля одно из ведущих мест. Особое значение лидеры великих держав продолжали уделять польскому вопросу. Летом 1944 г. была предпринята попытка повысить качество военного сотрудничества СССР, США и Великобритании. Встречаясь со Сталиным 28 июня 1944 г., посол Гарриман был удивлен предложением советского лидера создать совместный военный штаб, вместо того, чтобы полагаться только на обмен важной информацией. Американские начальники штабов и генерал Д. Эйзенхауэр придерживались мнения, что предпочтительней иметь офицеров связи между командованием сторон, но предложение Сталина они посчитали полезным. Военная миссия США обсуждала этот вопрос с представителями советского Генштаба, которые высказались за образование в Москве «комитета трех», который мог заниматься стратегическими и тактическими вопросами. Комитет имел бы исключительно совещательный характер и не был бы наделен полномочиями для принятия решений. Проект состава комитета (или «комиссии»), в которую от союзников вошли бы главы военных миссий, обсуждался летом и в начале осени 1944 г. Однако ему не суждено было воплотиться в жизнь. Официальной причиной стал отзыв в октябре 1944 г. главы британской военной миссии в Москве генерала Барроуза, замена которому прибыла в Москву только в марте 1945 г. К тому же весной 1945 г. советские, американские и английские военные руководители пришли к выводу, что существующими методами связи между военными миссиями союзников в Москве и Генеральным штабом РККА все стороны вполне доволь-

ны. Было решено, что при сближении фронтов возможен обмен офицерами связи между главными штабами²⁴².

Информация о том, что представлял из себя в то время американский политический Олимп, какие оценки относительно будущего сотрудничества с СССР, в том числе в европейских делах, существовали у самого Рузвельта и в различных правительственных кругах, была представлена в докладе посла СССР в США А. Громыко наркому иностранных дел В. Молотову от 14 июля 1944 г. Обращает на себя внимание, что советский посол, находившейся в то время в Москве, достаточно хорошо изучил механизм принятия решений в американском руководстве, знал тонкости взаимоотношений тех или иных государственных и общественных деятелей, их позицию в вопросе о сотрудничестве с СССР. В этой связи доклад интересен не только для изучения советских оценок внешнеполитического курса США, но и дает достаточно объективную картину собственно американского взгляда на развитие событий того времени.

Так, Громыко отмечал, что в большинстве своем Конгресс США поддерживает политику Рузвельта в отношении СССР и одобряет его курс на сближение с Москвой. Однако некоторые республиканцы открыто выражают свои симпатии к лондонским полякам и «всячески поносят Рузвельта, пытаясь заставить его встать на сторону польского правительства и поддержать притязания последнего по территориальному вопросу». Другими словами, посол предупреждал о потенциальной опасности смены американского правительственного курса в польских делах под нажимом влиятельных — прежде всего республиканских — конгрессменов. Кроме того, Громыко пояснял, что Рузвельт, «позиция которого по польскому вопросу в общем является благоприятной в отношении Советского Союза, тем не менее учитывает влияние и поведение польского меньшинства. Объясняется это в значительной степени политическими соображениями, связанными с предвыборной кампанией. Рузвельт пытается удержать голоса американских поляков за собой в предстоящих выборах (ноября 1944 г. — *М.М.*)». В самых отрицательных тонах в докладе описывалась дея-

тельность католической церкви США, являвшейся важным фактором в политической жизни Америки. Советский посол отмечал, что в последнее время католики также сконцентрировали свое главное внимание на польских делах, поддерживая эмигрантское правительство в Лондоне и распространяя антисоветскую пропаганду.

В целом Громыко довольно оптимистично рассматривал возможности сотрудничества между СССР и США, подчеркивал, что «Рузвельт и его правительство занимают твердую линию на поддержание с Советским Союзом дружественных отношений...» Несмотря на то, что в официальных и деловых кругах США были распространены сомнения по поводу судьбы некоторых стран Европы, в том числе балканских стран, американцы, по мнению посла, прежде всего, осознавали общность интересов обеих стран в ведении войны против Германии. И это осознание в известной степени приглушало беспокойство, вызванное победами Красной армии и укреплением военно-политических позиций СССР на континенте. Поясняя позицию упомянутых кругов, Громыко уточнял, что «вообще они считают, конечно, неизбежным усиление влияния Советского Союза в Польше, Германии, Финляндии, на Балканах, а также в других странах Европы. Однако больше всего их тревожит мысль о возможных социальных переворотах в европейских странах, могущих произойти в результате усиления влияния Советского Союза в Европе в ходе войны»²⁴³.

Громыко считал вполне вероятным, что после окончания войны США будут заинтересованы как в экономическом, так и политическом сотрудничестве с СССР. Более того, со времени вступления Америки в мировой конфликт произошли большие изменения в сознании ее руководящих классов и широкой общественности, и «как бы ни давали себя время от времени чувствовать изоляционистские настроения, — подчеркивал он, — не подлежит сомнению тот факт, что изоляционизм в ходе войны был коренным образом подорван». Касаясь линии Рузвельта на сотрудничество с союзниками, Громыко отмечал, что за это выступает большинство населения Америки. Твердую по-

зицию в этом вопросе занимает Демократическая партия, и даже «Республиканская партия все более приходит к выводу о необходимости, в интересах же США, сотрудничества с другими странами, и прежде всего с такими крупнейшими странами мира, как Советский Союз и Британская империя»²⁴⁴.

Заметно, что успех дальнейшего советско-американского сотрудничества советский посол связывал в основном с личностью Ф.Д. Рузвельта. Он считал «не подлежащим сомнению» переизбрание президента на четвертый срок, но, тем не менее, предупреждал об активизации разного рода изоляционистов и антисоветски настроенных групп в случае появления в Белом доме представителя Республиканской партии (Т. Дьюи).

Неудивительно, что советский посол, как и подавляющая часть руководства СССР, именно в Рузвельте видели гаранта продолжения тесного взаимодействия двух стран в послевоенный период. Громыко подчеркивал также, что в течение определенного времени США будут, безусловно, заинтересованы в сохранении мира по причине огромного усиления в ходе войны их военного и экономического потенциала. Однако в этой части доклада он сделал, пожалуй, одно из наиболее важных замечаний, которое касалось чисто объективного положения дел и не зависело от личности президента. «США за годы войны значительно увеличили производственный аппарат, — отмечал посол. — Американская промышленность... сделала также большой технический прогресс. Ввиду этого деловые круги США считают, что, несмотря на высокий прожиточный минимум в стране, другие страны не в состоянии будут после войны выдерживать конкуренцию с промышленностью США и что Соединенные Штаты в этом отношении будут находиться в преимущественном положении по сравнению с другими странами... [США] будут, безусловно, заинтересованы в использовании в максимальной степени в мирной обстановке тех выгод и преимуществ, которых они уже добились и которых еще добьются в ходе войны». Громыко подчеркивал также, что «в этом свете только

и можно понять готовность Соединенных Штатов принять активное участие в международной организации по поддержанию мира и безопасности»²⁴⁵. Добавим от себя, что Рузвельт и его окружение были хорошо информированы о динамике процессов, происходящих вокруг США, и на ее основе разрабатывали послевоенную внешнеполитическую доктрину государства. Осознание внеконкурентного превосходства США в экономической сфере — не говоря уже об обозначившихся перспективах создания в стране атомного оружия — являлось для политической элиты Америки важнейшим побудительным мотивом к расширению своего влияния во всем мире. Один из главных векторов этого расширения, безусловно, был нацелен на Европу. Но на этом направлении потенциальным конкурентом США, наряду с ослабевающей Британской империей, выступал поднимающийся Советский Союз. Другими словами, геополитические интересы СССР и США были обречены столкнуться на европейской территории, а тревоги американских официальных и деловых кругов по поводу возможных социальных переворотов в ряде европейских стран, как представляется, отражали в том числе и опасения потерять в них перспективные рынки сбыта американских товаров.

По поводу позиции США в «прибалтийском вопросе» и в целом участия СССР в послевоенном устройстве Европы Громыко писал: «Правительство Рузвельта считает, что вопрос о прибалтийских странах решится сам собой при освобождении этих стран Красной армией. Подобная точка зрения выражалась и лично в беседах со мной некоторыми официальными лицами, в частности Гопкинсом, который не скрывал, что, говоря это, он выражает не только личное мнение, но и мнение президента. Тем не менее, время от времени антисоветская пресса, а также представители национальных прибалтийских меньшинств в США могут и впредь жевать прибалтийский вопрос». Посол далее отмечал, что беспокойство официальных и деловых кругов США относительно тех стран Восточной Европы, куда вошли или в скором времени должны были войти советские войска не-

сколько улеглось после известного заявления Москвы по поводу Румынии. В нем подчеркивалось, что СССР не имеет намерения менять политический строй этого государства. «Однако, — замечал посол, — оно не устранило существующих подозрений в отношении СССР и не устранило тревогу за судьбу, в частности, балканских стран»²⁴⁶.

Отметим, что Балканы были традиционным местом столкновения интересов Запада и России. Не случайно, что события, произошедшие в этом «пороховом погребе» Европы, стали одной из причин начала Первой мировой войны в 1914 г. Влияние России на этот регион, во-первых, позволяло ей протянуть руку помощи славянским народам, проживающим там, и, во-вторых, обеспечить свои военно-политические и экономические интересы в районе Средиземного моря. Ключевым, но так и неразрешенным вопросом оставался контроль России (СССР) над выходом из Черного моря — проливами Босфор и Дарданеллы. Расширение сферы советского влияния в Юго-Восточной Европе угрожало традиционным интересам западных стран (прежде всего Великобритании). В Лондоне беспокоились и за проходящие через Балканы и Средиземное море линии своих коммуникаций. Перспектива дальнейшего роста военного могущества СССР и его авторитета среди балканских народов обязывала к поиску средств ослабления позиций Москвы путем превентивного включения Балкан в район боевых действий войск западных держав. Отсюда настойчивость Черчилля открыть второй фронт именно на юго-востоке континента. Более того, недопущение слишком глубокого продвижения сил Красной армии в этом регионе позволяло рассчитывать на создание здесь в будущем опорных пунктов (военных баз), охраняющих западное присутствие и консервирующее «прибрежный» статус советского Черноморского флота. Позиция Великобритании нашла поддержку со стороны США. Румыния, Болгария, Венгрия, Югославия становились важными объектами большой стратегии союзников. Политический курс и социальный строй этих стран Лондон и Вашингтон с той или иной вероятностью успеха могли оспаривать с СССР.

Но запирающие выход в Средиземное море Турция и Греция должны были в любом случае остаться в пределах западного влияния.

2. «Польский вопрос» и проблемы взаимопонимания с Москвой

По мере успешного продвижения Красной армии к своим границам на центральном направлении, ведущим через Польшу непосредственно к сердцу Германии, интересы Москвы и западных союзников все больше обращались именно к этому региону Европы. Выше уже отмечалось, что польский вопрос в 1944 г. стал одним из наиболее острых во взаимоотношениях СССР с западными союзниками. По сути дела, он был обречен стать камнем преткновения между державами Большой тройки. В 1939 г. именно из-за нападения Германии на Польшу в войну вступила Великобритания. В апреле 1943 г. лондонские поляки поддержали расследование расстрела нескольких тысяч поляков в Катынском лесу, в котором обвинялась Москва. Несколько миллионов этнических поляков проживало в США (в т.ч. полтора миллиона избирателей), и среди них было немало тех, кто ненавидел Советскую Россию. С другой стороны, Польша граничила с Советским Союзом, и Сталин был заинтересован иметь в ее лице дружественное государство, а не часть санитарного кордона, направленного против России. По-иному виделось будущее Польши в Лондоне. 1 августа 1944 года, в оккупированной немцами Варшаве вспыхнуло антифашистское вооруженное восстание, инициированное руководителями Армии Крайовой в рамках разработанного эмигрантским правительством плана освобождения польской столицы до вступления в нее частей Красной армии. Восстание было слабо подготовлено и, несмотря на то, что части Красной армии и созданного Москвой народного Войска Польского в сентябре-октябре 1944 г. пытались оказать ему поддержку, к началу октября потерпело поражение. В ходе боев и террора немецких оккупантов погибло около 200 тыс. варшавян; город был почти полностью разрушен.

5 сентября 1944 г. Москва направила Лондону официальное послание, в котором говорилось, что «за варшавскую авантюру, предпринятую без ведома советского военного командования и в нарушение оперативных планов последнего, несут ответственность деятели польского эмигрантского правительства в Лондоне». Досталось и британскому руководству: «Не может быть сомнения, — подчеркивалось в письме, — что если бы британское правительство приняло меры к тому, чтобы советское командование было своевременно предупреждено о намеченном восстании в Варшаве, то дела с Варшавой приняли бы совсем другой оборот. Не произошло ли здесь то же самое, что и в апреле 1943 года, когда польское эмигрантское правительство, при отсутствии противодействия со стороны британского правительства, выступило со своим враждебным Советскому Союзу клеветническим заявлением о Катыни?...»²⁴⁷ На, казалось, безоблачном небе союзнических отношений, установившемся после 6 июня 1944 г., появились признаки надвигающейся грозы. Варшавское восстание стало своего рода рубежом в определении политики западных держав по вопросу о возможностях и пределах влияния СССР в Восточной Европе, прежде всего в самой Польше. Ставки в развернувшемся политико-дипломатическом противостоянии были высоки, поскольку его итоги могли повлиять на будущее не только Польского государства, но и многих других европейских стран.

Такой поворот событий стал предметом тщательного анализа и в американском правительстве. Государственный департамент, руководители ряда других правительственных, военных и разведывательных подразделений США в этот период войны все настойчивей старались убедить Рузвельта в необходимости перехода к более жесткой политике в отношении России, когда речь заходила об определении дальнейшей судьбы ряда восточноевропейских государств²⁴⁸. Их выводы о намерениях СССР и советы, как вести дела с Москвой касательно будущего региона базировались в немалой степени на информации, поступавшей

от американского посла в Москве А. Гарримана. 9 сентября он писал в телеграмме Г. Гопкинсу:

«Я полагаю, что в ближайшее время я должен сделать личный доклад президенту.

Теперь, когда конец войны уже близок, наши взаимоотношения с Советским Союзом претерпевают поразительные изменения. И это стало особенно очевидным за последние два месяца. Советы совершенно игнорируют наши интересы и не желают обсуждать даже насущные вопросы».

Далее Гарриман кратко упомянул о нежелании русских продолжать операцию «Фрэнтик»²⁴⁹, их запрете на доступ американских представителей в Румынию и ряд других нерешенных проблем. Затем посол перешел к самой существенной части своего послания:

«Равнодушие к мировому общественному мнению относительно польского вопроса, их безжалостное поведение в ходе варшавского восстания хорошо объясняется словами Молотова о том, что Советский Союз будет считать своими друзьями того, кто будет придерживаться советской позиции...

С самого начала этого года я был серьезно обеспокоен делением сталинского окружения по вопросу о будущем сотрудничестве с нами. Теперь же я чувствую, что те, кто выступает против нашего взаимодействия, уже оформили свою позицию. Эта позиция подкрепляется растущим престижем и продолжающимися успехами Красной армии на фронте.

Советские требования к нам становятся все настойчивей... Общее настроение (советских официальных лиц. — М.М.) следующее — американцы обязаны помогать России, поскольку именно Россия выиграла эту войну для Америки.

Я убежден, что мы можем изменить эту тенденцию. Но это произойдет только в том случае, если мы существенно изменим всю нашу политику в отношении советского правительства. Представляется, что Советы неправильно воспринимают нашу генеральную линию по отношению к ним. Они считают ее за проявление нашей слабости.

Пришло время, когда мы должны прояснить нашу позицию и высказать то, что мы ожидаем получить от Советов взамен проявленной с нашей стороны доброй воли. Иначе настанет такая ситуация, когда они начнут задирать везде, где у них существуют интересы. Их политика, несомненно, распространится на Китай и Тихий океан, когда они обратят свое внимание на этот регион. Не должно быть никаких письменных соглашений с Советами по каким-либо существенным вопросам, если в них не будет предусмотрено признание Москвой интересов других народов и политики взаимной выгоды.

Я разочарован, но не обескуражен... Наша задача — усилить влияние тех людей вокруг Сталина, которые придерживаются нашей линии, и показать самому Сталину, что, следуя жесткой политике, он наживет себе много трудностей...

Я чувствую, что я должен срочно и лично информировать президента о развитии событий за последнее время и высказать ему мои рекомендации. Я буду Вам признателен, если Вы обсудите вместе с президентом это послание и дадите ответ»²⁵⁰.

Слова Гарримана о «делении» советского руководства по вопросу о будущем сотрудничестве с США могут показаться наивными. Но дипломат в тот момент, действительно верил, что на Сталина могут оказывать влияние некие проамериканские круги в Кремле. Структура советского государственного аппарата и механизм принятия им решений были в то время не до конца осознаны послом. О различных течениях в окружении Сталина говорил и глава военной миссии США Дж. Дин. Он вспоминал, что часто беседовал об этом с послом, и пытался понять этот феномен. «Возможно, — констатировал генерал, — в кругу советников Сталина существуют два различных направления: одно за сотрудничество, другое против сотрудничества с иностранными государствами. Исходя из этого, возможно, советская позиция по отношению к иностранцам зависит от того, какая группа пользуется большей благосклонностью у Сталина». Однако далее Дин делал объективное заключение

ние, что Советский Союз вел свою внешнюю политику «никогда не теряя из поля зрения выбранное направление». Важно также подчеркнуть следующее — Гарриман (на точку зрения которого несомненное воздействие оказывал Дж. Кеннан, ставший к тому времени советником посольства), равно как и Дин, стремились всеми доступными для себя способами изменить отношение Вашингтона к Москве. Первоочередным для себя делом американский посол считал встречу непосредственно с президентом, где бы он мог изложить свою позицию.

Говоря о ближайшем помощнике посла Дж. Кеннана, американский историк Д. Мэйерс отмечает, что его желанием было скорейшее прояснение отношений с Москвой. В своих докладах о Советской России Кеннан подчеркивал, что США «должны совместно с Британией определить границы их совместных интересов на континенте, т.е. ту линию, за которой мы не сможем позволить русским демонстрировать свою силу или предпринимать односторонние действия. Мы должны на практике показать русским, где проходит эта линия, и сделать это в дружеской, но одновременно твердой манере»²⁵¹. Подобное четкое взаимопонимание с Москвой, по мнению Кеннана, могло бы сохранить взаимодействие США и СССР в военной области и увеличить шансы для доверительных отношений между двумя странами в послевоенное время. Вместе с тем, он советовал Гарриману, чтобы администрация президента скорректировала свои ожидания в отношении России: «Мы должны помнить, — писал он, — что такие общие понятия, как сотрудничество или демократия, для русских и для нас имеют различные значения. Мы не должны ожидать от них вступления в такую форму детального сотрудничества, которое будет идти вразрез с их традиционной концепцией государственной безопасности»²⁵².

Кеннан сомневался в возможности долгосрочной кооперации с Советским Союзом и, подобно Черчиллю, во второй половине 1944 г. считал необходимым разграничить зоны ответственности на континенте Запада и СССР. Помощник посла был полностью убежден, что одной из глав-

ных целей русских в войне является создание постоянной сферы влияния в Центральной и Восточной Европе: «Советское правительство, — подчеркивал он, — еще со времен Мюнхена никогда не покидала убежденность иметь в определенных приграничных областях свою сферу влияния...»²⁵³ Однако президента США Рузвельта не устраивала «джентльменская» договоренность или сделка великих союзников о будущем малых государств, тем более без одобрения Америки. Соучастие же США в разделе Европы и связанные с этим обязательства противоречили его видению послевоенного устройства мира. Свидетельством тому стала его реакция на действия Черчилля по достижению соглашения со Сталиным по территориально-политическим вопросам на Балканах в 1944 г., о чем будет сказано ниже.

Военный фактор играл в польском вопросе все возрастающую роль. Политические маневры и военные действия часто переплетались и оказывали влияние друг на друга. Дж. Дин подчеркивал, что имел самые честные намерения, предложив дать летом 1944 г. в советской прессе короткое коммюнике о взаимодействии советских и американских ВВС, начав его словами «Сейчас, когда Красная армия перешла границы Польши и Румынии...» Дело в том, что к тому времени советские войска достигли лишь довоенных польских границ 1939 года, поэтому в НКВДе СССР и Генеральном штабе РККА резонно возразили, попросив начать текст со слов: «Теперь, когда Красная армия приближается к восточной границе Польши и вступила в Румынию...» Глава военной миссии был не согласен с такой поправкой. Позднее он писал, что не желал «привести в полную ярость лондонских поляков и поддерживающих их англичан и американцев». Представляется вероятным, однако, что его поведение в этом случае имело еще одну задачу, а именно — прозондировать позицию СССР в вопросе о границах Польши, в преддверии вступления в нее Красной армии. Если это так, то он своей цели достиг. В конце концов, Дин одобрил сообщение в прессу без ссылки на расположение Красной армии внутри или вне Польши²⁵⁴. Все это выглядело бы рабочим моментом во взаимоотношениях двух держав, если

бы не острота накала вокруг польского вопроса. Польские эмигранты постоянно давили на Лондон и Вашингтон с целью скорректировать восточную границу государства в нужном для себя направлении. Подчиненная эмигрантскому правительству Армия Крайова получала оружие и продовольствие от англо-американских союзников. Тем временем, борясь с немцами, ее руководители не желали ни при каких обстоятельствах изменения границ 1939 г. и общественного строя Польши и готовы были к открытому сопротивлению Москве. Глава военной миссии США Дж. Дин утверждал, что из-за поддержки отрядов Армии Крайовой возникали даже споры о разграничительной линии действий советских и союзнических ВВС, как это имело место в декабре 1944 г. По его словам, именно на эту причину сослался представитель Генштаба РККА генерал Н.В. Славин, который добавил, что сброшенное с воздуха оружие будет использоваться для приостановки продвижения Красной армии. Советское командование хотело, чтобы союзники летали только до линии Штеттин—Берлин, тогда как англо-американское военное руководство настаивало на том, чтобы их воздушные операции не производились на расстоянии 75-100 миль перед русской линией фронта²⁵⁵. Дин говорил об искренности американской позиции в польском вопросе, однако факт, что самолеты союзников действительно сбрасывали оружие польским отрядам, которое использовалось не только против вермахта, но и против подразделений РККА, а упоминание в проекте коммюнике границ Польши 1939 г. свидетельствовало о том, что территориальный вопрос может еще обостриться в переговорах между членами антигитлеровской коалиции.

3. Американские подходы к германской проблеме

Еще более важным делом для Рузвельта представлялось разрешение германской послевоенной дилеммы. Перед президентом, как и перед другими ведущими лидерами антигитлеровской коалиции стояла многосложная задача — не только разгромить Третий рейх, но и сделать невозможным восстановление его военной мощи в после-

дующий период, как это случилось после Первой мировой войны. В качестве одного из вариантов решения проблемы Рузвельт рассматривал раздел Германии на ряд мелких государств и вел разговор об этом в Тегеране, а потом, правда с меньшим энтузиазмом, в Ялте уже в 1945 г. Нерешенным оставался и вопрос об оккупации Германии войсками союзных государств и определения для каждого из них самостоятельной зоны ответственности.

Логично предположить, что раздел Германии на государства в дополнение к разделу на зоны оккупации мог внести большую сумятицу в послевоенный контроль над ее территорией и осложнить взимание репараций за нанесенный гитлеровскими войсками ущерб. Поэтому, как и произошло в дальнейшем, раздробления Германии не состоялось, и в этом не последнюю роль сыграла позиция, занятая Советским Союзом. Но не только. Раздел Германии на несколько государств противоречил линии Рузвельта оставлять спорный вопрос открытым, надеясь на будущее усиление американского влияния в том или ином регионе посредством экономической экспансии. Союзники должны были иметь свои зоны оккупации, но была определена и союзная администрация для управления Германией как единым целым. Ответственность за послевоенную Германию могла быть совместной, а ее правительство — приверженным принципам западной демократии. Любопытно, однако, что до того как зоны оккупации трех держав в Германии были окончательно одобрены в Лондоне 12 сентября 1944 г., военное ведомство США подготовило для своих представителей в Европейской консультативной комиссии такой проект раздела, который значительно отличался от советского и британского предложений. Во-первых, американцы хотели, чтобы зона их оккупации находилась на севере Германии, включая важнейшие порты и промышленный район Рура. Во-вторых, на востоке граница их влияния по замыслу проектировщиков должна была простираться вплоть до Берлина (хотя и не включая сам город), а местами и далее. Оставшаяся на востоке терри-

тория страны отводилась СССР, а юг Германии — Великобритании.

Известно, что американский вариант в Европейской консультативной комиссии не прошел и границы между зонами оккупации великих держав в сентябре 1944 г. были определены так, как это было предложено в советском и английском проектах — американские войска на юге страны; советские — на востоке (включая значительные территории к западу от Берлина); английские — на севере. Тем не менее, трудно предположить, чтобы Рузвельт не знал о существовании первоначального американского проекта, который позволял вооруженным силам США контролировать в послевоенный период самые значительные людские и материальные ресурсы Германии. Однако нет свидетельств и того, что он активно настаивал на американском варианте оккупационного деления Германии. Как представляется, президент не считал плодотворным вступать в столь знакомые по прошлым временам дискуссии о распределении зон влияния. Его суждения о будущем Германии становились, по словам К. Швабе, все более «универсалистскими»²⁵⁶. Последующая политическая судьба немецкого государства, равно как и судьба Польши, явились для Белого дома важнейшим тестом в определении характера всех послевоенных межсоюзнических отношений. В сентябре 1944 г. для Германии был намечен раздел на три зоны оккупации — в последующем в Ялте к ним добавилась еще и французская зона. Но в то же время была определена совместная союзная администрация для управления Германией как единым целым. Кроме того, сама столица страны должна была совместно управляться войсками главных союзников, имеющих в ней свои зоны ответственности. В перспективе это позволяло рассчитывать на проведение в будущей Германии социально-политических преобразований по западному образцу, пусть и с предоставлением приоритета левым немецким силам — социал-демократам. В любом случае совместный контроль давал надежду на широкое проникновение в страну американского промышлен-

ного и банковского капитала и неприятие ее населением коммунистической модели развития.

«Универсалистский» подход, естественно, не мог получить реального воплощения во всех аспектах внешнеполитического курса Рузвельта. Другие союзные страны — прежде всего СССР — стремились добиться четкого определения своих сфер влияния и закрепления их с помощью соответствующего состава правительств освобождаемых государств. Однако Рузвельт, желая сохранить послевоенное единство великих держав и идя на компромиссы по ряду вопросов будущего территориально-политического устройства Европы, старался выйти из накатанной колеи зональных подходов. Его «четверо полицейских» уже мыслились как субъекты, осуществляющие совместный контроль и обладающие равными правами для доступа в тот или иной регион, что более всего подходило для американских интересов в послевоенном мире. Одним из свидетельств такого изменения, подчеркивает К. Швабе, стала динамика отношения Рузвельта к Франции. Как упоминалось выше, первоначально президент даже исключал ее из числа великих держав, но ближе к концу войны — после высадки в Нормандии — Рузвельт признал роль лидера «Свободных французов» де Голля, а на Ялтинской конференции согласился передать под французский оккупационный контроль часть немецкой территории²⁵⁷. Дело шло к тому, что послевоенных «полицейских» могло оказаться больше, а их ответственность за будущую безопасность Европы должна стать совместной.

В то же время — в конце 1944 г. — Рузвельт все более негативно относился к плану своего министра финансов Г. Моргентау, который был представлен им летом 1944 г. Моргентау полагал необходимым не только разоружить Германию, но и свести ее до положения аграрной страны. Такой подход вызвал многочисленные дискуссии в Вашингтоне, но был, в конце концов, отвергнут как по причине необходимости взимать с Германии репарации, так и неизбежной перспективе вливать в экономически несостоятельное государство значительные финансовые средства, что-

бы поддерживать в нем приемлемый уровень жизни. А это уже непосредственно угрожало интересам США, поскольку было очевидно, что платить за все это придется, прежде всего, из американского бюджета.

4. США и «процентное соглашение»

В октябре 1944 г. Рузвельт назначил Гарримана своим представителем на переговорах между Сталиным и Черчиллем в Москве. Как известно, на этих переговорах было заключено так называемое «процентное соглашение»²⁵⁸. Полное содержание бесед между Сталиным и Черчиллем относительно распределения сфер влияния на Балканах впервые было опубликовано у нас в стране профессором О.А. Ржешевским²⁵⁹. В ходе встречи Черчилль положил перед Сталиным лист бумаги, сказав, что этот «грязный документ содержит список балканских стран и пропорциональную заинтересованность в них великих держав и что американцы, если узнают, то будут поражены той грубостью, с которой он его изложил, но господин Сталин — реалист и поймет, о чем идет речь». Из содержания документа следовало, что Черчилль предложил раздел сфер влияния на Балканах следующим образом: Румыния — 90% влияния России, 10% — другие; Греция — 90% влияния Англии (в сотрудничестве с США), 10% — другие; Югославия и Венгрия — 50 на 50%; Болгария — 75% влияния России, 25% — другие. Сталин, по свидетельству очевидцев, поставил синим карандашом галочку на документе и вернул его Черчиллю. В ответ на слова Черчилля, не уничтожить ли эту бумагу, Сталин сказал «нет, держите ее у себя»²⁶⁰.

На следующий день обсуждение этого вопроса продолжилось, и стороны договорились, что влияние СССР в Болгарии и Венгрии составит 80%. Мнения о действительном значении этого документа до сих пор разнятся. Так, британский профессор Дж. Робертс полагает, что раздел сфер влияния на Балканах был заранее predetermined. Невмешательство Москвы в греческие дела было обусловлено геополитическими интересами СССР, которые на Балканах не распространялись далее приграничных сла-

вянских стран, а также советским стремлением достичь на определенных условиях компромисса с западными союзниками в послевоенном устройстве Европы. Из этого вытекает, что «процентное соглашение» было «незначительным эпизодом» и являлось скорее отчаянной попыткой Черчилля избежать ослабления британских позиций в условиях роста советского влияния на Балканах и американского господства в Западном мире²⁶¹.

На взгляд профессора О.А. Ржешевского, лидеры двух стран действительно предприняли попытку разграничить сферы послевоенного устройства Европы и таким образом найти путь к геополитическому компромиссу на ближайшие годы, в котором в то время были заинтересованы как в Великобритании, так и в США. По мнению историка, «процентное соглашение» являлось реальной договоренностью, хотя и не оформленной официально, которая определенное время соблюдалась сторонами. СССР, в частности, отказался от военной и политической поддержки греческих коммунистов, которые имели тогда огромное влияние в своей стране. Этот факт был болезненно воспринят некоторыми советскими руководителями, в частности Молотовым и Димитровым. В результате в дела Греции вмешались англичане, что и предопределило поражение сил прокоммунистического Сопротивления (ЭАМ и ЭЛАС). О.А. Ржешевский подчеркивает, что Москва стремилась избежать силового экспорта коммунизма, а ее главной целью являлось «создание в послевоенной структуре Европы “пояса безопасности” из дружественных Советскому Союзу приграничных государств». И, прежде всего, СССР исключал возможность воссоздания на своих границах враждебной Польши²⁶².

Американскому послу Гарриману не удалось присутствовать на той встрече между Сталиным и Черчиллем, на которой обсуждался вопрос о распределении ответственности СССР и Великобритании на Балканах. Однако как Черчилль, так и Иден информировали его по ходу дела о содержании имевших место дискуссий. Следует еще раз подчеркнуть, что Рузвельт отрицательно относился к тому,

чтобы какие-либо соглашения о распределении сфер влияния решались за его спиной. 4 октября 1944 г. через посла в Москве Гарримана президент направляет Сталину следующее многозначительное послание: «Хотя я надеялся, что следующая встреча могла бы состояться между Вами, Черчиллем и мной, я вполне понимаю желание премьер-министра встретиться с Вами в ближайшее время. Вы понимаете, я уверен, что в нынешней войне буквально нет ни одного вопроса, будь то военный или политический, в котором не были бы заинтересованы Соединенные Штаты. Я твердо убежден, что мы втроем и только втроем можем найти решение по еще не согласованным вопросам. В этом смысле я, вполне понимая стремление г-на Черчилля встретиться, предпочитаю рассматривать Ваши предстоящие беседы с премьер-министром как предварительные к встрече нас троих, которая, поскольку это касается меня, может состояться в любое время после выборов в Соединенных Штатах. При настоящих обстоятельствах я предлагаю, если Вы и премьер-министр это одобрите, чтобы мой посол в Москве присутствовал на вашем предстоящем совещании в качестве наблюдателя от меня. Г-н Гарриман, конечно, не был бы уполномочен давать от имени правительства Соединенных Штатов каких-либо обязательств по важным вопросам, которые, вполне естественно, будут обсуждаться Вами и г-ном Черчиллем...»²⁶³

Интересна приписка к этому посланию советскому лидеру, которую Рузвельт сделал персонально для Гарримана. В ней, в частности, есть такие строки: «Это послание Маршалу Сталину будет означать, что я желаю Вашего присутствия на переговорах в качестве наблюдателя. Я могу сказать Вам достаточно откровенно, но только для Вас, и при условии, что это не будет передано ни при каких обстоятельствах ни англичанам, ни русским. Я, действительно, предпочел бы, чтобы следующая конференция состоялась между нами тремя, — по тем причинам, которые я изложил Маршалу Сталину. Моя надежда состоит в том, что эта двусторонняя конференция явится не более чем предварительным исследованием англичанами и русскими тех

вопросов, которые будут обсуждаться уже на полномасштабной конференции с участием нас троих. Поэтому Вы должны иметь в виду, что нет ни одного вопроса — подлежащего, как я предвижу, обсуждению между Маршалом Сталиным и премьер-министром — которые не интересовали бы в высшей степени и меня. Следовательно, очень важно, чтобы мистер Хэлл и я сам имели полную свободу действий, когда закончится эта конференция. Сразу же после окончания переговоров я жду Вас у себя. В ходе наших бесед Вы, конечно, будете иметь полную возможность проинформировать меня и мистера Хэлла о текущих делах и дать необходимые советы»²⁶⁴.

Вспоминая о тех переговорах в Москве уже по прошествии более чем годичного срока — в конце 1945 года — Гарриман отмечал в меморандуме государственному секретарю США Дж. Бирнсу о том, что британская сторона имела тогда намерение распределить ответственность в балканских странах в процентном отношении. Он не мог вспомнить точных цифр, но передал суть договоренностей, которые были тогда достигнуты. Гарриман также отметил, что в дальнейшем дал ясно понять и Черчиллю, и Идену, что Соединенным Штатам нет никакого смысла ни участвовать в этих дискуссиях, ни быть каким-то образом связанными ими. Он попросил, чтобы это мнение было доведено также до советской стороны. Черчилль сказал ему, что он все это передал²⁶⁵ (см. док. № 6).

Документы Государственного департамента США позволяют нам сделать одно важное дополнение, касающееся степени осведомленности американской стороны о намечаемой договоренности между Черчиллем и Сталиным по Балканам. Этот вопрос обсуждался в правительственных кругах США как минимум с июня 1944 г. Так, уже на заседании Политического комитета Госдепартамента 26 июня 1944 г., проводившемся под председательством Э. Стеттиниуса, было отмечено, что некоторое время назад обозреватель А. Сульцбергер собирался опубликовать информацию в «Нью-Йорк Таймс» о предстоящей сделке между русскими и англичанами по Балканам. Суть ее состояла в том, что Греция и Юго-

славия должны были попасть в сферу влияния Британии, а Румыния и Болгария — России. После того, как эта информация попала на стол цензору, мистер Сульцбергер якобы согласился в данное время не публиковать ее. На заседании Политического комитета было также отмечено, что президент Рузвельт послал Черчиллю телеграмму с неодобрением подобного плана, но в ответ Черчилль все же просил его согласия, чтобы план действовал в течение краткого промежутка времени. Дальнейшее развитие событий членам Комитета было на тот момент неизвестно²⁶⁶.

В последующие несколько недель данные о намечаемой договоренности между СССР и Великобританией по Балканам продолжали циркулировать среди членов Госдепартамента США. На заседании Политического комитета 28 июня Б. Лонг отметил, что до американской стороны дошли сведения об обращении британского правительства к советскому руководству еще в мае 1944 г. с предложением заключить соглашение, согласно которому Румыния оказалась бы в сфере влияния СССР, а Греция — Великобритании. Это соглашение якобы могло преследовать чисто военные цели, но в любом случае позволяло осуществлять значительный контроль за внутренними делами упомянутых государств. Далее Лонг сказал, что русские приняли британское предложение к сведению, но в то же время спросили, консультировались ли англичане с американцами. После этого премьер Черчилль послал телеграмму Рузвельту, а британский посол в США направил ноту по этому вопросу в Государственный департамент. Мистер Лонг высказал точку зрения, что «такая договоренность будет идти абсолютно вразрез с политикой США относительно сфер влияний», и рекомендовал выразить протест. Его позицию поддержали и другие члены Комитета. Комментируя высказывания о том, что англо-советское соглашение могло носить чисто военный характер и американские силы не будут вовлечены в боевые действия на Балканах, мистер Мюррей заявил, что «русские также не вовлечены в боевые операции в Италии, но это не мешает им вмешиваться со своими предложениями в политические и экономиче-

ские дела этого региона». Подводя итог, Стеттиниус предложил подготовить проект новой телеграммы от президента премьер-министру, где была бы высказана жесткая точка зрения Госдепартамента по балканскому вопросу²⁶⁷.

На заседании Политического комитета Госдепа 3 августа 1944 г. был представлен специальный доклад относительно положения в Греции и Югославии²⁶⁸. В нем высказывались суждения о развитии военно-политической ситуации не только в этих странах, но и в целом в южной части Европы, делались прогнозы о намерениях Англии и России, и что особенно интересно для нашей темы — возможной позиции США в делах балканского региона. Было, в частности, отмечено, что «проблемы, касающиеся Греции и Югославии, лежат сейчас более в плоскости экономической и политической, чем военной. Можно предвидеть, что по мере того, как союзные силы будут и далее пробивать себе дорогу через Польшу и Францию, приближаясь к Германии, немцы выведут свои войска с Балкан...» Автор подчеркивал необходимость оказания в этом случае материальной и продовольственной помощи Греции и Югославии, которая должна исходить также и от США. С другой стороны, добиться политического урегулирования в этих странах было бы не так просто, поскольку их эмигрантские правительства располагают лишь ограниченной поддержкой среди собственных народов, а в движении Сопротивления представлены самые различные силы.

Далее обзор ситуации в регионе был дополнен рассуждениями геополитического характера. «В международном плане, — говорилось в документе, — Балканы остаются потенциально конфликтным регионом. Война, устраняя там конфликт англо-германских интересов, заменяет их в то же время конфликтом интересов англо-русских. Коммунистическая идеология не имеет особо большой привлекательности среди населения балканских стран, большинство которого составляют крестьянские землевладельцы. Однако успехи сил Сопротивления этих стран, во главе которого стоят коммунисты, открывают опасную возможность установления в них диктатур коммунистических партий...

Россия ясно показала свою заинтересованность в поддержке коммунистического Сопротивления Тито в Югославии и ЭАМ в Греции, что особенно заметно из направленности советской прессы и радиопередач. Хотя Россия продолжает поддерживать официальные отношения эмигрантскими правительствами Греции и Югославии, и нет никаких свидетельств, что Москва управляет и финансирует силы коммунистического Сопротивления... Британия чрезвычайно обеспокоена таким отношением России, и это во многом объясняет ее активность во внутренних делах обоих балканских государств. В Греции англичане противостоят ЭАМ, а в Югославии отвернулись от Михайловича для того, чтобы постараться прицепить движение Тито к кораблю британской политики. Возможно, они сделали последнее из расчета, что рост движения, осуществляемый под британским контролем, изменит его существующий коммунистический характер. Есть много свидетельств взаимной подозрительности между Москвой и Лондоном. Вскоре после того, как Черчилль начал свою переписку с Тито, русские послали в Югославию большую миссию связи, возглавляемую военным в чине генерал-лейтенанта... А когда англичане предприняли жесткие акции для того, чтобы подавить греческий мятеж в Египте, инициированный приверженцами ЭАМ, советский посол в Каире высказал свое неодобрение. Новые свидетельства подобного рода пришли из Румынии, когда русские выразили удивление и недовольство британскими секретными операциями в этой стране. Все это вело Лондон к попытке разграничить сферы интересов на Балканах, хотя и временно — на период военных действий. Эта попытка, кажется, обречена на неудачу, в основном по причине имеющихся у Государственного департамента сомнений в желательности подобных акций, исходя из тех решений, которые были приняты в Тегеране...

По мере того как война близится к своему завершению, послевоенные территориальные требования и претензии все больше и больше встают на повестку дня в балканских делах, — подчеркивал автор доклада. — На сегодняшний день группа Тито является наиболее сильной в Югославии

и, видимо, вынашивает мысль о доминировании не только во всей этой стране, но и в регионе, известном под названием Македония, включающим часть греческой и болгарской территории...» Далее автор коснулся позиции тех греческих кругов, которые считали, что будущие границы их страны должны включать как Додеканесские о-ва, так и территорию под названием Южная Албания, вместе с городами Коритца и Аргирокастро.

В заключение доклада были даны некоторые выводы и рекомендации относительно позиции Соединенных Штатов в делах Балканского полуострова. Так, автор понимал политику США в отношении Греции и Югославии как направленную на поддержку всех реальных сил сопротивления общему врагу, но в то же время исключаящую вмешательство во внутренние дела этих стран. В то же время ему представлялось, что «британская политика работает на установлении в этих странах после войны таких правительств, которые отвечали бы интересам Великобритании. Русская политика в целом сходна по методам с британской и направлена на обеспечение в балканском регионе интересов СССР. Англичане очень активны в своих действиях и манипуляциях с эмигрантскими правительствами...» Автор доклада замечал, что его советский коллега в Каире жаловался ему, что «реальным премьер-министром Греции является британский посол». С другой стороны, сами русские стараются использовать ошибки англичан, чтобы повернуть эти балканские страны в сторону Москвы. В докладе рекомендовалось не менять американской политики на Балканах, но работать для того, чтобы она стала более понятной народам региона. По мнению автора, в этих странах часто отождествляли американцев и англичан, объединяя их одним термином «англо-американцы». Соответственно и все ошибки британцев, за которыми следовали разочарование и подозрение относительно их действий, касались также и американцев. С другой стороны, автор полагал, что «исходя из огромной опасности для всего мира, включая и нас самих, того факта, что балканский регион остается существовать в качестве перекрест-

ка интересов различных империй, мы должны продолжать и даже наращивать наши усилия сблизить позиции русских и англичан во всех делах, касающихся Балкан, — какой бы характер они ни имели. Главное, чтобы все эти планы и акции носили полностью открытый и доверительный характер...» Остающиеся подозрения между русскими и англичанами, подчеркивалось в докладе, могут привести к тяжелым последствиям²⁶⁹.

Таким образом, к моменту визита У. Черчилля в Москву в октябре 1944 г. и заключения т.н. «процентного соглашения» Вашингтон был уже достаточно хорошо осведомлен о существующих проблемах, относящихся к сферам влияния на Балканах. В основе позиции Госдепартамента, которую поддерживал и Рузвельт, было стремление не допустить любых сепаратных (то есть не учитывающих интересы США) договоренностей между русскими и англичанами по Балканам, хотя, с другой стороны, Белый дом принимал во внимание и непростую историю этого региона, который однажды мог вновь стать полем раздора великих держав и привести к очередному глобальному противостоянию.

Балканы находились далеко от основных торговых коммуникаций Соединенных Штатов, и присутствие там американского капитала по сравнению с другими странами до войны было незначительным. Но весьма показательным, что Рузвельт стремился к тому, чтобы вопрос о будущем европейских (в т.ч. балканских) стран решался только при участии трех великих держав. Здесь опять проявлялся «универсалистский» подход Рузвельта. Тем самым он показывал заинтересованность США в разрешении спорных ситуаций, даже если вопрос о «сферах влияния» на Балканах волновал, в первую очередь, Россию и Великобританию. Логично предположить, что, оставляя для американского руководства свободу маневра, президент тем самым резервировал возможность будущего влияния США на балканские дела в случае изменения не в лучшую сторону климата межсоюзнических отношений. Речь могла идти как об экономическом, так и военном присутствии американцев в этом регионе. Прямые указания на то, что харак-

тер этого присутствия был бы однозначно оппозиционным Советскому Союзу, отсутствуют. Соединенные Штаты могли претендовать и на роль посредника в деле предотвращения новых конфликтных ситуаций. 11 октября 1944 г. Рузвельт писал Гарриману в Москву: «в настоящее время мои насущные интересы на Балканах состоят в том, чтобы были предприняты такие практические шаги, которые не дали бы Балканскому региону ввергнуть нас в интернациональную войну в будущем»²⁷⁰. О том, какие это могли бы быть шаги, в письме не говорится. Однако Рузвельт знал и помнил, что Первая мировая война началась из-за столкновения интересов великих держав именно на Балканах. Соблюдение здесь баланса сил — в данном случае между СССР и Великобританией — объективно снимало напряженность и опасность военного противостояния. Но для того, чтобы такой баланс стал надежным, необходима была третья, независимая в своих действиях сила. Для США появлялась возможность подумать о мундире арбитра в европейских делах, который долгое время носила на себе Англия, а в середине XIX в. пыталась примерить и Россия. Подобная роль открывала путь к усилению американского политического, а, следовательно, и экономического влияния в регионе. Заслон такому влиянию со стороны СССР (экономика которого была слабее американской и к тому же пережила тяжелейшую войну) мог быть поставлен только с помощью радикальных изменений социально-политического строя в государствах, находившихся в сфере его интересов. Во всяком случае, Москва была заинтересована в официальном подтверждении своего влияния на Балканах, в то время как Вашингтон противился этому. И если этот регион невозможно было сразу поставить под международный контроль, то в задачах США — третьей силы — было подготовить пространство для своих политических маневров, создать условия, при которых возможно в благоприятный момент занять здесь лидирующие экономические и политические позиции.

Активность Вашингтона в деле создания именно такого пространства продолжалась. В феврале 1945 г. на Ялтин-

ской конференции три державы приняли Декларацию об освобожденной Европе, в которой, в частности, содержалось обязательство обеспечить ее народам создание демократических учреждений по их свободному выбору. Как отмечал Гарриман в меморандуме госсекретарю США в конце 1945 г., «Великобритания и Соединенные Штаты руководствовались принципами, изложенными в этой Декларации, и поэтому оба этих правительства выступили против тех акций, которые Советы предприняли в Румынии и Болгарии (имелась в виду поддержка прокоммунистических сил этих стран. — М.М.). В Потсдаме главы делегаций США и Великобритании заняли совместную позицию о непризнании образованных к тому времени правительств Румынии и Болгарии. Эта позиция была подтверждена и на конференции в Лондоне...»²⁷¹ Посол говорил о балканских странах, изменить ситуацию в которых США и Великобритания фактически уже не могли. В то же время Турция и Греция после войны полностью попали под влияние западных союзников, и вскоре на их территории появились военные базы, нацеленные против Советского Союза.

Во второй половине 1945 г. подобную позицию США и Великобритании в отношении советской политики на Балканах можно считать вполне закономерной. Закончилась война в Европе и ушел из жизни Рузвельт. Столкновение интересов СССР и западных держав скатывалось к холодной войне, противоборству на всех направлениях с использованием самого широкого спектра военно-политических, экономических и идеологических методов борьбы. Первый шаг к определению позиции США в балканских делах был сделан в октябре 1944 г. — еще при жизни Рузвельта.

5. Реальности стратегической обстановки и динамика подходов Вашингтона к разрешению европейских вопросов с Москвой

Исходя из все более активного участия СССР в решении вопросов послевоенного устройства Европы, обозначившегося во второй половине 1944 г., быстрого продви-

жения Красной армии по территории ряда европейских государств, перед Вашингтоном все настойчивей вставал вопрос — имелись ли еще возможности повлиять на позицию СССР в европейских делах с помощью экономического воздействия. Другими словами, оставались ли у Рузвельта и его окружения те самые козыри, о которых шла речь в 1941 году, а именно — возможность ограничить сферу влияния Москвы в освобожденной Европе, обещая ей помощь в восстановлении разрушенного хозяйства, необходимые займы и благоприятное разрешение вопроса о репарациях со стран-агрессоров. В Вашингтоне прекрасно понимали, насколько важным для Москвы является этот вопрос. В телеграмме в Госдепартамент США от 16 октября 1944 г. Гарриман отмечал, что «сомневается в том, чтобы советское правительство имело какие-либо скрытые мотивы в своей репарационной политике. Советское правительство четко настроено на то, чтобы быстро получить с Германии и ее сателлитов все, что окажется возможным для того, чтобы, по крайней мере, покрыть часть потерь, понесенных СССР в результате оккупации его территорий, где разрушения были наиболее тяжелыми»²⁷². Вопрос о величине репараций, предназначенных для СССР, не раз поднимался в переговорах между союзниками.

Рузвельт не терял надежды достичь со Сталиным решения территориальных и политических вопросов на основе компромисса (в том числе в вопросе о Польше), желая сохранить за собой возможность политического маневра как в ближайшей перспективе, так и в отдаленном будущем. Осенью 1944 г., смирившись, что восточная граница Польши будет проходить по линии Керзона, он, прежде всего, учитывал фактор предстоящих в ноябре президентских выборов и, соответственно, голоса американцев польского происхождения. Еще в Тегеране в разговоре со Сталиным Рузвельт говорил о 6-7 миллионах американцев польского происхождения, голоса которых ему очень важны. Д. Доенек ставит под сомнение эту важность, считая, что она сильно преувеличена. По его словам, «в Соединенных Штатах проживала едва половина от указанного пре-

зидентом числа поляков, и, более того, многие из них не обладали избирательными правами. В то же время Рузвельт, упирая на свои внутривластные проблемы, старался оттянуть то, что он считал нежелательной договоренностью»²⁷³. Однако здесь трудно согласиться с историком. Даже скорректированная цифра выходцев из Польши представляется весьма внушительной. Американцы польского происхождения были способны оказать воздействие на внутривластную обстановку в стране не только собственными голосами, но и влиянием на общественное мнение других групп американцев. Кроме того, граждане США, имевшие польские корни, были членами Конгресса, различных правительственных и общественных учреждений, от которых зависело нормальное функционирование аппарата государственной власти. Интересное замечание по этому вопросу приводит один из переводчиков Сталина В.М. Березков. Он вспоминал, что «произошло нечто странное». В октябре 1944 г. президент неожиданно порекомендовал премьеру эмигрантского правительства, посетившему Вашингтон накануне отъезда на переговоры в Москву (происходивших во время визита в СССР У. Черчилля. — М.М.), «оттянуть любое урегулирование о границах». Со своей стороны, госсекретарь США Э. Стеттиниус разъяснил полякам, что хотя в настоящий момент американцы не могут занять твердую позицию против СССР, «в недалеком будущем политика Вашингтона изменится, вернется к своим основным моральным принципам и сможет сильно и с успехом поддержать Польшу». После выборов в ответ на телеграмму польского премьера, бывшего в то время в Москве, с просьбой поддержать позицию лондонских поляков в вопросе о границах, Рузвельт 17 ноября сухо сообщил С. Миколайчику, что США поддержат любую договоренность, которую польское эмигрантское правительство достигнет с Советским Союзом²⁷⁴.

Весьма ценную информацию о внешнеполитических суждениях американского президента в конце 1944 г. и о его видении будущего развития ситуации в Восточной Европе содержит меморандум посла США в Москве А. Гарри-

мана о встречах с президентом между 24 октября и 18 ноября 1944 г.²⁷⁵ Американский посол наконец осуществил свое желание высказать президенту наболевшие проблемы взаимодействия с СССР, выслушать его мнение и создать для себя более полное представление об американской стратегии в отношениях с Москвой. Ряд замечаний самого Рузвельта, записанные послом, а также его личные впечатления от тех встреч представляют значительный интерес.

Во время первой встречи с президентом (24 октября) Гарриман имел возможность рассказать президенту в деталях о политических аспектах визита премьер-министра Черчилля в Москву. В общих чертах он затронул военные вопросы и проблему Польши.

Далее посол сообщил о договоренностях относительно Балкан и о том, что венгерский вопрос остается пока открытым. «Президент, — по свидетельству Гарримана, — неизменно выказывал свою малую заинтересованность в восточноевропейских делах, за исключением тех моментов, которые могли оказать влияние на настроения населения в самой Америке». Рузвельт считал «европейские вопросы настолько сложными, что лучше стоять от них подальше, по крайней мере, ограничиться проблемами, которые напрямую относятся к Германии...»

Президент говорил и о предвыборной кампании. Он выглядел достаточно хорошо, но Гарриман отметил, что Рузвельт сильно похудел со дня последней встречи с ним в мае. Появившиеся морщины еще более старили его лицо. Однако он держался бодро, не теряя присутствие духа.

Вторая беседа Гарримана с Рузвельтом произошла вскоре после выборов, 9 ноября. Президент был уставшим, но много говорил о прошедшей избирательной кампании. В части беседы, посвященной польскому вопросу, «президент стал развивать фантастическую идею о том, что Сталин мог бы согласиться с предложением оставить город Львов Польше. Город будет представлять собой как бы польский остров посреди украинских фермерских полей. Управлять им будет специальный международный комитет. Окончательное определение статуса Львова будет дано в

ходе плебисцита». Посол постарался объяснить президенту, что это практически невозможно — «иметь капиталистический город посреди социалистической страны». На что Рузвельт ответил, что «крестьяне могли бы приезжать в город и продавать там свою продукцию за рубли». Гарриман снова стал объяснять президенту, что в СССР большая часть распределения фермерской продукции контролируется государством, что ее свободная продажа в городе просто невозможна, не говоря уже о других, чисто политических трудностях. Он старался, как мог, убедить президента в правоте своих слов до тех пор, пока Рузвельт не сказал, что «все это ему надоело», а посол «просто не желает помечтать вместе с ним».

Во время третьего разговора с Рузвельтом, 10 ноября, Гарриман получил возможность обсудить с президентом планы Сталина относительно участия Красной армии в войне на Тихом океане, о предполагаемой кампании русских и сроках вывода их войск из Китая после окончания боевых действий.

Гарриман снова встретился с президентом 17 ноября во время ланча. Они беседовали всего минут сорок, но, как затем отмечал посол, он «еще ни разу до этого не получал такого удовлетворения от состоявшегося разговора». Рузвельт четко придерживался затронутой проблематики и говорил о способах решения насущных вопросов.

Вновь обсуждалась дальневосточная тема. Причем, по мнению Гарримана, в лице Сталина США могли найти «сторонника оказания определенного давления на коммунистов для того, чтобы они пришли к некоему разумному компромиссу с генералиссимусом (Чан Кайши) еще до начала русской кампании». Гарриман не ожидал от русских сюрпризов относительно их условий вступления в войну с Японией, которые, по его мнению, оставались такими же, какие были высказаны в Тегеране. Но он полагал, что наибольшую проблему между США и СССР составит вопрос о политическом будущем самого Китая.

Далее президент снова обратился к европейским проблемам. Он сказал о том, что русские все же «могли бы сде-

лять жест доброй воли в отношении передачи Львова полякам. Он отметил, что окончательное решение этого вопроса могло бы быть отложено лет на десять, после чего в этом районе возможно было бы провести плебисцит». Теперь Гарриман более подробно объяснил президенту, что «Сталин навряд ли пойдет на такой шаг. Сталин прекрасно понимает, что нельзя вначале внедрить социализм на какой-либо территории, а затем отменить его. Единственно надежный способ погасить ростки предубеждения и ненависти между поляками и русскими — это основать формальные и дружественные отношения между Польшей и Россией. Но наибольшую опасность для этого процесса будет иметь как раз неразрешенный вопрос о границе. Он станет служить постоянным раздражителем во взаимоотношениях между двумя странами. Вот почему Сталин хочет определиться с этим вопросом именно сейчас».

Президент, как показалось Гарриману, «первый раз за все время уловил эту мысль и добавил, что не имел бы никаких возражений против линии Керзона, если сами поляки, русские и англичане пришли бы к взаимному соглашению относительно этого вопроса. Однако, поскольку Миколайчик хочет, чтобы он (президент) был посредником, то он одобрил бы обращение Гарримана к Сталину, в котором тот постарался бы объяснить советскому лидеру, почему было бы лучше, если бы Львов передавался Польше».

Последняя беседа Гарримана с президентом во время его пребывания в Вашингтоне произошла во время ланча в субботу, 18 ноября. На ней присутствовал также Г. Гопкинс. В процессе дискуссии они обсудили вопрос о наилучшем использовании судов для перевозки грузов в дальневосточные порты России. Президент сказал, что он не беспокоится за график союзных операций на Тихом океане. Однако, по его мнению, «разгром Японии без помощи России стал бы чрезвычайно тяжелой задачей, решение которой потребовало бы большой крови». Рузвельт уточнил, что США «должны сделать все возможное, чтобы помочь Сталину в его планах». «Но, — добавил он, — и Эйзен-

хауэр также должен поддерживаться всеми возможными способами».

В конце своего меморандума о встречах с президентом Гарриман сделал ряд существенных примечаний:

Прежде всего, ему показалось, что во время встреч с президентом он «не смог убедить того в необходимости поддержания бдительной и формальной политики, когда речь шла о развитии политической ситуации в ряде восточноевропейских государств. Однако Государственный департамент, — подчеркивал Гарриман, — отлично понимает необходимость такой политики, без которой вся Восточная и Центральная Европа могут оказаться под влиянием, если не под полным контролем Советской России». Кроме того, посол вспоминал, что «при нашей [его и Рузвельта] встрече в мае 1944 г. президент сказал мне, что его не беспокоит проблема, будет или нет в странах, граничащих с Советским Союзом, введен коммунистический режим. В своих телеграммах президенту, которые я посылал ему в течении лета 1944 г., я старался прояснить свою позицию. Однако во время наших последних бесед мне не удалось заострить его внимание на этом вопросе...»²⁷⁶ (см. док. № 7).

* * *

В польском вопросе Рузвельт не собирался идти на открытый конфликт со Сталиным, но он и не форсировал его окончательное разрешение. Пока шла война и русские уничтожали большую часть германской военной мощи, ссориться с советским лидером из-за поляков было неразумно. Но в американском правительстве существовало достаточно большое количество ответственных лиц, которые, напротив, подчеркивали необходимость активного противодействия требованиям Москвы. Рузвельт не мог не учитывать более жесткую позицию в польском вопросе Госдепартамента, американского посольства в Москве, других влиятельных политических и общественных деятелей США. Поэтому проблемы польских границ и нового правительства Польши были обречены остаться одной из главных тем в дискуссиях между союзниками.

Заметно было стремление американского посла в Москве Гарримана обозначить различные подходы в оценках поведения Советского Союза в Европе, которые существовали в руководящих кругах Соединенных Штатов. С одной стороны, он учитывал мнение Рузвельта, с другой — позицию внешнеполитического ведомства США. Еще весной 1944 г., находясь в Вашингтоне, Гарриман встречался не только с президентом, но и присутствовал 10 мая на заседании Политического комитета Госдепартамента. Посол имел возможность высказать там свою личную точку зрения на проблемы взаимодействия с СССР. Его выступление слушали такие известные лица в американском внешнеполитическом ведомстве как Э. Стеттиниус, Г. Хэворт, Д. Ачесон, Л. Пасвольский, Д. Грю и многие другие. Гарриман начал свою речь с того, что советско-американские отношения в последнее время стали намного прочнее, несмотря на остающиеся трудности и проблемы, в том числе фундаментального порядка. Сталин, по его мнению, не собирался «разжигать пожар революции в приграничных ему государствах или дестабилизировать в них обстановку, что могло вызвать всеобщую нестабильность в мире». Тем не менее, он сразу предостерег членов Госдепартамента, что «не следует подвергаться иллюзиям о том, что в России имеется какая-либо индивидуальная свобода или демократическая система». Главным вопросом, подчеркивал он, «является вопрос о Польше». Гарриман не верил, что «англичане, либо американцы могут что-либо сделать, чтобы побудить Советы признать польское правительство в эмиграции. Русские полагают, что это правительство находится под влиянием Соснковского и других польских офицеров, которые считают, что следующая война будет войной против Советского Союза». По остальным проблемам, продолжал посол, «мы, вероятно, можем прийти к соглашению с русскими». (Он кратко остановился на отношении Москвы к Чехословакии, Финляндии, Китаю и др. странам.) Слабостью американской внешней политики, с его точки зрения, являлось отставание США от выработки своей окончательной линии поведения. «Однако, — продол-

жал Гарриман, — когда бы мы не пришли к окончательно оформлению своей позиции, если в тот момент мы будем уверены в своей правоте, мы должны быть абсолютно тверды и последовательны в своих действиях»²⁷⁷. Отметим, что эти ключевые фразы были сказаны еще до начала варшавского восстания 1944 года и явились, пожалуй, первой попыткой посла повлиять на изменение политики США в сторону ее ужесточения к Советскому Союзу. Четыре месяца спустя, 9 сентября, новый призыв к более жесткой линии поведения с русскими был высказан им в упомянутом выше послании Гопкинсу. Есть все основания полагать, что многие члены Государственного департамента с благосклонным вниманием относились к подобным суждениям Гарримана и учитывали их в дальнейшей разработке американской стратегии.

Возвращаясь к меморандуму Гарримана о встречах с президентом в октябре-ноябре 1944 г., отметим еще одно его замечание. В конце документа посол сделал следующую запись: «За ланчем, 18 ноября, президент сказал, что он не разделяет оптимизм генерала Маршалла относительно ведущегося сейчас наступления на Западном фронте. Максимум, чего сейчас мы можем достигнуть, — заметил Рузвельт, — так это прорваться к Рейну. Но он не видит, каким именно способом мы можем окончательно разбить германскую армию, поскольку Рейн и возвышенности, находящиеся за ним, представляют собой большое препятствие. Дальнейшее наступление потребует новой и более тщательной подготовки...»²⁷⁸ Представляется, что подчеркнутая Гарриманом «малая заинтересованность Рузвельта в восточноевропейских делах» в этой связи основывалась на достаточно прагматичных соображениях. Слова, что президент «не разделяет оптимизм относительно ведущегося сейчас наступления на Западном фронте», подтверждают понимание Рузвельтом характера складывающейся в то время военно-стратегической ситуации. Действительно, обстановка на фронтах борьбы против Германии работала на дальнейшее укрепление позиций Советского Союза в Европе. К тому времени Красная армия, пройдя по терри-

тории Румынии и Болгарии, выведя из войны Финляндию, вела бои на территории Польши, Венгрии, Словакии, Югославии. То есть советские войска находились практически уже в центре континента со всеми вытекающими отсюда военно-политическими последствиями. Перспективы же развития операций союзных англо-американских войск, которые добились летом-осенью 1944 г. больших успехов, становились все более неясными. К концу года на Западном фронте сложилась достаточно неопределенная стратегическая ситуация. Черчилль писал 6 декабря 1944 г. в очередном послании Рузвельту:

«Поскольку мы не можем встретиться, я считаю, что для меня настало время обратить Ваше внимание на серьезную и разочаровывающую военную ситуацию, с которой мы сталкиваемся в конце этого года, — писал он. — Хотя на Западном фронте было одержано много прекрасных тактических побед... фактически нам не удалось выполнить стратегическую задачу, которую мы возложили на свои армии пять недель тому назад. Мы еще не достигли Рейна в северной части и на самом важном участке фронта, и должны будем вести крупнейшую битву еще много недель, прежде чем сможем надеяться достичь Рейна и создать там свои плацдармы. Но и тогда нам придется продвигаться дальше к Германии... К счастью, мы можем учитывать намерения русских. Сталин обещал нам провести зимнюю кампанию, которая, как я предполагаю, начнется в январе. На большей части своего колоссального фронта он, по-видимому, отдыхал и готовился, хотя против Эйзенхауэра были переброшены оттуда только примерно три-четыре немецкие дивизии.

Я попытался сделать обзор обстановки в целом, — замечал Черчилль, — с точки зрения ее масштабов и пропорций, и мне стало ясно, что нам при той или иной степени вероятности приходится ожидать: а) значительной затяжки достижения, а тем более форсирования Рейна на кратчайшем пути к Берлину; б) некоторого застоя в Италии; в) отхода на родину большей части немецких войск с Балканского полуострова; г) срыва наших планов в Бирме; д) вы-

хода Китая из числа воюющих стран²⁷⁹ f «Symbol» \s 12. Когда мы сопоставляем эти реальные факты с радужными надеждами, которые питают наши народы, несмотря на наши общие усилия умерить их, отчетливо возникает вопрос: «Что же нам теперь делать?»

Мое беспокойство усиливается еще больше из-за крушения всех надежд на нашу скорейшую встречу втроем и отсрочки на неопределенное время нашей с Вами новой встречи вместе с нашими штабами...»²⁸⁰

6. Встреча в Крыму: компромиссы, ведущие к противостоянию

В конце 1944 — начале 1945 г. вопрос о Польше и ее послевоенном устройстве в межсоюзнических отношениях продолжал обостряться. В начале декабря достаточно нелицеприятными посланиями относительно судьбы будущего польского правительства обменялись Черчилль и Сталин. 3 декабря британский премьер писал советскому лидеру, что отношение англичан к любой новой власти в Польше будет корректным, хотя и холодным. «С таким правительством, — уточнял Черчилль, — у нас, конечно, не может быть таких же близких отношений, преисполненных доверия, какие у нас были с г-ном Миколайчиком или с его предшественником, покойным генералом Сикорским... Я не был бы удивлен, если бы увидел его [Миколайчика] снова у власти с возросшим престижем и с необходимыми полномочиями для выполнения программы, обсуждавшейся между нами в Москве. Такой исход был бы тем более благоприятным, что своей отставкой г-н Миколайчик самым убедительным образом показал, что он и его друзья являются поборниками хороших отношений Польши с Россией»²⁸¹.

Сталин не принял аргументов Черчилля и 8 декабря ответил ему, что «за время, прошедшее после последней встречи с г-ном Миколайчиком в Москве, стало ясно, что он не способен помочь разрешению польских дел. Напротив, выяснилась его отрицательная роль. Выяснилось, что его переговоры с Польским национальным комитетом слу-

жат прикрытием для тех элементов, которые из-за его спины вели преступную террористическую работу против советских офицеров и вообще против советских людей на территории Польши... Министерские перестановки в польском эмигрантском правительстве теперь не представляют серьезного интереса. Это все то же топтание на месте людей, оторвавшихся от национальной почвы, не имеющих связей с польским народом. В то же время Польский комитет национального освобождения²⁸² сделал серьезные успехи в укреплении своих национальных, демократических организаций на территории Польши...»²⁸³

В середине декабря немецкие войска начали свое последнее крупное контрнаступление на Западном фронте. 16 декабря 1944 г. они нанесли внезапный удар в Арденнах, в результате которого силы союзников были поставлены в тяжелое положение. 6 января 1945 г. У. Черчилль от имени Англии и США послал телеграмму Сталину, в которой говорилось: «Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть...»²⁸⁴ Ставка ВГК передвинула сроки начала зимнего наступления Красной армии с 20 на 12 января. К тому времени союзникам в основном уже удалось отразить немецкий удар. Но после известия о том, что советские войска перешли в широкое наступление, немецкое командование начало переброску ряда соединений с Запада на Восток, что еще более способствовало стабилизации фронта в Арденнах.

Советское наступление буквально обрушило весь германский фронт на Висле. В начале февраля 1945 г. части Красной армии, пройдя по территории Польши, вышли к Одру. До столицы Третьего рейха им оставалось около 100 км. Советские войска контролировали практически всю территорию довоенной Польши, вновь продемонстрировав союзникам мощь своих наступательных возможностей. Сравнение русского зимнего наступления с положением англо-американских сил на западе выглядело не

в пользу последних. Именно на этом фоне начала работу Ялтинская (Крымская) конференция лидеров трех великих держав (4—11 февраля 1945 г.)

Еще в конце 1944 г. в переписке между Сталиным и Рузвельтом и во время встреч дипломатов двух стран активно обсуждался вопрос о месте проведения конференции. Предлагались различные варианты, в том числе побережье Средиземного моря. Однако Сталину удалось отстоять советское предложение — Крым. Такой выбор, безусловно, давал ему определенные преимущества — возможность чувствовать себя более раскованно и проявлять инициативу на правах хозяина. Проведение конференции на территории СССР работало и на международный престиж государства. С другой стороны, именно достигнутые к тому времени успехи Красной армии на фронтах борьбы против Германии, огромный авторитет Советского Союза среди сообщества свободолюбивых наций как бы подтверждали обоснованность выбора места для новой и давно ожидаемой встречи лидеров Большой тройки.

27 декабря 1944 г. во время беседы с наркомом иностранных дел В. Молотовым посол США А. Гарриман заявил, что «президент готов прибыть в район Черного моря... Что касается места встречи, то по информации, имеющейся у президента, Крым является наилучшим районом для этой цели... президент рассчитывает прибыть в район Крыма на самолете из р-на Средиземного моря. Из разговора с маршалом Сталиным он, Гарриман, понял, что в Крыму пунктом встречи могла бы быть Ялта...»²⁸⁵

В январе 1945 г. в Москве, Лондоне и Вашингтоне шла активная подготовка к трехсторонней конференции. Остановимся более подробно на том, какие проблемы собирался обсудить на ней Ф. Рузвельт. 20 января во время встречи с И.М. Майским²⁸⁶ А. Гарриман подчеркнул, что новая встреча в Ялте будет отличаться от переговоров в Тегеране, где во главе угла стояли военные вопросы. «Конечно, военные вопросы будут обсуждаться и на предстоящей конференции, — пояснил он. — Однако президент считает, что основную роль на предстоящем совещании долж-

ны играть политические вопросы...» Гарриман подчеркнул, что Рузвельта в первую очередь интересуют два вопроса: а) будущая организация международной безопасности, что подразумевает закрепление участия Америки в международном органе; и б) послевоенная судьба Германии — проблемы раздробления Германии и репараций с этой страны.

Гарриман сообщил, что кроме президента и его военных советников в конференции будут участвовать Стеттиниус и большое количество крупных сотрудников Госдепартамента; много военных и представителей Форин офиса собирается брать с собой и Черчилль. Далее посол сказал, что американцы, как ему кажется, хотели бы обсудить также вопросы о кредитах Советскому Союзу, о Польше, Дальнем Востоке и, наконец, «вопрос о Греции и вообще о всех освобождаемых странах Европы». На недоуменную реплику Майского «что можно обсуждать по вопросу о Польше — время ушло, события зашли слишком далеко», Гарриман заметил, что действительно, «нынешняя ситуация делает чрезвычайно трудным достижение какого-либо компромисса в польском вопросе. Тем не менее, — добавил он, — я все-таки думаю, что президент захочет поговорить о Польше».

Гарриман, пытавшийся прояснить советскую позицию по вопросу о репарациях, был удовлетворен высказываниями Майского об их продолжительности, рассчитанной примерно на 10 лет после войны. Он не удивился, когда речь зашла о миллионах немцев, требуемых в качестве рабочих рук в СССР для восстановления его экономики, согласился с тем, что германская тяжелая промышленность по большей части должна быть ликвидирована, а ее индустрия — соответствовать лишь удовлетворению «собственных действительных экономических нужд» страны.

Тема репараций с Германии и ее экономического будущего заняла большую часть беседы двух дипломатов. Встреча совершенно не указывала на то, что вопросы послевоенного устройства остальной Европы, роли и конкретного участия в нем СССР и США могут обостриться на

предстоящей конференции лидеров трех держав. Вполне вероятно, что сам Гарриман считал, например, польский вопрос действительно уже потерявшим свою актуальность на фоне произошедших и происходящих в Европе событий. По крайней мере, среди его помощников в московском посольстве существовало мнение о нежелательности заострять его в дискуссиях с Советами по причине заранее известной невозможности достижения какого-либо приемлемого для США компромисса. Так, еще 3 октября 1944 г. советник посла Дж. Кеннан направил послу Гарриману записку, в которой изложил свое видение польской ситуации. Рассмотрев варианты экономического и финансового участия западных стран в восстановлении Польского государства, возможности привлечения международных сил для поддержания послевоенного режима на его территории (в т.ч. с участием Скандинавских стран), он полагал, что было бы гораздо выгоднее признать здесь интересы СССР, не продолжать бесполезные попытки установить в стране власть эмигрантского правительства и тем самым получить преимущество в диалоге с Москвой относительно других частей Европы и в целом — в вопросе создания международной системы безопасности²⁸⁷.

Кеннан выступал в этом случае с достаточно прагматичных позиций. Он не видел возможности (равно и необходимости) противостоять России в сложившихся обстоятельствах, но не упускал из виду экономическую составляющую в будущем устройстве Европы. Зная его дальнейшую политико-дипломатическую карьеру, в том числе в качестве посла в СССР, его неприятие советской системы, можно предположить, что Кеннан уже в октябре 1944 г. попытался обозначить пути возвращения в лоно Запада уходящих в орбиту Советского Союза восточноевропейских государств — то есть того буфера, который ранее служил санитарным кордоном против России. Уйти, чтобы вернуться — так, видимо, можно охарактеризовать его пока черновые наброски в отношении процессов, происходивших в то время в Восточной Европе. Довольно скоро после это-

го он подготовил ряд телеграмм в Госдепартамент, призывающих к ограничению сфер влияния Москвы.

Данные о том, что в первую очередь захочет обсуждать в Крыму Ф. Рузвельт, присутствовали и в записках советского посла в Вашингтоне А. Громыко. В своих донесениях наркомун иностранных дел СССР накануне конференции он также упоминал о проблемах Польши, Германии, Греции, новой международной организации по безопасности, но обрамлял эту информацию весьма ценными наблюдениями и замечаниями, касающимися как вероятной позиции США, так и желательной реакции на нее со стороны СССР. Несомненно, что в Кремле внимательно прислушивались к тому, о чем писал Громыко, и делали определенные выводы для будущей практической политики и дипломатии.

Так, 25 января 1945 г. в донесении В. Молотову Громыко очертил основной круг вопросов, которые, по всей вероятности, готовы были поднять американцы и англичане: о Польше, Греции, Югославии, создании межсоюзнического консультативного органа, Германии (в широком плане), голосовании в Совете международной организации по безопасности, советских республиках в связи с вопросом о членстве в международной организации, роли малых стран в международной организации, кредите, Иране, Японии²⁸⁸. Более подробно он остановился на этих вопросах в «замечаниях» от 26 января 1945 г., дав следующие пояснения:

«О Польше: ...Американцы и англичане будут, по-видимому, изыскивать пути примирения позиций временного правительства Польши (созданного в январе 1945 г. польскими коммунистами при содействии Москвы. — М.М.) и эмигрантского польского правительства в Лондоне. Мне известно, что правительство США возлагает большие надежды на возможное привлечение в правительство Миколайчика... Вполне возможно, что Рузвельт оставит открытым вопрос о признании временного польского правительства Соединенными Штатами, ссылаясь на неподготовленность американского общественного мнения... Такой исход

дела мог бы носить лишь временный характер, и, как мне представляется, если не сразу же после совещания, то несколько позже правительство США вынуждено будет пойти на признание временного польского правительства. Разумеется, многое будет зависеть от того, насколько твердо и последовательно будет придерживаться уже выработанной ранее точки зрения по данному вопросу английское правительство. Маловероятно, чтобы Рузвельт прямо поставил вопрос о возможности уступки Советским Союзом полякам Львова. Не исключено, что Рузвельт может в осторожной форме попытаться затронуть и этот вопрос. По территориальному польскому вопросу, однако, Рузвельт вынужден будет согласиться, и я не предвижу серьезных трудностей в части достижения согласия по данному вопросу между тремя сторонами».

В отношении Греции Громыко предвидел, что Рузвельт по тактическим соображениям может заявить, что выступает защитником суверенитета этой и других малых стран и противником вмешательства великих держав в дела небольших государств. Рассуждая о возможности создания Межсоюзного консультативного органа, советский посол предлагал задаться вопросом, насколько существование такой организации «будет связывать наши действия в ряде европейских стран», какие права и полномочия она будет иметь. Если бы права и полномочия не отличались от тех, что имеются у ЕКК, то, по его мнению, принципиальной разницы не существовало, но если бы они стали более широкими, то это могло бы «связать действия Советского Союза в Европе».

Говоря о «Совете Объединенных наций» (то есть в более широкой по своему составу структуре, чем образованный позднее Совет Безопасности при ООН. — *М.М.*) и отмечая популярность этой идеи в Конгрессе США, Громыко недвусмысленно заявлял: «следует решительно возражать». По его мнению, Совет «представлял бы сборище, в котором решение вопросов проводилось бы не в нашу пользу. В таком Совете Советский Союз противопоставлялся бы не

2-3 странам, а десяткам стран по ряду важнейших политических вопросов...»

В заключение советский посол отметил, что Рузвельт и Черчилль заговорят и о формуле «безусловной капитуляции» Германии, ее возможном расчленении²⁸⁹.

Многие прогнозы, сделанные Громыко о стратегии поведения американского руководства на переговорах в Крыму, оказались весьма точными, а его выводы были использованы советской делегацией для лучшего представления своей позиции и защиты государственных интересов СССР.

* * *

4 февраля 1945 г. в Крыму открылись переговоры Сталина, Рузвельта и Черчилля. Одним из важнейших пунктов для обсуждения стали условия капитуляции Германии, выработанные на заседаниях Европейской консультативной комиссии и зоны ее оккупации. Лидеры трех стран подтвердили, что вооруженные силы СССР, США и Великобритании займут свои зоны оккупации, причем Берлин будет выделен в особый район, где будет осуществляться совместный оккупационный режим. Было принято решение о создании Контрольного совета по Германии в составе главнокомандующих трех держав, куда предполагалось пригласить также и Францию. 13 февраля было опубликовано заявление, объявлявшее, что целью держав-победительниц является «уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет нарушать мир всего мира». В то же время, специально отмечалось, что в их цели не входит уничтожение германского народа. Насущными задачами политики в отношении Германии становились демилитаризация, денацификация, демократизация всей ее общественной жизни²⁹⁰.

Однако вопрос расчленения Германии, о чем ранее говорили Рузвельт и Черчилль, остался нерешенным. Созданная впоследствии в Лондоне комиссия для изучения этого вопроса вскоре прекратила работу. В Акте о военной капитуляции вооруженных сил Германии упоминания о

ее «расчленении» отсутствовали. Любопытно, что, несмотря на то, что в 1949 г. было объявлено о создании в западных зонах оккупации Федеративной Республики Германии, а затем в восточной (советской) зоне — Германской Демократической Республики, то есть по сути отдельных стран, в 1-м томе советского Энциклопедического словаря, вышедшего осенью 1953 г., на карте-вклейке «Европа» Германия (в границах включающих ГДР и ФРГ) была обозначена еще как единое государство.

В отношении репараций с Германии первоначально обсуждалось предложение о 20 млрд долларов, которое выдвинула советская сторона и приняла во внимание американская. Однако против него возразили британцы. Участники переговоров договорились лишь о формах изъятия репараций. Среди них указывались единовременные поставки в течение первых двух послевоенных лет (с целью уничтожения военного потенциала страны), ежегодные поставки текущей продукции и другие формы возмещения ущерба странам, подвергшимся нападению Германии и ее союзников. В конечном итоге общая сумма репараций для СССР в качестве основы для дальнейших переговоров была определена в 10 млрд долларов.

Самые тяжелые дискуссии между участниками конференции развернулись по вопросу о Польше. США и Великобритания не признавали созданное при содействии Москвы Временное правительство этой страны. Несмотря на то, что реальный контроль на территории Польши могли осуществлять теперь лишь просоветские силы, в Лондоне и Вашингтоне не теряли надежды на реорганизацию польского руководства.

На третьем заседании Ялтинской конференции, 6 февраля, Черчилль предложил обсудить польский вопрос, после чего слово взял Рузвельт. Президент, несмотря на то, что выборы в США уже прошли, вновь упомянул о нескольких миллионах «лиц польского происхождения», проживающих в Америке. Он отметил, что не возражает против линии Керзона, но его положение было бы гораздо легче, если бы СССР дал возможность полякам «сохранить лицо»,

уступив им на южном участке этой линии (Рузвельт, несомненно, имел в виду Львов. — *М.М.*). Видимо, это была последняя попытка Рузвельта убедить Сталина скорректировать границу между Польшей и Россией в выгодном для себя направлении. Однако советская делегация занимала достаточно твердую позицию, и конференция приняла решение о том, что «Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлением от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши». Таким образом, Львов оставался за СССР, но к Польскому государству отошли ряд пограничных районов, включая г. Перемышль (Пшемысль), и Белостокская область, которая в соответствии с линией Керзона входила в состав Польши. В августе 1945 г. в результате достигнутой договоренности СССР передал Польше 17 уездов (районов) Белостокской области и 3 уезда (района) Брестской области Советской Белоруссии, с общим населением 1,4 млн чел. В то же время на Ялтинской конференции главы трех правительств признали, что «Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и Западе. Окончательное определение границы Польши было решено отложить. Через несколько месяцев Потсдамская конференция трех держав закрепила реки Одер и Западную (Лаузитскую) Нейсе как западную границу Польши. Таким образом, территория Польши существенно расширилась за счет бывших германских областей.

Однако наиболее существенной частью польского вопроса, обсуждавшегося в Ялте, стал вопрос о создании нового правительства государства. И здесь Рузвельт не хотел уступать свои позиции. Продолжая высказывать свои мысли перед Сталиным и Черчиллем, 6 февраля 1945 г. он заметил, что «общественное мнение Соединенных Штатов настроено против того, чтобы Америка признала люблинское правительство, так как народу Соединенных Штатов кажется, что люблинское правительство представляет лишь небольшую часть польского народа... Американский народ хочет видеть в Польше правительство национального единства, в которое вошли бы представители всех польских пар-

тий...» Кроме того, Рузвельт сказал, что привез с собой предложение основать в Польше «президентский совет в составе небольшого количества выдающихся поляков», который будет готовить создание временного правительства.

Мнение президента США о создании Временного правительства национального единства поддержал Черчилль, который отметил, что вопрос о Польше является для британцев «делом чести», и что он знает Миколайчика, Ромера и Грабского²⁹¹ как умных и честных людей. Со своей стороны Сталин отметил, что «для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести — потому что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей... Вопросом безопасности — потому что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства... На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию». Чтобы этого больше не произошло, подчеркнул Сталин, необходимо создание сильной, мощной и независимой Польши.

Отклонив предложение пойти на существенные уступки в отношении линии Керзона, советский лидер обратил внимание на то, что новое польское правительство необходимо создавать с участием самих поляков и с их согласия. Определенные надежды на соглашение между люблинскими и лондонскими поляками имелись осенью 1944 г., но затем «Миколайчик был изгнан из польского правительства в Лондоне за то, что он отстаивал соглашение с люблинским правительством». Нынешнее же правительство Арцишевского²⁹² против такого соглашения. С другой стороны, руководители варшавского правительства (после освобождения польской столицы в январе 1945 г. члены т.н. люблинского правительства переехали в Варшаву. — *М.М.*) — Берут, Осубка-Моравский и Роля-Жимерский²⁹³ также не хотят слышать об объединении с лондонцами. Сталин подчеркнул, что он готов сделать все возможное для объединения поляков, но «только в том случае, если эта попытка будет иметь шансы на успех». Прежде всего, он считает,

что правительство страны, освобожденной Красной армией, должно обеспечить на своей территории порядок, предотвращение гражданской войны в тылу советских войск. Варшавское правительство справляется с такой задачей, а «силы внутреннего сопротивления», подчиненные лондонскому правительству, напротив, только вредят и «стреляют в спину» советским бойцам²⁹⁴.

После столь эмоционального выступления Сталина Рузвельту ничего не оставалось делать, как выдвинуть предложение отложить обсуждение польского вопроса. Более того, он отметил, что «польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль»²⁹⁵. Стороны оставались неуступчивыми. Действительно, ставки были высоки — от того, станет ли будущая Польша прозападной или просоветской, зависело очень многое. В плане геополитическом возникал вопрос, будет ли она частью кордона, сдерживающего Россию, или напротив — важнейшей частью пояса безопасности СССР, фактором, утверждающим его влияние в самом центре Европы. Последнее практически исключало на ближайшую перспективу проникновение западного (прежде всего американского) капитала в польскую экономику и подчинение ее интересам транснациональных финансовых групп. Идеологически просоветская (социалистическая) Польша в случае успешного восстановления экономики и улучшения качества жизни населения могла стать примером для других европейских стран в вопросе о выборе путей своего дальнейшего развития. В сложившихся обстоятельствах у Вашингтона и Лондона существовал единственно возможный вариант — оставить польский вопрос в подвешенном состоянии, продолжая требовать создания коалиционного правительства. Отсутствие реальных перспектив у Великобритании и США перетянуть Польшу на свою сторону в данное время не означало, что такие перспективы не могли появиться в дальнейшем. В итоге всех дискуссий Ялтинская конференция лидеров трех держав приняла по Польше следующее решение:

«О Польше.

Мы собрались на Крымскую конференцию разрешить наши разногласия по польскому вопросу. Мы полностью обсудили все аспекты польского вопроса. Мы вновь подтвердили наше общее желание видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу, и в результате наших переговоров мы согласились об условиях, на которых новое Временное польское правительство национального единства будет сформировано таким путем, чтобы получить признание со стороны трех главных держав.

Достигнуто следующее соглашение:

Новое положение создано в Польше в результате полного освобождения ее Красной армией. Это требует создания Временного польского правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским временным правительством национального единства...

Когда Польское временное правительство национального единства будет сформировано должным образом в соответствии с вышеуказанным, правительство СССР, которое поддерживает в настоящее время дипломатические отношения с нынешним Временным правительством Польши, правительство Соединенного Королевства и правительство США установят дипломатические отношения с новым Польским временным правительством национального единства...»²⁹⁶

Как выше уже было отмечено, вопрос о новых границах Польши — как на востоке, так и на западе — был успешно разрешен. Но дискуссии о новом правительстве государства и его социально-политическом курсе продолжались и стали одной из причин обострения отношений между ведущими членами антигитлеровской коалиции на

заключительном этапе Второй мировой войны и сразу после окончания боевых действий в Европе. Западные руководители, критикуя советскую позицию, занятую в отношении состава польского правительства, апеллировали в том числе к «Декларации об освобожденной Европе», также принятой на Ялтинской конференции. Декларация провозглашала необходимость консультации и согласования политики СССР, США и Великобритании, как в отношении освобожденных стран, так и тех, которые ранее являлись союзниками Германии. Сталин, Рузвельт и Черчилль договорились, что «установление порядка в Европе и переустройство национально-экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам уничтожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору. В соответствии с принципом Атлантической хартии о праве всех народов избирать форму правительства, при котором они будут жить, должно быть обеспечено восстановление суверенных прав и самоуправления для тех народов, которые были лишены этого агрессивными нациями путем насилия...» Три правительства обязались совместно помогать народам в любом освобожденном европейском государстве и «создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить путем свободных выборов правительства, отвечающие воле народа...»²⁹⁷

Слова Декларации о создании в европейских странах «демократических учреждений по их собственному выбору» и временных властей, «представляющих все демократические элементы населения», как бы резервировали за США и Великобританией возможность будущего несогласия с политическими действиями Москвы в соседних восточноевропейских странах. Вскоре после Ялты и еще до смерти президента Рузвельта такое несогласие, грозящее перерасти в прямое противодействие, стало объективной реальностью, оказывающей все большее воздействие на

весь комплекс межсоюзнических, в том числе советско-американских отношений.

К. Швабе обращает внимание, что в процессе подготовки Декларации, требующей свободные выборы по западной системе, Государственный департамент США хотел пойти еще дальше и подвигнуть президента выступить с предложением основать Чрезвычайную верховную комиссию для Европы. Эта комиссия стала бы платформой для выработки тремя великими державами общей политики относительно проведения в жизнь статей Декларации. Рузвельт отверг это предложение, назвав его бюрократическим и негибким. Очевидно, он также опасался, что подобная комиссия может нарушить гармонию в межсоюзнических отношениях. Но в то же время президент подчеркивал, что он относится к «Декларации об освобожденной Европе» чрезвычайно серьезно, и напоминал Сталину, что Польша является тестом проверяющим действенную силу этого документа²⁹⁸.

Ялтинские переговоры отмечены достижением многих компромиссов, но в то же время они явились тем рубежом за которым в полный рост вставал вопрос — будет ли послевоенная Европа единым целым или континентом, разделенным на два лагеря: просоветский и прозападный. Соединенным Штатам предстояло в этой связи определить пределы их требований к Советскому Союзу, связанные с выполнением статей «Декларации об освобожденной Европе».

Ряд моментов, относящихся еще к истории развития предвоенного политического кризиса, равно как и долгосрочной перспективе взаимодействия с СССР, ставили Рузвельта в такое положение, когда ему было очень непросто игнорировать желание Сталина основать вблизи своих западных границ «пояс безопасности» из просоветски настроенных стран. Возможности возражать против советских акций в Восточной Европе сужались и по причинам военного характера. К моменту начала конференции в Крыму части Красной армии находились в непосредственной близости от Берлина. Было понятно, что СССР, пройдя по территории ряда восточноевропейских стран, фак-

тически приобретал свободу действий и негласное «право вето» для контрмер западных союзников. Так, направляя 10 марта 1945 г. телеграмму Черчиллю, Рузвельт разделял озабоченность британского премьера развитием ситуации в Румынии и Польше. Он подчеркивал важность ялтинских соглашений и был готов сделать все возможное, чтобы добиться от Сталина их честного выполнения. Однако что касается Румынии, подчеркивал президент, то она является отнюдь не лучшим местом для тестирования позиции России по вопросу равного участия великих держав в политическом будущем страны. Эта страна «лежит на путях коммуникаций русских, и поскольку Советы с самого начала захватили в ней бескомпромиссный контроль, было бы чрезвычайно трудно оспаривать доводы русских, оправдывающие там свои акции военной необходимостью и мерами по обеспечению безопасности». Рузвельт, однако, придерживался того мнения, что советский контроль не обязательно должен привести к утверждению в восточно-европейских странах коммунистических режимов. В то же время он настаивал на строгом следовании ялтинским соглашениям в случае с Польшей²⁹⁹.

Историк Н.Н. Яковлев справедливо обращает внимание на то, что в период проведения Ялтинской конференции Рузвельт и Черчилль чрезвычайно нуждались в продолжении неослабного наступления Красной армии в Европе и ее последующем вступлении в войну на Тихом океане. В подобной ситуации они объективно оказывались в роли просителей, вынуждены были считаться с интересами СССР, поскольку главные судьбы войны продолжали решаться на советско-германском фронте. Но не только это. Весьма сильное влияние на позицию Вашингтона и Лондона по отношению к Москве и ее участию в разрешении послевоенных европейских проблем оказывала политическая ситуация в самих странах Европы. Не менее важным для понимания поведения США являлись данные, поступавшие в Белый дом, что европейские народы были охвачены левыми настроениями и активно выступали за далеко идущие экономические и социальные реформы³⁰⁰. Аме-

риканские правительственные круги не могли не считаться с этими фактами, которые вытекали из самого характера Второй мировой войны. Подобная ситуация вынуждала Белый дом к поиску компромиссов с Советским Союзом, но одновременно стимулировала к поиску путей уменьшения влияния Москвы на континенте.

Существует версия о том, что, находясь в Ялте, Рузвельт был уже настолько болен, что не мог строго отстаивать интересы США перед Сталиным. Действительно, его здоровье было уже подорвано, что не могло не бросаться в глаза окружающим. Но А. Шлезингер (мл.) заявляет в этой связи, что не разделяет мнение тех исследователей, которые говорят о «падении обороны» президента на Ялтинской конференции. В качестве доказательства он приводит интервью с теми людьми, которые видели Рузвельта и понимали, насколько четко он выдерживал свой внешнеполитический курс: мнение советского эксперта в Госдепартаменте Ч. Болен, будущего посла в СССР Ф. Робертса, сталинского переводчика В. Бережкова. Так, Ч. Болен говорил: «Тогда как его [Рузвельта] физическое состояние было далеко от нормального, его умственные и психологические способности определенно не были подвержены какому-либо влиянию. Он был вялым, но когда наступали решающие моменты, президент оставался на высоте своего положения»³⁰¹. Рузвельт, несмотря на свое самочувствие, сохранял политическую волю, гибкую реакцию и оперировал сильными аргументами. Ключ к пониманию его поведения в Ялте лежит в плоскости того, насколько действенны эти аргументы были в новых условиях конца войны и быстрого наступления Красной армии против вермахта.

Усиление позиций СССР в Восточной Европе было неизбежно. Отказ признания этого факта и немедленная эскалация давления на СССР не только окончательно закрывали доступ для проникновения туда американского влияния, но и могло быть использовано Великобританией для установления своего контроля над остальной частью континента. В результате Америка лишалась потенциальных посреднических функций и, следуя логике конфликтного

развития геополитических интересов сторон, открыто становилась участником противостояния на стороне западного блока. В этом случае ее действия носили бы вынужденный и в большой степени подчиненный характер. Именно такого подчинения своему ближайшему союзнику, Великобритании, грозящему подвести США, вопреки общественным настроениям, к новому и более масштабному конфликту с сильнейшей на тот период сухопутной армией мира, стремился не допустить Рузвельт.

Граждане США в целом высоко оценили результаты Ялтинской конференции. Согласно мнению аналитиков Государственного департамента, представленному ими в документе от 14 февраля 1945 г., такая ситуация сложилась благодаря следующим обстоятельствам: три главных союзника сумели договориться по весьма противоречивым проблемам; обе стороны (советская и западная) достигли компромисса; и конференция в этом смысле была совершенно уникальной. Американцы отнеслись к условиям будущего отношения с Германией как к «жестким», но «справедливым». С одобрением ими воспринималось соглашение о скором открытии конференции в Сан-Франциско с целью создания ООН и договоренность, что освобожденные страны Европы будут свободны в выборе собственной формы правления. Подавляющее число граждан США считало, что их страна должна принять на себя еще большую ответственность за послевоенную судьбу Европейского континента.

Пресса США также освещала Ялтинскую конференцию как важнейшее событие современности. Но сотрудники Государственного департамента, наряду с положительными оценками переговоров, выделяли и подмеченные некоторыми обозревателями противоречивые моменты достигнутых договоренностей. Газета «Нью-Йорк Таймс» находила договоренности «превосходными и вполне оправданными», отмечая, что новое подтверждение статей Атлантической хартии является, возможно, самым значительным результатом переговоров. «Вашингтон пост» назвала компромиссом подход Сталина к соглашению со

своими союзниками, расценивая при этом разрешение «польского вопроса» в качестве важнейшего тому доказательства. «Нью-Йорк Геральд Трибюн» отнеслась к итогам конференции как к надежному фундаменту для дальнейшего союзного сотрудничества. «Самым успокаивающим фактом, — говорилось в одной из статей газеты, — является то, что переговоры стали еще одним доказательством единства союзников, их силы и решимости». «Балтимор Сан» высоко оценивала «Декларацию об объединенной Европе», но комментировала решение «польского вопроса» как свидетельство «достаточно тяжелой сделки». «Достигнутые соглашения по территориальным проблемам подходят не всем», — отмечалось в статье. Затем ставился риторический вопрос: «Но кто сейчас может открыто и определенно заявить об их справедливости?» Многие обозреватели выражали уверенность, что СССР присоединится к США и Великобритании в войне на Тихом океане.

В то же время в газете «Вашингтон Таймс-Геральд», изданиях Скриппса-Ховарда, Херста и некоторых других звучали критические отклики относительно поведения западных союзников в Ялте, осуждались «сдача Сталину» европейских государств, «компромисс, в котором Сталин продиктовал большую часть условий».

Государственный департамент интересовали мнения о конференции различных политических деятелей, членов Конгресса США. Отмечалось, что большинство конгрессменов — членов обеих партий, включая сенаторов А. Баркли, У. Уайта, Х. Килгора, Т. Коннели, С. Блума, похвально отзывались о результатах встречи. Сенатор А. Ванденберг считал их «по крайней мере, самыми лучшими из тех, что можно извлечь из подобного рода больших конференций». Относительно «польского вопроса» он, однако, заметил, что «если Львов и Вильно будут принадлежать новой Польше, это одно дело, если нет — то совсем другое». Г. Гувер³⁰² на вечере Республиканской партии в Нью-Йорке заявил свою уверенность в том, что ялтинские соглашения заключают в себе крепкий фундамент, на котором будет переустроен мир. Критика в отношении договоренностей по Польше слыша-

лась из уст сенатора Г. Шипстида, членов Палаты представителей Дж. Лесински, Э. О'Конски, некоторых американских политических деятелей польского происхождения³⁰³.

И в то время, и позднее критика в адрес Рузвельта, прошедшего в Ялте на договоренности, определившие будущее многих европейских стран, продолжала звучать в западных средствах массовой информации и в исследовательских работах. Весьма объективным представляется мнение историка Р. Даллека, который полностью отвергает обвинения, предъявленные президенту, и подчеркивает, что Рузвельт не был наивным и не сдавал Сталину Восточную Европу. Президент США прекрасно осознавал вклад русских в победу, за которую они заплатили жизнью более 20 миллионов человек, и что компенсацией за этот вклад может быть только Восточная Европа. Он понимал разницу в политических системах в Советском Союзе и в западных странах, но не оставлял надежду на послевоенное глобальное сотрудничество с СССР, равно как и с другими сверхдержавами³⁰⁴.

Между тем, о недостатке условий для подобного рода сотрудничества говорил глава военной миссии США Дж. Дин. По его мнению, Россия хотела «закончить войну без чьих-либо смешанных войск, поделенной ответственности и взаимных обязательств, как это делали между собой англичане и американцы. Россия хотела за свое положение в конце войны быть обязанной самой себе — без обязательств по отношению к своим союзникам и без ожидания претензий от них. Конечно, она была готова свои военные операции проводить с учетом поддержки других союзников и этим ускорить поражение Германии — но эти операции она хотела проводить сама, минимально уведомляя своих английских и американских друзей»³⁰⁵. Недостаток искренности в сотрудничестве СССР с западными союзниками становился в конце войны очевидным фактом. Но Дин не считает, что виновность за это лежит и на англо-американском тандеме. Однако объективный анализ ситуации показывает, что СССР был не только вправе, но и вынужден рассчитывать, прежде всего, на свои силы

и проводить свою независимую внешнюю политику на основании предыдущего опыта взаимодействия в рамках антигитлеровской коалиции. В Кремле не могли не учитывать отсрочки открытия второго фронта, перерывы с поставками по ленд-лизу, нежелание Лондона и Вашингтона принять позицию Москвы относительно разрешения ряда территориально-политических проблем в Европе.

Весьма высоко и в то же время с пониманием будущих трудностей оценивал конференцию в Ялте американский посол в Москве А. Гарриман. В своем послании государственному секретарю США Э. Стеттиниусу он замечал, что проделанная Государственным департаментом большая подготовительная работа во многом обеспечила успех основных решений, принятых Рузвельтом вместе со Сталиным и Черчиллем. Открытое и честное ведение дискуссий госсекретаря с Молотовым успокоили «исторические подозрения советского внешнеполитического ведомства». Гарриман был уверен, что переговоры в Ялте стали огромным шагом на пути к большему доверию между великими державами и должны обеспечить Америке лучшие позиции на будущих конференциях.

Гарриман остановился и на ряде остающихся проблем, первой из которых был вопрос о приглашении к будущим переговорам министров иностранных дел трех ведущих держав антигитлеровской коалиции французского представителя. Посол выразил достаточно скептическое отношение к такому шагу, обосновав его тем, что существует опасность нарушить тем самым климат доверия между тремя главными союзниками, которым принадлежит основная заслуга в достижении победы. Посол не ставил под сомнение необходимость всемерной поддержки Франции в послевоенное время и включение ее в контрольную комиссию по Германии, но считал, что присоединение ее к Большой тройке, во-первых, осложнит взаимопонимание с Советским Союзом и, во-вторых, обяжет решать вопрос о включении в состав будущих конференций представителя Китая. «Подобное положение дел, — отмечал он, — полностью нарушит характер всех наших бесед, проведенных в

Ялте, и сделает невозможной организацию трехсторонних конференций в будущем»³⁰⁶.

Логично предположить, что Гарриман оставался здесь на позиции известной гармонии с линией Рузвельта — т.е. Франция должна восстановить свой статус влиятельной державы, участвовать в оккупации Германии на правах победительницы, но доверительные отношения трех главных союзников — прежде всего США и СССР — ни в коем случае не должны быть нарушены. Посол воспринимал такой подход президента, считая, что перспективы разрешения спорных вопросов с Москвой еще существуют, и большое значение в этом деле имеют налаженные с ней в годы войны тесные контакты. Одновременно Гарриман предвидел трудности на предстоящих переговорах с СССР, прежде всего касающиеся реорганизации правительства Польши³⁰⁷.

7. Рузвельт после Ялты: новые обстоятельства, новые рекомендации

После Ялты дискуссии разгорелись в отношении будущего Румынии, Болгарии, Югославии, других восточноевропейских стран. Рузвельт принимал во внимание, что возникновение зоны ответственности СССР в государствах, расположенных к западу от его границ, избежать нельзя, но считал, что правительства этих государств должны быть коалиционными и придерживаться западных демократических норм. Более того, сама зона ответственности должна быть временной, вызванной военной необходимостью и, в итоге, позволяющей в будущем сделать Восточную Европу «открытой» зоной интересов великих держав. Входящие в нее страны обладали бы одновременно внутренней автономией и свободой дальнейшего выбора своего социально-политического строя³⁰⁸. Это как нельзя лучше увязывалось с американскими интересами на континенте, — в том смысле, как их понимал Рузвельт. Камнем преткновения была Польша, будущее которой в огромной степени зависело от состава польского Временного правительства национального единства. Конкретная работа по созданию правительства была возложена на т.н. «комиссию трех» из

представителей СССР, США и Великобритании. Москва, не без основания воспринимая ялтинские решения по Польше как свой успех, активно поддерживала укрепление в стране власти «люблинских» (теперь уже «варшавских») поляков. Признанное Москвой еще в январе 1945 г. польское правительство (преобразованное на основе ПКНО) не соглашалось с формулой Миколайчика, при которой оно должно было уступить «лондонцам» 50% мест. «Бесплодность работы «комиссии трех», односторонние действия «лондонских» и «варшавских» поляков указывали на невыполнение как английской, так и советской стороной достигнутой договоренности на октябрьской встрече в Москве и решений Ялтинской конференции»³⁰⁹.

Польские дела вызывали все большее неудовольствие у тяжелобольного президента США. Прежде всего, он понимал, что общественное мнение в самой Америке изменит свое отношение к ялтинским договоренностям (да и к нему самому), если Польша окажется целиком под влиянием Советского Союза. Несмотря на то, что согласно опросу, проведенному сотрудниками «Принстон пулл», «удовлетворение» американцев сотрудничеством в рамках Большой тройки ко времени встречи в Крыму сильно возросло (с примерно 50% респондентов в январе до двух третей всех опрошенных в феврале), в обзоре, подготовленном в Госдепартаменте США к 7 марта 1945 г., говорилось, что «разрешение польского вопроса остается главной целью для критики»³¹⁰. Еще одним тревожным звонком для Рузвельта были данные о том, что только 15% американцев были убеждены в том, что Объединенные Нации смогут предотвратить будущие войны³¹¹. Активно настаивал на ужесточении западной позиции в вопросе о польском правительстве и У. Черчилль, осуждавший в своих посланиях как линию «люблинских поляков», так и позицию Москвы. Дальнейшие перспективы развития ситуации вокруг Польши оставались до конца неясными, но потенциально тревожными. Рузвельт мог опасаться распространения просоветских настроений в Западной Европе и угрозы как американскому, так и английскому влиянию на большей части континента.

Советский Союз, объединивший в своем блоке многие европейские страны, оказался бы в ближайшей перспективе недостижимой экономической и военной силой, имеющей огромные сырьевые ресурсы и переключившей в свою орбиту важнейшие магистрали мировой торговли. Такой вариант мог отбросить Америку на десятилетия назад в своем историческом развитии, вернуть ее к статусу, который она имела в середине XIX века.

Что мог противопоставить Рузвельт такому гипотетическому развитию событий? Военные меры были за пределами разумного анализа. Силовое давление было неприемлемо как по причине огромного авторитета освободительной Красной армии в мире, так и исходя из реальных и взвешенных оценок американских начальников штабов, предупреждавших в начале 1945 г. о том, что США не могут выиграть войну с СССР по причине превосходства советских вооруженных сил. Начальники штабов в подготовленной ими памятной записке отмечали необходимость избегать ситуации раздела Европы на зоны влияния и не соглашаться с действиями в этом направлении британцев или русских³¹².

Но, как уже отмечалось, у Рузвельта были свои козыри, равно как и методы, которыми он мог оперировать в деле защиты западных (главным образом американских) интересов на континенте. Прежде всего, он считал необходимым добиваться от Сталина выполнения Ялтинских договоренностей, как их понимали в Белом доме, оказывать меры дипломатического давления в этом направлении, чередуящиеся с обещаниями помощи в послевоенной реконструкции и напоминаниями советскому лидеру о важности следовать духу и букве «Декларации об освобожденной Европе». Признанием ведущей — наряду с Британией и самими США — роли СССР в будущей Организации Объединенных Наций, ослабить опасения Москвы за свою безопасность и воспрепятствовать созданию на ее границах жесткого пояса просоветских государств. Президент мог рассчитывать и на фактор времени, который в послевоенный период должен был усилить экономическую мощь

Америки и западноевропейских стран по сравнению с СССР и странами Восточной Европы. В качестве идеологической поддержки своей будущей политики на континенте Вашингтон и Лондон имели возможность мобилизовать общественное мнение в большинстве стран мира против неуступчивого поведения Москвы. Наконец, в запасе у Рузвельта оставалось еще не испытанное, но по прогнозам самое разрушительное из всех боевых средств, известных до той поры в истории, — атомное оружие, которое ускоренными темпами разрабатывалось в американских лабораториях. Одно только осознание силы подобного рода оружия заставит задуматься любого оппонента Америки, рассуждали «ястребы».

Нет свидетельств, чтобы посол США в Москве был знаком в деталях с успехами производства в его стране атомного оружия — деталями «Манхэттенского проекта». Но к концу марта он, видимо решил, что Америке пора более решительно обратиться к имеющимся у нее очевидным рычагам давления на Советский Союз. Его оценки политики Москвы ужесточились, а рекомендации относительно американской линии в вопросах взаимодействия с СССР напоминали скорее призыв к пересмотру всего характера советско-американских отношений. Собираясь уведомить в специальном послании государственного секретаря о своем видении разворачивающихся событий, он, несомненно, имел в виду, что его аргументы и выводы привлекут внимание тех, кто считал необходимым жестко отстаивать интересы США в Европе. Возможно, он рассчитывал, что они дойдут до президента Рузвельта и в той или иной степени будут им одобрены. Документ, который Гарриман подготовил 21 марта, по неизвестным пока причинам отправлен не был, однако спустя две недели, 4 и 6 апреля, он послал телеграммы госсекретарю, где изложил практически те же взгляды на ситуацию и просил срочно принять его в Вашингтоне для детального объяснения происходящего и волнующих его проблем с целью изменить политику Белого дома. Оказаться в Вашингтоне и выступить перед представителями Государственного департамента Гарриман смог

20 апреля, но случилось это уже после смерти Рузвельта. Имеет смысл привести здесь некоторые выдержки из проекта послания Гарримана от 21 марта 1945 г., поскольку они ярко отражают динамику его позиции в отношении СССР со времени окончания конференции в Крыму:

«Советы отреагировали на Ялтинскую конференцию достаточно необъяснимым образом, — писал Гарриман. — Возможно, они полагают, что, следуя твердой линии по отношению к нам, они могут получить то, что они хотят... Советы осознали то важное значение, которое мы придаем Сан-Францисской конференции, и используют этот факт, чтобы добиться от нас выгодного им представительства в польском правительстве... Еще один пример — это Румыния... Несмотря на условия перемирия с ней и “Декларацию об освобожденной Европе”, русские собираются действовать там так, как они действуют, исходя из их предвзятых планов. В Болгарии схожая ситуация, и я думаю, что события в Югославии будут развиваться в том же направлении...

В прошлом мы склонялись к мнению, что когда Советы занимают позицию, противоположную нашей точке зрения, это свидетельство их подозрительности, и если мы покажем им свою дружескую расположенность и желание сотрудничать, то от них также можно ожидать большего взаимодействия. Теперь же мне кажется, что наши дружественные знаки были интерпретированы Советами как знаки нашей слабости и укрепили русских во мнении, что они силой могут заставить нас принять их программу. Когда мы показывали намерение быть твердыми, Советы начинали действовать произвольно, не гнушаясь оскорбительными выпадами. Их ответы на наши ноты в румынском вопросе — один пример; их поведение в случае переговоров в Берне — другой...

Я полагаю, — продолжал Гарриман, — что пришло время полностью переориентировать все наше отношение и все наши методы в ведении дел с советским правительством... Если мы не хотим получить в XX веке новое вторжение варваров в Европу, последствия которого скажутся в дальнейшем и на Востоке, мы должны найти пути сдержать

советскую политику господства. Я еще верю, что мы имеем возможность разрядить ситуацию, если мы перейдем к хорошо продуманной и сильной политике. Если мы ее адаптируем, то мы должны быть готовы к жестким решениям, но если мы этого не сделаем сейчас, то боюсь, потом будет слишком поздно. Относительно протоколов по ленд-лизу я предлагал в своей недавней телеграмме, чтобы мы отдавали предпочтение запросам наших западных союзников, — если это необходимо, за счет Советов.

Советы используют трудности, которые сейчас испытывают жители Франции и Бельгии для того, чтобы ослабить наш и британский престиж. Они утверждают, что в областях, занятых Красной армией, условия жизни намного лучше... Все разумные меры должны быть предприняты, чтобы усилить Францию, Бельгию, Голландию, Грецию и даже Италию. Должны быть приняты ко вниманию события в Испании в надежде на то, что ее правительство переориентируется на принципы, присущие западной демократии, а не возникшие в коммунистическом тоталитаризме.

Я не предлагаю концепцию сфер влияния, но говорю о сильной политике, которая направлена на поддержку тех народов, которые имеют такие же, как у нас, жизненные взгляды и концепции. Сталин сам говорил мне однажды, что коммунистическая революция находит плодородные зерна в развале капиталистической экономики. Когда же коммунистическая диктатура, за спиной которой стоит секретная полиция, захватывает власть, личные свободы и демократия — в том смысле как мы их понимаем — заканчиваются. И обратного пути здесь быть не может.

Русские не имеют в виду разжигание коммунистических революций, но они собираются установить однопартийные системы народных фронтов, которые установят тот же тип диктаторского контроля. Любое правительство, попавшее в эту систему, будет находиться под доминирующим влиянием советской внешней политики. Если мы хотим выиграть мир, на который мы надеемся, если международная организация по безопасности должна стать такой,

какой ее видим мы, мы должны иметь сильных и здоровых демократических союзников...»³¹³

Далее Гарриман отметил, что он отзывает свое предложение госсекретарю, касающееся нежелательности допуска французского представителя к переговорам министров иностранных дел трех великих держав, изложенное им в послании от 20 февраля 1945 г. «События прошедшего месяца, — писал он, — убедили меня, что позиция и престиж Франции должны быть усилены...» Поэтому, по его мнению, французский представитель должен присоединиться к трехсторонним дискуссиям. Очевидно, что Гарриман желал пересмотра того принципа, когда решение кардинальных вопросов безопасности могло приниматься только на встречах уполномоченных трех великих держав. Привлечение в этот круг Франции — тоже западной державы — несомненно, нарушало бы доверительность контактов лидеров СССР, США и Великобритании. Но Гарриман поддерживал теперь это предложение, поскольку оно работало на создание выгодного для Америки баланса сил в Европе. Хотел ли такого развития событий сам Рузвельт? Вопрос остается открытым.

Гарриман считал также, что нужно набраться терпения и сгладить имеющиеся разногласия с Великобританией. Фактически его предложения были направлены на создание в обозримой перспективе мощного союза западных демократий, хотя он и отмечал, что Америка «не должна поддерживать желание англичан адаптировать на континенте концепцию сфер влияния». Маловероятно, чтобы, говоря о поддержке стран Западной Европы, ее снабжении за счет ленд-лиза, предназначенного для СССР, переходе к «сильной» политике в ведении дел с Москвой, Гарриман не понимал, что это приведет к осложнению отношений с Россией, утрате взаимного доверия и, в конечном итоге, к разделу континента. Возможно, что слова Гарримана о противодействии концепции «сфер влияния» были всего лишь тактическим ходом, связанным с позицией по этому вопросу самого Рузвельта. Посол сообщал в Вашингтон, что СССР намерен полностью подчинить соседние ему

восточноевропейские страны, и США должны выступить против этих действий Москвы. Позиция Гарримана, в этом смысле, была близка позиции Государственного департамента и направлена на восприятие Рузвельтом более жесткого подхода в отношениях с Москвой. Обращают на себя внимание следующие предложения посла относительно американской стратегии, которая спустя некоторое время отчетливо проявилась при новом хозяине Белого дома — Трумэне: «Мы должны попытаться встать на пути проникновения³¹⁴ советских идей в западные демократии, с одной стороны, а с другой, насколько окажемся способны, мы должны попытаться надавить на Советы, чтобы они более широко рассматривали принципы демократии в Восточной Европе»³¹⁵.

Возвращаясь к вопросу о ленд-лизе в СССР, Гарриман добавил к нему проблему послевоенной реконструкции. Посол отметил, что поставки в Россию были призваны укрепить ее мощь для разгрома Германии, но очевидно, что Советы уже используют американские материалы для своих восстановительных программ и дальнейшего развития экономики. СССР накапливает в резерве ленд-лизское оборудование и создает огромный запас золота. «Если мы продолжим нашу современную политику, — подчеркивал Гарриман, — то Россия закончит эту войну, обладая вторым местом по запасам золота после нас и промышленностью, уже частично реконструированной для работы в мирное время». «Все это было бы хорошо, если бы СССР был готов разумно сотрудничать с нами, — добавлял дипломат. Мы продолжаем верить, что Советы будут сотрудничать с нами и в рамках наших концепций в международной организации по безопасности. Я не могу предвидеть, как будет меняться их отношение к этой организации, но я убежден, что какое бы оно ни было, оно будет отличаться от того, что мы ожидаем, и будет нам не по вкусу»³¹⁶.

Проблему поставок в СССР неоднократно поднимал в своих телеграммах американским начальникам штабов и глава военной миссии США Дж. Дин. В начале 1944 г. он рекомендовал при распределении дефицитных ленд-лиз-

ских материалов запрашивать мнение его миссии. Именно она должна давать информацию о важности заказываемых советской стороной товаров. Дин считал, что многие американские материалы, включая вооружение, топливо и различные двигатели, могут отправляться в Россию за счет операций США на Тихом океане и в Европе. С мнением генерала был в корне не согласен Г. Гопкинс. Получив аналогичную телеграмму от посла Гарримана, он информировал американское представительство в Москве, что помощь США русским не подвергается ограничениям. Впоследствии Дин продолжал настаивать на ревизии поставок, упирая теперь на то, что СССР будет использовать многие из них не для военных действий, а для послевоенного развития страны. По его мнению, «чем дольше длилась война, тем отчетливей становилась ориентация требований на послевоенный период. Они касались промышленного оборудования, нефтепроводов, портовых сооружений и многого другого»³¹⁷. По мере изменения отношений между СССР и США в конце войны к позиции Дина стали все больше прислушиваться не только военные, но и политики в Вашингтоне. Логика поведения Дина может показаться вполне обоснованной. Когда СССР был в критическом положении, русские запросы трудно было подвергнуть ревизии, но потом ситуация изменилась, и следовало опасаться, что поставки в Россию по ленд-лизу усилят определенные отрасли ее экономики за счет американцев, в условиях нарастания противоречий между двумя государствами. Все это так. Но в суждениях Дина присутствовал очевидный оттенок недружественного прагматизма. Генерал находился в стране, понесшей самые большие человеческие жертвы и разрушения в ходе войны, и он не мог этого не понимать. Помощь по ленд-лизу работала и на союзников, избавляя их от огромных потерь и вторжения на собственную территорию. И если некоторые поставки возможно было использовать в СССР для послевоенного восстановления, не являлось ли это всего лишь частью материальной компенсации за подобное избавление, посильным вкладом в улучшение жизни советских людей, вынесших на своих плечах основ-

ную тяжесть войны? Все эти мысли, безусловно, не так волновали Дина. На первом месте для него стоял вопрос, что наиболее выгодно для США. В своих действиях он находил все большую поддержку у военного руководства США.

В проекте мартовского послания в Вашингтон Гарриман считал также необходимым настаивать на строгом выполнении СССР статей «Декларации об освобожденной Европе», даже если русским это не нравится. В заключение посол решил дать Госдепу «принципиальную рекомендацию». Она заключалась в следующем: «занять наступательную позицию по всем главным проблемам, вызывающим в настоящее время трудности во взаимоотношениях между нами и советским правительством. Проводить ее в жизнь с помощью твердой и хорошо подготовленной программы, но сохраняя всегда дружелюбное отношение. «Я понимаю, — признавал он, — что найдется немало людей, которые считают, что такая политика обойдется нам очень дорого, если принимать во внимание, как к ней отнесется советское правительство. Но я убежден, что русские не изменят своего отношения к ведущейся войне с Германией, или к ситуации, разворачивающейся сейчас на Тихом океане. Я удовлетворен, что их главные программы действуют сейчас в направлении полновесного участия в международной организации по безопасности, и они не свернут с этого пути. Но, с другой стороны, мы должны теперь же создать базис для нашего будущего взаимодействия, иначе вскоре мы столкнемся с еще более серьезными трудностями. Если мы сейчас же не поставим перед собой все эти вопросы, следующее поколение будет жить в период, который история окрестит советской эпохой»³¹⁸.

В подготовленной и отправленной 4 апреля 1945 г. телеграмме в Госдепартамент Гарриман несколько конкретизировал свои основные положения, касающиеся Советского Союза, изложенные им в проекте послания от 21 марта. Так, он подчеркнул, что западным союзникам необходимо будет добиваться от СССР доступа к продовольственным ресурсам, имеющимся в восточной части Германии (подпадающей под оккупацию Красной армией), поскольку

ку в западной (более промышленно развитой) части страны существует их нехватка. Нужно также ставить вопрос о доступе к нефтяным запасам Румынии. Посол заметил, что СССР будет использовать свой золотой запас, материалы, поставленные по ленд-лизу, оборудование из стран, воевавших с ним, для собственной реконструкции. Москва собирается оказывать политическое и экономическое давление на другие страны, включая Южную Америку, для заключения выгодных торговых контрактов. «Эгоистичное поведение советского правительства, — заключал Гарриман, — должно заставить нас, по моему мнению, адаптировать более позитивное отношение к политике использования экономического влияния для утверждения наших широких политических идеалов. Мы должны использовать экономическую мощь для помощи, насколько это возможно, тем странам, которые действительно дружественно относятся к нашим концепциям, иначе мы должны быть готовы жить в мире, в котором будет доминировать советское влияние. Развитие крепкого экономического базиса в таких странах является единственной надеждой остановить там советское проникновение. Поэтому я рекомендую прямо посмотреть в глаза реальности и соответственно сориентировать нашу международную экономическую политику. Наша политика по отношению к СССР должна, конечно, продолжать основываться на желании развивать дружеские отношения и взаимодействие (как в политической, так и в экономических сферах), — но всегда на возмездной основе. Это значит связывать нашу экономическую поддержку с политическими проблемами, которые мы имеем с Советским Союзом...»³¹⁹

В конце марта 1945 г. президент Рузвельт решает открыто заявить о своей оппозиции советским намерениям в Польше. Очевидно, что мнения представителей его окружения, позиция Государственного департамента сыграли здесь не последнюю роль. Фактически, американцы и англичане выступали единым лагерем, и их оценки политики СССР становились все более критическими. Черчиллю не могло не удовлетворять занятие США более жесткой

линии к СССР — по крайней мере, это позволяло Лондону надеется на сохранение в будущем с помощью Вашингтона европейского равновесия и учета на континенте британских интересов. Однако Рузвельт размышлял более широкими категориями. 29 марта 1945 г. он отправил У. Черчиллю послание, в котором довольно откровенно изложил свое мнение о действиях Москвы после Ялтинской конференции. Президент писал, что с «беспокойством и озабоченностью наблюдал за изменением позиции Советов». Он остро чувствовал приближение опасности, как для решения текущих проблем, так и для хода конференции в Сан-Франциско³²⁰ и будущего всемирного сотрудничества. Рузвельт был согласен с Черчиллем насчет необходимости выполнения обязательств, взятых в Крыму, и в то же время считал нужным показать советскому правительству «исключительно большую важность такого же отношения с его стороны». Особенно его волновали ведущиеся в то время переговоры о Польше.

Рузвельт отметил, что соглашение по Польше, достигнутое в Ялте, представляло собой компромисс между позицией СССР и западных союзников. Он напомнил, что это был «компромисс между советской позицией, смысл которой состоит в том, что люблинское правительство просто должно быть “расширено”, и нашим мнением, суть которого заключается в том, что следует начать все сначала и содействовать формированию совершенно нового польского правительства». Рузвельт исходил из того, что в ялтинском соглашении люблинским полякам придавалось большее значение, и не хотел быть уличенным в каком-либо отходе от крымских решений. Однако, по его мнению, из этого не следовало, «что в силу указанного преимущества люблинская группа может присвоить себе право определять, кого из поляков из двух других групп следует приглашать для консультаций». Президент был убежден, что западные союзники должны настаивать на своем праве «призвать для консультаций группу польских лидеров, имеющую действительно представительный характер, а так же то, что комиссия, и только комиссия, может решать, кто из поляков

представляет общественные круги...» В заключение он согласился с Черчиллем, «что пришло время поставить непосредственно перед Сталиным вопрос о более широких аспектах советской позиции (особенно отметив польскую проблему)»³²¹.

1 апреля послание от Рузвельта получил уже сам Сталин. В нем президент в явно категоричной форме писал: «Я должен пояснить Вам исчерпывающим образом, что любое такое решение, которое привело бы к несколько замаскированному продолжению существования нынешнего варшавского режима, было бы неприемлемо и заставило бы народ Соединенных Штатов считать, что соглашение, достигнутое в Ялте, потерпело неудачу»³²². Рузвельт и Черчилль были особенно раздражены арестом советскими властями в марте 1945 г. 16 руководителей Армии Крайовой во главе с ее командующим генералом Л. Окулицким. Их обвинили в организации подпольной деятельности в тылу Красной армии.

Советско-американские отношения относительно будущего Польши приобретали все более конфронтационный характер. Случилось то, чего Рузвельт, видимо, желал всеми мерами избежать, — дипломатическое давление на Москву вызвало у нее ответную и достаточно жесткую реакцию, в основе которой лежало собственное понимание национальных интересов и неприятие резкой тональности обращения. На переговорах с союзниками СССР продолжал отстаивать свое понимание разрешения «польского вопроса». Другими словами, стороны все ближе подходили к рубежу, за которым последовала холодная война. Важнейшим препятствием на этом пути пока оставалась общая цель разгрома агрессоров.

8. «Бернский инцидент»

Повод выразить свое возмущение западной (прежде всего американской) линией поведения в межсоюзнических отношениях в то время появился и у Сталина. Речь идет о так называемом бернском инциденте, возникшем в связи с сепаратными переговорами представителей США

и Великобритании с эсэсовским генералом Карлом Вольфом, действовавшим по поручению высшего руководства Третьего рейха. 8 марта 1945 г. Вольф встретился с руководителем американской разведывательной резидентуры в Швейцарии А. Даллесом. Состоялись переговоры о возможной капитуляции немецких войск в Италии перед англо-американскими силами. Москва была уведомлена о встречах своих союзников с немцами 12 марта. Она в принципе не возражала против переговоров, но при участии в них советских представителей. Однако это условие было отвергнуто. Поддерживая несогласие своего командования на прибытие офицеров Красной армии в Берн, глава Военной миссии США в Москве генерал Дж. Дин писал 13 марта генералу Маршаллу, что фельдмаршал Г. Александер, главнокомандующий союзными войсками на Средиземноморском театре, предлагает вести дискуссии на чисто военной основе, которые не относятся к решению политических вопросов. «Поскольку за этот театр отвечают англо-американские войска, — продолжал он, — я не вижу никакого резона для участия русских в принятии капитуляции здесь войск противника. В качестве параллели можно привести пример, когда США настаивали бы на участии своих представителей в возможных будущих переговорах о капитуляции 28-30 германских дивизий, зажатых сейчас русскими в Латвии»³²³.

Несмотря на кажущуюся логичность высказываний Дж. Дина, его доказательства правильности американской позиции грешат известной долей лукавства. Советские войска и ранее неоднократно окружали и брали в плен значительные силы немецких войск на Восточном фронте — в Сталинграде, в Корсунь-Шевченковской операции, в Белоруссии летом 1944 г., в Будапеште. Весной 1943 г. англо-американские войска пленили около четверти миллиона итальянцев и немцев в Северной Африке, а в начале апреля 1945 г. англо-американские войска приняли капитуляцию германской группы армий «Б», окруженной в «Рурском котле». Однако все эти окружения и капитуляции действительно относились к ведению боевых действий на

одном театре военных действий и вели к более успешно-му наступлению союзных войск против отступающего, но все еще сопротивляющегося противника. Переговоры же в Берне по существу касались капитуляции немцев на всем Средиземноморском театре военных действий, исчезновение которого могло вызвать цепную реакцию на Западном фронте — сдачу немецких сил войскам союзников и резкое усиление боевых действий вермахта на Восточном фронте против Красной армии. По крайней мере, немецкие переговорщики в Берне ставили вопрос о сдаче своих войск только западным союзникам.

Рузвельт представил переговоры в Швейцарии как обычный зондаж о намерениях германского командования, — и ничего более. В результате произошел обмен жесткими посланиями между Сталиным и Рузвельтом.

3 апреля, касаясь ставшей известной советскому командованию информации о контактах американских и немецких представителей в Берне, Сталин писал президенту США: «...Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были, и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия»³²⁴.

В ответном послании Рузвельт повторил то, что он ранее сообщал о встречах в Берне, добавив следующее: «Я полностью доверяю генералу Эйзенхауэру и уверен, что он, конечно, информировал бы меня, прежде чем вступить в какое-либо соглашение с немцами... Я уверен, что в Берне никогда не происходило никаких переговоров... Наконец, я хотел бы сказать, что если бы как раз в момент победы, которая теперь уж близка, подобные подозрения, подобное отсутствие доверия нанесли ущерб всему делу после колоссальных жертв — людских и материальных, — то это было бы одной из величайших трагедий в истории. Откровенно говоря, я не могу не чувствовать крайнего не-

годования в отношении Ваших информаторов, кто бы они не были, в связи с таким гнусным, неправильным описанием моих действий или действий моих доверенных подчиненных»³²⁵.

Еще 19 марта 1945 г. в Берне к сотрудникам американской разведки УСС присоединились американский генерал Лемнитцер и английский генерал Эйри, посланные в Швейцарию главнокомандующим союзными войсками на средиземноморском ТВД фельдмаршалом Г. Александером с одобрения Вашингтона и Лондона. 6 апреля 1945 г. Александер подготовил информацию о встречах в Берне, предназначенную для Объединенного комитета начальников штабов, начальников штабов Великобритании, генерала Д. Эйзенхауэра, Военной миссии США в Москве. В документе, в частности, говорилось: «Мои представители вернулись в Казерту. Их впечатление от трех недель, проведенных в Швейцарии, следующие: а) они чувствуют, что существует только слабый шанс капитуляции германских войск в Северной Италии, и — как это теперь будет сообщено противнику — его парламентарии могут быть встречены только на основе безоговорочной капитуляции этих войск в Ситу». Александр описал основные моменты, касающиеся встречи с «критиком» (генералом СС К. Вольфом. — *М.М.*) в Швейцарии, подчеркнул разницу между желанием достигнуть капитуляции и реальной ситуацией. «Критик» не говорил о конкретных условиях капитуляции. Но посредник Паррилли, возможно, действующий с его одобрения, на последней встрече 2 апреля намекнул, что немцев могла бы удовлетворить договоренность, посредством которой им было бы разрешено отойти к итальянской границе после сдачи ему вооружения. Однако Паррилли было сказано, что такие действия полностью неприемлемы и не могут рассматриваться. «В любом случае, — продолжал Александер, — была внесена ясность, что мои представители заинтересованы только в договоренности о проходе немецких парламентариев, которых германская сторона готова послать на переговоры о сдаче с участием надлежащих британских, русских и американских уполномоченных».

Представители Александра говорили о возможности использования «критиком» своей позиции для предотвращения дальнейших разрушений в Северной Италии, о том, что «критик» представляет все дело так, что действует без одобрения Гиммлера (хотя это может оказаться фальшивкой), и что «критик» через посредника Паррилли был поставлен в известность, что пути к достижению договоренности остаются открытыми, если немцы желают сдаться в Северной Италии. В заключение Александр написал: «Я желаю подчеркнуть, что мои представители в Швейцарии не были вовлечены в какого-то рода переговоры с немцами. Их деятельность ограничивалась достижением договоренности о приеме германских парламентариев в любом подходящем штабе союзников, если немцы согласятся капитулировать в Северной Италии»³²⁶.

Черчилль, узнав о переписке между Рузвельтом и Сталиным, касающейся переговоров в Берне, отправил президенту США телеграмму, в которой настаивал на занятии еще более жесткой позиции по отношению к СССР. «Я поражен, — писал премьер, — тем, что Сталин направил Вам послание, столь оскорбительное для чести Соединенных Штатов, а также и Великобритании... военный кабинет поручил мне направить Сталину послание, приводимое в следующей моей телеграмме к Вам³²⁷. Я почти уверен, — говорилось далее, — что советские лидеры, кто бы это ни был, удивлены и расстроены быстрым продвижением союзных армий на западе и почти тотальным поражением противника на нашем фронте, особенно потому, что, как они сами говорят, они не смогут нанести решающий удар до середины мая. Все это делает особенно важным, чтобы мы встретились с русскими армиями как можно дальше на востоке и, если обстоятельства позволят, вступили в Берлин...

Мы всегда должны быть настороже: не является ли грубость русских посланий предвестником каких-то глубоких перемен в политике, перемен, к которым они готовятся? ...Мне представляется исключительно важным, чтобы наши страны в данной ситуации заняли твердую и жесткую позицию, с тем чтобы прояснить обстановку и

чтобы русские поняли, что нашему терпению есть предел. По-моему, это наилучший шанс спасти положение на будущее. Если они когда-нибудь придут к заключению, что мы их боимся и что нас можно подчинить запугиванием, то я потеряю всякую надежду на наши будущие отношения с ними и на многое другое»³²⁸.

Как видно из этого послания, Черчилля волнует послевоенный военно-политический расклад сил в Европе. Положение на Западном фронте к этому времени решительным образом изменилось, и от прошлого пессимизма британского премьера, который он высказывал президенту в конце 1944 г., не осталось и следа. Он видит возможность использовать в политических целях успехи англо-американских войск, которые не допустили бы Красную армию (а следовательно, и советское влияние) в самый центр Европы, и пытается заручиться в этом деле полной поддержкой Рузвельта.

Но Рузвельт не стал вмешиваться в распоряжения главнокомандующего союзными экспедиционными силами в Европе генерала Эйзенхауэра, который, несмотря на настойчивые призывы Черчилля, так и не отдал приказ о нанесении удара по Берлину. Как представляется, прогноз американского президента относительно дальнейшего развития событий был более обоснованным, чем у британского премьера. Здесь уместно вспомнить замечание Сталина, сделанное в частной беседе с югославским политическим деятелем М. Джиласом, что в отличие от Черчилля, готового «вытянуть даже копейку из вашего кармана, Рузвельт лезет в карман лишь за более крупными монетами»³²⁹.

В любом случае, у Рузвельта, в отличие от Черчилля, относительно плана дальнейшего участия США в европейской политике и будущего взаимодействия на этом пространстве с СССР было иное мнение. Рузвельт действовал как крупный стратег. Ранее уже упоминалось, у него в запасе оставались серьезные козыри: экономика и атомное оружие. Имеет смысл проанализировать их более детально. Возросшая мощь американской экономики и расширение поля деятельности связанного с нею американского

банковского капитала служили надежной базой для повышения политического веса Америки в послевоенной Европе. На восстановление разрушенных войной европейских стран, их дальнейшее социально-экономическое развитие необходимы были огромные средства, и у Америки их имелось больше, чем у России, вынесшей тяжелейшую войну. Соединенным Штатам было намного легче справиться с послевоенными экономическими трудностями в Западной Европе, чем СССР — в Восточной. Кроме того, ряд восточноевропейских стран, которые и до войны едва сводили концы с концами в своей экономике, в перспективе становились просто обузой для Советского Союза. Будущее двух систем в Европе могло решиться тогда путем сравнения их возможностей и достижений самими европейцами в условиях неизбежного перенапряжения и последующего прогрессирующего отставания советской социально-экономической модели.

Разработка атомной бомбы весной 1945 г. уже заканчивалась. Основные мероприятия по ее изготовлению проводились в США, и британцы активно участвовали в этом проекте. Но Рузвельт так и не сказал Сталину ни слова об этом оружии. Неизвестно, собирался ли Рузвельт использовать фактор ядерной монополии так же, как поступил его преемник в Белом доме Г. Трумэн. Но сам факт сокрытия разработки атомной бомбы от официальных советских властей (независимо от того, что Кремль знал о ее создании от своей разведки) дает основания предполагать о имевшихся в Вашингтоне намерениях использовать ее как одно из средств политического давления на Москву. Американские военные пошли дальше и в конце 1945 г. принялись за разработку секретных документов о нанесении атомных ударов вначале по 20 советским городам, а затем и по другим многочисленным целям в СССР³³⁰.

В начале апреля 1945 г., всего за несколько дней до своей смерти, Рузвельт решает замять «бернский инцидент». Получив 7 апреля телеграмму от Сталина, в которой тот еще раз подчеркивал достоверность информации о сепаратных контактах западных союзников с немцами и го-

ворил о имевшей место «разнице во взглядах на то, что может позволить себе союзник в отношении другого союзника и чего он не должен позволить себе»³³¹, президент США дал понять, что сепаратная акция союзников прекращена. 12 апреля 1945 г. Гарриман получил из Белого дома телеграмму, в которой содержалось последнее послание президента Рузвельта маршалу Сталину. В нем выражалась благодарность за искреннее пояснение советской точки зрения по поводу «бернского инцидента», который, по мнению Рузвельта, «поблек и отошел в прошлое, не принеся никакой пользы. Во всяком случае, — добавлял он, не должно быть взаимного недоверия и незначительные недоразумения такого характера не должны возникать в будущем. Я уверен, что когда наши армии установят контакт в Германии и объединятся в полностью координированном наступлении, нацистские армии распадутся». Гарриман должен был сразу же передать это послание Сталину. Однако некоторые его положения не понравились послу, поскольку они, очевидно, усложняли проведение в жизнь рекомендуемой им линии поведения с СССР. В тот же день Гарриман направляет президенту телеграмму, в которой он, ссылаясь на желание Черчилля послать Сталину согласованный ответ по поводу переговоров в Швейцарии, запрашивал о возможности придержать вручение Сталину этого документа. Более того, американский посол спрашивал: «В случае, если Вы желаете пересмотреть формулировки этого послания, могу ли я почтительно предложить Вам, чтобы определение “незначительные”, равно как и слово “недоразумения”, были исключены из него. Использование варианта “незначительные” может быть неправильно истолковано здесь. Я должен признаться, что недоразумения, как это мне представляется, носят намного больший характер»³³². Рузвельт отреагировал почти немедленно, телеграфировав Гарриману о том, что Черчилль уже полностью информирован о содержании его послания Сталину, и что нет никакой необходимости задерживать его вручение советскому лидеру. Далее он подчеркнул (как представляется, в достаточно резкой форме. — М.М.): «Что касается Вашего второго

вопроса, я не желаю убирать слово “незначительные”, так как это есть мое желание рассматривать бернское недоразумение незначительным инцидентом»³³³.

Сталин получил это послание Рузвельта 13 апреля — уже после смерти последнего. Его текст еще раз показывает, что, несмотря на рост противоречий между западными союзниками и СССР, президент практически до последних минут своей жизни пытался сохранить доверительные отношения с Москвой. Он понимал, что на этом пути не избежать огромных проблем и необходимо твердо отстаивать свою линию и свои интересы, — но Советский Союз не должен стать противником Америки. По крайней мере, этого необходимо избегать всеми возможными мерами. В тот же злополучный день для Америки, 12 апреля 1945 г., Черчилль получил телеграмму от Рузвельта с изложением его послания Сталину. А чуть позже премьер-министру пришла еще одна телеграмма от президента, ставшая, видимо, последним документом внешнеполитического характера, продиктованным Рузвельтом. Текст телеграммы опубликован в мемуарах Черчилля. В ней говорилось: «Я склонен преуменьшить значение общей советской проблемы, насколько это возможно, поскольку такие проблемы в той или иной форме, очевидно, возникают каждый день и большинство из них устраняется, как это имело место в случае с бернской встречей. Однако мы должны быть твердыми, и курс, которого мы до сих пор придерживались, является правильным»³³⁴.

Тайные контакты англо-американских и немецких военных представителей после смерти Рузвельта продолжались, результатом чего стало усиление недоверия Москвы к своим западным союзникам³³⁵.

Глава V

Кончина Ф. Рузвельта и «новый курс» Г. Трумэна во взаимоотношениях с СССР

1. Ф.Д. Рузвельт и его влияние на характер советско-американских отношений

12 апреля 1945 г. Рузвельт ушел из жизни. Соединенные Штаты, страны антигитлеровской коалиции, в целом мировое сообщество потеряли в его лице выдающегося политического деятеля, сторонника недопущения на планете новых мировых конфликтов. Достаточно упомянуть только о его роли в образовании Организации Объединенных Наций, устав которой был принят уже после его смерти на Сан-Францисской конференции. Во многом благодаря позиции Рузвельта в течение 60 лет прошедших после 1945 г. новой мировой войны удалось избежать.

Ф. Рузвельт отрицательно относился к стремлению СССР добиться господства в восточной части Европы. Но он не шел на открытую конфронтацию со Сталиным и не желал следовать в русле стратегии У. Черчилля, готового принять вызов России в отношении территориально-политического раздела в Европе и совершить сделку, в основе которой лежали бы традиционные представления о праве великих держав. Л. Гарднер, анализируя динамику политики Ф. Рузвельта в отношении своих главных военных союзников, не без основания замечает, что события, происходившие на европейском континенте и в целом в мире, ставили президента перед самым сложным выбором в войне: «Он мог бы отойти от Великого союза и продекларировать особые цели США в ведущейся войне, — пишет историк. — Но он мог бы постараться минимизировать различия, имеющиеся среди союзников ради сохранения боевого “товарищества”, которое, как он надеялся, должно было

стать переходным этапом к установлению разумного и безопасного мира. Для Ф.Д. Рузвельта выбор казался очевидным. «Прекрасные идеи» Атлантической хартии могли быть отложены до того момента, когда послевоенная стабильность позволила бы вновь обратиться к ним. Рузвельт никогда не высказывался (по крайней мере, публично), на каких условиях он базировал свой выбор, или как его собственные мысли развивались по ходу войны. На пресс-конференциях он делал намеки относительно трудностей процесса основания мира, но тропа, ведущая к ключам его понимания (как часто бывало в его случае) терялась в неопределенном направлении»³³⁶.

Черчилль хотел заверений от Сталина, что тот не будет вторгаться в традиционную сферу интересов Великобритании, и стремился убедить Америку активнее участвовать в европейских делах, чтобы гарантировать это обстоятельство. После Ялты он сделал все для того, чтобы восстановить заслон на границах советского влияния, которое явилось результатом освобождения Красной армией ряда стран Восточной Европы. Такая стратегия не могла удовлетворить руководство США. Как подчеркивает Л. Гарднер, договоренности с СССР о разделе зон интересов, по мнению Вашингтона, были бы противоречивыми и нестабильными. Они вели бы к той же самой ситуации, которая не раз в прошлом предшествовала войне³³⁷.

Рузвельт выступил против «средиземноморской» стратегии Черчилля, в результате которой американские войска могли быть втянуты в борьбу с агрессорами на периферийном направлении, защищая тем самым британские интересы в противовес советским. Но все большую проблему представляла Россия, которая превращалась в сверхдержаву, способную препятствовать проникновению американского влияния в Европе и ряде других районов мира. Американские же интересы были рассчитаны на возможностях доступа к рынкам сырья или сбыта практически в любом регионе планеты, сохранение или распространение там прозападной социально-политической системы,

что подразумевало и ограничение проникновения туда чуждой идеологии, экономики и жизненных ценностей. Исходя из этих интересов, территории, попавшие под влияние Советского Союза, не могли быть по американским критериям оставлены на произвол судьбы, — их возвращение в лоно Запада и распространение там западных ценностей стало вскоре одной из основных задач американской внешней политики. Еще в ходе войны «универсалистские» устремления Рузвельта все больше входили в противоречие с желанием Москвы раз и навсегда оградить свои западные границы от вражеского вторжения и укрепить свое влияние в Восточной Европе. «Универсалистский» подход в этом смысле был обречен на перевоплощение в своеобразный инструмент борьбы с политикой Советского Союза, и ответная реакция Москвы также не заставила себя долго ждать. Открытой конфронтации произойти не могло, пока в Европе и Азии оставались еще общие враги. Но к концу войны вопрос стоял уже не о том, какие концессии Запада удовлетворят Россию и не вызовут у нее желания посчитать себя ущемленной своими союзниками, а где будет проходить линия раздела между двумя различными системами. И президенту США так или иначе нужно было взвешивать на чаше весов, где и в чем состоит предел продвижения СССР в Европе, какой рубеж считать критическим для безопасности собственных американских интересов.

Как стали бы развиваться события, если бы Рузвельт не умер в 1945 г., а прожил дольше? Возможно ли было, чтобы советско-американские отношения не претерпели бы столь резких и негативных перемен, как это случилось в конце 1945 г. — начале 1946 г., и тем более в 1947 году? Видимо, да. Но и тогда Рузвельту пришлось бы учитывать новую геополитическую расстановку сил. Необходимо при этом подчеркнуть, что еще до капитуляции Германии Европа стала для Америки и прежде всего для президента Рузвельта важнейшим звеном в конструировании всей будущей системы глобального влияния на мировые дела. Ликвидация присутствия США на континенте, в том числе военного, могла

теперь рассматриваться только в случае воздействия крайне неблагоприятно складывающихся обстоятельств. О том, что это могли быть за обстоятельства, и какие при этом альтернативы существовали у правительства США, говорилось в «Меморандуме о возможном развитии отношений между США и СССР в послевоенное время», разрабатывавшемся в недрах Управления стратегических служб в марте — начале апреля 1945 г. С этим подробным меморандумом Ф. Рузвельт познакомиться не успел, и он лег на стол его преемника. Имеет смысл привести здесь пояснительную записку к документу, которую директор УСС У. Донован приложил 5 мая для нового хозяина Белого дома Г. Трумэна³³⁸. Некоторые ее строки весьма показательны:

«ПРЕЗИДЕНТУ, 5 мая 1945 г.

Приложенный к этой записке Меморандум подготовлен нашей Организацией (Управление стратегических служб. — *М.М.*), по запросу председателя Объединенного комитета стратегических исследований. Меморандум посвящен в основном будущим взаимоотношениям между Соединенными Штатами и Россией.

Его основной тезис заключен в следующем — главная цель Соединенных Штатов состоит сегодня в том, чтобы убедить Россию, что, с одной стороны, США готовы понимать и прислушиваться к проблемам СССР, но, с другой, готовы продемонстрировать решимость отстаивать собственные интересы. В меморандуме заостряется внимание на необходимости прогнозирования ситуации еще до того, как она станет критической. Для каждого конкретного примера ее развития предлагается наиболее подходящий компромисс, основанный на взаимодействии трех держав — США, России и Великобритании. Однако подчеркивается, что, возможно, мы будем не в состоянии ожидать, пока Россия полностью обнаружит свои намерения, и должны предпринять определенные меры для обеспечения собственной безопасности.

В Меморандуме делается предположение, что в течение ближайших 10-15 лет Россия будет избегать своего во-

влечения в новый большой конфликт. Если в течение этого периода Америка будет проводить ясную и четко выраженную не провокационную линию, то для России это может послужить сдерживающим фактором.

Решающее значение будет иметь такое разрешение германского вопроса, которое будет удовлетворять интересам как СССР, так и Америки, в сфере которой находятся западноевропейские страны. Это обеспечило бы значительный противовес влиянию России. В Меморандуме предлагается сделать все возможное для поддержки в западноевропейских странах экономического благосостояния и популярных демократических режимов, которые во взаимодействии с Великобританией и Соединенными Штатами стремились бы создать баланс позиции России.

Если же военные представители почувствуют, что в ближайшие годы западные демократии не смогут выстоять против России, то возникнет необходимость уйти из Европы и обратить все силы на защиту нашего Западного полушария.

Поэтому необходимо предусмотреть следующие шаги:

1. Укрепление существующих и организацию новых баз в Атлантике.

2. Организацию совместной оборонной системы для всех американских стран. Этот пункт подчеркивается особо, поскольку побережье Южной Америки открыто для вторжения, и кроме того, она является важным источником сырья для нашей военной промышленности.

Что касается Азии, документ заостряет внимание на следующем обстоятельстве: мы не можем игнорировать тот факт, что после разгрома Японии Россия станет на Дальнем Востоке еще более грозной силой. В подобных обстоятельствах в интересах Соединенных Штатов будет проводить в этом регионе политику, отличную от той, что рекомендована по отношению к Европе. В меморандуме подчеркивается, что в интересах нашей безопасности будет укрепление американских позиций на островах Тихого океана³³⁹.

У. Донован, директор»³⁴⁰.

Очень и очень многое зависело теперь от позиции нового американского президента.

***2. Г. Трумэн: наследник или оппонент?
Подходы к прежним договоренностям
и продолжению сотрудничества в рамках
всемирной организации по безопасности***

Преемник Рузвельта Г. Трумэн, став президентом, заявил, что будет придерживаться той же внешнеполитической линии, что и его предшественник. Конечно, Трумэн не был посвящен в детали рузвельтовской концепции «четырёх полицейских» и не знал динамики изменений его взглядов на взаимодействие с СССР по вопросу о будущем Европы. Но вряд ли кто-то мог претендовать (равно как и сейчас) на то, что найден ключ к пониманию всех оттенков глобальных внешнеполитических замыслов Рузвельта. В то же время Трумэн знал об «универсалистских» идеях президента и, обладая информацией об основных решениях межсоюзнических конференций, он в первое время после смерти Рузвельта полагался на опыт его важнейших помощников, среди которых были Г. Гопкинс и А. Гарриман, опирался на поддержку ведущих сотрудников Государственного департамента, занимавшихся разработкой рекомендаций в отношении европейских дел. Подобно Рузвельту Трумэн настаивал на соблюдении союзниками духа и буквы своих соглашений. Все эти факты, как отмечает К. Швабе, были свидетельством того, что новый президент желает продолжать сотрудничество с Советским Союзом в рамках Организации Объединенных Наций, основание которой ожидалось в ближайшее время³⁴¹.

Соратником Рузвельта, дружественно настроенным к СССР, хотели видеть Трумэна и в Москве. По итогам первой после смерти 32-го президента США встречи со Сталиным, состоявшейся вечером 13 апреля 1945 г., Гарриман составил меморандум, содержание которого могло быть воспринято Вашингтоном в качестве свидетельства, что Советский Союз готов рассматривать Трумэна как наследни-

ка генерального курса Рузвельта и человека дела. На тот момент такое свидетельство было чрезвычайно важно для Белого дома, оно позволяло строить долгосрочные планы взаимодействия со своим союзником на основе преемственности, и более того — попытаться улучшить климат советско-американских отношений в выгодном для Вашингтона направлении. Сама смерть президента, соблезнования Сталина давали возможность получить от Кремля и некоторые политические дивиденды, чем также не замедлил воспользоваться американский посол.

Согласно записи Гарримана, войдя со своим помощником в кабинет Сталина, в котором находились также Молотов и переводчик Павлов, он отметил, что Сталин, очевидно, очень глубоко переживал новость о смерти Рузвельта. Советский лидер молча приветствовал посла и держал его руку в своей около 30 секунд, прежде чем попросил сесть. Сталин задал Гарриману много вопросов о президенте и обстоятельствах его смерти. Посол рассказал, что Рузвельт имел проблемы с сердцем в прошлом году, и доктор Макинтайр как-то сообщил ему, что президент может прожить еще много лет или умереть достаточно внезапно. Когда он поехал на отдых в Уорм Спрингс, он чувствовал себя хорошо и собирался вскоре вернуться в Вашингтон. Очевидно, что Рузвельт умер внезапно.

В связи со смертью президента Сталин высказал мнение, что не верит в изменения американской внешней политики. Гарриман также был убежден в этом, поскольку Рузвельт ясно высказал свои планы, касающиеся войны, иностранной политики и других вопросов. Он выбрал Трумэна в качестве вице-президента, поскольку тот всегда следовал его программе и разделял его точку зрения. «Мистер Трумэн, — добавил посол, — является тем человеком, который понравится маршалу Сталину — человек дела, а не слова»³⁴²f «Symbol» \s 10. Молотов заметил, что Трумэн не произносил много речей и не представлялся той личностью, которая любит публичность. Он приобрел уважение среди обеих американских партий. Президент знал, что для

проведения в жизнь своих мирных планов ему потребуются одобрение Сената. Это стало одной из главных причин, почему он выбрал сенатора Трумэна своим ближайшим помощником.

Гарриман сказал, что удовлетворен тем, что президент Трумэн будет претворять планы Рузвельта в точном соответствии с тем, как их понимал бывший глава Белого дома. Сталин остался доволен этим высказыванием. Посол продолжил в том плане, что Трумэн, видимо, не будет стараться сделать ударение на своей персоне в будущей политике, но возьмет на себя смелость развивать ее предыдущие достижения. «С точки зрения внутренней политики он “ню дилер”³⁴³, но, возможно, занимающий центристскую позицию», — добавил Гарриман.

Посол не стал скрывать, что личность Трумэна, конечно, не могла бы иметь такого престижа, как у Рузвельта. До того, как он стал вице-президентом, его не особо хорошо знали в США, равно как и за рубежом. Это, по мнению Гарримана, могло бы стать причиной некоторого периода неопределенности, как во внутренних делах, так и международных. Это необязательно относится к ведению войны, а скорее к широкому кругу вопросов внутренней и внешней политики. Могут, например, возникнуть осложнения в связи с предстоящим открытием конференции в Сан-Франциско. Американцы пока не знают, как поведет себя Трумэн. Однако Гарриман высказал убежденность, что вскоре он завоеует полное доверие граждан США. Более того, он сказал, что маршал Сталин может оказать содействие президенту на это время, что положительно скажется на стабилизации всего общественного мнения в США. Американцы знали Рузвельта и Сталина как людей, имеющих близкие личные взаимоотношения. В этот момент советский лидер прервал посла следующими словами: «Президент Рузвельт умер, но его дело должно продолжать жить. Мы поддержим президента Трумэна всей нашей силой и желанием». Затем Сталин попросил посла передать эти слова самому Трумэну.

Гарриман сказал, что собирается выдвинуть перед маршалом Сталиным предложение, которое, видимо, будет очень трудно реализовать. «Я обдумывал, чем маршал Сталин мог бы помочь президенту Трумэну стабилизировать ситуацию в Америке и уменьшить беспокойство, вызванное смертью Рузвельта, — записал посол. — Я сказал, что уверен — самый эффективный путь заверить американских граждан и весь мир в желании Советского Союза продолжать сотрудничество с нами и с другими Объединенными Нациями — это приезд мистера Молотова в настоящее время в Соединенные Штаты». Речь шла о том, чтобы Кремль отменил свое несогласие на визит наркома иностранных дел СССР в США для участия в открытии Сан-Францисской конференции³⁴⁴. Гарриман предложил, чтобы Молотов остановился в Вашингтоне, встретился там с президентом, а затем проследовал в Сан-Франциско (даже если он смог бы пробыть на конференции всего несколько дней). Американский посол предложил дать в распоряжение советского наркома самолет Рузвельта, на котором тот совершал в феврале 1945 г. свой перелет в Крым. Гарриман сказал, что Молотов доберется на нем до Вашингтона за 36 часов и даже пошутил, что на самолете можно будет нарисовать красную звезду и «разбавить» экипаж советскими пилотами. Сталин ответил, что «он бы предпочел зеленую звезду». После этого посол заявил, что Молотов может долететь до США с большим комфортом и скоростью и, если маршал того пожелает, «мы могли бы выкрасить в зеленый цвет весь самолет». Все это время советский нарком, по наблюдению Гарримана, бормотал себе под нос: «время, время, время». Гарриман продолжал уговаривать советских руководителей, подчеркивая важность такого жеста со стороны СССР в период, когда вся Америка погружена в глубокий траур. «Весь мир отнесется к визиту как событию, имеющему огромное стабилизирующее влияние».

После небольшой дискуссии, состоявшейся между Сталиным и Молотовым относительно дат открытия конференции в Сан-Франциско и созыва Сессии Верховного Совета

СССР, Сталин спросил Гарримана, выражает ли он свое личное мнение. Посол ответил, что это его личная инициатива, но он полностью уверен, что мнение и желание президента и Государственного департамента абсолютно идентичны. После этого маршал Сталин заявил, что «приезд Молотова в Соединенные Штаты, хотя это и является трудным делом в настоящее время, будет организован». Однако Сталин дал понять, что это решение базируется на заверениях Гарримана, что президент и госсекретарь действительно считают прилет советского наркома в Вашингтон и Сан-Франциско важным делом³⁴⁵.

Интересно проследить реакцию американского Госдепартамента на согласие Сталина послать Молотова в Сан-Франциско, высказанное в беседе с Гарриманом. Очевидно, что после смерти Рузвельта многие ответственные государственные деятели в Вашингтоне рассчитывали добиться от Москвы более серьезных уступок по политическим вопросам и воспринимали визит советского наркома в США как первый шаг в этом направлении. А. Иден, прибывший в американскую столицу, писал 15 апреля 1945 г. У. Черчиллю: «Посол и я беседовали со Стеттиниусом вскоре после моего прибытия сегодня утром. По словам Стеттиниуса, Сталин и Молотов проявили признаки глубокой печали в связи со смертью президента. Сталин спросил Гарримана, может ли он внести в такой момент какой-либо вклад, который способствовал бы укреплению единства великих союзников. Стеттиниус заявил, что, к счастью, Гарриман не ответил сразу: "Польша", а вместо этого сказал, что было бы хорошо, если бы Молотов смог приехать на конференцию в Сан-Франциско. Стеттиниус ухватился за это и послал телеграмму, предлагая, чтобы Молотов не только приехал в Сан-Франциско, но и чтобы он сначала заехал для переговоров в Вашингтон. Час тому назад Стеттиниус позвонил мне и сказал, что русские согласились на это и Молотов прилетит на американском самолете, который уже послан за ним. Поэтому я полагаю, что он будет здесь ко вторнику, когда, я думаю, мы займемся польским

вопросом. Все это хорошие новости, но... остается еще выяснить, какую позицию займет Молотов... Он [Стеттиниус] выразил надежду, что Вы [Черчилль] сможете отметить, что в свете совещания трех министров иностранных дел события приняли новый оборот. Я согласился, но сказал, что, по моему, русским не вредно узнать, как серьезно мы обеспокоены тем, что московская комиссия до сих пор не смогла добиться прогресса на основе ялтинских решений. Я твердо считаю, что мы должны оказывать на русских постоянное давление...»³⁴⁶

Трумэн не остался в стороне от мнения своего и британского руководителей внешнеполитических ведомств, считавших, что настало время оказать более сильное и непосредственное давление на Москву относительно «польского вопроса». Новый президент выбрал жесткую линию в отношениях с СССР. В ее основе лежала апелляция к строгому соблюдению предыдущих союзных договоренностей, заключенных при участии его предшественника. Через 10 дней после смерти Рузвельта Трумэн встретился в Вашингтоне с Молотовым, направлявшимся на конференцию в Сан-Франциско. В ходе беседы они коснулись достигнутых на конференции в Ялте договоренностей о проведении свободных выборов в Польше и имевшихся противоречиях по этому вопросу. После этого переговоры приняли довольно резкий характер. Президент повел беседу в однозначно обвинительном ключе. На слова Молотова, что так с ним «никто в жизни не разговаривал», Трумэн, никогда не отличавшийся дипломатическим тактом, ответил: «Выполняйте заключенные вами соглашения, и с вами не будут так разговаривать»³⁴⁷.

Но впереди предстояла конференция в Сан-Франциско, где было необходимо искать пути взаимодействия с Советской Россией. На повестке дня стоял вопрос о согласовании между Москвой, Вашингтоном и Лондоном, при участии других членов антигитлеровской коалиции, приемлемых рамок функционирования новой всемирной организации — Организации Объединенных Наций, и пре-

жде всего Совета Безопасности ООН. На этом вопросе следует остановиться несколько подробнее. Америка, значительно укрепившая в ходе войны свои международные позиции, стремилась к их закреплению, и это в полной мере проявилось уже в ходе Думбартон-Окской конференции (21 августа — 28 сентября 1944 г.). Основные разногласия там возникли по вопросу порядка голосования в будущем Совете Безопасности. Делегация СССР настаивала на том, чтобы все решения, относящиеся к предупреждению агрессии, принимались большинством голосов и при согласии представителей всех постоянных членов Совета. Представители же США и Великобритании не соглашались на участие в голосовании страны, непосредственно затронутой спором. Такая позиция западных держав могла поставить представителя СССР в Совбезе в невыгодное положение. Вопрос был отложен. В последующем в переписке между Рузвельтом и Сталиным был достигнут компромисс, который вошел в протокол Ялтинской конференции. Суть его была в том, что важнейшие вопросы требовали единогласия постоянных членов, для решения процедурных хватало большинства. После смерти Рузвельта на Сан-Францисской конференции (24 апреля — 26 июня 1945 г.) советская делегация, которую до 8 мая возглавлял В. Молотов, а затем А. Громыко, придерживалась этой «ялтинской формулы», в то время как США и Великобритания вновь заговорили об ограничении принципа единогласия. Благодаря настойчивости советской стороны 7 июня удалось прийти к соглашению, сохраняющему принцип единогласия. Согласно Уставу ООН решения Совета Безопасности по всем, кроме процедурных, вопросам считались принятыми, когда за них подали голоса семи членов Совета, включая совпадающие голоса всех его постоянных членов. Введившееся, кроме того, «право вето» гарантировало, что Совет Безопасности не будет использован каким-либо государством или группой государств в своих целях³⁴⁸.

Для администрации Трумэна, равно как ранее для Рузвельта и его ближайших сотрудников, одним из ключевых

был вопрос о механизме функционирования ООН. Именно эта организация в перспективе могла послужить гарантией продолжения взаимодействия США и СССР на международной арене (в том числе в Европе), и именно в рамках ООН СССР мог быть подвергнут жесткой критике, а возможно и попасть под неослабное давление за свою политику по отношению к другим странам.

Было бы неправильным утверждать, что Трумэн изначально хотел разрушить климат доверия и прервать то сотрудничество, которое установилось между СССР и США в военное время. Он, также как и Рузвельт понимал, что от будущего взаимодействия с Москвой — прежде всего в европейских делах — будет зависеть очень многое. Речь шла и о возможностях сохранения длительного мира на континенте и об отношении к самому Трумэну американских избирателей. Неделимость Европы, открытые зоны влияния в тех европейских странах, которые граничили с СССР, плюс общая политика в обращении с Германией воспринимались новым президентом как своеобразный завет от своего предшественника. Известно также, что Трумэн не согласился с Черчиллем на сохранение американских и английских войск на тех германских территориях, которые по ялтинским соглашениям должны были отойти в зону оккупации СССР. Союзные войска были вскоре отведены в свои сектора к явному неудовольствию британского премьера. В то же время Трумэн напоминал Сталину о необходимости придерживаться статей «Декларации об освобожденной Европе», считал необходимым проведение свободных выборов в Греции, Румынии и Болгарии. В отношении Польши Трумэн продолжал настаивать на выполнении ялтинской формулы, чтобы добиться расширения варшавского правительства за счет «лондонских поляков» и провести выборы в Польше по системе, принятой в западных демократических странах. Трумэн во многом следовал курсу Рузвельта, в том числе его оценкам действий Советского Союза в Европе и политике, направленной на утверждение американских интересов на европейском континенте.

Но есть ли основания утверждать, что Трумэн оставался, как и Рузвельт, последовательным адвокатом сохранения сотрудничества с СССР в послевоенном мире? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Основное различие в их политике по отношению к Москве заключалось в том, что Трумэн не только прислушивался, но и стал отдавать предпочтение негативным оценкам и прогнозам ведения дел с Советским Союзом, которые неизбежно вели к обострению имевшихся противоречий. В этом смысле позиция Трумэна ускоряла назревание конфронтации между Востоком и Западом. Первым шагом Трумэна в этом направлении явилась «жесткая» беседа с Молотовым во время их встречи в Вашингтоне в апреле 1945 г.

3. Ужесточение оценок: рекомендации американских дипломатов о будущем взаимодействии с СССР на европейском континенте

Все большую активность в конце апреля 1945 г. начала приобретать деятельность американского посла в СССР А. Гарримана и главы военной миссии США Дж. Дина, направленная на адаптацию более жесткой политики во взаимоотношениях с Москвой. Одновременно настал «звездный час» Дж. Кеннана, стремительно выдвигавшегося на одну из первых ролей не только в московском посольстве США, но и во всей американской дипломатии^{349*}. Его стремление четко разграничить зоны ответственности великих держав в Европе имело цель, с одной стороны, избежать преждевременного для западных союзников столкновения интересов и растраты сил в регионах, где доминировали просоветские силы, с другой — создать надежный заслон распространению влияния России на континенте. Подобная линия позволила бы США и Великобритании мобилизовать собственные политические и идеологические ресурсы и использовать уступки Москве для укрепления своих позиций в центре и на западе Европы. Кеннан не упускал из виду и экономическую составляющую будущего взаимодействия с СССР в европейских

делах, превосходящую мощь американской экономики по сравнению с возможностями Советского Союза, что в перспективе могло привести к хозяйственному краху подчиненных России стран и их вынужденному обращению за западной помощью.

Еще 24 февраля 1945 г. Кеннан подготовил записку для Гарримана, в которой сразу поставил вопрос, что пришло время для откровенного разговора и реалистичных рассуждений о Советском Союзе. «Я не верю, — писал он, — что русские разрешат экспортировать прибавочный продукт из-под контрольных им регионов в какую-либо другую страну, кроме как собственно в Россию. Исключение могут составлять те случаи, когда такой экспорт будет приносить им непосредственные и важные политические дивиденды. Насколько я знаю, к настоящему времени не было назначено ни одного советского представителя, готового вести международные дискуссии на базе, выходящей за рамки строго определенных советских интересов. Идея сидеть за одним столом с советскими представителями и обсуждать с ними детали помощи Европе в широком гуманитарном аспекте — вне зависимости от национальных интересов — в прошлом никогда не воплощалась на практике. Такие переговоры предполагали бы фундаментальное изменение всех мотивов и методов, присущих советской внешней политике, но свидетельств такого изменения мы не имеем. Мы не получим никакой ясности в вопросах экономического состояния Европы на ближайший период, если не признаем следующие факты: а) мы не можем проводить с русскими совместные акции для разрешения этих вопросов; б) регионы, оккупированные советскими войсками, выходят из пределов нашего влияния и ответственности; в) проблемы остающихся регионов Европы необходимо разрешать отдельно, без взаимосвязи с областями оккупированными СССР.

Все это очень серьезное дело, — продолжал Кеннан. — Из-за того, как мы поведем себя, будет во многом зависеть успех нашего рискованного предприятия по оккупации,

помощи и реконструкции Западной Европы. Я не желал бы разделять какую-либо ответственность за то, что случится, если мы из уважения к химере сотрудничества с Советским Союзом, под которым не имеется никаких оснований, кроме нашего собственного желания, будем продолжать упускать возможность принятия срочных и эффективных акций внутри нашей собственной сферы»³⁵⁰.

Линия, предлагаемая Кеннаном, не только находила поддержку у Гарримана, но и побуждала его самого вести более активную пропаганду перемен в отношениях с Советским Союзом. Вскоре посол получил возможность публично высказать перед представителями Государственного департамента свои оценки политики России и рекомендации относительно американской реакции на поведение Москвы, часть которых он обозначил в своем неотправленном послании в Вашингтон еще 21 марта. Возвратившись после смерти Рузвельта на некоторое время в Вашингтон, посол присутствовал 20 и 21 апреля 1945 г. на заседаниях Руководящего рабочего комитета государственного секретаря, проводившихся под председательством заместителя госсекретаря США Дж. Грю. 20 апреля Гарриман сделал доклад о взаимоотношениях с Советским Союзом. Он отметил, что В. Молотов посетил американское посольство в Москве сразу же после получения известия о смерти Рузвельта. Нарком выразил самые глубокие соболезнования и задал вопросы, касающиеся нового президента Трумэна. В ответ Гарриман сказал, что личность Трумэна была выбором самого Рузвельта. На следующий вечер Гарриман встречался со Сталиным, который также задавал много вопросов. На этой встрече Сталин согласился, чтобы Молотов (вероятно, против своего желания) прибыл в США, чтобы увидеться с Трумэном, а затем отправиться в Сан-Франциско. Такое поведение Сталина, подчеркнул Гарриман, в глазах мирового общественного мнения должно было послужить свидетельством того, что советский лидер готов вести дела с президентом Трумэном так же, как он вел их с Рузвельтом.

В беседе со Сталиным Гарриман затронул и ситуацию в Польше. Передавая представителям Государственного департамента свои впечатления о дискуссиях в Москве по этому вопросу, посол заявил, что русские нарушают достигнутые договоренности и игнорируют статьи «Декларации об освобожденной Европе». В отличие от Соединенных Штатов, которые действуют прямо и открыто, СССР адаптировал атмосферу подозрительности и интриг. «Более того, — подчеркнул Гарриман, — русские воспринимают американское отношение к этой проблеме как свидетельство нашей слабости... Совершенно очевидно, что русские после разговоров с Берутом и его компанией не желают иметь договор, в котором польский вопрос был бы разрешен так, как это предусматривалось в Ялте...» Москва не желает проводить такую реорганизацию польского правительства, которое ослабило бы «люблинскую группу». И все это происходит несмотря на то, что Миколайчик и другие старые польские лидеры приветствовались бы большинством поляков. «В отношении Польши, — добавил Гарриман, — мы не должны отступать от своей позиции».

Гарриман прямо заявил, что «чувствует, что пришло время избавиться от страхов в ведении дел с Советским Союзом и показать ему, что мы полны решимости отстаивать нашу собственную позицию». Гарриман согласился с Дж. Грю, что в этом отношении у Америки имеется много рычагов. «Более всего, — подчеркнул посол, — русские боятся оказаться лицом к лицу с объединенным Западом. Поэтому, наши отношения с Советским Союзом могли бы серьезно исправиться, если бы мы разрешили некоторые спорные вопросы с Великобританией и Францией».

В ходе заседания Дж. Грю задал Гарриману вопрос — до какой степени советские лидеры боятся изоляционизма? Посол ответил, что их главная проблема в поддержании внутреннего контроля. Люди очень стремятся иметь дружественные отношения с остальным миром, особенно с Соединенными Штатами. Несмотря на то, что власть ликвидировала всю оппозицию, она все еще чувствительна к

требованиям общественности. Гарриман сомневался, чтобы СССР стремился к разрыву с США.

«Базисное и непримиримое отличие в целях США и Советского Союза, — заметил посол, — состоит в настойчивом желании последнего обеспечить безопасность за счет распространения своих концепций по всему миру, — насколько это позволяют возможности... Это видно по планам СССР основать дружественные левые правительства в приграничных ему странах — Румынии, Болгарии, Польше — используя при этом секретную полицию и антидемократические методы». Гарриман придерживался мнения, что, удерживая под контролем приграничные районы, СССР может попытаться проникнуть и в другие страны — расположенные далее на запад. Выход состоит в том, чтобы Соединенные Штаты, насколько это возможно, отстаивали свои интересы в противовес с Советским Союзом на территории его нынешних приграничных районов.

Отвечая на новый вопрос Дж. Грю, касающийся линии поведения, которую мог бы предложить посол в Москве, Гарриман сказал, что «прежде всего, США должны внимательно рассмотреть ряд вариантов. Например, если Соединенные Штаты присоединятся к Великобритании в поддержке существующего реакционного правительства в Иране, мы многое потеряем. Каждый случай должен стать предметом отдельного рассмотрения, — добавил он». Посол подчеркнул, что Америка должна восстановить уважительное отношение к себе. «США не должны терпеть неуважительное отношение к своим гражданам и игнорирование своих интересов». В качестве примеров он привел случай с американским моряком, задержанным в Мурманске по обвинению в пьянстве, ситуацию с несколькими американскими летчиками, находящимися в СССР фактически на положении заложников из-за того, что их подозревали в поддержке польского подполья, а также отмену операций американских ВВС с авиабазы в Полтаве.

Гарриман обратил особое внимание, что Соединенным Штатам следует избегать той ситуации, когда русские

могли предположить, что американцы готовы внести значительные коррективы в свою политику. В отношении образования новой международной организации по безопасности посол предвидел вероятное выявление базовых различий в позициях СССР и США. В этом случае, подчеркнул он, «наряду с выражением своего разочарования тем фактом, что Советский Союз стоит в стороне от нашей линии, мы должны показать ему, что намереваемся идти вперед с теми нациями, которые смотрят на проблемы так же, как и мы. В то же время мы всегда должны быть рады приветствовать плодотворное сотрудничество».

Относительно помощи СССР по ленд-лизу Гарриман особо подчеркнул ситуацию в Румынии. По его словам, «после вхождения в эту страну русские сняли значительное количество оборудования с румынских нефтедобывающих предприятий. Не приняв мер к тому, чтобы использовать возможности румынских месторождений, русские одновременно запросили нас об увеличении поставок им бензина в рамках программы ленд-лиза. Мы согласились это сделать, даже несмотря на то, что наше предложение о трехсторонней комиссии по Румынии было отвергнуто Москвой»³⁵¹.

На следующий день, 21 апреля 1945 г., Гарриман вновь был приглашен на заседание Руководящего рабочего комитета государственного секретаря, где продолжил высказывать свое мнение о современной политике Советского Союза. Дискуссии развернулись по широкому кругу проблем. Дж. Грю зачитал телеграмму от американского посла в Париже Джефферсона Кэффери, в которой тот передавал возросшее беспокойство французского правительства относительно русской экспансии в Европе. Гарриман прокомментировал этот факт как свидетельство изменений в позиции французов со времени последнего визита генерала де Голля в Москву и подчеркнул желательность разрешения американских противоречий с Францией, равно как и с Великобританией. Мистер Данн в этой связи информировал Гарримана о том, что Государственный департамент

делает все от него зависящее, чтобы улучшить отношения с Францией и заверить ее правительство, что американцы собираются работать с ним на базе дружественных отношений и поддержки. Данн добавил, что единственной трудностью является Индокитай, положение в котором сейчас изучается.

После этого Гарриман сделал следующее заявление: «Планы русских основать государства-сателлиты являются угрозой для всего мира и для нас. Предлагаемое Москвой объяснение, что эти страны должны служить барьером против будущей опасности со стороны Германии, есть не что иное, как прикрытие для ее новых планов». Посол согласился с замечанием Дж. Грю, что дело обстоит бы по-другому, если бы СССР не собирался установить полный контроль в странах-сателлитах, и если бы они входили не более чем в сферу его влияния. Гарриман указал и на некоторые регионы, где, по его мнению, советская политика может вызвать очередные неприятности. В них входили Македония, Турция и особенно Китай. «Если Чан Кайши не сможет договориться с коммунистами еще до того, как русские оккупируют Маньчжурию и Северный Китай, — отметил посол, — Москва определенно собирается образовать в этих районах просоветский коммунистический режим. В этом случае мы получим полностью разделенный Китай, который будет еще труднее объединить. До какой степени русские будут продвигаться во всех направлениях, зависит от степени нашего давления».

Перед тем как обсудить конкретные меры по противодействию подобной политике Советского Союза, Дж. Грю вновь поднял вопрос об имеющихся у Соединенных Штатов рычагах. Он заметил, что «СССР, кажется, нуждается в американских деньгах и снабжении», и спросил Гарримана — «до какой степени на самом деле Россия зависит от США; другими словами, как много рычагов имеется у американцев?». Посол ответил, что Советский Союз особенно нуждается в продукции американского машиностроения, механическом оборудовании, технологии производства

(«ноу хау») во многих областях. Он привел также примеры с оборудованием для химической промышленности, угледобычи, энергетики, железнодорожного транспорта. «Во время войны, — добавил он, — мы покрывали весь русский дефицит в самых существенных материалах».

«Очень важно, — продолжил Гарриман, — не переоценивать силу Советского Союза. Его армия чрезвычайно эффективна, но представляет собой дезорганизованную массу людей. Почти все ее транспортное оснащение и значительная доля продовольственного снабжения поставляются нами. Страна все еще фантастически отсталая. Там нет нормальных автодорожных коммуникаций, железнодорожная система развита недостаточно, и 90% населения Москвы пребывает в таких условиях, которые можно сравнить только с жизнью в наших самых убогих трущобах». В то же время Гарриман выразил уверенность в успехе продолжающегося советского наступления, подчеркнув, что русские «будут брать под свой контроль все, что они могут взять путем запугивания». В качестве наглядного и неприятного для США примера такого развития событий он привел назначение советского представителя в качестве главы миссии ЮНРРА³⁵² в Польше. Это назначение, по мнению посла, позволяло русским использовать снабжение по линии этой международной организации против американской политики. Он вновь обратил внимание на необходимость твердого отстаивания интересов США в «польском вопросе», равно как и поддержания контроля за деятельностью всех агентств, ведущих дела с Советским Союзом. Последнее позволяло усиливать или ослаблять нажим на СССР, когда этого требовала ситуация.

Помощник государственного секретаря США по экономическим вопросам УЛ. Клейтон вернулся к вопросу о ленд-лизе. Он признал, что на ведущихся в то время дискуссиях по вопросу снабжения освобожденных территорий было подчеркнуто, что если США «поставляют в освобожденные районы жиры, масло, сахар, то отправка этих продуктов в Советский Союз должна быть остановлена.

Снабжение СССР мясом также необходимо сократить». Соглашаясь с Клейтоном, Гарриман добавил, что освобожденные районы Западной Европы должны обеспечиваться нами в первую очередь. Более того, посол в Москве считал, что не должно быть 5-го протокола по ленд-лизу для СССР (4-й протокол, рассчитанный на 12 месяцев и заканчивающийся 30 июня 1945 г., был подписан 17 апреля 1944 г.). После истечения срока действия 4-го протокола мы должны обеспечивать лишь абсолютный минимум русских запросов. «Когда война в Европе закончится, — сказал Гарриман, — СССР должен развернуть обширное производство, необходимое для того, чтобы покрыть нужду во многих областях хозяйства, и наши поставки должны быть соответственно сокращены. Мы должны продолжать выполнять ограниченный объем запросов и отправлять те материалы, которые будут использоваться на Дальнем Востоке»³⁵³.

У. Клейтон, Д. Ачесон и другие ответственные лица Госдепартамента обсудили с Гарриманом и вопрос о предоставлении СССР в послевоенное время финансовых кредитов. Все согласились, что денежная помощь Москве могла бы стать одним из рычагов влияния на ее политику. Гарриман, однако, считал преждевременным идти на предоставление СССР долгосрочного кредита, и полагал, что лучшим способом проверить действенность этого рычага станет кредит сроком на один год.

В конце заседания Гарриману был задан вопрос о советско-британских отношениях. Посол отметил, что в октябре 1944 г. Черчилль приезжал в Москву и добился советского согласия на свободу английских рук в Греции в обмен на признание важности Румынии как территории, по которой проходят линии снабжения для Красной армии. Между тем, Черчилль имел в виду, что в Румынии к западным союзникам будут относиться так же хорошо, как к русским в Италии. Однако этого не произошло. В отношении Югославии было решено, что Великобритания и Советский Союз будут иметь в ней равные интересы, но Тито сейчас на 100% человек Сталина. Что касается Польши, то британцы (даже больше, чем американцы) намерены строго на-

стаивать на выполнении в отношении этой страны ялтинских договоренностей. В то же время Гарриман признал, что без американской поддержки англичане будут вынуждены вновь обратиться к формированию зон влияния.

В заключение посол в Москве еще раз подчеркнул, что «если наше правительство использует необходимые средства и будет оставаться твердым, то задача сдерживания Советского Союза станет реальной»³⁵⁴.

Содержание заседаний комитета Государственного департамента США 20 и 21 апреля 1945 г. — достоверный документ, раскрывающий тот настрой в отношении Советского Союза, который имелся в то время у руководящих членов американского внешнеполитического ведомства. Оценки Гарримана придавали им уверенность в правильности избранной стратегии. Новый президент США, который не только не был искушенным знатоком в области внешнеполитической стратегии, но и не имел необходимой практики в плане ведения дел с представителями Госдепартамента, был во многом обречен оказаться в зависимости от консолидированного мнения опытных дипломатов США. В этом отношении встречу Гарримана с членами Руководящего рабочего комитета государственного секретаря можно рассматривать как одно из важных звеньев в процессе ужесточения американских оценок действий СССР в европейских делах. Такое ужесточение было подготовлено всем предшествующим развитием межсоюзнических отношений конца 1944 — начала 1945 г., но в полном объеме проявилось лишь после смерти президента Рузвельта. Жесткие оценки ускорили поворот американской политики, прежде всего курса самого Трумэна, в сторону отказа от послевоенного сотрудничества с СССР.

4. Ревизия отношений к СССР и ее инициаторы, весна — начало лета 1945 г.

Еще одним важнейшим источником формирования американского курса в отношении СССР являлось мнение высших военачальников США. Смерть президента Рузвель-

та и окончание войны в Европе по сути устранили основные заслоны, препятствовавшие кардинальному повороту в суждениях западных военных планировщиков о России. Речь идет, главным образом, о генералах и адмиралах Комитета начальников штабов США и Объединенного комитета начальников штабов союзников³⁵⁵. Поворот, прежде всего, заключался в отказе продолжать рассматривать Россию в качестве будущего союзника в международных делах и в начале разработки проектов отношения к ней как к потенциальному сопернику. Подобная ревизия назревала уже давно, но проявилась лишь в апреле 1945 г. Еще в начале этого месяца многие американские военные рассуждали в категориях объективной военной необходимости сохранения с СССР союзнических отношений, взаимного уважения национальных интересов для будущего мира. Трудности в диалоге казались вполне преодолимыми, хотя никто их не отрицал.

Так, 5 апреля 1945 г. главной проблемой, обозначенной в докладе Объединенного комитета стратегического обзора в Комитет начальников штабов США, считалась задача «сохранения единства среди союзников». Отмечалось, что существуют трудности во взаимодействии с СССР, но хотя многие моменты в поведении Москвы и вызывают раздражение, взятые по отдельности, они сравнительно не опасны для продолжения сотрудничества в войне. Однако, если американское правительство прибегнет к политике ответных действий аналогичного характера, а СССР, в свою очередь, станет на них реагировать, все это может привести к разрыву союза. Составители документа подчеркивали, что «большинство примеров отсутствия со стороны русских должного сотрудничества с нашими военными властями касаются свободы передвижения американцев по территории, занятой Красной армией. И хотя такое передвижение весьма желательно с военной точки зрения, решение вопроса о нем нельзя рассматривать в качестве фактора, оказывающего существенное влияние на общий ход войны. С другой стороны, интересы и намерения рус-

ских на этих территориях являются фундаментальной частью их национальной политики. Советская концепция послевоенной национальной безопасности оказывается вовлеченной в союзнические взаимоотношения...»

В докладе признавалось, что некоторые интересы России противоположны интересам Соединенных Штатов, и многие политические разногласия между ними еще не разрешены. Тем не менее, любой адекватный ответ на действия Москвы лишь усилит ее подозрения к Вашингтону. Поэтому Объединенный комитет стратегического обзора рекомендовал воздерживаться от подобного рода шагов, а в надлежащее время приложить усилия, чтобы разрешить существующие между двумя странами незначительные противоречия. Далее упоминались негативные последствия «бернского инцидента», в результате которого возникло недопонимание среди союзников. Высказывалось предположение, что оно стало не чем иным, как следствием провокации со стороны Германии, воспользовавшейся выгодным стечением обстоятельств. Для восстановления доверительных отношений с Москвой считалось крайне желательным пригласить высокопоставленных советских военных на Западный фронт, где им было бы предоставлено право наблюдать за развитием операций союзных войск и рекомендовать главе Военной миссии США в СССР (генералу Дину), что нет насущной необходимости предпринимать рекомендуемые им жесткие меры в ответ на действия советской стороны³⁵⁶.

Прошло всего полмесяца после того, как американские начальники штабов были ознакомлены с докладом Объединенного комитета стратегического обзора, но буквально за две недели в их оценках произошли самые серьезные изменения. 20 апреля 1945 г. упомянутый в предыдущем докладе глава Военной миссии США в Москве генерал Дин был приглашен на закрытое заседание Объединенного комитета начальников штабов. Заседание проходило на фоне смерти Рузвельта и начавшегося решающего наступления Красной армии на столицу Третьего рейха. Ранее

Дин уже неоднократно писал в Вашингтон о необходимости провести ревизию отношений с Советским Союзом. 16 апреля 1945 г. он подготовил меморандум, в котором говорилось, что прежняя политика помощи СССР достигла своей цели. Но «вместе с ее успехом возникла новая и очень серьезная ситуация. Теперь мы имеем перед собой, — продолжал он, — не только Россию — победительницу Германии, но и страну, которая уверена, что ее сила дает ей право доминировать над своими союзниками...»³⁵⁷

Дин ценил вклад, внесенный Советским Союзом в разгром нацизма, однако, говоря о роли Красной армии в войне, он высказывал комментарии, которые явно принижали решающее значение борьбы на Восточном фронте. Следует отметить, что такие комментарии давались на фоне нарастания напряженности в отношениях СССР—США. Так, вскоре после окончания войны, вспоминая свою остановку в Сталинграде осенью 1943 года, отмечая мужество советских людей, участвовавших в обороне города, он, тем не менее, добавлял: «Наравне с Мидуэем, Ленинградом, Реманеном и высотами в Арденнах, Сталинград будет, несомненно, признан местом, где решалась судьба войны»³⁵⁸. Мало того, что Дин дал пять названий сражений, три из которых не относились к Восточному фронту, он совершенно забыл упомянуть, что на советско-германском фронте против СССР действовало 190—270 дивизий вражеских войск, а против союзников до июня 1944 г. — 7—26, и даже в январе 1945 г. советским войскам противостояло 195 дивизий, тогда как союзникам в Западной Европе — 74. Кроме того, Дин упускал из виду такие важнейшие события, как Московская, Курская битвы, операция «Багратион», которые наряду со Сталинградом оказали решающее воздействие на ход войны и, в конечном итоге, сделали возможной высадку союзников в Европе.

В своем апрельском меморандуме 1945 г., подчеркнув, что СССР не выполняет договоренностей, достигнутых в Крыму относительно послевоенного устройства европейских стран, Дин добавил: «на нынешней стадии вой-

ны для Соединенных Штатов уже не является жизненно важным продолжение военного сотрудничества с Советским Союзом. Разумеется, своевременное и эффективное участие России в войне на Дальнем Востоке очень необходимо. Однако это участие гарантировано ее собственными интересами. Мы имеем многое, что можем предложить СССР как до, так и после окончания боевых действий, поэтому мы находимся в такой превосходной позиции, когда можем прекратить настаивать на чем-то перед Москвой, а просто подождать, пока советские представители обратятся к нам, исходя из духа сотрудничества. Только так мы можем вновь завоевать уважение к себе со стороны СССР». Дин рекомендовал начальникам штабов США отказаться от всех существующих и потенциальных проектов взаимодействия с Красной армией, которые не могут оказать существенного влияния на ход войны (включая проекты размещения авиации США на советской территории для бомбардировки Японских островов), перейти к ожиданию советских инициатив о сотрудничестве, и если такие инициативы поступят, то относиться к ним с симпатией, но исходя из принципа взаимной выгоды и учитывая американские интересы. Генерал замечал, что посол Гарриман полностью согласен с его предложениями.

Суждения Дина о перспективах сотрудничества с СССР были довольно острыми и не могли не вызвать вопросов у высших военачальников западных союзников. Поэтому дискуссия, развернувшаяся на закрытом заседании Объединенного комитета начальников штабов 20 апреля 1945 г., была довольно оживленной.

Глава Британской миссии объединенного штаба в Вашингтоне фельдмаршал Г. Вильсон сказал, что представители Великобритании предложили организовать эту встречу, чтобы подробнее узнать мнение Дина о характере существующих трудностей в переговорах с Россией. Он попросил генерала сообщить начальникам штабов имеющуюся информацию по этому вопросу.

Генерал Дин прежде всего упомянул о прекрасных отношениях, которые сложились между британскими и американскими военными миссиями в Москве. Однако им приходится сталкиваться с множеством трудностей взаимодействия с официальными советскими представителями. Дин говорил о длительном процессе согласования встреч по телефону, о частых отказах в разрешении различных проблем, необходимости работать сразу с тремя русскими организациями, имеющими неодинаковый статус и возможности. Речь шла о Наркомате иностранных дел, НКВД и военном ведомстве (НКО). Сотрудники НКВД, по словам генерала, стояли за спиной практически всех дел, с которыми ему приходилось сталкиваться, и на Наркомате внутренних дел, среди прочих задач, лежала «ответственность за инфильтрацию иностранной идеологии и материальных идей в советскую жизнь». «В то же время военное ведомство СССР, — замечал Дин, — хотя и наиболее доступное, является наименее влиятельным из вышеперечисленных организаций».

В качестве примера отказа СССР идти на сотрудничество с союзниками, Дин указал на нарушение соглашений о размещении освобожденных военнопленных из США и Великобритании. Он и адмирал Арчер обращались за помощью по этому вопросу к генералу Антонову еще в июне 1944 г., но тот в ответ не сказал ничего определенного и пообещал лишь посоветоваться с высшим начальством. Прошло несколько недель, но так ничего и не изменилось. Когда же русские войска стали освобождать из немецких лагерей в Польше большое количество западных военнопленных, то для их должного содержания не оказалось никаких средств, и все приходилось делать наспех. Дин пока не находил создавшуюся ситуацию безнадежной, но добавил, что союзники в прошлом слишком примирительно относились к действиям русских, и все еще можно исправить, проявив теперь по отношению к ним большую твердость.

На вопрос Вильсона, почему русские так резко отреагировали на бернские события, Дин ответил, что в Москве в принципе не желали и слушать о том, что фельдмаршал Александер будет вести переговоры без их участия. Он «сожалеет о том, что обо всем этом деле было сообщено русским. Совершенно не требовалось их участия в капитуляции германских войск в Италии, равно как никогда не потребуется американского или английского участия в капитуляции немцев в Латвии...»

Фельдмаршал Вильсон, генерал Дин и некоторые другие представители ОКНШ обменялись мнениями относительно готовности советского командования идти на взаимные уступки по вопросам транзита союзных войск через различные европейские страны, обмена наблюдателями и т.д. Во всех случаях предвиделись трудности в разрешении назревших проблем, прежде всего по вине Москвы. Генерал Дин вновь говорил о необходимости более твердой позиции в отношениях с русскими властями. В связи с задержкой ими допуска союзной миссии в польский порт Гдыню для осмотра верфей по производству германских подводных лодок, Дин предложил отменить очередной конвой в Россию с грузом военных материалов. Вильсон на это заметил, что «было бы лучше подождать до определенного момента, поскольку нам желательно поставить перед русскими какой-нибудь специфический запрос и уже после этого предпринимать жесткие действия, если они не ответят на него должным образом».

В заключение выступил генерал Маршалл. По его мнению, метод, предложенный фельдмаршалом Вильсоном, был неподходящим, поскольку такие действия явились бы на самом деле «прямым ответным ударом». Он полагал, что инцидент по поводу Гдыни мог бы стать хорошим поводом для ответных шагов. Однако все это дело представлялось ему недостаточно ясным, и когда он, наконец, разобрался в чем его суть, то время уже ушло. Маршалл отметил, что твердые действия уже предпринимаются относительно ряда проектов, которые не оказывают существенного

влияния на военные усилия, осуществляемые совместно с русскими. В частности, было отозвано предложение основать военно-воздушные базы в районе Будапешта; принято решение вывезти оборудование с аэродромов под Полтавой. Все эти действия, по мнению Маршалла, должны были показать твердость позиции западных союзников и застраховать их от нежелательных ситуаций, в которых они могли оказаться в будущем. Он добавил, что «необходимость любого будущего запроса о допуске представителей западных разведывательных служб на территорию, контролируемую русскими войсками, должна быть внимательно изучена».

Подводя итог заседания, Маршалл сказал, что «самым главным сейчас является прояснение позиции по наименее значимым проектам для того, чтобы затем занять твердую позицию по самым существенным вопросам»³⁵⁹.

Дальнейшая разработка проблемы ревизии отношений с Советским Союзом в военной сфере получила в докладе ведущих сотрудников Объединенного штаба планирования в Комитет начальников штабов США. «Политика, рекомендованная Дином, — отмечали они, — весьма разумна. Ее осуществление потребует пересмотра всех проектов сотрудничества с СССР. Заключение Дина о необходимости отмены проекта “Комсомольск Б-29” (дислокации в районе Комсомольска-на-Амуре бомбардировщиков Б-29 для бомбардировки Японских островов. — М.М.) согласуется с нынешними планами разгрома Японии. В наших интересах именно так и информировать об этом русских. Не следует обращаться к Советам с какими-либо запросами о размещении военно-воздушных баз, пока необходимость в таких объектах для войны против Японии не станет очевидной. Соединенные Штаты должны быть готовы проложить морской путь к побережью Сибири, однако все акции в этом направлении должны предприниматься только после согласования с адмиралом Нимицем³⁶⁰ ...В любом случае, действия по открытию маршрута должны последовать только после русского обращения к нам».

Предлагалось также рекомендовать генералу Дину вести линию на закрытие всех проектов с русскими, которые «находятся вне гармонии с такой политикой». В приложении к докладу уточнялось, что американские представители должны четко информировать официальные советские власти о намечаемых действиях, но «спрашивать об их согласии или просить высказать свое мнение нужно только в случае крайней необходимости».

Тем не менее, планировщики заключали: «Должны быть предприняты все меры для избегания конфликтных ситуаций, которые могут стать источником вражды между СССР и США, — как теперь, так и в будущем»³⁶¹. 24 апреля Комитет начальников штабов США одобрил этот доклад и высказанные в нем рекомендации³⁶².

Пока еще не закончилась война на Дальнем Востоке, и участие Красной армии в войне против Японии считалось американскими начальниками штабов делом первостепенной важности. Но и в этом отношении они уже не чувствовали себя столь зависимыми, как ранее, от действий СССР. Военное командование США продолжало сосредотачивать крупные силы для уничтожения японской военной машины. Новые контингенты войск намечались к переброске на Дальний Восток из уже освобожденной Европы. Теперь американские военные готовы были отказаться от размещения своих военно-воздушных баз на советском Дальнем Востоке, рассчитывая на быстрое продвижение к Японским островам с южного направления. Происходила существенная корректировка в оценках значения сотрудничества с СССР в военной сфере.

Большое влияние на позицию Объединенного комитета начальников штабов в отношении СССР продолжали оказывать представители Британского комитета начальников штабов. В основных вопросах будущего взаимодействия с Россией на Европейском континенте и в целом в мире, их позиция согласовывалась с линией, проводимой премьером У. Черчиллем. В апреле-мае 1945 г. англичане все настойчивей выступали за пересмотр подхода к Советскому

Союзу и готовили соответствующие документальные обоснования своих предложений. В меморандуме, направленном 6 июня 1945 г. для обсуждения в ОКНШ, говорилось, что их весьма заинтересовала точка зрения генерала Дина относительно применения «более жесткой линии» к СССР. В этой связи было дано указание Британскому объединенному разведывательному комитету подробно изучить этот вопрос и высказать свои рекомендации. В приложенном к меморандуму докладе разведывательного комитета «Отношения с русскими», говорилось, что политика правительства Его Величества направлена на достижение максимального сотрудничества с СССР в вопросах устройства Европы, организации работы Союзной контрольной комиссии и будущего ведения дел на Дальнем Востоке. В предыдущие четыре года западные союзники всемерно поддерживали военные усилия России. Они не только поставляли ей различные материалы, но и снабжали важной разведывательной информацией, которая помогала в борьбе с Германией. По мнению авторов доклада, союзники мало что выиграли от такой политики, поскольку русские не захотели вести дела на строгой взаимовыгодной основе. В результате престиж западных стран подвергся серьезному испытанию. Однако с окончанием войны в Европе возникла совершенно новая ситуация — теперь больше не было нужды оказывать России военную поддержку. «Техническая или разведывательная информация, которую мы можем еще получить от СССР, — отмечалось в документе, — не столь важна для войны против Японии. Таким образом, наши позиции визи с русскими улучшились, и более нет необходимости находить с ними примирение за любой счет. Мы имеем теперь возможность быть более жесткими, особенно там, где ожидается сделка на взаимной основе».

Авторы доклада на основании опыта переговоров с советскими представителями указывали на подозрительность русских к иностранцам, присутствие в советском политбюро сильной изоляционистской и антизападной группировки. «Русские не забыли британской интервенции

в Россию сразу после прошлой войны, — говорилось далее. — Они помнят антибольшевистскую пропаганду и соответствующие заявления нашего правительства по поводу СССР, прозвучавшие за последние 20 лет. У них остались сильные подозрения по поводу действий британской разведывательной службы, и эти подозрения усиливаются фактом посылки большого числа наших людей в Москву, в другие регионы России и подконтрольные ей территории. В СССР хорошо осведомлены о существовании антирусских настроений и разговоров в определенных британских кругах и особенно среди наших союзников. Долгое время русские подозревали нас в нежелании открыть второй фронт; а когда эти подозрения исчезли, возникли новые — под влиянием немецкой пропаганды они стали думать, что мы замышляем сепаратный мир с Германией на Западе. Все эти подозрения сильно влияют на их отношение к тем запросам, которые мы ставим перед ними...»

Составители документа в общих чертах оценивали внутривнутриполитическую ситуацию в самом СССР. Отмечалась сверхцентрализация, тотальный контроль за всеми сношениями с иностранцами, высокий уровень секретности для доступа к вопросам военного характера, жесткость ведения переговоров при постоянном требовании получить что-либо взамен. «Русские гордятся своими достижениями, — говорилось далее, — и чувствуют, что вынесли на своих плечах основную тяжесть войны и понесли наибольшие потери. Но в то же время они осознают отсутствие опыта общения с иностранцами и чувствительны к недостаткам в организации и дисциплине своей армии, проявляющиеся спустя почти четыре года после начала войны. Более того, они сильно озабочены созданием в окружающем их мире максимально возможного впечатления об их огромной силе...»

«С окончанием войны с Германией на действия советских военных представителей все возрастающее влияние будут оказывать политические факторы — отмечалось в документе. Взаимоотношения между русскими, с одной сторо-

ны, и англичанами с американцами, с другой, за последнее время ухудшилось по следующим основным причинам:

а) Русское настойчивое желание — при оппозиции англичан и американцев — обращаться с Восточной Европой как со своей эксклюзивной сферой влияния, не обращая внимания на интересы союзников.

б) Несоблюдение русскими духа, а в ряде случаев и буквы крымских соглашений.

в) Русское оскорбленное самолюбие и досада, вызванные быстрым англо-американским наступлением после форсирования Рейна; и подозрения Москвы относительно бернских переговоров.

г) Русская обида на факт координации англичанами и американцами своей политики в дискуссиях с СССР.

д) Британский отказ и американское нежелание предоставить русским долгосрочный кредит на восстановление на выгодных для России условиях, притом, что русские чувствуют, что мы еще находимся в большом долгу перед ними».

К этому, подчеркивалось в докладе, необходимо добавить противоречия по «польскому вопросу», осложнения в работе союзных комиссий и многие другие моменты. Несмотря на то, что союзники были теперь не столь зависимы от СССР, а последнему требовалась большая помощь на восстановление своего разрушенного войной хозяйства, Запад визави с Россией, по мнению представителей британской разведки, имел «три фундаментальные слабости»:

«а) Стратегически Советский Союз сравнительно не уязвим, тогда как мы сильно уязвимы в определенных регионах, таких как, например, Ближний Восток.

б) Россия может стеснить наши действия посредством враждебной пропаганды на Ближнем Востоке, в Индии и в других регионах мира, а также своими непреклонными действиями в Восточной Европе. Она будет способна нарушить наши отношения с Китаем путем проведения своих акций в Маньчжурии и Корее.

в) Внутренняя политическая ситуация, возможно, даст России преимущество в тактических маневрах по сравнению с демократиями, чьи правительства не смогут игнорировать влияние своих парламентов, критику прессы или силу общественного мнения».

В заключение составители документа предлагали ряд решений, которые могли бы усилить позиции западных союзников в дискуссиях с Советским Союзом. Они, в частности, рекомендовали: «Ничего не должно даваться русским задаром. Никакой из русских запросов не должен быть удовлетворен, пока они не удовлетворят связанный с ним запрос с нашей стороны, которому мы придаем важное значение... При этом мы должны смириться с задержками, присущими такой ситуации, которые в любом случае будут небольшими, чем задержки осуществляемые русскими по причине имеющегося у них централизованного контроля... Это должно являться нашей целью — показать русским, где находится их место во взаимоотношении с нами. Они должны ясно понять, что мы перевернули еще одну страницу русской книги, и будем теперь настаивать на ведении дел исходя из принципа строгой взаимности. Таким образом, своей твердостью мы возвысим к себе уважение русских на переговорах... В общении с русскими офицерами и представителями власти очень важно обращаться с ними строго формально и пунктуально, — это даже важнее, чем относиться к ним дружелюбно...»³⁶³

Британская миссия объединенного штаба в Вашингтоне полагала, что приведенные в докладе рекомендации английских разведчиков должны быть внимательно изучены и посланы соответствующим военачальникам и главам структур, которые ведут дела с Советским Союзом. 9 июня 1945 г. миссия обратилась к представителям Комитета начальников штабов США с просьбой прояснить вопрос, когда англичане могут ознакомиться с мнением американских военных по поводу содержания представленного меморандума и его приложениями. Дело представлялось англичанам очень важным и не терпящим отлагательства,

несмотря на то, что со времени представления документа в ОКНШ прошло всего три дня³⁶⁴. Следует добавить, что высказанные в документе пожелания находились в полном соответствии с образом мышления премьера Великобритании У. Черчилля. Более того, премьер-министр пошел еще дальше — незадолго до этого по его заданию британские начальники штабов занимались составлением плана возможной войны с Россией, о котором подробней будет сказано чуть ниже. На неофициальном заседании 15 июня Комитет начальников штабов США одобрил решение представить британский меморандум от 6 июня для обсуждения в ОКНШ. Нам пока не удалось найти материалы, касающиеся конкретно принятых тогда союзным командованием решений по данному вопросу. Однако очевидно, что как Великобритания, так и США открывали для себя новую страницу во взаимоотношениях с СССР. Летом 1945 г. американские военные разведчики приступили к разработке очередных (переработанных) вариантов секретных докладов, касающихся возможностей, намерений и уязвимости Советского Союза в послевоенный период.

5. Окончание войны в Европе и миссия Г. Гопкинса в Москву

Трумэну, который все более склонялся к жесткой политике в диалоге с Москвой, все же необходим был и опыт ближайших помощников Рузвельта, высоко ценивших союзные отношения и перспективы сотрудничества с СССР в европейских и общемировых делах. Со Сталиным нужно было договариваться, а как это лучше сделать, могли знать люди, уже знакомые с ним и завоевавшие его доверие. Одним из них был Г. Гопкинс. Еще будучи губернатором штата Нью-Йорк в 1932 г., Рузвельт пригласил Гопкинса на работу во Временную чрезвычайную администрацию, а после победы Рузвельта на выборах в 1933 г. Гопкинс стал его доверенным лицом, возглавляя Федеральную чрезвычайную администрацию по оказанию помощи и другие правительственные органы. В январе 1941 г. Гопкинс был направлен

в Англию для установления более тесных контактов с британским руководством. С марта 1941 г. на него была возложена основная ответственность за выполнение программы ленд-лиза. Сразу после нападения Германии на СССР Гопкинс ясно высказался за всемерную поддержку СССР, и Рузвельт направил его в Москву с тем, чтобы оценить советский потенциал борьбы с нацистской агрессией и понять, чем Америка может помочь России в этой борьбе. 30—31 июля 1941 г. Гопкинс встретился со Сталиным и выразил восхищение борьбой советских людей против фашистского нашествия. Еще находясь в Москве, он информировал президента США о том, что СССР готов к продолжительному сопротивлению.

Гопкинс сделал очень многое для организации поставок Советскому Союзу по ленд-лизу и позитивного развития американско-советских отношений. Он далеко не симпатизировал коммунизму и видел различия между западными демократиями и советским строем, но считал, что это не является помехой для военного сотрудничества. Гопкинс объективно оценивал вклад Советской России в войну, был последовательным сторонником быстреего открытия второго фронта на севере Франции³⁶⁵.

После смерти Рузвельта и прихода к власти Трумэна Гопкинс, конечно, уже не мог пользоваться таким влиянием, как раньше, и решил подать в отставку. В отличие от Гарримана, он не считал, что американская политика в отношении СССР должна претерпеть значительные изменения, и не разделял мнение об угрозе интересам США со стороны Москвы. Гопкинс знал, что с русскими совсем не просто иметь дело, но полагал, что излишний крен в сторону ужесточения на переговорах со Сталиным — как относительно европейских дел, так и международной системы безопасности — может значительно ухудшить советско-американские отношения и привести к открытой конфронтации в послевоенные годы. Являясь ближайшим соратником Рузвельта, он знал и помнил, как бывший президент

стремился избежать такой конфронтации всеми доступными способами.

В ночь с 8 на 9 мая в пригороде Берлина Карлхорсте был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии. В Европе воцарился мир. А уже 12 мая Вашингтон без предупреждения заявил о приостановке своих поставок в СССР по ленд-лизу. Это решение было не только неожиданным, но и необоснованным — Красной армии предстояло еще вступить в войну против Японии, как это было согласовано между лидерами Большой тройки на конференции в Крыму. Для ведения боевых действий на Дальнем Востоке Советскому Союзу было крайне необходимо продолжение американской помощи. Только после заявленного советской стороной протеста поставки материалов из США возобновились, но в ограниченном количестве и для целей подготовки войны против Японии. В то же время союзники продолжали топтаться на месте относительно разрешения вопроса о будущем польском правительстве, обвиняя друг друга в несоблюдении договоренностей. Оценки политики СССР Госдепартаментом США становились все более негативными, и напряжение между двумя странами возрастало.

Именно на фоне этих событий, в конце мая 1945 г., Трумэн предложил Гопкинсу совершить свою вторую миссию в Москву и встретиться со Сталиным. Это предложение было неожиданным для бывшего помощника Рузвельта, хотя и вполне обоснованным со стороны нового президента. Трумэну, наблюдавшему за быстрым охлаждением советско-американских отношений, очевидно, представилась близлежащая перспектива развития событий. США еще не испытали атомную бомбу и крайне нуждались во вступлении СССР в войну против Японии. Наступление Красной армии на территории Маньчжурии и Северного Китая устраняло опасность использования миллионной Квантунской армии для обороны метрополии. Открытие Советским Союзом боевых действий на Дальнем Востоке означало огромный морально-психологический удар по Японии, давало наде-

жду на значительное сокращение американских потерь. Возросшие трудности в отношениях с Москвой вызывали в Вашингтоне определенную тревогу за то, как поведет себя дальше Сталин не только в дальневосточных делах, но и в Европе, где советские сухопутные войска по многим показателям превосходили силы западных союзников. Именно в это время — в конце мая 1945 г. — британскими начальниками штабов по заданию Черчилля был подготовлен план войны против Советского Союза с целью разгрома его сил в Европе и даже продвижения в глубь его территории (операция «Немыслимое»). Но английские генералы, обозначив на карте районы возможных ударов и приплюсовав к англо-американским силам дивизии уже разгромленной Германии, сделали заключение о невозможности такого наступления. Все сходилось к тому, что новая война закончится выходом Красной армии к побережью Атлантического океана. После этого Черчилль в срочном порядке дал задание своим военным разработать план обороны собственно Британских островов³⁶⁶.

Перед Трумэнном стояла очевидная альтернатива — продолжать ли давление на Москву или на время притормозить процесс выстраивания жесткой линии, достигнуть приемлемого компромисса в европейских делах. Лучшим средством для этого было отправить к Сталину «мирного» посланника, чьи оценки роли СССР в будущих международных отношениях оставались чрезвычайно высокими. Такой шаг мог быть воспринят в Москве как знак приверженности нового президента рузвельтовскому курсу. Как отмечает Л.В. Поздеева, «Гопкинс, отдаленный от коридоров власти в Вашингтоне, по-прежнему был настроен в пользу конструктивных вариантов построения мира. Не случайно президент США Г. Трумэн обратился к нему с предложением вновь встретиться со Сталиным для урегулирования ряда конфликтных вопросов»³⁶⁷.

Дружественное отношение Гопкинса к СССР предопределило его теплый прием в Москве. Несмотря на проблемы со здоровьем, он прибыл туда 26 мая и находился до

6 июня 1945 г. В ходе 6 встреч, состоявшихся с советским лидером, Гопкинсу во многом удалось снять напряжение в советско-американских отношениях. Он откровенно говорил, что в США есть группа противников курса Рузвельта, но подавляющая часть американцев выступает за сотрудничество с СССР. Необходимо сохранить структуру мирового сотрудничества и советско-американских отношений, ради укрепления которых Рузвельт и Сталин так много сделали. Камнем преткновения оставалось проведение в жизнь ялтинских договоренностей по Польше. Сталин возложил основную вину за затягивание этого вопроса на Великобританию, которая пыталась, по его словам, вновь выстроить «санитарный кордон» вокруг СССР, на что Гопкинс ответил, что Америка желает видеть соседями Советского Союза только дружественные страны.

Таким образом, путь к достижению компромисса по Польше был открыт. Гопкинс положительно отнесся к предложению Сталина расширить просоветское польское правительство за счет поляков, находившихся в Лондоне, и пригласить Миколайчика и нескольких его коллег из Лондона для консультаций. Проблема проведения в Польше выборов по системе, принятой в западных странах, не обсуждалась. Хотя Гопкинс во многом действовал по собственной инициативе, Трумэн приветствовал достигнутое согласие, считая его шагом, укрепляющим климат доверия между двумя странами в преддверии военных действий на Дальнем Востоке. Президент писал в то время Черчиллю: «Я считаю, что это весьма обнадеживающий положительный шаг в затянувшихся переговорах по польскому вопросу, и надеюсь, что Вы одобрите согласованный список, дабы мы могли заняться этим делом как можно скорее... Надеюсь, Вы используете Ваше влияние на Миколайчика и уговорите его согласиться. Я просил Гопкинса остаться в Москве по крайней мере до тех пор, пока не получу Вашего ответа по этому вопросу»³⁶⁸.

Черчилль также оценил достигнутый компромисс и поддержал это предложение. Очевидно, что, несмотря на

всю свою критику политики СССР в польских делах, он считал, что дальнейшее обострение ситуации вокруг Польши ведет к тупику. Он убедил Миколайчика поехать в Москву, в результате чего было создано новое польское Временное правительство национального единства. Миколайчик занял престижный, хотя и недостаточно влиятельный пост заместителя премьер-министра. На другие руководящие должности в правительстве, равно как и большинство министерских постов, были назначены «промосковские» поляки. Как показали дальнейшие события, «перемирие» в польском вопросе носило кратковременный характер и объяснялось в первую очередь заинтересованностью США в выполнении Советским Союзом обязательств вступить в войну с Японией. По предложению Трумэна новое правительство Польши было признано 5 июля, как Соединенными Штатами, так и Великобританией. Формула его реорганизации была утверждена на встрече Большой тройки в Потсдаме в июле-августе 1945 г.

В ходе переговоров Сталина и Гопкинса рассматривались и многие другие вопросы: об общей позиции в отношении войны с Японией и сроках начала наступления Красной армии, снятии подозрительности после прекращения поставок в СССР по ленд-лизу³⁶⁹, процедуре голосования в ООН, будущем обращении с Германией. Советское правительство поддержало предложение о совещании лидеров трех держав по широкому кругу международных вопросов летом 1945 г. в районе Берлина. Миссия Гопкинса завершилась успешно. Несмотря на то, что в Москве и Вашингтоне понимали, что это лишь временный компромисс, вызванный военно-политической ситуацией, сделанный навстречу друг другу шаг во многом способствовал плодотворному проведению Потсдамской конференции, открывшейся всего через несколько недель.

Из Москвы Гопкинс отправился в штаб Союзных экспедиционных сил, расположенный во Франкфурте-на-Майне. Заслуживает внимания его оценка ситуации в Германии и мнение о позиции советского командования в связи с заты-

гиванием вывода англо-американских войск из зон, предназначенных для оккупации Красной армией. После того как Гопкинс обсудил этот вопрос с генералом Д. Эйзенхауэром и услышал его рассказ о встрече с маршалом Г. Жуковым в Берлине, он написал президенту: «Я убежден, что существующая неопределенность с датой отвода союзных войск из районов, куда должны войти русские, однозначно вызывает непонимание, как в России, так и у нас самих. Совершенно очевидно, что союзный контрольный механизм не может быть запущен без вывода союзных сил с территорий, включенных в советскую зону оккупации. Любая задержка в организации контрольного механизма создает серьезные препятствия для развития административного управления Германией и применения к ней союзной политики. Задержка вывода на одну или две недели не будет трагедией, однако, этот вопрос не должен оставаться в том же состоянии до встречи, намеченной на 15 июля³⁷⁰.

Одновременно с достижением определенности по выводу наших войск из советской зоны оккупации, мы должны четко обозначить условия вхождения подразделений западных союзников в Берлин, которые будут подписаны ответственными командующими. Эти условия должны гарантировать нам беспрепятственный пропуск в район Берлина из Бремена и Франкфурта, как по воздуху, так по железной дороге и шоссе; по всем согласованным маршрутам...

Я рассматриваю определение даты отвода наших войск в свою зону оккупации в Германии или, по крайней мере, достижение определенности с условиями вывода перед тем как эта дата будет окончательно обозначена, в качестве важнейшего вклада в наши будущие отношения с Россией. Задержка с выводом сейчас, может привести к тому, что потом нам придется определяться с датой под русским давлением...»

Интересна рукописная приписка к этой телеграмме, сделанная уже в военном ведомстве США в Вашингтоне: «Вручена президенту, который дал указание передать информацию адмиралу Леги и обсудить ее вместе с прези-

дентом как первоочередной вопрос завтра»³⁷¹. Трумэн отнесся к мнению Гопкинса со всей серьезностью и вскоре, несмотря на известное сопротивление Черчилля, был организован вывод англо-американских войск из зон на территории Германии, предназначенных для оккупации Советским Союзом³⁷².

6. Потсдамская конференция и значение участия СССР в войне против Японии

Успешный визит Г. Гопкинса в Москву в мае-июне 1945 г., положительные сдвиги в «польском вопросе» и проблемах касавшихся будущей оккупации Германии создавали достаточно положительный фон для встречи лидеров Большой тройки в Потсдаме, пригороде Берлина. Берлинская (Потсдамская) конференция (17 июля — 2 августа 1945 г.) стала последней за годы Второй мировой войны встречей руководителей СССР, США и Великобритании. Советскую делегацию возглавлял И. Сталин, американскую — президент Г. Трумэн, английскую — премьер-министр У. Черчилль, а с 28 июля после победы на парламентских выборах лейбористской партии К. Эттли. В работе конференции, которая проходила во дворце Цецилиенхоф, принимали участие также нарком иностранных дел СССР В. Молотов, новый государственный секретарь США Дж. Бирнс, министр иностранных дел Великобритании А. Иден, другие представители правительственных и военных ведомств трех великих держав. На многих фотографиях, посвященных конференции за спиной президента Трумэна видна фигура У. Леги — начальника штаба при верховном главнокомандующем вооруженными силами США и фактического председателя Комитета начальников штабов США. О дискуссиях, состоявшихся в Потсдаме, написано большое количество научных работ, поэтому имеет смысл лишь кратко остановиться на основных решениях конференции.

Перед державами Большой тройки стояли огромные проблемы восстановления Европы, многие районы которой после поражения Германии лежали в развалинах.

На первом заседании конференции Г. Трумэн предложил рассмотреть проект организации Совета министров иностранных дел (СМИД) из представителей пяти великих держав — постоянных членов Совета безопасности ООН. С некоторыми изменениями этот проект был принят уже 18 июля, хотя ни Франция, ни Китай в конференции не участвовали. Подобное решение говорило о степени ответственности лидеров тройки за безопасность мирового сообщества, предотвращение нового глобального конфликта. В этом смысле идеи Рузвельта получили конкретное развитие. В ближайшие задачи СМИД входила выработка мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Финляндии³⁷³.

Дискуссии не могли обойтись без серьезных споров. Один из них касался принятия в ООН Италии и стран Юго-Восточной Европы — бывших союзников Германии. Советской стороне вновь пришлось выслушивать упреки относительно выполнения статей «Декларации об освобожденной Европе», в частности в освобожденных Красной армией балканских странах. Западные представители заявляли, что готовы признать новое руководство государств, если оно будет сформировано путем свободных демократических выборов. Советская делегация напомнила в этой связи о ситуации в Греции, имея в виду, что Великобритания не выполняет свои собственные обязательства. Сталин также сделал заявление, что Советский Союз не собирается советизировать Восточную Европу и намечает проведение там демократических выборов.

Главное место в работе Потсдамской конференции заняла проблема Германии. Были согласованы основные принципы совместной политики по отношению к этой стране с той целью, чтобы Германия «никогда больше не угрожала своим соседям или сохранению мира во всем мире». Предусматривались разоружение и демилитаризация страны. Прядок осуществления контроля над ее территорией требовал полной денацификации, ликвидации военных и полувоенных формирований, отмены нацистских

законов. Военные преступники предавались суду. Учреждались органы самоуправления по всей стране, хотя центрального правительства было решено пока не создавать. В экономическом плане на период оккупации было решено рассматривать Германию как единое целое, включая денежную систему. Промышленность страны должна была перейти исключительно на мирные рельсы.

Сталин еще ранее заявил об отсутствии у СССР намерений расчленять германское государство. Западные лидеры также воздержались от выдвижения планов его раздела. Еще памятны были события, происходившие после подписания Версальского договора, когда страны-победительницы выдвинули перед Германией условия, ущемившие национальное самосознание немцев и ставшие одной из главных причин роста реваншистских настроений. В решениях Потсдамской конференции подчеркивалось, что «союзы не намерены уничтожать или ввергнуть в рабство немецкий народ».

Длительные дискуссии развернулись вокруг вопроса о репарациях с Германии. Американская делегация отошла от ялтинской договоренности о фиксировании конкретной суммы репарационных платежей. В конечном итоге был одобрен позональный принцип взимания репараций — каждой державой из своей зоны оккупации. Кроме этого для СССР было предусмотрено частичное получение репараций из западных зон в том объеме, который не подрывал мирную германскую экономику. СССР обязывался передать часть репараций Польше. Военно-морской флот Германии делился в равных пропорциях между тремя державами-победительницами. Делился и торговый флот, причем США и Великобритания обязались выделить из своей доли суда тем странам, которые пострадали от германской агрессии.

В Потсдаме, равно как ранее и в Ялте, вновь встал вопрос о будущем Польши. Трумэн упрекнул Сталина в том, что тот передал полякам территорию до Одера и Нейсе, не дожидаясь мирной конференции (хотя стороны понимали,

что ее созвать уже вряд ли удастся). Советский лидер настаивал на том, чтобы в Потсдам прибыли польские представители во главе с Б. Берутом, которые подтвердили свою позицию относительно западных границ государства и обещали проведение в стране демократических выборов. Черчилль, выразивший сомнение, что Польша сможет быстро обустроить отходящие к ней новые земли (с которых выселялось немецкое население), вскоре отбыл в Лондон и, проиграв выборы, не вернулся. В последующем стороны пришли к компромиссу. Американская делегация поддержала советские предложения о новой западной границе польского государства. Было решено начать процесс передачи Польше восточногерманских земель, включая территории до линии Одер — Западная Нейсе, часть Восточной Пруссии и г. Данциг. Американская и британская делегации подтвердили также свое согласие о передаче СССР города Кенигсберга (с 1946 г. Калининграда) с прилегающими территориями.

22 июля 1945 г. на конференции был поднят вопрос о Турции. Черчилль упомянул об обеспокоенности турецкого правительства тем оборотом, который приняли переговоры, состоявшиеся между турецким послом в СССР и советским наркомом иностранных дел. Во время этих переговоров была затронута проблема изменения восточной границы Турции, а также возможности основания советской базы в Черноморских проливах. Молотов по предложению Сталина разъяснил, что турецкое правительство предложило СССР заключить союзный договор, и Москва не возражала против него на определенных условиях. Прежде всего, СССР считал несправедливой границу между двумя государствами, проведенную после окончания Гражданской войны в России. Тогда от Советской Армении и Советской Грузии Турцией была отторгнута территория областей Карса, Артина и Ардагана.

23 июля 1945 г. Черчилль заявил, что не может поддержать предложение о создании советской базы в Черноморских проливах и не думает, что Турция пойдет на этот шаг.

Сталин отметил, что речь не шла о том, чтобы напугать турок. Речь шла «о восстановлении границы, которая существовала до Первой мировой войны... Вопрос о восстановлении старой границы не возник бы, если турки не поставили бы вопрос о союзном договоре между СССР и Турцией... и мы заявили Турции, что, если она хочет заключить с нами союз, нужно исправить эту границу, если же она не хочет исправлять границу, то отпадает вопрос о союзе»³⁷⁴. В конце концов, в Потсдаме СССР удалось добиться лишь согласия США и Великобритании на возможный пересмотр конвенции Монтрё³⁷⁵⁴² »¹⁵¹⁰Причем американская и британская делегации не согласились с советским предложением отменить эту конвенцию и предоставить выработку режима Черноморских проливов непосредственно Турции и СССР. Было принято лишь решение о том, что конвенция Монтрё может быть пересмотрена в ходе переговоров каждой из трех сторон с турецким правительством, но на практике западные державы заняли позицию, которая создавала препятствия свободному проходу советских военных судов через проливы. Впоследствии, уже в 1946 г., на переговорах с Турцией СССР предложил ей добавить к статусу Черноморских проливов пункты о том, что они всегда открыты для военных кораблей черноморских стран и закрыты для военных кораблей нечерноморских стран, а оборона проливов осуществляется совместно Турцией и СССР. Турция, в то время все больше ориентировавшаяся на политику США, ответила отказом. В итоге конвенция Монтрё осталась без изменений.

Делегации великих держав обсудили также проблему, касающуюся опеки ряда территорий. В этой связи Молотов, ссылаясь на решения Сан-Францисской конференции, поставил вопрос о колониях, принадлежавших ранее Италии. Предложения советского правительства по урегулированию вопроса подопечных территорий были вручены госсекретарю США Дж. Бирнсу и министру иностранных дел Великобритании А. Идену. В основу советской позиции легли разработки Комиссии по подготовке мирных

договоров и послевоенного устройства, руководимой М. Литвиновым. В своих записках наркому иностранных дел в июне 1945 г. Литвинов, подчеркивая стратегическую важность итальянских колоний, доказывал, что у СССР имелись неоспоримые юридические и моральные основания участвовать в решении их судьбы, поскольку их отторжение от Италии являлось результатом Второй мировой войны, в победоносном завершении которой Красной армией принадлежала наиболее значительная роль. Речь шла о будущем Ливии, Эритреи и Итальянского Сомали, а также Додеканесских островов, хотя отмечалось, что последние не относились к категории колоний и эти острова формально являлись частью итальянской территории (впоследствии эти острова были переданы Греции. — М.М.). Американская и британская делегации не шли на уступки СССР. В Потсдаме стороны согласились, что дальнейшее решение судьбы итальянских колоний и подготовка соответствующих практических предложений будет возложена на СМВД, который должен будет иметь в виду «возможность установления опеки отдельных государств или опеки СССР, США и Великобритании над... бывшими итальянскими колониальными владениями»³⁷⁶.

На Берлинской конференции стороны разрешили и ряд других проблем, касающихся улучшения работы контрольных комиссий в Румынии, Болгарии и Венгрии, упорядочения переселения немецкого населения из Польши, Чехословакии и Венгрии, вывода союзных войск из Тегерана и быстрее разрешения вопроса об их выводе с территории всего Ирана. Они еще раз обсудили проблему участия СССР в войне с Японией. 17 июля Сталин заявил, что Советский Союз будет готов открыть боевые действия в середине августа.

Переговоры в Потсдаме показали, что разногласия между союзниками стали проявляться все чаще, и, тем не менее, сохранялась возможность разрешать их путем компромиссов. Такой подход, несомненно, отвечал интересам мирного сосуществования государств с различной соци-

ально-политической системой в послевоенном мире. Однако здесь же, на Потсдамской конференции, возник новый фактор, кардинально изменивший само представление о будущей безопасности, — успешное испытание американской атомной бомбы. 24 июля в разговоре со Сталиным Трумэн сообщил, что у США появилось новое оружие невиданной ранее разрушительной силы. Сталин сделал вид, что не понял значения этого события, хотя знал об американском ядерном проекте и торопил советских ученых, занимавшихся подобными разработками.

Тот факт, что американцы первыми создали атомное оружие и теперь могли применить его в действии, незамедлительно привел к тому, что у ряда военных и политических деятелей США, в частности у генерала Д. Макарута³⁷⁷, возникло желание завершить разгром Японии без участия СССР, присвоив себе весь военно-политический капитал победы на Дальнем Востоке. Макарут писал в своих воспоминаниях: «...Я поддержал [в 1941 г.] идею о том, чтобы Советский Союз нанес удар по Японии с севера... Я полагал, что это заставило бы Японию перейти от наступления к обороне и позволило бы сократить громадный расход крови, денег и усилий, необходимых чтобы вернуть потерянные территории. В то время я активно настаивал на вступлении русских в войну на Тихом океане, но впоследствии, когда победа была уже в наших руках, я резко выступал против этого шага...»³⁷⁸

Несмотря на высказывание подобных точек зрения, президенту Трумэну и большинству представителей Комитета начальников штабов США было понятно, что отказ от помощи СССР в войне с Японией является слишком большим риском. Япония продолжала ожесточенное сопротивление и готовилась к обороне собственно Японских островов, в то время как фактор воздействия атомной бомбы оставался неясным³⁷⁹. 26 июля западные союзники опубликовали т.н. Потсдамскую декларацию, которая в ультимативной форме требовала от имени Великобритании, США и Китая безоговорочной капитуляции Японии, ликвида-

ции власти милитаристов, оккупации японской территории, ограничения суверенитета Японии островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и менее крупными островами (которые предстояло указать в последствии), наказания военных преступников. 28 июля 1945 г. Декларация была отклонена японским руководством. Американское руководство приступило к непосредственной подготовке нанесения по Японии атомных ударов.

Относительно дискуссий о применении ядерного оружия в военных и политических кругах США Н.Н. Яковлев отмечает, что когда в августе пришел приказ о применении атомного оружия, «США располагали только двумя готовыми бомбами. Даже американские военные настаивали на том, чтобы взорвать их над рисовыми полями или морем. И в таком случае психологический эффект был бы достигнут. Но правительство было непреклонно: бомбы следует применить против густо заселенных городов»³⁸⁰. Среди ученых США также зрели настроения против использования атомной бомбы в войне. Смерть и страдания миллионов простых людей не могли быть оправданы военной необходимостью быстрее разгрома Японии. Ученые рекомендовали вначале продемонстрировать мощь нового оружия представителям всех объединенных наций, организовав испытания в пустыне или на необитаемом острове, а затем предъявить Японии предварительный ультиматум. Использовать атом в войне, по их мнению, возможно было только с санкции объединенных наций и с одобрения общества США. Некоторые исследователи в ядерной области, как, например, Сцилард, не без основания прогнозировали, что взрыв первой бомбы приведет впоследствии к гонке атомного вооружения. Ученый пытался попасть к Трумэну, но неудачно. Дж. Бирнс, ознакомившись с мнением Сциларда об отсутствии необходимости применения ядерного оружия в обстановке краха Германии и близкого поражения Японии, дал ему понять, что ученые сделали свое дело, а остальное их не касается³⁸¹.

Применение атомного оружия преследовало двоякую цель — с одной стороны, показать Японии, что ее ожидает в случае продолжения войны, а с другой, продемонстрировать американскую мощь перед Советским Союзом, что могло побудить его согласиться с американской точкой зрения по широкому кругу международных вопросов. Известно высказывание Г. Трумэна накануне испытания атомной бомбы на полигоне в Аламогордо: «Если только она взорвется, а я думаю, что это будет именно так, то я получу дубину, чтобы ударить по этой стране». Чуть более осторожно высказывался военный министр Стимсон, подчеркивая, однако, что «появление атомной энергии решающим образом повлияет на наши взаимоотношения с другими странами»³⁸². Тем не менее, в ответственных кругах Вашингтона по-прежнему считали, что разгром Японии необходимо довершить при помощи Красной армии. Как отмечает Л.В. Поздеева, «западные политики не смогли ни отказаться от привлечения СССР к участию в военном разгроме Японии, ни произвести на советское правительство давление с помощью “атомной дипломатии”»³⁸³.

По приказу Трумэна в начале августа 1945 г. на Японию были сброшены две атомные бомбы с тротильным эквивалентом 20 тыс. тонн каждая. Атомным бомбардировкам подверглись города Хиросима (6 августа) и Нагасаки (9 августа). Взрывы вызвали огромные разрушения и человеческие жертвы среди мирного гражданского населения: в Хиросиме 140 тыс. чел., в Нагасаки — около 75 тыс. В дальнейшем несколько сотен тысяч человек умерло от последствий бомбардировок — ожогов и радиационного облучения. Остается дискуссионным вопрос, в какой мере ядерные удары воздействовали на решение японского правительства о капитуляции. Не останавливаясь подробно на разборе существующих дискуссий, приведем фрагмент из достаточно объективного, на наш взгляд, донесения группы по изучению стратегических бомбардировок американских ВВС, в котором говорилось о результатах атомных ударов по Японии:

«...Неожиданность катастрофы, разрушение большого количества зданий и всепожирающий пожар привели к невиданному дотоле количеству жертв... Если говорить о Японии в целом, то пережитые ею потери и военные неудачи, например на Сайпане, на Филиппинах и на Окинаве, в два раза превосходили по своей значимости атомную бомбу в смысле убеждения населения страны в неизбежности поражения. С этой точки зрения обычные воздушные налеты на Японию, взятые в своей совокупности, в три раза превосходили по своей значимости атомную бомбу. Ухудшение условий жизни, например нехватка продовольствия и недоедание, также сыграли более важную роль в осознании японским народом невозможности продолжать войну, чем атомная бомба...

Нельзя сказать, что именно атомная бомба убедила заключивших мир членов правительства в необходимости капитуляции... Атомные бомбы не убедили военных руководителей в том, что оборона японских островов стала невозможной. Стремление к миру достигло своего кульминационного пункта на императорском совещании, которое продолжалось с вечера 9 августа до утра 10 августа и происходило в специфической обстановке, создавшейся в результате атомных бомбежек и объявления войны Россией...»³⁸⁴

СССР еще 5 апреля 1945 г заявил о денонсации договора о нейтралитете с Японией. Воинские перевозки в восточном направлении начались с мая месяца. 8 августа советское правительство передало японскому правительству заявление, в котором, в частности, указывалось, что СССР присоединяется к Потсдамской декларации, принимает предложение союзников об участии в войне против японских агрессоров и с 9 августа 1945 г. считает себя в состоянии войны с Японией. Утром 9 мая войска Красной армии, сосредоточенные на дальневосточных границах СССР, перешли в наступление против Квантунской армии. К 14 августа части советских фронтов продвинулись вперед на несколько сотен километров. В тот же день кабинет министров Японии принял решение о капитуля-

ции. Но поскольку японские силы продолжали сопротивление, Генштаб РККА распорядился продолжить наступление. 19 августа 1945 г. командующий Квантунской армией генерал Ямада подписал акт о капитуляции подчиненных частей. Советские войска развернули также наступление на Южном Сахалине, высадили морские десанты на островах Курильской гряды и побережье Северной Кореи, воздушные десанты в Харбине, Даляне и др. китайских городах. Разгромив Квантунскую армию и потеряв 12 тыс. чел. убитыми, части Красной армии освободили огромную территорию Северо-Восточного Китая, северную часть Кореи, Южный Сахалин и Курильские острова, уничтожили в ходе боев 83 тыс. и взяли в плен около 600 тыс. японских солдат и офицеров. Это была блестящая операция, которая еще более укрепила авторитет Советского Союза на международной арене и во многом ускорила капитуляцию Японии.

7. Атомное оружие США и проблема уязвимости СССР: первые расчеты

2 сентября 1945 г. в Токийском заливе на борту американского линкора «Миссури» представителями японского правительства был подписан Акт о безоговорочной капитуляции Японии. Вторая мировая война закончилась. Однако ее окончание не означало наступления эпохи бесконфликтного существования. Напротив, уже в полной мере обозначились силы, претендующие на лидерство своих стран и гарантию их интересов в геополитическом устройстве послевоенного мира. Этими странами являлись США и СССР, потенциальное поле противодействия между которыми расширялось по мере роста их военного могущества и влияния в различных регионах планеты. Главной проблемной зоной оставалось пространство Европы, где конкуренция двух центров силы, их политические, экономические и другие противоречия были наиболее острыми, подогревались наличием крупных воинских контингентов, зависели от многочисленных экономических, социальных, идеологических, культурных и исторических особенностей.

События, происходившие в восточной и западной частях Европы в послевоенные годы, действия Советского Союза и Соединенных Штатов по поддержке тех или иных правительств, особенно в период холодной войны, еще требуют тщательной и объективной оценки историков. В контексте данной работы нас интересуют главным образом первые выводы, сделанные в США после окончания Второй мировой войны о реальностях будущего мира, в котором расширяющееся влияние Америки столкнулось с возросшим влиянием России.

Монопольное обладание атомной бомбой, безусловно, оказало сильнейшее воздействие на американскую политическую и военную элиту. Выше уже говорилось, что еще до окончания Второй мировой войны Европа стала для США важнейшим звеном в организации системы глобального влияния и, следовательно, одним из основных объектов геополитических устремлений. Утверждать их с опорой на обычные средства вооруженной борьбы для Америки — имевшей перед собой мощнейшую сухопутную армию в мире в лице советских вооруженных сил — даже в союзе с Великобританией было явно не под силу.

С другой стороны, даже обладание ядерной бомбой в 1945 г. не могло дать стопроцентной гарантии победы в случае конфликта с СССР. Промышленности США требовалось некоторое время, чтобы наладить такие масштабы ее производства, которые обеспечивали бы Америку необходимым запасом атомного оружия для ликвидации военного потенциала Красной армии при сохранении контроля над Европой. Кроме того, среди народов Европы и в многочисленных слоях американского общества престиж Советского Союза как страны, внесшей главный вклад в разгром агрессоров, оставался на огромной высоте. Открыто угрожать в такой ситуации атомным оружием Москве было невозможно. В том числе по этим причинам Вашингтон после окончания войны, сохраняя в Европе свое мощное военное присутствие, придерживался курса на противостояние влиянию СССР с помощью политических, экономиче-

ских и идеологических рычагов. Но оценки возможностей, уязвимости и намерений Москвы строились теперь с учетом новых обстоятельств, — прежде всего обладания Соединенными Штатами атомным оружием. Это был самый существенный козырь Белого дома и военных планировщиков США.

Уже 24 августа 1945 г. секретариат Объединенного разведывательного штаба (JIS) известил начальников штабов о намерении пересмотреть предыдущий доклад (Объединенного разведывательного комитета (JIC)³⁸⁵ № 250/1) «Возможности и намерения СССР в послевоенный период». Имелось в виду дать новую оценку возможностям и намерениям России, исходя из поступившей в последнее время информации и развития текущих событий³⁸⁶. Доклад № 250/1, составленный 5 февраля 1945 г., и ряд последующих аналитических разработок из этой серии, подготовленных весной-летом 1945 г., содержали как элементы тревоги, так и сдержанного оптимизма за будущее советско-американских отношений³⁸⁷. Сотрудники JIS считали, что советская идеология предполагает конфликт между советскими и несоветскими странами, но в то же время существует возможность достижения компромисса с Москвой. Так, в годы войны СССР смог примирить до необходимых пределов свои идеологические разногласия с Западом. В ближайший же период Россия будет избегать открытого конфликта для того, чтобы успешно провести экономическую реконструкцию. По крайней мере, до 1952 года она не решится воевать с США и Великобританией. Тем не менее, следует ожидать, что СССР создаст для США множество проблем на международной арене. Москва будет стремиться к политическому и военному доминированию над другими нациями, особенно среди стран Восточной Европы, используя для этой цели подчиненные ей коммунистические партии. Советская политика будет направлена против создания любых коалиций несоветских стран, инициированных США и Великобританией³⁸⁸.

К октябрю 1945 г., проанализировав текущие события и возможности сторон, американские военные разведчики подготовили новый доклад из 250-й серии — 250/4, от 19 октября 1945 г. Внимание в нем было сосредоточено, прежде всего, на возможностях советских ВВС и прогнозах достижений России в ядерной сфере. Сотрудники ИС говорили о том, что СССР, видимо, способен быстро увеличить размер и качество своих военно-воздушных сил, о вероятной активной работе советских конструкторов над созданием ракетного оружия; подчеркивалось, что от 8 до 10 ведущих германских исследователей в этой области исчезло из поля зрения, что предполагало их использование в Советском Союзе. Относительно же атомного оружия делалось замечание, оказавшееся впоследствии удивительно точным: «Если США не передадут Советам секрет атомной энергии, они все равно, вероятно, окажутся способны развить и применить эту форму энергии в течение ближайших пяти лет... Пять лет будет достаточным временем для русских ученых закончить свои исследования в этой сфере. Передача секрета атомной энергии сейчас приведет лишь к тому, что поставит СССР в позицию эквивалентную США и возможно сэкономит советским ученым несколько лет работы»³⁸⁹.

Следует, однако, подчеркнуть, что многие военные и политические деятели США считали невозможным скорое появление у Советского Союза атомной бомбы. Основной причиной для таких заключений было экономическое отставание СССР, недооценка способностей советских ученых, инженеров и рабочих. Вспоминая медлительность, с какой устанавливалось в годы войны ленд-лизское оборудование по изготовлению автомобильных шин, многочисленные изменения в плане шинного завода, бывший глава военной миссии США в Москве Дж. Дин скептически замечал: «Когда меня спрашивают, сколько времени потребуется русским на проект по производству атомной бомбы, я думаю сначала о гигантской американской установке “Oak Ridge” и уже затем о том, как русские обошлись с

заводом, уже спроектированным, построенным и готовым к пуску в эксплуатацию. Как только я услышу, что первые автопокрышки выкатились из московского завода, у меня появятся определенные основания для ответа на вопрос, когда у русских появится атомная бомба»³⁹⁰. Интересен и другой пример. Президент Трумэн, беседуя в 1946 г. с конструктором американской атомной бомбы Оппенгеймером, спросил: «Когда русские смогут создать бомбу?» — «Я не знаю», — ответил ученый. «Я знаю», — заявил президент. «Когда же?» — последовал вопрос. «Никогда!» — ответил Трумэн³⁹¹. Как известно, СССР создал собственную атомную бомбу в 1949 г.

* * *

Необходимо вкратце напомнить о том политическом фоне, на котором шел процесс составления подобного рода документов американской разведки, а также затронуть вопрос о реакции на текущие события высшего политического и военного руководства США. Несмотря на то, что США и Великобритания фактически согласились со сложившейся к тому времени расстановкой сил на европейском континенте, они по-прежнему стремились воспрепятствовать утверждению в восточноевропейских странах прокоммунистических режимов. В дополнение к затянувшемуся обсуждению польской проблемы, западные державы активно критиковали теперь ситуацию в Югославии, Румынии, Болгарии. США и Великобритания стремились добиться участия в выборах в этих странах более широкого представительства сил, находящихся в оппозиции коммунистам и обеспечить их реальное участие во власти. 11 сентября открылась Первая лондонская сессия СМВД для обсуждения мирных договоров с Италией и другими европейскими странами — бывшими союзниками Германии. Между сторонами сразу же возникли сильные разногласия, и Молотову пришлось выслушивать нелицеприятные заявления госсекретаря США Бирнса о нарушении СССР своих обязательств в отношении Румынии. Западные союзники требо-

вали также реорганизации румынского и болгарского правительств в демократическом духе, без чего они не соглашались на их признание. (Формально военная оккупация в этих странах осуществлялась под управлением союзных контрольных комиссий.) Тем не менее, советские представители не шли на уступки и, более того, сами поставили вопрос об участии Москвы в союзной комиссии по определению будущего Японии, находившейся тогда под единоличным контролем генерала Макартура. Разгорелись дискуссии по проекту, касавшемуся Италии. В итоге сессия СМВД в Лондоне, окончившаяся 2 октября, была фактически провалена в результате нежелания сторон найти приемлемые компромиссы. В конце октября Трумэн заявил об остающейся у Америки твердой позиции по непризнанию существующих правительств Румынии и Болгарии. Компромисс по этому вопросу был найден только в декабре 1945 г. во время Московского совещания СМВД³⁹².

Обстановка между бывшими союзниками во Второй мировой войне накалялась. Трумэн считал, что в то время Соединенные Штаты обладали достаточными ресурсами, чтобы наращивать производство атомной бомбы. В конце сентября 1945 г. ушел в отставку военный министр Г. Стимсон, несогласный с политикой Белого дома, направленной на свертывание сотрудничества с СССР и расчетами использовать ядерное оружие в качестве рычага давления на Москву. 20 сентября окончательно прекратились поставки по ленд-лизу в СССР. Хотя начало холодной войны принято связывать со знаменитой речью У. Черчилля в американском городе Фултон 5 марта 1946 г.³⁹³, ее сполохи в полной мере обозначились уже осенью 1945 г. Внешнеполитический курс США все в большей степени приобрел характер «атомной дипломатии».

* * *

Американские военные аналитики приступили к детальному рассмотрению военно-стратегического положения Соединенных Штатов. 9 октября 1945 г. Объединенный

комитет стратегического обзора по собственной инициативе подготовил для американских начальников штабов доклад по этому вопросу, исходя из существующей политики Советского Союза. В нем выражалась серьезная обеспокоенность развитием ситуации и делался прогноз о будущем «агрессивном» и «бескомпромиссном» поведении России.

«Шесть месяцев назад, — отмечали составители документа, — Соединенные Штаты являлись величайшей военной машиной, которая когда-либо существовала на земле³⁹⁴. Их вооруженные силы и организация управления были более мощными и гибкими, чем у любой другой нации в мире. Беспрецедентная сила США увеличивалась военным альянсом с Британской империей. Военная мощь России, хотя и основанная на огромной и эффективной армии, была ограничена действенным применением на своей собственной территории. Это правда, что, даже находясь в зените нашей силы, мы не смогли бы воевать против России в определенных регионах планеты, но верно и то, что США в то время были способны противостоять, если необходимо, расширению активности русских за пределами этих регионов. В целом, США были способны поставить эффективный заслон неоправданным и зачастую экстравагантным требованиям русских. Теперь же, после окончания войны, Соединенные Штаты находятся на этапе ликвидации своей огромной военной машины. Планы, касающиеся демобилизации, появились еще раньше — в ходе войны... Процесс демобилизации, естественно, с быстрыми темпами уменьшает наши военные возможности. Наша сила становится слабее, однако происходит это во многом из-за психологии нашей страны. Не будет преувеличением сказать, что сейчас главный интерес американской публики в отношении вооруженных сил состоит в их сокращении до определенного минимума...»

В докладе подчеркивалось, что ситуация может серьезно осложниться «нарушением послевоенной экономической жизни государства, которая проявится в забастов-

ках и безработице. Если не удастся быстро поставить такие процессы под контроль, то это не только существенно снизит оперативность наших вооруженных сил, но и по странной иронии серьезно сократит запланированные масштабы демобилизации». Далее вновь обращалось внимание на ненормальные (по мнению военных) тенденции в послевоенном общественном мнении США: «Среди населения широко распространено представление, — говорилось в документе, — что изобретение новых видов оружия, особенно атомной бомбы, каким-то образом заменит нашу армию или сделает возможным кардинальное сокращение сухопутных сил, флота и ВВС. Существует недопонимание относительно Устава Организации Объединенных наций, который якобы может гарантировать нас от вовлечения в новую большую войну».

Представители Объединенного комитета стратегического обзора предсказывали, что «только нападение или серьезная угроза нападения на Соединенные Штаты смогут изменить существующие тенденции в общественном мнении американцев, но даже в этом случае потребуется год, а то и больше, чтобы восстановить нашу военную силу до того состояния, какой она была лишь совсем недавно».

Составители отдавали должное тем политическим успехам, которых США добились путем ведения переговоров со своими партнерами. В то же время отмечалось, что «важнейшие переговоры, касающиеся интересов США в Европе и на Тихом океане, еще не завершены». Военное сотрудничество с Россией было чрезвычайно плодотворно, и она выполнила свои обещания вступить в боевые действия против Японии. С Москвой были достигнуты разумные компромиссы в подготовке Устава ООН, «проверка действия которого на практике еще впереди». Перечислялись «приобретения» России: «Она присоединила к себе балтийские страны, восточную треть Польши и часть Восточной Пруссии. Она контролирует и безжалостно устанавливает собственную систему управления в Румынии и Болгарии; в меньших масштабах подобный контроль осуществляет-

ся в Венгрии, Чехословакии и Югославии. Она оккупирует восточные области Германии и Австрии. На Тихом океане Россия — несмотря на то, что участвовала в войне с Японией всего несколько дней — овладела Курильскими островами и Южным Сахалином, оккупирует Маньчжурию и Северную Корею, где русская система в самом худшем виде уже претворяется в жизнь».

Сотрудники Объединенного комитета стратегического обзора признавали, что были недостаточно осведомлены о запросах России, но знали о ее целях в отношении северо-востока Турции, Дарданелл, Додеканесских островов, острова Медвежий и архипелага Шпицберген. «Последние требования России, обозначенные в Лондоне, — говорилось в документе, — видимо, включают в себя пункты о предоставлении права опеки над территориями в Африке, стабилизации положения СССР на Балканах и скоординированного подхода к оккупации и управлению Японией... Совершенно очевидно, что подобные требования России стали возможны вследствие ее недавних успехов и, в свою очередь, отражаются на ее агрессивном поведении». Слабостью позиции России являлась, по оценке авторов документа, необходимость получения ею американской помощи для послевоенной реконструкции своей экономики.

Руководство Объединенного комитета стратегического обзора считало, что американские начальники штабов обязаны срочно пересмотреть все военно-стратегическое положение США, исходя из политики, проводимой Россией за последнее время. В связи с этим замечалось, что «США не могли бы успешно воевать с Россией, например, на Балканах или в Турции и, возможно, в Южной Корее. Но, если где-либо существует предел русским требованиям, мы должны знать, где может быть проведена ограничительная линия, и проэкзаменовать при этом свои военные возможности. Мы также должны быть уверены, что не будем осуществлять быстрое сокращение своих вооруженных сил, поскольку это сделает невозможным защиту такой линии». Считалось возможным, что Россия может устремиться к

контролю над Европой (сравнимому с германским), Восточным Средиземноморьем, Персидским заливом, Маньчжурией, Северным Китаем и Кореей. Рекомендовалось: поручить Объединенному штабу планирования в качестве дела первостепенной важности изучить настоящие и перспективные военные возможности США и «определить те регионы мира, где эти возможности будут достаточными, чтобы успешно противостоять агрессивным намерениям России». Результаты изучения предназначались для руководителей военного и военно-морского ведомств с той целью, чтобы они, «согласовав свою точку зрения с мнением государственного секретаря, сделали совместное представление для президента»³⁹⁵.

15 октября 1945 г. Комитет начальников штабов США одобрил рекомендации Объединенного комитета стратегического обзора³⁹⁶. А уже 17 октября Объединенный комитет военного планирования поручил Объединенному разведывательному комитету провести срочное изучение военных возможностей США в противовес «русским агрессивным намерениям»³⁹⁷. 18 октября секретариат JIC издал меморандум, в котором отмечалось, что Комитету приказано подготовить оценку политической ситуации в России, ее целей и возможностей вести экспансию, имея в виду, что война может начаться к 1 января 1948 г., — либо примерно в это время. Упор предстояло сделать на наступательных возможностях СССР, его способности произвести атомное оружие в ближайшие десять лет, шансах советской экономики выдержать большую войну в течение следующих пяти лет³⁹⁸. 20 октября секретарь Объединенного комитета военного планирования Дж. Хиллис направил в JIC еще один меморандум, в котором говорилось следующее: «От Комитета требуется, чтобы он считал делом первостепенной важности предоставить список из 20 наиболее важных целей в России и подчиненных ей территориях, подходящих для стратегической бомбардировки. Цели определить независимо от дислокации баз, откуда будут направлены бомбардировщики. Такая информация долж-

на быть дополнена картой, пригодной для воспроизведения в фотографической форме. Информация требуется до 12.00, среды, 24 октября 1945 г.»³⁹⁹

Доклад о 20 наиболее важных советских объектах, выбранных для стратегической (ядерной) бомбардировки в указанный срок, видимо, был подготовлен, хотя отдельного документа по этому вопросу в архиве найти пока не удалось. Но список из 20 городов СССР (политических, промышленных и культурных центров), вместе с приложенной к нему картой, содержится в материалах доклада JIC от 3 декабря 1945 г., как составной части новой 329-й серии докладов о возможностях и уязвимости СССР. О нем будет сказано несколько позднее.

В меморандуме, направленном в JIC Дж. Хиллисом 22 октября, говорилось, что необходимо также срочно подготовить ответы на следующие специфические вопросы: «а) русские цели, и б) русские возможности. Каждый пункт расписать применительно к Латинской Америке, Исландии, Гренландии, о-ву Медвежий и архипелагу Шпицберген, Западной Европе, Балканам, Африке, Восточному Средиземноморью, Турции и Малой Азии, Ближнему Востоку (район Персидского залива), пограничным с Индией государствам, Северному Китаю, Маньчжурии, Корею, Японии»⁴⁰⁰.

В конце октября 1945 г. представителям Объединенного комитета военного планирования, а затем и американским начальникам штабов продолжали поступать разведывательно-аналитические материалы JIC, подготовка которых была намечена еще в конце августа 1945 г. (т.е. переработанные с учетом новых данных о возможностях и намерениях СССР материалы 250-й серии). Во внутренней переписке JIC — в документах Объединенного разведывательного штаба (JIS) этого Комитета — они шли под номером 80. Так, 26 октября был подготовлен доклад о «Советской послевоенной внешней политике». В нем, в частности, подчеркивалось, что «долгосрочной задачей СССР является распространение своего контроля на всю Евразию и пограничные ей области. Ближайшая цель — обра-

зование зоны полной безопасности вдоль своих границ. Все это требует ограничения экономической зависимости, существовавшей до войны, сближения с культурными ценностями Западной Европы и англо-американского мира, создания «демократических» (отмечено кавычками составителями доклада. — М.М.) правительств, дружественно относящихся к СССР». «Россия добилась многого в обеспечении своих стратегических позиций, — отмечали разработчики документа, — однако в Европе абсолютно эффективной зоны безопасности она пока не создала. Эта зона будет неполной, пока Турция кардинально не ослаблена, а Греция и Италия не нейтрализованы как аванпосты Британской империи. Следовательно, эти страны будут объектом продолжающегося советского давления в ближайшие десять лет».

Разработчики документа приводили в этой связи примеры советских требований относительно ревизии Конвенции Монтрё и передачи СССР турецких городов Карс и Ардаган. Далее говорилось о советских претензиях на опеку в различных уголках мира: в Средиземном море, Северной Африке, в регионах Ближнего и Дальнего Востока и др. Делались прогнозы, согласно которым к 1956 г. Советский Союз сможет добиться, по крайней мере, совместного участия в контроле над такими пунктами Средиземноморья, как, например, Танжер. Говорилось о том, что СССР, возможно, не выведет свои войска из Кореи, пока не обеспечит в ней проведение выборов по собственному сценарию, и будет традиционно симпатизировать антиколониальным движениям в Индии, Бирме, Индокитае, Голландской Индии, на Филиппинах и других регионах. И это станет продолжением антиимпериалистической линии, направленной против Британии, Франции и Нидерландов⁴⁰¹.

1 ноября 1945 г. в секретариат JIS поступил доклад «Послевоенная экономическая политика и экономические возможности СССР», подготовленный в службе военной разведки. Его текст предназначался для дальнейшей доработки аналитических материалов Объединенного раз-

ведывательного комитета. Авторы доклада указали на ряд противоречий в экономическом положении Советского Союза и выделили главные тенденции в развитии страны на ближайший период. СССР, по их оценкам, вышел из войны значительно ослабленным, хотя по запасам сырья остается богатейшим государством мира. Он вступил в войну достаточно «сырой индустриальной державой», был отброшен в экономическом отношении примерно на десять лет назад, и только благодаря мобилизации всех своих ресурсов, происходившей с помощью импорта по программе ленд-лиза, смог одержать победу. Результатом войны стал тот факт, что с политической точки зрения Россия сейчас намного сильнее, чем с экономической. В докладе отмечалось, что советские лидеры признают хозяйственную слабость своей страны и желают восстановить ее как можно скорее. На будущее они планируют широкомасштабную индустриальную экспансию, которая позволит не только наилучшим образом использовать ресурсы России и обеспечить ее военную безопасность, но и повысить уровень жизни населения до уровня, более соответствующего роли страны как одного из мировых лидеров.

«В течение следующих 20 лет, — говорилось далее, — при условии успешного выполнения этой программы, Советский Союз достигнет большого прогресса и станет второй по экономическому развитию державой мира. СССР сегодня находится даже в лучшей позиции для быстрого экономического рывка, чем до начала войны. Это правда, что во многих отношениях четыре года войны действительно отбросили страну назад... Но в то же время получили развитие новые отрасли индустрии, новые технологии, были открыты и стали эксплуатироваться новые источники дохода... Сейчас СССР находится в таком положении, когда одновременно с реконструкцией существующих промышленных районов в течение 10 лет он может создать намного более сильную экономику».

Составители доклада предполагали, что экономическая мощь СССР будет повышаться не только за счет собст-

венных ресурсов, но и использования взятых им под контроль территорий — Прибалтики, Финляндии, Польши, Чехословакии и Румынии. Посредством взимания репараций, заключением выгодных торговых договоров Россия обеспечит себе преимущественные экономические позиции в Восточной Европе, улучшит тем самым свое собственное хозяйство и вряд ли допустит возвращение этого региона к предвоенной экономической зависимости от Западной Европы⁴⁰².

Следует заметить, что сотрудники американской военной разведки довольно объективно просчитывали среднесрочный экономический потенциал СССР. Однако оставался открытым вопрос о том, во что может обойтись самой России контроль над определенными областями Восточной Европы в более отдаленной перспективе, и как это обстоятельство может повлиять на темпы роста промышленности, сельского хозяйства, в конце концов, на уровень жизни в СССР, в условиях быстрого технологического прорыва в западных государствах — прежде всего в США. Практически незатронутыми остались и проблемы различий в социально-экономических моделях двух систем, экономико-географическом положении двух стран и связанные с этим особенности развития хозяйства.

Разведывательные службы США прогнозировали, что СССР, несомненно, в ближайшем будущем будет поддерживать объем своей оборонной промышленности, но в то же время намерен осуществить большую программу реконверсии. Формулируя выводы относительно будущих экономических возможностей России, составители доклада пытались увязать их с прогнозом военно-политического курса Москвы. Так, отмечалось: «А) Советская внешняя политика будет избегать вовлечения СССР в большую войну. Б) СССР будет стремиться создать и оснастить крупнейшую армию в мире. В) Советская экономика будет работать на уровне своих возможностей. Г) Развитие производства не превысит максимум, достигнутый в период предвоенных пятилетних планов. Д) СССР будет импортировать мате-

риалы с той же интенсивностью, как это было в первые годы пятилеток. Этот импорт будет финансироваться за счет экспорта или золотого запаса. Однако если сейчас и невозможно определить, будут ли доступны для СССР иностранные кредиты, никаких запросов о зарубежной помощи для своей экономики Москва не делала»⁴⁰³.

Через несколько дней, 5 ноября, сотрудники JIS получили для анализа еще один доклад службы военной разведки, касающийся «внутренних факторов, влияющих на стабильность советского режима». В нем утверждалось, что «самая большая слабость советской политической системы, влияющая на мораль населения, проистекает из противоречий между демократической конституцией и олигархической администрацией». Американские разведчики критиковали отсутствие демократии в процедуре выборов в Верховный Совет СССР, состояние юридической системы, реальное положение с правами человека, свободой слова, религии и т.д. В то же время подчеркивались высокая степень лояльности населения к своему правительству, достижения за последние годы в области медицины, образования, социального обеспечения и т.д. Прогнозировалось изменение в пропаганде отношения Москвы к бывшим западным союзникам. Говорилось, что «неудачное завершение сессии СМВД в Лондоне поставило советский режим перед первым серьезным пересмотром своей международной политики... Статус Молотова в течение ближайших нескольких месяцев может дать ключ к разгадке внутренних процессов, хотя представляется маловероятным, чтобы изменения во внешней политике могли серьезно повлиять на стабильность режима... Следующим ходом советской пропаганды может стать характеристика западных держав как «недемократических, капиталистических режимов», за которым последует возвращение к доктрине “капиталистического окружения”, знакомой по концу 1930-х годов, когда СССР отрицал любую общность интересов с западным миром»⁴⁰⁴.

Нельзя сказать, что представители военной разведки слабо разбирались в основных направлениях внутренней и внешней политики Советского Союза и особенностях его режима. Тем не менее, некоторые их заключения выглядели достаточно тенденциозно и изначально проистекали из неприятия ценностей противоположной системы. Такое отношение предопределяло, например, однозначно критическую трактовку поведения Москвы во время предвоенного политического кризиса.

Во второй половине ноября 1945 г. в Вашингтоне были подготовлены и другие аналитические разработки, в которых рассматривались потенциальные возможности и намерения СССР, вероятные направления будущей экспансии России, и в то же время говорилось о существующей слабости ее вооруженных сил, особенно стратегической авиации и ВМФ. 3 декабря JIC представил на рассмотрение Объединенного комитета военного планирования (для последующей передачи американским начальникам штабов) доклад под номером 329/1. В нем содержалась информация с приложенной картой-схемой о 20 наиболее важных объектах (городов) на территории СССР, отобранных для атомной бомбардировки на случай «агрессивных военных акций Советского Союза, в которые будут вовлечены и Соединенные Штаты». Этот материал готовился исходя из упомянутого выше поручения в JIC конца октября 1945 г.

Доклад назывался «Стратегическая уязвимость СССР в случае ограниченной авиационной атаки». Его составители рассчитывали использовать против Советского Союза от 20 до 30 атомных бомб, полагая, что Великобритания будет являться союзником США и предоставит им необходимые авиационные базы. Они высоко оценивали потенциал советских сухопутных сил, способных вести широкомасштабное наступление, прежде всего, на пространстве Европы и в то же время указывали на отсутствие у Красной армии необходимых средств для осуществления крупных десантных операций. При выборе целей для ядерной бомбардировки предлагалось «рассматривать проблему в

свете трех отличительных аспектов, дающих возможность говорить о вероятной советской агрессии: 1) способность [СССР] атаковать непосредственно Соединенные Штаты; 2) наступательные возможности СССР в Европе и Азии; 3) способность СССР в долгосрочной перспективе увеличить и развить свои ресурсы до такого размера, когда при определенных обстоятельствах станет возможным атаковать США или обеспечить свою оборону против атаки Соединенных Штатов...»⁴⁰⁵

Представители ИС признавали, что «Советский Союз в течение ближайшего будущего не может атаковать континентальную территорию США. Обладая слабым военноморским флотом и второсортным торговым флотом, советские силы не в состоянии проводить заокеанские операции. Против Соединенных Штатов, например, Советам придется перебрасывать армию на расстояние в 4000 миль, чтобы атаковать противника, обладающего сильным флотом, мощными ВВС и десятикратным превосходством в производстве стали. Специфическое оборудование и техника для проведения десантных операций в СССР должным образом не готовились. Около 5 лет понадобится Советам, чтобы развить производство ракет, способных преодолевать океан, и еще больше времени для создания дальнего бомбардировщика типа Б-29... В случае начала боевых действий в Европе, на Ближнем или Среднем Востоке Советы будут иметь большой перевес в численности войск против США, или даже против США, Британии и Франции вместе взятых. (Последняя комбинация представляет максимально возможную коалицию, вероятно способную противопоставить Советам значительные силы.) Когда началась битва за Вислу (Висло-Одерская операция Красной армии в январе 1945 г. — *М.М.*), советские войска превосходили германские в отношении 2,5:1. Теперь против западных держав Советы будут иметь, по крайней мере, такое же соотношение сил, а если продолжится наша демобилизация, то их превосходство будет значительно большим. Советы будут ста-

раться одержать верх над противником безрассудным использованием своего численного превосходства...»

В отношении Дальнего Востока расчеты разведки были несколько иными. Здесь не ожидалось советского численного превосходства и говорилось об уязвимости транссибирской транспортной артерии. Наибольшей слабостью России считалась авиация. Отмечалось, что в боях с вермахтом она смогла лишь эффективно поддерживать наземные части, но не располагала возможностью осуществлять массированные бомбардировочные рейды. В этом смысле американские ВВС стояли неизмеримо выше советских и могли в случае войны нанести существенный урон тыловым коммуникациям русских, замедляя темпы их наступления. Бесплезным считалось нанесение авиацией США стратегических ударов в прифронтовой полосе (где войска обычно рассредоточены на большой территории), равно как и по незначительным силам советского ВМФ. Атомная бомбардировка транспортных коммуникаций СССР могла принести очень хороший результат, однако ядерных бомб было пока мало, и уничтожение транспортной сети полагалось возложить на «другие способы авиационных атак».

На наш взгляд, эти прогнозы имели принципиальное значение. И хотя в рассматриваемых документах немало говорилось об агрессивности СССР и военной угрозе для США, такой угрозы, как признают авторы документа, не существовало. Политика конфронтации и гонки вооружений имела целью не допустить, чтобы СССР создал надежный щит для своей обороны.

Наиболее подходящими целями для атомного оружия в документе назывались центры промышленного производства, государственной власти и развития наукоемких областей. Города, выбранные для атомной бомбардировки, перечислялись в такой последовательности: Москва, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Молотов, Тбилиси, Сталинск, Грозный, Иркутск, Ярославль. Москва рассматривалась как крупней-

ший административный, научный и промышленный центр, где создавалось 13% самолетов, 43% тракторов, 15% меди и т.п. Куйбышев — центр бактериологических исследований и производства 22% авиации. Баку — центр 61% добычи и 49% переработки нефти, Тбилиси — столица Грузинской ССР, научно-исследовательский центр, производящий 3% самолетов, Грозный — город, где перерабатывалось 11% нефти и располагались крупные машиностроительные предприятия и т.д. В целом, в 20 обозначенных городах выпуск продукции в процентном отношении ко всей стране составлял: по самолетам — 90, стрелковому оружию — 73, танкам — 86, тракторам — 88, стали — 42, сырой нефти — 67, переработанной нефти — 65, алюминию — 25, меди — 15, цинка — 44 процента⁴⁰⁶.

Одним из важнейших вопросов, связанных с разработкой докладов Объединенного разведывательного комитета, равно как и документов Объединенного комитета стратегического обзора и других организаций в рамках Комитета начальников штабов США во второй половине 1945 г., является выяснение степени информированности о них высшего военно-политического руководства Соединенных Штатов, а следовательно, и предположений о значимости этих документов для принятия решений на «высшем уровне». Этот вопрос, в должной мере, еще не исследован историками разведки США. Так, Л. Валеро признает, что доподлинно неизвестно, достигали ли оценки JIC (JIS) стола президента США. «Эти оценки, — пишет он, — имели ограниченное хождение в рамках Объединенного разведывательного комитета. Расчет рассылки послевоенных докладов JIC, обычно включал в себя представителей различных служб Комитета, секретаря Комитета начальников штабов, руководителей Объединенного комитета военного планирования, Объединенного комитета стратегического обзора, Объединенного штаба планирования и др. После того, как доклады JIC приходили в Комитет начальников штабов, их зачастую перенумеровывали и отдавали на рассмотрение руководителям трех видов вооруженных сил... Если

оценки JIC и поступали на стол президенту Трумэну, то делалось это, скорее всего, через адмирала Леги, начальника штаба при президенте США, который был также в числе получателей этих докладов...»⁴⁰⁷ Другими словами, военные руководители США могли доводить до Трумэна (и вероятнее всего делали это) материалы разведывательно-аналитического характера о Советском Союзе в сжатом виде, выделяя основные моменты их содержания и важнейшие рекомендации. Скорее всего, не они, а доклады и меморандумы ответственных лиц из внешнеполитического ведомства США, конкретно Дж. Бирнса, А. Гарримана и Дж. Кеннана, имели приоритетное значение. Однако влияние военных на внешнюю политику Белого дома в условиях появления на сцене нового сильного оппонента в лице Советского Союза и освоения атомного оружия, безусловно, оставалось высоким и явилось важнейшим моментом в деле формирования послевоенной политики и стратегии США и их союзников. Л. Валеро отмечает, что доклад JIC № 329 (доклад о «Стратегической уязвимости СССР в случае ограниченной авиационной атаки». — М.М.) стал, вероятно, основой для подготовки наиболее ранних из известных нам планов ядерной войны против СССР⁴⁰⁸.

Есть и другое мнение о позиции США в вопросе использования атомной бомбы и оценках Вашингтоном возможностей Москвы во второй половине 1940-х годов. Его высказал американский историк Дж. Гэддис. Задаваясь вопросом, почему Соединенные Штаты не прибегли к превентивной войне против Советского Союза, чтобы сделать невозможным достижение им паритета в ядерной области, он заостряет внимание на следующих обстоятельствах. Начальники штабов вскоре после Хиросимы и Нагасаки рассматривали вопрос о том, что военные акции могут привести к перманентной ядерной монополии США. Но их идеи на этот счет вели в никуда. С одной стороны, по мнению Гэддиса, это определялось беспокойством об имидже нации: американцы не начинают войны. «А если впоследствии и были отдельные разговоры об атаке СССР с целью

ликвидации его потенциала в ядерной сфере, то они всегда велись в контексте того, что произойдет после того, как сорвутся все усилия по организации международного контроля над атомным производством, или после того, как СССР станет обладать возможностями атаковать США или их союзников»⁴⁰⁹.

Объективность суждений Гэддиса стоит подвергнуть сомнению. Во-первых, за всю свою историю США участвовали во многих войнах и конфликтах, большинство которых были отнюдь не оборонительными. Во-вторых, разговоры о превентивном ударе против СССР носили, как мы видим из приведенных выше документов, совершенно конкретный характер, и оформлялись они в реальные планы нанесения атомных ударов по СССР, в результате которых погибли бы миллионы советских людей, разрушены десятки городов, уничтожены промышленные предприятия, работающие не только на достижение ядерного паритета, но и производящие многие виды продукции, в том числе и мирную. Далее Гэддис пишет о том, что в США в конце сороковых годов не было достаточного количества ядерных припасов, и американское руководство не было уверено в победе, если США начнут превентивную войну. Но и в этом суждении историк грешит тенденциозным изложением фактов. Так, он говорит о низких темпах наращивания атомного оружия в Соединенных Штатах, о наличии к марту 1947 г. в американском арсенале только 14 бомб, а к весне 1948 г. — «только 50 неуклюжих и несобранных зарядов, и только 30 бомбардировщиков Б-29, способных нести их»⁴¹⁰. Однако здесь стоит задуматься над вопросом: если США всего за один год сумели нарастить свой ядерный арсенал с 14 до 50 бомб, разве это не достижение атомной промышленности государства? Разве Трумэн не понимал, что и 14, а тем более 50 бомб могут нанести гигантский урон СССР? Кроме того, даже без нанесения самих ударов, сам факт обладания ядерной монополией давал США огромные преимущества в силовом отстаивании своих интересов по всему миру, и прежде всего на евро-

пейском континенте. К тому же все это происходило на фоне понимания в Белом доме невозможности для СССР каким-либо образом атаковать собственно американскую территорию.

Гэддис говорит и о достаточно реалистичной позиции военных, понимавших, что вслед за ядерными ударами по СССР будут возможны ответные действия советских сухопутных войск на пространстве Европы. Но в то же время вскользь упоминает, что военное ведомство отнюдь не исключало своей победы в гипотетической войне. Так, он пишет, что военный министр Джеймс Форрестол заявлял: «победить русских — это одно дело, но что делать с ними потом — это совершенно другая проблема»⁴¹¹. Из этого можно заключить, что мнение об СССР как о государстве-противнике, которое желательно разрушить ради превращения в жизнь американских интересов, было широко распространено в руководстве США. Вопрос заключался в отсутствии планов ведения дел с оставшимися в живых советскими людьми на завоеванных землях. Логика вполне прагматичная и для раннего периода холодной войны неудивительная. Однако историк упускает из виду одно из главных обстоятельств, удерживавших американское политическое и военное руководство от нанесения удара по СССР. Это громадный престиж советского государства во всем мире, благодарность к нему за освобождение от фашистской тирании миллионов людей. Любой удар по СССР в этих условиях, даже при тщательно продуманной пропаганде негативного образа страны, был бы воспринят в мире, в том числе в западных странах, как явная агрессивная акция, отказ от мирного диалога и от принципов, которые выдвигал и отстаивал Рузвельт.

* * *

Летом 1945 г., пока еще не была разгромлена Япония и отношение к СССР со стороны американских начальников штабов не было окончательно определено, конфронтационных в своей основе планов, где главным противни-

ком считалась Красная армия, ими еще не выдвигалось. Однако к октябрю 1945 г. ситуация изменилась самым кардинальным образом — военной помощи от Москвы более уже не требовалось. Все это происходило на фоне ядерной монополии США, роста противоречий с Советским Союзом по ряду политических и территориальных вопросов, отсутствия компромисса на заседаниях СМВД в Лондоне. Как пишет известный американский историк М. Столер, «только на этой стадии американские начальники штабов и их планировщики начали ясно воспринимать Советский Союз как своего противника, а не союзника в послевоенном мире... В самом деле, во многих отношениях они запоздали с подготовкой планов для нового крестового похода. Несмотря на то, что некоторые военные в течение всей войны призывали к политике противостояния, начальники штабов строго придерживались линии на сотрудничество, по крайней мере, до апреля 1945 г. Коллапс Германии, произошедший одновременно со смертью Рузвельта и нарастанием советско-американских трений, положил начало пересмотру и изменению этой линии... Когда же начальники штабов пришли к выводу, что СССР может представлять угрозу, перемены в их поведении были достаточно драматические; к началу 1946 г. планировщики произвели на свет первый проект плана ядерной войны против Советского Союза»⁴¹².

К 1948 г. в Соединенных Штатах был разработан уже целый набор планов удара по СССР с использованием ядерного оружия. В одном из первых — «Пинцерз» («Клещи») 1946 года, предусматривалось применение уже 50 атомных авиабомб⁴¹³. Кроме того, влияние американских генералов сказалось на решениях о создании сети военных баз США по всему миру — прежде всего в непосредственной близи от территории СССР. Испытание советской атомной бомбы в 1949 году изначально не побудило Вашингтон отказаться от своих планов — слишком велико пока было их превосходство в ядерной сфере. Реальное осознание, к чему может привести атомная война, возникло позднее,

по мере усиления военного потенциала Советского Союза. Возможно, тогда американские руководители вспомнили слова Альберта Эйнштейна по поводу вновь изобретенных средств уничтожения человека: «Я не знаю, каким оружием будет вестись третья мировая война, но в четвертой мировой будут сражаться уже палками и камнями»⁴¹⁴.

Действия СССР в Восточной Европе с целью создания «пояса безопасности» на западных границах страны, борьба за влияние в других частях мира вызывали крайне негативную реакцию США. Вашингтон особенно опасался за свои интересы в Турции и Греции. Эти страны рассматривались как регион наиболее вероятного военного столкновения двух систем. Дальнейшие события относятся к развитию холодной войны выходят за рамки данного исследования. Напомним лишь, что еще 27 октября 1945 г. Трумэн произнес в Нью-Йорке речь, в которой подчеркнул, что все рассуждения о сокращении армии и флота США в связи с наличием у Америки атомной бомбы абсолютно неверны, и что Белый дом не собирается делиться с кем-либо секретом изготовления ядерного оружия.

В начале 1946 г. в Вашингтоне шел активный процесс разработки новых основ внешнеполитической линии в отношении СССР. Наиболее четко они были изложены в т.н. «длинной телеграмме» поверенного в делах в Советском Союзе Дж. Кеннана государственному секретарю США от 22 февраля 1946 г. Кеннан писал о продолжении экспансионистских традиций России, к которому теперь добавлялось стремление марксизма-ленинизма расширить свое влияние в мире, указывал на желание Москвы подорвать гармонию западного общества и ослабить международные позиции США⁴¹⁵. Вскоре телеграмма Кеннана была опубликована во влиятельном журнале «Форин афферс». Профессор В.Л. Мальков отмечает, что «историки внешней политики и дипломатии США единодушны во мнении: ни один другой документ не оказал такого сильного влияния на официальные круги и американское общественное мнение, как это случилось с «длинной телеграм-

мой"... [Она] по сей день рассматривается как ключевой документ в концептуальном оформлении американской политики "сдерживания" коммунизма»⁴¹⁶. Действительно, американское политическое руководство одобрительно воспринимало мнение Кеннана, поскольку оно хорошо укладывалось в уже меняющийся на конфронтационной основе внешнеполитический курс США по отношению к СССР. Хотя сам американский дипломат, по мнению В.Л. Малькова, «по-видимому, недооценил, сколь стремительно восприятие Советского Союза новым политическим руководством в Вашингтоне... будет претерпевать изменения под знаком воссоздания образа непримиримого врага»⁴¹⁷. В свою очередь, на политику Москвы в отношении США и Великобритании большое влияние произвела речь У. Черчилля в присутствии Трумэна в Фултоне (США) 5 марта 1946 г., где он говорил о «железном занавесе», опустившемся на Европу, необходимости объединении народов, говорящих на английском языке. В Кремле полагали, что внешняя политика Америки отражает империалистические тенденции, и стремиться обеспечить для США мировое господство. Все силы американской армии, флота, дипломатии и весь научно-промышленный потенциал брошены теперь на выполнение этой задачи. Такие мысли были высказаны, в частности, в аналитическом обзоре, подготовленном советским послом в Вашингтоне Н. Новиковым в конце сентября 1946 г. по запросу министра иностранных дел В. Молотова⁴¹⁸.

Курс на глобальное противостояние двух сверхдержав все масштабнее отражался в действиях США и СССР, использовавших идеологию для поддержки своих геополитических интересов. Москва продолжала укреплять свое влияние в восточноевропейских странах, опираясь на прокоммунистические силы. В марте 1947 г. Трумэн обратился к конгрессу с просьбой срочно выделить крупную сумму (400 млн долларов) Греции и Турции для борьбы с «коммунистической опасностью» и отправить туда необходимый воинский и гражданский контингент. Президент, по сути, провозгласил новую доктрину (она получила название

«доктрина Трумэна»), в которой говорилось о разнице в образе жизни народов западного мира и советской системы. Роль США, указывалось далее, приобретала в этих условиях глобальный характер — ответственность в противодействии СССР и распространению коммунизма. Для стран Западной Европы наиболее существенным фактором первых лет послевоенного экономического развития явилось предоставление им 17 млрд долларов американской финансовой помощи по «плану Маршалла» (июнь 1947 г.). В 1946 г. прекратились поступления репараций в Советский Союз из западных областей Германии, где вскоре произошло слияние американской и английской оккупационных зон, образование «бизонии», а затем «тризонии» (вместе с французской зоной оккупации), что завершило раздел Германии и привело к образованию на ее территории двух государств с противоположными социально-экономическими системами — ФРГ и ГДР. О сотрудничестве в годы Второй мировой войны в Москве и Вашингтоне теперь предпочитают упоминать лишь в крайних случаях. Взаимоотношения США и СССР претерпевали эволюцию на конфронтационной основе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискуссии о причинах эволюции американских взглядов на послевоенный мир и роль, которую играл СССР в европейских делах, истоках изменений, происходивших в американско-советских отношениях в 1941—1945 гг., будут, вероятно, продолжаться еще долгое время. Исследуя расчеты, суждения, конкретные действия американской стороны, мы всегда будем выделять фигуры Рузвельта, его приемника Трумэна, а также представителей их ближайшего окружения. Никто не может отрицать тот непреложный факт, что Ф. Рузвельт был последовательным проповедником универсальной системы коллективной безопасности, критически переосмыслившим деятельность в 1920—1930-х гг. предшественницы ООН Лиги Наций и обоснованно считавшим, что безопасность народов в будущем должна зависеть, главным образом, от великих держав. Действительно, другой альтернативы системе коллективной безопасности, получившей свое воплощение в Уставе ООН, принятом на Сан-Францисской конференции, на тот момент у мирового сообщества просто не существовало. Был создан и реальный орган, ответственный за принятие и контроль важнейших резолюций, — Совет Безопасности ООН. В него вошли пять постоянных членов — СССР, США, Великобритания, Китай и Франция, которые принимали решения по принципу единогласия. Рузвельт высоко ценил взаимодействие Америки с Россией и свои личные отношения со Сталиным. Но именно факт становления России как одной из двух послевоенных сверхдержав предопределил неизбежное столкновение интересов США и СССР, которое проявилось, прежде всего, на пространстве Европы.

Рузвельт по праву считается главной фигурой в становлении курса Вашингтона на сотрудничество с Москвой

в 1941—1945 гг., лидером, выступавшим за развитие взаимовыгодных связей между двумя странами в послевоенное время. Но, несмотря на то определяющее влияние, которое оказывал президент на внешнюю политику США, рядом с ним действовали как сторонники, так и противники сотрудничества с СССР. Против политики на более тесное сближение с Москвой выступали многие влиятельные конгрессмены, представители различных национальных меньшинств, проживающих в Америке (в том числе этнические поляки); критика Советского Союза в США исходила и от католической церкви. Целью этих кругов было ужесточение американского курса в диалоге с СССР. Кроме того, отношение Рузвельта к России и к ее участию в послевоенном устройстве Европейского континента не было заранее predetermined. В его суждениях о СССР переплетались элементы стратегии, геополитики и идеологии. Он видел возможности сотрудничества с Советским Союзом и его опасность для американских интересов. Рузвельт размышлял о глобальной системе послевоенной безопасности, Организации Объединенных Наций, но находился под давлением военно-промышленного комплекса США, который в перспективе вел страну к утверждению силового господства США в мире. Все эти моменты заставляют несколько по-иному посмотреть на личность самого Рузвельта в контексте советско-американских отношений военного времени, еще раз задуматься о мотивации его решений в европейских делах.

Решающим образом на позиции президента сказывалось положение на фронтах войны, сила противостояния СССР германской агрессии, его способность не только выдержать удар Германии, но и организовать успешное наступление. И если в начале войны перед Вашингтоном стояла задача удержать СССР в борьбе, получить гарантии его дальнейшего сопротивления агрессорам, то на рубеже 1943—1944 гг. у многих западных политических деятелей, в том числе у Рузвельта, возникли опасения ведения Москвой самостоятельной игры в европейских делах, про-

творечащей широким военно-политическим и экономическим интересам США. Тем не менее, как Рузвельт, так и Черчилль на протяжении всей войны чрезвычайно нуждались в неослабном сопротивлении, а затем и наступления Красной армии на германский вермахт в Европе. Советский Союз был необходим им и для скорейшего завершения войны на Тихом океане. В подобной ситуации они вынуждены были считаться с интересами СССР, поскольку главные судьбы войны продолжали решаться на советско-германском фронте.

В основу противостояния СССР и США в годы холодной войны легли противоречия геополитического характера. Но эти противоречия, утягивая на дно бывшее военно-политическое сотрудничество двух стран, все более обрастали грузом идеологических, социально-экономических, культурных разногласий — факторами, которые на последующих этапах зачастую становились решающими в выборе вариантов поведения сторон на международной арене. Что касается многих представителей политической элиты США, то корни их враждебности к СССР и его строю оказались весьма живучи. Все это проявилось в новых условиях окончания войны в виде ожесточенной критики действий Москвы и призывов поставить заслон коммунизму, несмотря на все предыдущее сотрудничество. Более того, саму эскалацию холодной войны невозможно понять, не учитывая стремление Вашингтона и Москвы распространить свою систему ценностей на другие регионы мира. Но все эти моменты в полной мере проявились уже в период жесткого противостояния двух сверхдержав.

Может показаться, что ракурс, под которым из Вашингтона смотрели на Москву, сделав оборот вокруг своей оси, снова, как и в конце 1930-х годов, встал на негативную спираль. Действительно, в США вновь были взяты на вооружение старые схемы об угрозе коммунистической революции, отсутствию в СССР реальной свободы слова, вероисповедания, выбора в представительные органы и т.п. И в СССР не замедлили вернуться к резкой критике капитали-

стических порядков, рыночных отношений и империалистических устремлений (теперь, главным образом, американских). Однако вся ситуация была намного сложнее. К началу 1946 г. в мире изменилось очень многое: изменилась роль как России, так и США, появилось атомное оружие. Два государства, исповедующих различные идеологии и имеющие различные социально-политические системы, сделали огромный рывок в укреплении своего военного потенциала. Разразившаяся холодная война, тем не менее, не переросла в новую мировую войну. Создание в СССР атомного оружия и достижение в последующем ядерного паритета с США имели решающее значение. Другим таким фактором являлся новый, трансформированный взгляд США на мир и своего союзника-оппонента — Советский Союз. Теперь это была страна, которая имела мощнейшую армию и широкие возможности для развития своей экономики. Но в сравнении с американским потенциалом Россия оставалась страной, которая просто физически не могла в ближайшее время атаковать Америку. Само существование СССР (вместе со странами, находящимися под его влиянием) не воспринималось как смертельная и неустрашимая без военного вмешательства угроза жизненно важным интересам Соединенных Штатов и их союзникам. США, опираясь на свое экономическое превосходство, географическое положение и военную силу, могли распространять свое влияние на огромное пространство — вытесняя или заменяя на старых территориях некогда могучие европейские державы или осваивая новые рынки, остающиеся недоступными для СССР. Рост влияния Москвы необходимо было сдерживать, но сделать это было куда легче, опираясь на огромный финансовый капитал и ресурсы, которые не были истощены военными разрушениями и оккупацией. Особо важным являлся тот факт, что Америка сумела сохранить в войне свое молодое поколение, которое, вернувшись домой, включилось в развитие своей страны на всех доступных направлениях. СССР в этом отношении оказался в ущемленном положении. Его потери в войне бо-

лее чем в 50 раз превысили американские и страна была вынуждена до предела перенапрягать свои силы, чтобы восстановить экономику и устремиться вдогонку за индустриальным развитием США.

Подведем итоги. Американские оценки СССР в годы Второй мировой войны претерпевали изменения, варьировались в зависимости от положения на фронтах, поведения Москвы в международных делах, ее намерений в Европе, и в немалой степени зависели от позиции тех или иных американских деятелей. Многие оценки и прогнозы Вашингтона были на удивление верными, а некоторые, касавшиеся, в частности, советского потенциала в начале войны, оказались ошибочными. Главное, что сегодня необходимо подчеркнуть, — это всеобщий (за незначительным исключением) оценочный прагматизм верхушки американского руководства, который присутствовал и в годы существования Большого союза, но еще более возобладал после краха нацистской Германии и ее союзников. Реальным следствием этого прагматизма стало и затягивание открытия второго фронта, что повлекло за собой увеличение сроков войны и миллионных жертв Советского Союза, и неоднократные срывы поставок по ленд-лизу, и отказ от продолжения экономической помощи СССР после окончания войны, и многое другое. Возражения насчет того, что США в ряде моментов могли следовать в фарватере британской политики, не касаются существа проблемы. Действия англо-американского тандема не могли не вызвать в Москве подозрений в неискренности Вашингтона.

Взаимопонимание по вопросам большой политики, поиск компромиссов по территориальным проблемам становились все более сложной задачей. Заслуга президента Рузвельта состоит именно в том, что он, в отличие от Трумэна, был настроен именно на поиск подобных компромиссов, и как последователь Вильсона, равно как и прагматик, считал, что для будущего мирового устройства крайне опасно превращать Россию в осажденную крепость. У Рузвельта был свой особый взгляд на послевоенное устрой-

ство мира, в том числе на то, какое место в Европе должны занимать Соединенные Штаты и Советский Союз. За время своего нахождения в Белом доме он сделал немало, чтобы американцы стали смотреть на происходящие вокруг них события его глазами — сквозь призму именно его внешнеполитической концепции. Мало у кого сегодня могут возникнуть сомнения, что Рузвельт был искренен в своем стремлении сделать мир более безопасным, но эта безопасность, естественно, должна была в первую очередь обеспечивать интересы США. Альтернативой явилась политика конфронтации и гонки вооружений с непредсказуемыми последствиями для всего мира.

Приложение

Документы

Документ № 1

**МЕМОРАНДУМ КООРДИНАТОРУ ИНФОРМАЦИИ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ США ПОЛКОВНИКУ У. ДОНОВАНУ
О ПОТЕРЯХ И ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СОВЕТСКОГО
СОЮЗА, 12 сентября 1941 г.**

Меморандум полковнику У. Donovanу от Дж. Т. Робинсона.

Предмет: Географическое расположение промышленности СССР, потери индустриальных возможностей.

Выводы:

По причине недостатка времени, в настоящем меморандуме представлена лишь предварительная оценка потерь индустриальных возможностей Советского Союза, понесенных им в связи с продвижением фронта на восток. Выводы сделаны с учетом того, что ленинградский промышленный район сейчас не производит никакой продукции.

Материалы

Уголь
Нефть (сырая и очищенная)
Электрэнергия

Железная руда
Железный лом

Сталь

Марганец —

Никель
Алюминий
Медь

Машиностроение и другие
металлообрабатывающие
отрасли

Военные запасы и снаряжение
Самолеты, двигатели

Потери к настоящему времени

Не существенные
Не существенные
Существенные, но не
фатальные

Около 3/5
Тяжелые, но не фатальные
(между 1/4 и 1/2)

Тяжелые, но не фатальные
(между 1/5 и 2/5)

Около 1/3
Не фатальные
Около 3/5
Не существенные

Возможно 1/4
Смотри меморандум от 1937 г.
Смотри меморандум от 1940 г.
и часть 1 от 1941 г.

Данные оценки базируются в основном на официальных материалах, опубликованных советским правительством. В подготовке таблицы участвовал департамент торговли, получавший информацию от консульства США в Москве, и еще четыре департамента правительства. Ограниченное время, данное для подготовки настоящего документа, не позволило нам изучить официальные статистические материалы в полном объеме.

Дж. Т. Робинсон

G. Robinson to W. Donovan, September 12, 1941 // US. National Archives (Archive II, College Park, VA) (Далее: NA). RG 226. Reel 104.

Документ № 2

ВЫСТУПЛЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПРЕЗИДЕНТА США А. ГАРРИМАНА В ЭФИРЕ РАДИОКОМПАНИИ «СИ-БИ-ЭС» ПОСЛЕ ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ С ТРЕХСТОРОННЕЙ КОНФЕРЕНЦИИ В МОСКВЕ, 13 октября 1941 г.

Я хотел бы остановиться сегодня на двух вопросах, имеющих непосредственное отношение к нашей недавней поездки в Москву, — на двух вопросах, которые, на мой взгляд, являются самыми важными.

Во-первых, как так получилось, что проходит неделя за неделей, а русские продолжают сражаться, сдерживая огромную германскую военную машину? И все это вопреки оценкам наших военных экспертов, утверждавших ранее, что русские будут разбиты в самое короткое время.

И, во-вторых, будут ли русские, продолжать так сражаться и далее, сражаться независимо от того, что еще предпримет против них Гитлер?

Но вначале разрешите мне сказать несколько слов о том, с чем мы приехали в Москву.

Обе наши делегации, американская и английская, были посланы в Москву по прямому указанию президента США и премьер-министра Великобритании. Во главе британской делегации находился динамичный уроженец Канады лорд Бивербрук. Наши миссии имели одну главную цель — «вы-

яснить, в чем нуждаются русские, чтобы можно было быстрее послать им необходимые материалы».

Между прочим, мы обнаружили, что многие наши широко распространенные представления о русских далеки от истины. Мы просто не знаем, кто руководит их правительством. Бивербрук и я имели дело непосредственно со Сталиным. Ни один человек не смог бы работать так быстро и эффективно как он. И он был откровенен с нами. Он говорил нам прямо и открыто то, что мы хотели знать. Более того, членам наших делегаций удалось посетить те предприятия, которые они запрашивали, естественно, насколько это позволяло отведенное для этого время.

Наконец, вопреки всей ранее полученной информации, мы увидели, что кремлевские хозяева очень гостеприимны. Всякий раз, когда мы с Бивербруком приезжали на заседания в Кремль, нас встречали как друзей. Вместе со Сталиным в переговорах участвовал Молотов, а также Литвинов в качестве переводчика. К нашему взаимному удовлетворению мы пришли на переговорах к полному взаимопониманию. В качестве персональных гостей мы присутствовали на ужине в Кремле, организованном в честь наших миссий.

Итак, что же мы вынесли из нашей поездки, что увидели и что услышали?

Члены наших делегаций посетили несколько военных заводов, производящих различное вооружение и снаряжение. Нашим авиационным экспертам была предоставлена возможность увидеть, как налаживается использование нашей авиационной техники и оборудования.

Все эксперты говорят в один голос, что последнее поколение русских произвело на свет первоклассных механиков. Американские трактора широко используются в сельском хозяйстве. Заводы оснащены по последнему слову техники, с использованием на них лучшего американского оборудования. На них хорошо налажена организация всего производства. Лучшей работы я еще нигде не видел.

Относительно самих аэродромов, где еще много предстоит сделать в плане их оснащения, наши военные экс-

перты утверждают, что никогда еще не видели, цитирую, «таких опытных, изобретательных, находчивых и сильных духом людей». «Русские механики могут работать хоть под дождем, хоть под снегом, при любой погоде и круглые сутки». Русские летчики учатся летать на американских самолетах так же быстро и грамотно, как наши собственные или английские пилоты.

Итак, ответ на вопрос, почему Гитлер до сих пор не может разгромить Россию, достаточно очевиден. Неуклюжий русский мужик на самом деле оказался опытным механиком. Россия научилась работать с машинами. И нам совсем не нужно бояться за то, что случится с нашим оборудованием, самолетами, танками, которые мы туда посылаем. Русские прекрасно знают, какое им найти применение, как использовать их с наибольшим эффектом.

Россия обладает большим людским потенциалом. Все, в чем она нуждается, — это военные материалы и орудия труда.

Англичане отправляют суда в Россию сегодня и будут отправлять их завтра. Все это жизненно важно для всех нас, включая и Америку. Мы должны чувствовать свою ответственность.

Я хотел бы рассказать вам еще о духе этих людей. Духовная сила русского национализма вспыхнула сейчас с огромной силой. Сталина сейчас волнует только одна вещь — это русская нация. Если он говорит о каких-либо нуждах, то это нужды этой нации и ее надежды. Его, конечно, интересует, как русские будут развивать отношения с Британской империей и Соединенными Штатами, и он уверен, что мы найдем общий базис для того, чтобы работать вместе.

Когда мы прилетели в Москву, то чувствовали, что в голове у всех русских сидит пока один неразрешенный вопрос — намерены ли Америка и Англия действительно помогать России? Перед нашим отъездом я убедился, что Сталин получил ответ на этот вопрос. Несомненно, все, что он запрашивал от нас, будет поставлено.

Если русские солдаты, русские летчики будут продолжать получать необходимые им орудия, танки, самолеты,

они будут продолжать бороться с врагом. Мы не знаем, где проходит фронт в настоящую минуту. Мы не знаем, где он будет проходить завтра. Но я убежден, что, получая оборудование и военные материалы, Россия будет сражаться.

Radio Broadcast by W.A. Harriman from London over the Columbia Broadcasting System to the United States, October 13, 1941 // US. Library of Congress. Manuscript Division. W.A. Harriman Papers (далее — WAHP). Chronological file (далее — CF). Cont. 160.

Документ № 3

ИЗ ПАМЯТНОЙ ЗАПИСКИ ПРЕЗИДЕНТА США Ф. РУЗВЕЛЬТА О ПОСТАВКАХ ВОЕННЫХ МАТЕРИАЛОВ В СССР, 2 августа 1941 г.

На заседании Кабинета в пятницу я поднял вопрос о том, что прошло уже почти шесть недель с того момента, как Германия напала на Советский Союз, но мы не сделали практически ничего, чтобы обеспечить доставку необходимых русским материалов через Сибирь.

Честно говоря, если бы я был русским, то наверняка чувствовал бы сейчас, что американцы просто-напросто обводят меня вокруг пальца (...)

Я говорил русским, что разделяю вещи на две части: во-первых, это те материалы, которые могут быть поставлены на советский западный фронт к такому времени, что будут использованы в боях уже между 1 сентября и 1 октября; и во-вторых, те материалы, которые физически не могут быть поставлены туда до 1 октября. Я выбрал эти даты по причине нашего сомнения, что после 1 октября германские войска смогут продолжать в России активные операции в связи с началом дождей, снегопадов и морозов. И если немецкая армия будет сдержана до этого времени, Россия будет спасена по крайней мере до весны.

Действуйте!

Ф. Д. Р.

F. Roosevelt, Memorandum for WAYNE COY, August 2, 1941 // WAHP. CF. Cont. 160

Документ № 4

**ТЕЛЕГРАММА АМЕРИКАНСКОГО ПОСЛА В СССР
Л. ШТЕЙНГАРДТА В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ США
О БЕСЕДЕ С ЗАМЕСТИТЕЛЕМ НАРКОМА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
В. ДЕКАНОЗОВЫМ, 9 ноября 1941 г.**

Куйбышев. Для президента, мистера Хэлла, мистера Уэллеса.

Вчера вечером я имел продолжительную беседу с Деканозовым.

Деканозов, возможно, является наиболее доверенным лицом Сталина, чем кто-либо еще в его правительстве. В процессе разговора Деканозов высказал следующие мысли:

1. Для немцев станет невозможным захват Москвы и Ленинграда этой зимой, если русские силы смогут удерживать эти города еще в течении 30 дней.

2. В течение последней недели германский нажим усилился на определенных направлениях, но ослаб на других.

3. Немцы столкнулись с серьезными транспортными трудностями, вызванными как погодными условиями, так и продолжительностью кампании.

4. Недавно в плен был захвачен один из немецких солдат, которому оказалось меньше, чем 17 лет.

5. Этой зимой советское правительство столкнется с серьезными продовольственными трудностями.

6. Немцы собираются захватить на Украине больше зерна, чем на самом деле они смогут захватить. Хотя его количество станет больше, чем ожидало русское правительство.

7. Русские армии столкнулись с тяжелым недостатком материального обеспечения. Советские офицеры полагаются на поставки из Соединенных Штатов. По этому вопросу ими выражается сейчас определенное нетерпение.

8. Даже по масштабам СССР людские потери Красной армии чрезвычайно велики. Однако остаются еще огром-

ные резервы, которые в настоящее время направляются на формирование новых армий. Но эти армии не смогут проявить себя с лучшей стороны, если им не будет доставать материального обеспечения.

9. Беря в расчет эти резервы, потери, понесенные германской армией с начала кампании, являются более тяжелыми, чем советские потери.

10. Потери Германии в авиации велики. Если же принимать во внимание ее материальные резервы, то потери покажутся не столь значительными.

11. Военной индустрии Советского Союза нанесен серьезный удар. Выпуск продукции сейчас упал до самой нижней точки. Однако советское правительство продолжает перебазировать свои военные предприятия на восток, и можно рассчитывать, что часть из них заработает уже через три месяца или даже меньше.

12. Из состава русских войск на Дальнем Востоке было взято и отправлено на фронт значительное количество военных материалов. Однако те войска, которые остаются на Дальнем Востоке, способны вести жесткую оборону против любой атаки со стороны Японии. Со стороны Деканозова было выражено сожаление позицией, занятой Великобританией и ее нежеланием произвести диверсию. Было отмечено, что Россия сражается с противником вот уже пятый месяц, но Красная армия по-прежнему одна несет всю ношу вооруженной борьбы. Деканозов подчеркнул, что СССР получает из Великобритании больше экспертов, чем военной продукции. Некоторые из этих экспертов заняты прежде всего получением информации, которая может пойти на пользу английской торговле уже после войны. Тем не менее, суть высказываний Деканозова сводилась к следующему: советское правительство определенно намерено продолжать войну, независимо от того, какие от Советского Союза потребуются еще жертвы.

Штейнгардт

L. Steinhardt to C. Hull and S. Welles, November 9, 1941 // WAHP. CF. Cont. 161

Документ № 5

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКЛАДА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО И АНАЛИТИЧЕСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА УПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ СЛУЖБ США О ВОЗМОЖНОСТИ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА,

20 августа 1943 г.

(Подготовлен к 1-й Квебекской конференции между
Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем 14—24 августа 1943 г.)

СТРАТЕГИЯ И ПОЛИТИКА: МОГУТ ЛИ АМЕРИКА И РОССИЯ СОТРУДНИЧАТЬ?

(1) Неразрывность стратегии и политики.

...Стратегия неотделима от политики... Она определяет военные цели, которые могут и должны быть достигнуты в войне. Это утверждение остается верным и для ведущейся теперь войны, где обозначился уже серьезный недостаток единогласия между ожидаемыми победителями в Европейской войне — Соединенными Штатами, Великобританией и Советской Россией. На будущее Европы окажет глубокое и возможно решающее влияние военная сила и месторасположение вооруженных сил сторон в момент завершения их боевых действий против Германии. Настоящий кризис во взаимоотношениях между США и Великобританией, с одной стороны, и Россией, с другой, требует немедленного пересмотра нашей стратегии и политики, которые будут определять послевоенное устройство.

(2) Американские цели в Европе.

1. Главная цель США — их собственная безопасность.

2. Первым требованием для обеспечения нашей безопасности является ликвидация попыток со стороны Германии объединить, доминировать и управлять всеми силами на Европейском континенте.

3. Второе требование — после поражения Германии, ни одна держава, или группа держав, в которой мы не имеем сильного влияния не должна управлять силами Европы.

4. Последнее требование — поощрять в Европе те силы, которые приведут ее к миру, свободе и достатку, которые необходимы не только для самих европейцев, но и для нас. (Эти условия могут быть достигнуты только путем объединения усилий целого содружества стран).

(3) Американские возможности.

1. США имеют такие цели в Европе, которые распространяются далеко за пределы ее возможностей и влияния на континенте. Цели действительно гораздо выше возможностей, даже если не принимать в расчет то, что нам придется еще истратить массу усилий для войны против Японии. Итак, должны ли мы уменьшить наши цели (сделать их адекватными нашим возможностям), либо мы должны создать такой альянс государств, который бы обеспечил достижение наших основных требований.

2. Действительно, еще ни одно государство не имеет таких целей, подобных нашим. Поэтому, для того, чтобы создать работоспособный альянс, нам необходимо будет пойти на ряд соглашений с нашими союзниками, чтобы урегулировать вопрос о наших собственных целях с требованиями наших союзников...

Альянс с Великобританией потребует от нас минимума коррекции наших целей, однако, даже объединенные силы США и Великобритании не имеют тех возможностей, которые были бы адекватны достижению наших главных требований в Европе. Поэтому очевидно, что мы должны предпринять все возможные усилия для того, чтобы наш альянс с Великобританией был поддержан другими вспомогательными силами (норвежцами, датчанами, бельгийцами, чехами, поляками, югославами, греками и, особенно, французами). Эта поддержка необходима нам как до, так и после нашей высадки в Западной Европе. Эти вспомогательные силы имеют для нас большое значение, независимо от того в каком направлении будет развиваться наша политика.

Рассматривая наши возможности, мы должны учитывать и вопросы транспортных коммуникаций. Так, с будущего западноевропейского театра военных действий дос-

тичь центра Германии можно будет намного быстрее, чем из европейской части России. Более того, западные союзники несомненно имеют превосходство над русскими в авиации.

Однако, даже принимая во внимание поддержку союзными странами альянса США с Великобританией, наши объединенные силы будут оставаться существенно меньшими, чем силы России, либо силы еще не разгромленной Германии. С другой стороны, представляется возможным, что западные союзники вполне способны, при условии максимальной концентрации своих ресурсов, организовать достаточно мощное противодействие России. Таким образом, политика враждебности станет для Советской России весьма дорогостоящей и поэтому, вероятно, малопривлекательной.

В виду диспропорции существующей между нашими целями и возможностями, имеются три альтернативные линии стратегии и политики, которые могут быть использованы в отношении Германии и России:

1. Мы немедленно предпринимаем усилия достичь компромисса с Советским Союзом, устраняя существующие между нами противоречия. Мы исходим из того, что наши интересы в целом совпадают.

2. Америка и Великобритания продолжают следовать такой политике и стратегии, которая не зависит от политики и стратегии Советского Союза, надеясь достигнуть на этом пути обеих целей — то есть разгрома Германии и занятия в конце концов таких позиций, которые позволят разрешать вопросы несмотря на враждебность между нами и Россией.

3. Мы стараемся повернуть против России все силы пока еще не разгромленной Германии, которая будет управляться либо нацистами, либо генералами...

Прежде, чем перейти к следующему вопросу, необходимо дать несколько общих положений.

Исход войны в Европе несомненно предрешит и исход военных действий в Азии (лишь малая доля людей сейчас

может думать, что все будет наоборот). Наши влияние и поведение в Европе могут иметь огромное значение. Прежде всего они могут сказаться самым негативным образом на развитии событий: уйдя из Европы в тот момент, пока Германия еще сильна, мы тем самым закрепим за ней доминирующее положение на континенте; уйдя оттуда после разгрома Германии, ее место займет Россия. В качестве позитивной стороны нашего влияния необходимо отметить следующее: силы англо-американского альянса конечно ограничены, но возможно адекватны для того, чтобы добиться как победы над Германией, так и достигнуть компромисса с Россией, если эти два положения станут возможны в принципе. Рассматривая все варианты развития ситуации в Европе, мы должны как можно меньше зависеть от поведения России (или Германии), но как можно больше полагаться на собственные силы, их концентрацию в жизненно важных районах Западной Европы. Независимо от того, какими будут наши отношения с Россией или Германией, будут ли между нами вооруженное противоборство или сделка, мы должны прежде всего полагаться и надеяться на собственные силы...

(4) Возможности Советской России.

Представляется вероятным, что Россия способна вести военные операции на том же уровне на каком она ведет их сейчас вплоть до весны 1944 года, а возможно и еще дольше. За этот период возможности Германии существенно уменьшатся. К лету 1944 г. нехватка людских ресурсов, продовольствия, перенапряжение сил, возможно ограничат масштаб советских операций.

Сепаратный мир между Россией и Германией, говоря в принципе, сейчас не в интересах России. Русские не могут не понимать, что сильная Германия является большей угрозой для них самих, чем для США. Они также должны знать, что пойдя на мир с нацистами или с германскими генералами, они, тем самым, создадут такие условия, при которых как для США, так и для Великобритании также станет морально и политически приемлемым заключить по-

добный мир. То есть русские не могут рассчитывать на то, что мы будем продолжать сражаться с Германией, после того как они сами заключат с ней перемирие. Русские понимают, что Германию легче разбить нашими совместными усилиями. Поэтому мир с сильной Германией не в интересах России.

Можно предвидеть, что к моменту окончания военных действий против Германии, Россия будет иметь на континенте силы, значительно большие, чем у США, Великобритании и их союзников вместе взятых.

(5) Советские военные цели.

1. Главной целью является безопасность Советского Союза.

2. Первым требованием для этой безопасности является разгром Германии. (Сильная Германия больше угрожает СССР, чем США).

3. Советское правительство возможно будет настаивать на следующих условиях, как минимум:

а. Восстановление советских границ примерно по линии июня 1941 г.

б. Создание в соседних с ней государствах (включая Германию), таких правительств, которые были бы дружественными (по крайней мере не враждебными) к Советскому Союзу, и не находились бы под влиянием других великих держав.

в. Гарантия от полного доминирования в Европе любой другой не советской державы, или группы держав, где Советский Союз не имел бы своего достаточно сильного влияния.

4. При определенных условиях этот минимум может быть расширен до максимума:

Значительное расширение на запад советской системы, где будут созданы правительства советского образца, управляемые из Москвы. Если такой режим будет основан и в Германии, то это будет означать советское доминирование во всей Европе...

(5) Американские альтернативы.

А. Повернуть нацистскую (либо юнкерскую) Германию против России.

(...) Возможно в результате этого Россия будет покорена все еще сильной и агрессивной Германией. Но для того, чтобы предотвратить после этого доминирование Германии на континенте, мы, совместно с Великобританией, будем обязаны вновь (и уже без помощи России) осуществить очень сложную и по всей вероятности невозможную задачу разгрома Германии. Эта задача станет, по всей вероятности, не осуществимой для нас и по другим соображениям — политическим и моральным. Общественное мнение в США и тем более в Великобритании сейчас сильно настроено на борьбу с Германией... Следовательно будет практически невозможным настроить это мнение вначале на замирение с немцами, а затем опять на войну с ними...

Б. Придерживаться независимой стратегии, в надежде на достаточно бескровную победу над Германией и основание сильных позиций визиави с Россией.

При отсутствии четких, энергичных и успешных усилий для того, чтобы как-то поменять существующую тенденцию развития, зарождающиеся различия между англо-американской и советской политикой перерастут через 6-8 месяцев в полномасштабное соперничество...

По мере победоносного продвижения русских сил на советско-германском фронте (весна-лето 1944 г.), и ослабления немецких войск на Западе, кризис в наших взаимоотношениях может начать быстро развиваться.

а. Англо-американские силы начнут наступление ограниченными силами на Западе.

б. Немцы предпочтут англо-американскую оккупацию русской. Они будут оказывать лишь небольшое сопротивление на Западе, но всеми силами удерживать свои позиции на Востоке.

в. В этой ситуации контроль над страной может перейти от нацистов к генералам.

г. ...Генералы могут обратиться с просьбой о перемирии к западным союзникам. После того как это обраще-

ние будет отвергнуто, представляются вероятными следующие шаги:

Переход власти в Германии к центристам и социалистам. Поддержка нового правительства англо-американскими силами. Русские принимают все это в качестве свершившегося факта, базиса для прекращения военных действий на Восточном фронте и идут на этот компромисс.

Однако скорее всего ситуация будет развиваться по несколько иному сценарию: весной и летом 1944 г. произойдет полная дезинтеграция германского государства и его армии на Восточном фронте (как результат поражений немцев от русских, продвижения союзников на Западе, и попыток передачи власти от нацистов к генералам, а от них к новому правительству). Подъем в Германии коммунистических сил. Следовательно будет происходить почти беспрепятственное продвижение советских сил (превышающих по своей мощи силы западных союзников) на запад. Западные союзники будут иметь достаточно невыгодные позиции в отношении России, а возможно и войдут в конфликт с превосходящими советскими силами.

В. Концентрация максимума усилий в Западной Европе и поиск немедленного компромисса с Советской Россией.

(...) Наши цели в войне не противоречат с возможными минимальными требованиями Советского Союза, но они находятся в явном противоречии с его возможными максимальными требованиями, то есть с советизацией Европы и доминированием в ней. Наша задача сделать для России разрешение всех вопросов на основе ее минимальных требований привлекательным, а на основе ее максимальных требований дорогостоящим. В этом случае мы можем, по крайней мере, рассчитывать на удовлетворение наших фундаментальных требований (...)

Скорейшее начало боевых действий в Западной Европе будет выгодно и нам и России. Необходимо достигнуть согласия как относительно этих сил, так и наших первостепенных интересов. Протокол мог бы состоять из сле-

дующих пунктов (включая проблемы Восточной и Южной Азии):

1. Создание американо-англо-советского совета, который будет встречаться постоянно для разрешения всех насущных проблем, касающихся наших взаимных интересов. (Настоящие контакты с советскими представителями достаточно ограничены)...

2. Координирование по времени и усилиям наших будущих операций против Германии.

3. Совместная оккупация Германии. Зоны ответственности должны располагаться в шахматном порядке и занимать небольшими силами советских, американских и английских войск.

4. Совместные англо-американо-советские акции по устранению нацистских военных преступников, разоружению Германии, гарантии свободных выборов. Признание центрального германского правительства, выбранного только с согласия трех держав.

5. Такие же акции в отношении Италии.

6. Советское участие в войне против Японии, сразу же по окончании войны против Германии (Если России вступит в войну против Японии, то следует ожидать сокращение американских и английских потерь в войне в Азии. Все это будет выглядеть как компенсация нам, за ожидаемые тяжелые потери наших войск в кампании в Западной Европе).

7. Советское признание требований США и Великобритании относительно новых баз в стратегически важных районах.

8. Американское и английское признание требований России, касающихся территорий аннексированных ею в 1939-1940 гг.

9. Продолжение поставок России по ленд-лизу, с учетом, как требований ведущейся войны, так и послевоенного восстановления разрушенного хозяйства России.

10. Соглашение между тремя державами, предусматривающее вмешательство в дела других стран (как бывших

противников, так и остальных), только со взаимного согласия, с целью устранения угрозы, исходящей от их вооруженных сил или лидеров, их разоружения и проведения там свободных выборов; соглашение о признании любого правительства только со взаимного англо-американо-советского согласия. (Это пункт распространяется только на период 10 лет).

11. Немедленно после вступления СССР в войну против Японии начать переговоры между США, Великобританией, СССР и Китаем относительно соглашения о распространении на Восточную и Южную Азию основных принципов, обозначенных в предыдущих параграфах.

12. Сотрудничество между США, Великобританией, СССР и Китаем в деле образования и поддержания новой международной федерации по контролю над агрессорами и по разрешению других общих задач.

В качестве заключения, необходимо отметить следующий наиболее весомый аргумент за немедленную концентрацию наших усилий в Западной Европе и достижение компромисса с Советским Союзом:

Политика компромисса может иметь огромные положительные результаты. Если все же эта политика потерпит провал, то все равно, открытое соперничество с СССР вряд ли тогда будет более острым, чем в том случае если мы вообще не предпримем попыток компромисса.

Одним обязательным условием проведения такой политики является твердое согласие на открытие нами боевых действий в Западной Европе. Если же компромисса не удастся достичь, то Америке и Великобритании не останется ничего другого как преследовать свои собственные цели независимо от позиции Советского Союза. Однако и в этом случае открытие боевых действий в Западной Европе не может быть предметом для обсуждения.

Без подписи⁴¹⁹

Report "Strategy and Policy: Can America and Russia Cooperate", August 20, 1943. Attachment to G. Robinson to A. Harriman, September 15, 1943 // WAHP. CF. Cont. 164.

Документ № 6

**МЕМОРАНДУМ ПОСЛА США В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ
А. ГАРРИМАНА ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ США
ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕРЕГОВОРОВ МЕЖДУ И. СТАЛИНЫМ
С У. ЧЕРЧИЛЛЕМ В ОКТЯБРЕ 1944 Г.**

Москва, 16 декабря 1945 г.

Балканский вопрос на англо-советских переговорах в Москве в октябре 1944 г.

Мистер Черчилль, сопровождаемый мистером Иденом и британскими начальниками штабов, посетил Москву в октябре 1944 г. Президент Рузвельт назначил меня тогда в качестве американского наблюдателя на этих переговорах. Мне не удалось присутствовать на тех встречах между Сталиным и Черчиллем, на которых обсуждался вопрос о распределении ответственности СССР и Великобритании на Балканах, поскольку Соединенные Штаты не были вовлечены в этот процесс. Однако как Черчилль, так и Иден информировали меня по ходу дела о содержании имевших место дискуссий.

Британская сторона имела намерение распределить эту ответственность в процентном отношении. Я не могу сейчас говорить о точных цифрах и подтвердить данные, приведенные вчера мистером Бевиным, но я могу вспомнить суть договоренностей, которые были достигнуты на переговорах:

1. Свобода рук для Британии в Греции;
2. Признание равных прав в Югославии;
3. Британцы были готовы признать преимущественную ответственность Советов за Болгарию и Венгрию, но только до момента окончания боевых действий против Германии. После войны за Британией и СССР в этих странах признаются равные интересы и ответственность. В то время в Лондоне, на заседаниях Европейской консультативной комиссии обсуждались условия перемирия с Болгарией, и Иден старался добиться согласия Молотова на то, чтобы выше-

упомянутый принцип нашел выражение в соглашении о перемирии. Молотов отверг это предложение, но в качестве компромисса согласился, что СССР будет иметь преимущественную ответственность до момента окончания боевых действий против Германии, а после войны позиции Великобритании и Соединенных Штатов будут укреплены до такой степени, о которой предстоит договориться.

4. Британская сторона согласилась с тем, чтобы Советы имели преимущественную ответственность за Румынию в течении войны и большой интерес (не определенно) к ней, чем британская сторона в послевоенный период.

Я дал ясно понять и Черчиллю и Идену, что Соединенным Штатам нет никакого смысла ни участвовать в этих дискуссиях, ни быть каким-то образом связанными ими. Я попросил, чтобы это мнение было доведено также до советской стороны. Черчилль сказал мне, что он все это передал.

Последующие события и переговоры существенно изменили достигнутое тогда взаимопонимание. Условия перемирия для Венгрии стали примерно такими же, как и для Болгарии...

На Ялтинской конференции три державы подтвердили свою приверженность Декларации об освобожденных территориях и договоренность между Тито и Шубашичем⁴²⁰ относительно Югославии. Великобритания и Соединенные Штаты руководствовались принципами, изложенными в этой Декларации, и поэтому оба наших правительства выступили против тех акций, которые Советы предприняли в Румынии и Болгарии. В Потсдаме главы делегаций США и Великобритании заняли совместную позицию о непризнании образованных к тому времени правительств Румынии и Болгарии. Эта позиция была подтверждена и на конференции в Лондоне. Дух договоренности между Тито и Шубашичем был разрушен самим Тито. Шубашич впоследствии вышел из правительства. В Греции интересы Советов напрямую не сталкивались с британской политикой. Однако коммунистическая партия Греции активно противостоя-

ла этой политике. Впоследствии официальная советская пресса критиковала события, происходившие там. Советскому правительству была предложена возможность принять участие в наблюдении за ходом греческих выборов. Но советская сторона ей не воспользовалась.

Исходя из всего этого становится ясно, что события, случившиеся после октября 1944 г., свели на нет достигнутое тогда взаимопонимание между британской и советской стороной. И сейчас невозможно предположить, каким именно образом обе эти стороны могут считать себя связанными теми договоренностями.

A. Harriman to J. Byrnes, December 16, 1945 // WАНP. CF. Cont. 174

Документ № 7

ИЗ МЕМОРАНДУМА ПОСЛА США В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ А. ГАРРИМАНА О ЕГО ВСТРЕЧАХ С ПРЕЗИДЕНТОМ Ф. РУЗВЕЛЬТОМ МЕЖДУ 24 ОКТЯБРЯ И 18 НОЯБРЯ 1944 г.

(...) Во время нашей первой встречи [24 октября] я имел возможность рассказать президенту в деталях о политических аспектах визита премьер-министра Черчилля в Москву. В общих чертах я затронул военные вопросы... вопрос о Польше (...)

Далее я сообщил о договоренностях относительно Балкан и о том, что венгерский вопрос остается пока открытым. Президент неизменно выказывал свою малую заинтересованность в восточноевропейских делах, за исключением тех моментов, которые могли оказать влияние на настроения населения в самой Америке. В одной из наших последующих бесед, уже после выборов, он сказал, что хотел больше времени посвятить тихоокеанскому региону. Он считает европейские вопросы настолько сложными, что лучше стоять от них подальше, по крайней мере, ограничиться проблемами, которые напрямую относятся к Германии...

Президент говорил о предвыборной кампании и сказал (действительно ли он в это верил или нет — я не смог понять), что по количеству голосов претенденты будут стоять близко друг от друга, и что он не уверен в своей окончательной победе. Хотя есть шансы, что ему удастся собрать большинство... Президент выглядел достаточно хорошо, но бросалось в глаза, что он сильно похудел со дня нашей последней встречи в мае. Появившиеся морщины еще более старили его лицо. Однако он держался бодро, не теряя присутствие духа...

Наша вторая встреча произошла вскоре после выборов, 9 ноября. Президент был уставшим, но достаточно расслабленным. Он много говорил о прошедшей кампании...

В части нашей беседы, посвященной польскому вопросу, президент стал развивать фантастическую идею о том, что Сталин мог бы согласиться с предложением оставить город Львов Польше. Город будет представлять собой как бы польский остров посреди украинских фермерских полей. Управлять им будет специальный международный комитет. Окончательное определение статуса Львова будет дано в ходе плебисцита. Я постарался объяснить президенту, что это практически невозможно иметь капиталистический город посреди социалистической страны. На что он ответил, что крестьяне могли бы приезжать в город и продавать там свою продукцию за рубли. Я снова стал объяснять президенту, что в СССР большая часть распределения фермерской продукции контролируется государством, что ее свободная продажа в городе просто невозможна, не говоря уже о других чисто политических трудностях. Я старался как мог убедить президента в правоте моих слов до тех пор, пока ему все это не надоело и он не сказал, что я просто не желаю помечтать вместе с ним (...)

Во время нашего третьего разговора, 10 ноября... я получил возможность обсудить с президентом планы Сталина относительно участия Красной Армии в войне на Тихом океане. Когда я ему рассказал о предполагающейся кампании русских, об их наступлении через монгольскую

пустыню с целью захвата Пекина и раздробления японских войск в Маньчжурии и Китае, президент спросил — «если русские войдут туда, выдут ли они затем оттуда?». Я ответил, что они, русские, конечно выйдут, если политика Генералиссимуса будет как-то соотноситься с концепцией Сталина. (Я продолжил развивать свое мнение по этому вопросу в своих последующих беседах с президентом)...

Я снова встретился с президентом 17 ноября во время ланча... Мы беседовали всего минут сорок, но еще ни разу до этого я не получал такого удовлетворения от нашего разговора. Он четко придерживался затронутой проблематики, и говорил о способах решения насущных вопросов.

Я объяснил, почему, собственно говоря, я думаю, что Сталин так обеспокоен разрешением противоречий между Генералиссимусом и коммунистами. Дело в том, что когда Сталин начнет свое наступление против Японии, коммунисты будут обеспечивать безопасность его правого фланга. По моему мнению, мы найдем в лице Сталина сторонника оказания определенного давления на коммунистов для того, чтобы они пришли к некоему разумному компромиссу с Генералиссимусом еще до начала русской кампании. Если же, однако, компромисса достичь не удастся, то я боюсь, что мы получим в Китае такую ситуацию, которая будет напоминать положение Тито в Югославии (...)

Я снова объяснил президенту, что Сталин хочет консолидации всех китайских сил, их большей агрессивности в войне против Японии. Консолидация нужна также и для обеспечения стабильного развития самого Китая. С другой стороны, Сталин, видимо, не верит, что такой консолидации можно достичь без наличия более либеральной политики Чан Кайши в отношении обеспечения благополучия китайского народа, без устранения в его правительстве взяточничества и т.д.

Президент, казалось, воспринял мое мнение и согласился, что наши цели в главном совпадают. Однако он добавил, что методы достижения этих целей могут быть раз-

личными. Мы могли бы быть более терпеливыми. Он одобрил мое предложение спросить Сталина — какого рода политическое соглашение он желал бы иметь еще до своего вступления в войну против Японии. Я сказал, что вряд ли с его стороны будут какие-либо сюрпризы, и что условия в основном останутся такими же, что были высказаны в Тегеране и после него. Но я думаю, что русские пожелают также ликвидации положений Портсмутского мирного договора и предоставления им свободного железнодорожного сообщения к незамерзающим портам на Тихом океане. Договоренности насчет Кореи также могут вызвать трудности. Несомненно, однако, что наибольшую проблему между нами и русскими составит вопрос о политическом будущем самого Китая. Я напомнил президенту, что Молотов приветствовал нашу экономическую поддержку Китая и выразил интерес к улучшению экономического положения в стране как во время, так и после войны. С другой стороны, русские сейчас не желают идти на реальный компромисс с Генералиссимусом, по крайней мере до тех пор, пока он не изменит генеральную линию своей политики...

Президент снова сказал о том, что русские могли мы сделать жест доброй воли в отношении передачи Львова полякам. Он отметил, что окончательное решение этого вопроса могло бы быть отложено лет на десять, после чего в этом районе возможно было бы провести плебисцит. Теперь я более подробно объяснил президенту, что Сталин навряд ли пойдет на такой шаг. Сталин прекрасно понимает, что нельзя вначале внедрить социализм на какой-либо территории, а затем отменить его. Единственный надежный способ погасить ростки предубеждения и ненависти между поляками и русскими — это основать формальные и дружественные отношения между Польшей и Россией. Но наибольшую опасность для этого процесса будет иметь как раз неразрешенный вопрос о границе. Он станет служить постоянным раздражителем во взаимоотношениях между двумя странами. Вот почему Сталин хочет определиться с этим вопросом именно сейчас.

Президент, как мне показалось, первый раз за все время уловил мою мысль и добавил, что не имел бы никаких возражений против линии Керзона, если сами поляки, русские и англичане придут к взаимному соглашению относительно этого вопроса. Однако, поскольку Миколайчик хочет, чтобы он (президент) был посредником, то он одобрил бы мое обращение к Сталину, в котором я бы постарался объяснить советскому лидеру, почему было бы лучше, если бы Львов передавался Польше...

Моя последняя беседа с президентом прошла во время ланча в субботу, 18 ноября. На ней присутствовал также Г. Гопкинс. Цель нашей дискуссии состояла в том, чтобы выработать решение о наилучшем использовании судов для перевозки грузов в дальневосточные порты России... Гопкинс старался убедить президента в необходимости уже в декабре переориентировать 16 судов для выполнения этой работы. Однако президент выразил желание пока подождать и ознакомиться со всеми обстоятельствами дела. Тем не менее, президент обещал мне, что он будет держать этот вопрос под своим контролем, и сделает все возможное для передачи этих судов. Я сделал упор на... важности такого шага для всей войны на Тихом океане и подчеркнул, что если мы откажемся от этого, то Сталин может подумать, что мы не заинтересованы в его участии в боевых действиях в тихоокеанском регионе. Это несомненно окажет влияние на характер его политики.

Президент сказал, что он не беспокоится за график наших операций на Тихом океане. Но разгром Японии без помощи России стал бы чрезвычайно тяжелой задачей, решение которой потребовало бы большой крови. И мы должны сделать все возможное, чтобы помочь Сталину в его планах. Но и Эйзенхауэр также должен поддерживаться всеми возможными способами...

ПРИМЕЧАНИЯ К МЕМОРАНДУМУ:

Мне совсем не кажется, что во время моих встреч с президентом я смог убедить его в необходимости поддержания бдительной и формальной политики, когда речь

идет о развитии политической ситуации в ряде восточно-европейских государств. Государственный департамент, однако, отлично понимает необходимость такой политики, без которой вся Восточная и Центральная Европа могут оказаться под влиянием, если не под полным контролем Советской России.

При нашей с президентом встрече в мае 1944 г. он сказал мне, что его не беспокоит проблема — будет или нет в странах, граничащих с Советским Союзом, введен коммунистический режим. В своих телеграммах президенту, которые я посылал ему в течении лета 1944 г., я старался прояснить свою позицию. Однако во время наших последних бесед, мне не удалось заострить его внимание на этом вопросе (...)

За ланчем, 18 ноября, президент сказал, что он не разделяет оптимизм генерала Маршалла относительно ведущегося сейчас наступления на Западном фронте. Максимум, чего сейчас мы можем достигнуть, так это прорваться к Рейну. Но он не видит, каким именно способом мы можем окончательно разбить германскую армию, поскольку Рейн и возвышенности, находящиеся за ним, представляют собой большое препятствие. Дальнейшее наступление потребует новой и более тщательной подготовки (...)

A. Harriman. Memorandum of Conversation with the President During Trip to Washington, D.C., October 21—November 19, 1944 // WAHP. CF. Cont. 175.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (Далее: FRUS). 1941—1945. Washington: Government Printing Office, 1958—1968; Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1—3 / ed. by W. Kimball. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1984; For the President: Personal and Secret: Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt / ed. by O. Bullitt. Boston: Houghton Mifflin, 1972; Stalin's Correspondence with Roosevelt and Truman, 1941—1945. (A publication of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR). N.Y.: Carpicorn Books, 1965.

² My Dear Mr. Stalin. The Complete Correspondence between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin / ed. with comment. by S. Butler. Foreword by A. Schlesinger, Jr. New Haven and London: Yale University Press, 2005.

³ Covert Warfare: Intelligence, Counterintelligence, and Military Deception During the World War II Era. 18 vols. / ed. by J. Mendelsohn. N.Y.: Garland Pub, 1988; Wartime Washington: The Secret OSS Journal of James Grafton Rogers, 1942—1943 / ed. T. Troy. Frederick, Md: University Publ. of America, 1987.

⁴ Черчилль У. Вторая мировая война : в 6 т. / пер. с англ. М.: Воениздат, 1991.

⁵ The Churchill War Papers. Vol. 1—3 / [compiled by] Martin Gilbert. 1st ed. N.Y., 1993—1995. Vol. 3: The Ever Widening War. 1941. L.: Heinemann, 2000.

⁶ McCauley M. The Origins of the Cold War, 1941—1949. 3rd ed. L., N.Y.: Addison-Wesley, 2003. P. 8.

⁷ Truman H.S. Memoirs. Vol. 1—2. N.Y.: Doubleday, 1955—56; Hull C. Memoirs. Vol. 1—2. L.: Hodder and Stoughton, 1948; Stettinius E.R. Roosevelt and the Russians: The Yalta Conference. N.Y.: Doubleday, 1949; Byrnes J.F. Speaking Frankly. N.Y.: Harper and Bros. Publ, 1947; Wallace Henry A. The Price of Vision: The Diary of Henry A. Wallace, 1942—1946 / ed. J. Blum. Boston: Houghton Mifflin, 1973; Leahy W. I Was There. The Personal Story of the Chief of Staff to President Roosevelt and Truman. Based on His Notes and Diaries

Made at the Time. N.Y.: Whittlesey House, 1950; The Secret Diary of Harold L. Ickes: The First Thousand Days, 1933—1936. Vol. 1—3. N.Y. Simon and Schuster, 1954; *Rosenman S.* Working with Roosevelt. N.Y.: Harper and Bros., 1952; Roosevelt Elliot. As He Saw It. NY: Duell, Sloan, and Pearce, 1946; *Standley W., Ageton A.* Admiral Ambassador to Stalin. Chicago: R. Regnery, 1955; Harriman A. Special Envoy to Churchill and Stalin. N.Y.: Random House, 1975; *Deane J.* The Strange Alliance: The Story of our Efforts at Wartime Co-operate with Russia. N.Y.: Viking, 1947; *Bohlen C.E.* Witness to History. 1929—1969. N.Y.: W.W. Norton and Company, 1973; *Kennan G.* Russia and the West Under Lenin and Stalin. Boston: Little Brown, 1961; Idem. Memoirs, 1925—1950. Boston: Little Brown, 1967; *Sherwood R.* Roosevelt and Hopkins. N.Y.: Harper and Bros., 1948; *Dulles A.* The Secret Surrender. N.Y.: Harper and Row, 1966.

⁸ *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца : в 2 т. / пер. с англ. ; вступ. ст. Ю.В. Борисова. М.: Изд. иностр. лит., 1958.

⁹ *Stoler M.* The Politics of the Second Front: American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare, 1941—1943. L.: Greenwood Press, 1977; *Gardner L.* Architects of Illusion: Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941—1949. Chicago: Quadrangle Books, 1970; *Dallek R.* The Roosevelt Diplomacy and World War II (American Problem Studies). N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1970; *Messer R.* The End of an Alliance: James F. Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origins of the Cold War. Chapel Hill, NC: University of North Carolina Press, 1982; *Gannon Robert I.* The Cardinal Spellman Story. N.Y.: Doublday, 1962; *Divine R.* Second Chance: The Triumph of Internationalism in America During World War II. N.Y.: Atheneum, 1967; The Great Powers and the Polish Question, 1941—45: A Documentary Study in Cold War Origins / ed. by Antony Polonsky. L.: Orbis Books, 1976.

¹⁰ Говоря о работах «западных историков», мы имеем в виду, прежде всего, работы историков США и Великобритании, а также ряда других стран, традиционно относящих себя к западному миру.

¹¹ *McCauley M.* Op. cit. P. 10.

¹² *McNeill W.H.* America, Britain and Russia: Their Co-operation and Conflict, 1941—1946. N.Y., L.: Oxford Univ. Press, 1953; *Feis H.* Churchill—Roosevelt—Stalin: The War They Waged and the Peace

They Sought. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1966; *Schlesinger A. Jr. Origins of the Cold War // Foreign Affairs* N 46. 1967; *Combs J. American Diplomatic History: Two Centuries of Changing Interpretations.* University California Press, 1986.

¹³ *Williams W.A. The Tragedy of American Diplomacy.* N.Y.: W.W. Norton, 1962, 1972; new edition: 1988; *McCormic T. Half-Century: United States Foreign Policy in the Cold War.* Baltimore, MA: Johns Hopkins Univ. Press, 1995; *LaFeber W. America, Russia and the Cold War 1945-1990, 7th ed.* N.Y.: McGraw-Hill, 1993; *Gardner L. Architects of Illusion: Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941—1949.* Chicago: Quadrangle Books, 1970; *Kolko G., Kolko J. The Limits of Power: The World and United States Foreign Policy, 1945—1954.* N.Y.: Harper and Row, 1972; *Alperowitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam, The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with the Soviet Power.* N.Y.: Vintage, 1965.

¹⁴ *Williams W.A. Op. cit.*

¹⁵ Подробную интерпретацию различных течений западной историографии начала холодной войны смотри: *McCauley M. Op. cit.*; *Stephanson A. The United States // The Origins of the Cold War in Europe. International Perspectives / ed. by D. Reynolds.* New Haven: Yale University Press, 2002.

¹⁶ *Gaddis J.L. The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947.* N.Y.: Columbia Univ. Press, 1972; reprinted: 2000; *Ibid. The Emerging Post-Revisionist Synthesis on the Origins of the Cold War // Diplomatic History.* N 7. 1983; *Lundestad G. "Empire" by Invitation? The United States and Western Europe, 1945—1952 // Journal of Peace Research.* N 23. 1986; *Stephanson A. Kennan and the Art of Foreign Policy.* Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1989; *Yergin D. Shattered Peace: The Origins of the Cold War and the National Security State.* N.Y.: Houghton Mifflin, 1978; reprinted: Penguin, 1980; *Loth W. Die Teilung der Welt. Geschichte des Kalten Krieges 1941—1945.* Munich: DTV Deutscher Taschenbuch, 1980; *Herring G. Aid to Russia 1941—1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War.* N.Y.: Columbia Univ. Press, 1973.

¹⁷ *Kimball W. The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman.* Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1991, 1994; *We Now Know: Rethinking Cold War History.* Oxford: Oxford Univ. Press, 1997; *Boyle P. American-Soviet Relations: From the Russian Revolution to the Fall of Communism.* N.Y.: Routledge, 1993; *Edmonds R. The Big*

Three: Churchill, Roosevelt and Stalin in Peace and War. L.: Hamish Hamilton, 1991; *Gardner L.* Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe from Munich to Yalta. Chicago: Ivan R. Dee, 1993; *Mayers D.* George Kennan and the Dilemmas of US Foreign Policy. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1988; reprinted: 1990; *Ericsson J.* Barbarossa / ed. by D. Dilks. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1994; *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945: With a New Afterword. N.Y.: Oxford University Press, 1995; *Harper J.* American Vision of Europe: Franklin D. Roosevelt, George F. Kennan, and Dean G. Acheson. Cambridge University Press, 1996; *Allies and Adversaries: The Joint Chiefs of Staff, the Grand Alliance, and U.S. Strategy in World War II.* University of North Carolina Press, 2000; *Робертс Дж.* Сферы влияния и советская внешняя политика в 1939—1945 гг.: идеология, расчет и импровизация // Новая и новейшая история. 2001. №5.

¹⁸ *Gaddis J.L.* The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947; *Idem.* We Now Know: Rethinking Cold War History. N.Y.: Oxford University Press, 1997; *McCauley M.* Op. cit.

¹⁹ Непростой судьбе идей президента В. Вильсона в XX веке, в том числе восприятию их американским политическим руководством в 1930—1940-е гг., посвящена работа Ф. Нинковича «Век Вильсона: Внешняя политика США с 1900 года» (*Ninkovich F.* The Wilsonian Century: US Foreign Policy since 1900. Chicago, L., 1999).

²⁰ *McCauley M.* Op. cit. P. 99—100.

²¹ *Ibid.* P. 106; см. также: *Gaddis J.L.* We Now Know: Rethinking Cold War History. P. 25.

²² *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945.

²³ *Dallek R.* The Lost Peace: Leadership in a Time of Horror and Hope, 1945—1953. N.Y.: Harper Collins Publishers, 2010. P. XI.

²⁴ *Ibid.* P. 66.

²⁵ *Ibid.* P. 57, 67.

²⁶ *Kimball W.* The Juggler. Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1991, 1994.

²⁷ *Kimball W.* Forged in War: Roosevelt, Churchill, and the Second World War. N.Y.: William Morrow and Company, 1998. P. 297.

²⁸ *Trachtenberg M.* A Constructed Peace: The Making of the European Settlement, 1945—1963. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1999.

²⁹ From War to Peace: Altered Strategic Landscapes in the Twentieth Century/ ed. by Kennedy P. and Hitchcock W.I. New Haven, L.: Yale University Press, 2000.

³⁰ *Hitchcock W.I.* The Struggle for Europe: The Turbulent History of a Divided Continent, 1945 to the Present. N.Y.: Doubleday, 2003.

³¹ *Lifton R.J., Mitchell G.* Hiroshima in America: Fifty Years of Denial. N.Y.: G.P. Putnam, 1995.

³² *Gaddis J.L.* We Now Know: Rethinking Cold War History. (год, место издания?)

³³ *Ibid.* P. 14—25, 51—53, 85—100.

³⁴ *Gaddis J.L.* The Cold War. A New History. N.Y.: Penguin Press HC., 2005.

³⁵ My Dear Mr. Stalin... P. XI.

³⁶ *Ibid.* P. XV.

³⁷ *Black C.* Franklin Delano Roosevelt. Champion of Freedom. L.: PublicAffairs, 2003; *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве / пер. с англ. М.: Три квадрата, 2004.

³⁸ The Origins of the Cold War in Europe: International Perspectives / ed. by D. Reynolds. New Haven: Yale University Press, 2002; The Failure of Peace in Europe, 1943—1948 / ed. by A. Varsori and E. Calandri. N.Y., L.: Palgrave, 2002.

³⁹ *Schwabe K.* The United States and Europe from Roosevelt to Truman // The Failure of Peace in Europe, 1943—1948. P. 17—39.

⁴⁰ *Робертис А. Дж. М. де.* Администрация Рузвельта и коллективная безопасность. Проблема enforcement в 1942-1945 гг. / пер. с итал. : под. ред. В.А. Гурова. СПб.: ИД С.-Петербур. гос. ун-та, 2003. С. 13.

⁴¹ *Doenecke J., Stoler M.* Debating Franklin D. Roosevelt's Foreign Policies, 1933—1945. N.Y.: Rowman and Littlefield Publishers, INC, 2005.

⁴² *Ibid.* P. 70.

⁴³ *Ibid.* P. 2—3.

⁴⁴ *Leshuk L.* US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921—1946. L.: Frank Cass, 2003.

⁴⁵ *Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. М.: Рипол Классик, 2003; Война и общество, 1941—1945 : в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2004; Советско-американские отношения, 1934—1939. Документы / под ред. Г.Н. Севостьянова : сост. Б. Жилев и др. М.: МФД, 2003; *Чубарьян А.О.* Российский европеизм.

М.: Олма-Пресс, 2006; *Мальков В.Л.* Франклин Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии: Историко-документальные очерки. М.: Мысль, 1988; *Он же.* «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995; *Он же.* Прибалтика глазами американских дипломатов, 1939—1940 гг. (из архивов США) // Новая и Новейшая история. 1990. № 5; *Он же.* Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М.: Наука, 2009; *Печатнов В.О.* Сталин и Рузвельт (заметки историка) // Война и общество, 1941—1945 : в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Кн. 1. М.: Наука, 2004. С. 397—422; *Ржешевский О.А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии, 1941—1942. М.: Наука, 1997; 1939 год: Уроки истории / под ред. О.А. Ржешевского. М.: Мысль, 1990; *Яковлев Н.Н.* Франклин Рузвельт: человек и политик. Новое прочтение : 5-е изд. М.: Международные отношения, 1981; М.: Рипол классик, 2003; *Иванов Р.Ф.* Сталин и союзники. 1941—1945. Смоленск: Русич, 2000 ; М., 2005; *Наджафов Д.Г.* Критика концепции «изоляционизма» в американской буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1970; *Наринский М.М., Филитов А.М.* Советская внешняя политика в период второй мировой войны. Курс лекций. М.: МГИМО, 1999; *Соколов В.В., Стегний П.В.* Советская дипломатия в период битвы под Москвой (1941) // Мир истории (эл. журн.). 2002. № 2.

⁴⁶ Советско-американские отношения. 1939—1945 гг. Документы / под ред. Г.Н. Севостьянова : сост. Б. Жилиев, В. Савченко. М.: МФД, 2004.

⁴⁷ Советско-американские отношения, 1945—1948 гг. Документы / под ред. Г.Н. Севостьянова : сост. В. Алдошин и др. М.: МФД, 2004.

⁴⁸ *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 1—2. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015.

⁴⁹ *Мальков В.Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М.: Наука, 2004; *Он же.* Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М.: Яуза ; Эксмо, 2011.

⁵⁰ *Печатнов В.О.* Московское посольство Аверелла Гаррима-на (1943—1946 гг.) // Новая и Новейшая история. 2002. № 3—4.

⁵¹ Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. М.: Терра — Книжный клуб, 2006.

⁵² Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941—1945. М.: Наука, 2004.

⁵³ Яковлев Н.Н. США и Англия во Второй мировой войне. М.: Учпедгиз, 1961.

⁵⁴ Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт: Человек и политик. Новое прочтение.

⁵⁵ Яковлев Н.Н. 3 сентября 1945. М.: Эксмо, 2003. С. 256.

⁵⁶ Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. М., 1993.

⁵⁷ Филитов А.М. В комиссиях наркоминдела... // Вторая мировая война: Актуальные проблемы / отв. ред. О.А. Ржешевский. М.: Наука, 1995. С. 55, 58.

⁵⁸ СССР и германский вопрос. 1941—1949 гг. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1—2. / сост. Г. Кынин, Й. Лауфер. М.: Международные отношения, 1996, 2000.

⁵⁹ Позняков В.В. Советская разведка в Америке. 1919—1941. М.: Международные отношения, 2005; См. также доклад Познякова В.В. на международной научной конференции «Война. Народ. Победа» (Москва, 15—16 марта 2005) «Советская разведка в западных странах в годы войны» (Институт всеобщей истории РАН, в печати).

⁶⁰ Холодная война. 1945—1963. Историческая ретроспектива: Сб. ст. / отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М.: Олма-Пресс, 2003.

⁶¹ Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы / редкол.: И.В. Гайдук, Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян (отв. ред.). М.: Наука, 1999.

⁶² Уткин А. Мировая холодная война. М.: Эксмо, 2005.

⁶³ Dallek R., Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945: With a New Afterword. N.Y.: Oxford University Press, 1995. P. 20—35.

⁶⁴ СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны: Документы и материалы. М., 1971. С. 237—238.

⁶⁵ 1939 год: Уроки истории / В.К. Волков [и др.] : отв. ред. О.А. Ржешевский. М.: Мысль, 1990. С. 54.

⁶⁶ McCauley M. Op. cit. P. 8.

⁶⁷ 1939 год: Уроки истории. С. 56—57.

⁶⁸ Там же. С. 76—77.

⁶⁹ Там же. С. 266, 269.

⁷⁰ *Lash J. Roosevelt and Churchill, 1939—1941: The Partnership That Saved the West.* N.Y.: Norton, 1976. P. 369.

⁷¹ *Lash J. Roosevelt and Churchill, 1939—1941: The Partnership That Saved the West.* N.Y.: Norton, 1976. P. 369.

⁷² Необходимость обеспечить свою собственную безопасность предопределила появление в СССР с начала лета 1939 г. первых признаков поворота в сторону контактов с Германией. Англо-франко-советские переговоры дипломатических представителей относительно действий сторон в случае агрессии Германии, которые в августе 1939 г. были продолжены переговорами военных миссий зашли в тупик. В Москве рассчитывали с помощью договоренностей с Гитлером избежать или, по крайней мере, оттянуть начало немецкой агрессии, усилить свои позиции в Восточной Европе и остаться в стороне в случае начала войны Германии с Англией и Францией. В то же время, заключение договора с СССР было выгодно на тот момент и Германии. Это позволяло ей в период подготовки нападения на Польшу не опасаться быть втянутой в войну на два фронта: против англо-французской коалиции — на западе, и СССР — на востоке. 23 августа в Кремле Договор о ненападении между Германией и СССР сроком на 10 лет вместе с секретным дополнительным протоколом о разделе сфер интересов в Восточной Европе был подписан (*Примеч. авт.*).

⁷³ *Leshuk L. US Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921—1946.* L.: Frank Cass, 2003. P. 117—118.

⁷⁴ *Ibid.* P. 18.

⁷⁵ *My Dear Mr. Stalin...* P. XI—XII.

⁷⁶ *Ibid.* P. XII.

⁷⁷ Department of State. Records of the Advisory Committee on Problems of Foreign Relation, 1940 // US. National Archives (Archive II, College Park, VA) (Далее: NA). RG 59. Entry 499. Box 108.

⁷⁸ *Ibid.*

⁷⁹ *Ibid.*

⁸⁰ *Ibid.*

⁸¹ *Leshuk L. Op. cit.* P. 118.

⁸² *Ibid.* P. 119.

⁸³ *Ibid.* P. 119—120.

⁸⁴ 2 декабря 1939 г. американское правительство, ссылаясь на бомбардировки советскими самолетами финских городов, ввело т.н. «моральное эмбарго» на поставки в СССР американских самолетов, навигационного оборудования, а также некоторых стратегических товаров (алюминий, молибден, авиабензин). Советско-финская война закончилась в марте 1940 г., но эмбарго действовало вплоть до 15 января 1941 г., когда оно было отменено Белым домом после длительных советско-американских переговоров.

⁸⁵ Пасвольский Л. (Pavolsky Leo) — 1893—1953, уроженец России, эмигрировавший в США. Получил экономическое образование, занимался журналистикой. В годы Второй мировой войны — специальный помощник госсекретаря, глава отдела специальных исследований Государственного департамента. Участвовал в работе различных комитетов Госдепартамента. Занимался проблемами подготовки глобальных планов экономического и политического развития мира после войны, по праву считаясь одним из главных советников К. Хэлла. По свидетельству современников, К. Хэлл очень редко принимал важные решения предварительно не проконсультировавшись с Пасвольским. Лео Пасвольский играл одну из ведущих ролей в вопросах выработки устава ООН, целей и задач этой всемирной организации, готовил программы для американской делегации на конференции в Сан-Франциско (1945), занимался проблемой основания Всемирного банка.

⁸⁶ Department of State. Records of the Advisory Committee on Problems of Foreign Relation, 1940. NA. RG 59. Entry 499. Box 108.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ *Leshuk L.* Op. cit. P. 121—122, 130.

⁸⁹ Ibid. P. 125, 131.

⁹⁰ Ibid. P. 127—128.

⁹¹ Ibid. P. 130.

⁹² Ibid. P. 133.

⁹³ Ibid. P. 134—135.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Department of State. Records of the Advisory Committee on Problems of Foreign Relation, 1940. NA. RG 59. Entry 499. Box 108.

⁹⁶ Ibid.

⁹⁷ История Второй мировой войны 1939—1945 гг. : в 12 т. Т. 3. М.: Воениздат, 1974. С. 187—196.

⁹⁸ Мальков В.Л. Ф. Рузвельт о проблеме безопасности в послевоенном мире. Беседы в Белом доме 29 мая 1942 г. // Новая и новейшая история 2005. № 2. С. 76—77.

⁹⁹ Department of State. Records of Leo Pasvolksy, 1938—1945 // NA. RG 59. Entry 558. Box 1.

¹⁰⁰ История Второй мировой войны 1939—1945 гг. Т. 3. С. 197.

¹⁰¹ Там же. Т. 3. С. 198—199.

¹⁰² Мальков В.Л. Указ. соч. С. 78—79.

¹⁰³ С целью обсуждения вопросов послевоенного урегулирования и разрешения деликатных политических и территориальных проблем в Госдепартаменте США в тот период были образованы Отдел специальных исследований во главе с Л. Пасвольским и Комитет при президенте США по вопросам послевоенной внешней политики во главе с К. Хэллом и Н. Дэвисом. Как замечает профессор В. Мальков «Не ясно, знакомился ли Рузвельт сколько-нибудь систематически с результатами работы всех этих исследовательских групп, но то, что они послужили исходным «сырьем» для его собственных сценариев — в этом сомнений быть не может. (см. Мальков В.Л. Ф. Рузвельт о проблеме безопасности в послевоенном мире. Беседы в Белом Доме 29 мая 1942 г. // Новая и новейшая история 2005. № 2. С. 79). Рузвельт неоднократно обсуждал с членами различных комитетов и подкомитетов Госдепартамента США важнейшие проблемы послевоенного устройства мира.

¹⁰⁴ Leshuk L. Op. cit. P. 137.

¹⁰⁵ Ibid. P. 139.

¹⁰⁶ Ibid. P. 140.

¹⁰⁷ Окончательная директива о структуре и задачах американского Объединенного разведывательного комитета (JIC) была дана ОКНШ лишь 11 февраля 1942 г.

¹⁰⁸ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (Далее: FRUS). 1941. Vol. I. Washington: Government Printing Office, 1958. P. 766—767.

¹⁰⁹ The New York Times, 1941. June 24.

¹¹⁰ Ibid. 1941. June 25.

¹¹¹ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца : в 2 т. / пер. с англ. М.: Изд. иностр. лит., 1958. С. 501.

¹¹² Цит. по: Сиполс В.Я. Великая Победа и дипломатия. 1941—1945. М.: Новина, 2000. С. 19.

¹¹³ The New York Times. 1941. June 24.

¹¹⁴ Цит. по: *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С. 19—20.

¹¹⁵ *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 495—496.

¹¹⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Сб. документов : в 2 т. М.: Издательство политической литературы, 1984. Т. 1. С. 482.

¹¹⁷ *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 527.

¹¹⁸ Там же. Т. 1. С. 547—549.

¹¹⁹ Донован У. В 1941 г. полковник (впоследствии генерал-майор). 11 июля 1941 г. возглавил созданный по решению президента США Офис Координатора информации, призванный собирать разведывательную информацию по вопросам национальной безопасности США. Одной из задач этой службы являлась обработка данных, полученных разведывательными управлениями и отделами других американских государственных ведомств: ФБР, Госдепартамента, Армии и Флота США и т.д. 13 июня 1942 г. Офис Координатора информации был переименован в Управление стратегических служб (УСС), которое формально вошло в подчинение Объединенного комитета начальников штабов США. В его составе были созданы отделы, занимавшиеся как получением разведданных, так и их исследованием и анализом (в т.ч. так называемый Исследовательский и аналитический департамент — «R&A»). Вскоре после войны УСС было формально упразднено (указом президента Г. Трумэна от 1 октября 1945 г.). Однако большая часть его дел была передана во вновь образованный Департамент стратегических служб при министерстве обороны, на базе которого в 1947 г. было создано Центральное разведывательное управление США (ЦРУ).

Дж. Т. Робинсон — сотрудник аппарата Донована, профессор Колумбийского университета. В 1941 г. — руководитель Восточноевропейского отдела Офиса Координатора информации, с 1943 г. — глава отдела изучения СССР Исследовательского и аналитического департамента УСС.

¹²⁰ 27 сентября 1941 г. полковник Донован переслал настоящий меморандум президенту США Ф. Рузвельту со следующей сопроводительной запиской: «Дорогой мистер Рузвельт. Посылаю Вам заключение, подготовленное нашим Восточноевропейским отделом относительно потерь России в промышленной

продукции. Может быть, Вы считаете необходимым переслать этот меморандум для миссии Гарримана в Москве» (W. Donovan to F. Roosevelt, September 27, 1941. — NA. RG 226. Reel 104).

¹²¹ G. Robinson to W. Donovan, September 12, 1941 // US. National Archives (Archive II, College Park, VA) (Далее: NA). RG 226. Reel 104.

¹²² *Harriman A. America and Russia in a Changing World: A Half Century of Personal Observation*. N.Y.: Doubleday, 1971. P. 12.

¹²³ Radio Broadcast by W.A. Harriman from London over the Columbia Broadcasting System to the United States, October 13, 1941 // US. Library of Congress. Manuscript Division. W.A. Harriman Papers (Далее: WAHP). Chronological file (далее — CF). Cont. 160.

¹²⁴ *Roosevelt F. Memorandum for Wayne Coy, August 2, 1941* // WAHP. CF. Cont. 160.

¹²⁵ *McCauley M. Op. cit.* P. 8.

¹²⁶ *Lash J. Roosevelt and Churchill, 1939—1941: The Partnership That Saved the West*. N.Y.: Norton, 1976. P. 364.

¹²⁷ *McCauley M. Op. cit.* P. 8—9.

¹²⁸ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: (Документы и материалы) : в 3 т. М.: Госполитиздат, 1944—1946. Т. I. М., 1944. С. 147—148.

¹²⁹ *Leshuk L. Op. cit.* P. 154.

¹³⁰ L. Steinhardt to C. Hull and S. Welles, November 9, 1941// WAHP. CF. Cont. 161.

¹³¹ *Соколов В.В. И.М. Майский между И.В. Сталиным и У. Черчиллем в первые месяцы войны* // Новая и новейшая история. 2001. № 6.

¹³² Оpubл. в: *Ржешевский О.А. Война и дипломатия*. С. 26—28.

¹³³ *Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941—1945*. М.: Наука, 2004. С. 54.

¹³⁴ А. Гарриман — помощник и доверенный человек Рузвельта; в то время специальный представитель президента по делам ленд-лиза в Великобритании.

¹³⁵ Department of State. Memorandum of Conversation, A. Harriman and R. Atherton, January 22, 1942 // NA. RG 59. Entry 373. Box 31.

¹³⁶ *Ibid.*

¹³⁷ *Leshuk L. Op. cit.* P. 144.

¹³⁸ *Ibid.* P. 144, 146.

¹³⁹ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / сост.: Ф. Лоуэжейм, Г. Лэнгли, М. Джонас : пер. с англ. М.: Терра, 1995. С. 217—218.

¹⁴⁰ *Leshuk L.* Op. cit. P. 146.

¹⁴¹ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля... С. 218.

¹⁴² *Сиполс В.* Указ. соч. С. 91.

¹⁴³ *Кошкин А.А.* Японский фронта маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М.: Олма-Пресс, 2004. С. 180—185.

¹⁴⁴ *Leshuk L.* Op. cit. P. 152.

¹⁴⁵ *Ibid.* P. 165.

¹⁴⁶ *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С. 91—92.

¹⁴⁷ F. Roosevelt to W. Churchill, March 16, 1942 // *WAHP.CF. Cont.* 161.

¹⁴⁸ *My Dear Mr. Stalin...* P. 8.

¹⁴⁹ Комитет по вопросам послевоенных международных отношений был образован при Госдепартаменте США в начале 1942 г. В его работе принимали участие Государственный секретарь К. Хэлл, его заместитель С. Уэллес, помощник госсекретаря Э. Стеттиниус, а также ряд известных дипломатов: Л. Пасвольский, Х. Ноттер, Н. Дэвис и др. Комитет занимался разработкой вопросов послевоенного мирного устройства и исследованиями, касающимися роли США в разрешении внешнеполитических проблем. Большой интерес представляют записи Комитета (сделанные, по-видимому, Х. Ноттером), где зафиксированы устные суждения Ф. Рузвельта по тем или иным вопросам международных отношений. Эти суждения, как правило, служили основой для подготовки Комитетом своих докладов и проектов.

¹⁵⁰ Department of State. Records of Harley A. Notter, 1939—1945, Talks with F.D.R. // *NA. RG 59. Entry 498. Box 54.*

¹⁵¹ R. Sherwood to U.S. Embassy in London, March 14, 1942 // *WAHP. CF. Cont.* 161.

¹⁵² *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль... С. 110—111.

¹⁵³ Там же. С. 157.

¹⁵⁴ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля... С. 253—254.

¹⁵⁵ *Мальков В.Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М.: Наука, 2004. С. 392.

¹⁵⁶ *Мальков В.Л.* Ф. Рузвельт о проблеме безопасности в послевоенном мире. Беседы в Белом доме 29 мая 1942 г. // Новая и новейшая история 2005. № 2. С. 80—81.

¹⁵⁷ *Schlesinger A., Jr. Age of Roosevelt: The Coming of the New Deal.* Boston: Houghton Mifflin, 1959. P. 587.

¹⁵⁸ *Кимболл У. «Семейный круг»: послевоенный мир глазами Рузвельта // Вопросы истории.* 1990. № 12. С. 5.

¹⁵⁹ *Мальков В.Л. Путь к имперству... С. 391.*

¹⁶⁰ *My Dear Mr. Stalin... P. 6.*

¹⁶¹ *Leshuk L. Op. cit. P. 158—159.*

¹⁶² Report by the Joint Intelligence Sub-Committee ("The Capacity of the Soviet Forces to Defend South Caucasian"), November 14, 1942 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 214.

¹⁶³ Цит. по: *Шервуд Р. Указ. соч. С. 282—285.*

¹⁶⁴ Там же. С. 282.

¹⁶⁵ *My Dear Mr. Stalin... P. 101.*

¹⁶⁶ *Ibid. P. 102.*

¹⁶⁷ Radio Bulletin N 6, Washington, D.C., January 7, 1943 // US. Library of Congress. Manuscript Division. W.A. Harriman Papers (Далее: WAHP). Chronological file (далее — CF). Cont. 163.

¹⁶⁸ Буллит У. (1891—1967) — американский дипломат, посол США в СССР (1933—1936), посол США во Франции (1936—1941), специальный представитель президента США на Дальнем Востоке (1941), помощник секретаря Военно-морского министерства (1942—1943).

¹⁶⁹ Department of State. Records of Harley A. Notter, 1939—1945, Talks with F.D.R. // US. National Archives (Archive II, College Park, VA) (Далее: NA). RG 59. Entry 498. Box 54.

Беспокойство о будущем поведении России присутствовало тогда и в рассуждениях вице-президента США Г. А. Уоллеса. Выступая 8 марта 1943 г. в штате Огайо с речью «Демократия — надежда цивилизации», он, подверг критике марксистскую идеологию, хотя отметил и ряд позитивных моментов ее модификации в СССР за последнее время. Его очень волновал вопрос отношения Москвы к церкви. По мнению Уоллеса, граждане Советского Союза были куда более религиозными по своей натуре, чем немцы и очень нуждались в духовной пище. Уоллес, в частности, обозначил и несколько вариантов при которых станет возможным начало уже третьей мировой войны: 1) если будет позволено перевооружиться Пруссии (Германии), 2) если Запад вновь разминется с Россией, 3) если Америка еще до окончания настоящей войны не продемонстрирует свою способность задействовать в случае необходимости все свои ресурсы, 4) если Россия и западные де-

мократии не придут до конца войны к взаимопониманию, 5) если взаимоотношения России и США не будут близкими и доверительными. В последнем случае весьма вероятно, что рано или поздно произойдет сближение России и Германии. (WANP. CF. Cont. 163).

¹⁷⁰ *McCauley M.* Op. cit. P. 16.

¹⁷¹ *Ibid.* P. 17.

¹⁷² *McIntire R., Creel G.* White House Physician. N.Y.: G.P. Putnam's sons, 1946. P. 171.

¹⁷³ *McCauley M.* Op. cit. P. 16.

¹⁷⁴ *Ibid.*

¹⁷⁵ *Dallek R.* The Lost Peace: Leadership in a Time of Horror and Hope, 1945—1953. P. 40.

¹⁷⁶ Department of State. Records of Harley A. Notter, 1939—1945, Talks with F.D.R. // NA. RG 59. Entry 498. Box 54.

¹⁷⁷ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. : в 2 т. // М-во иностр. дел СССР. М.: Политиздат, 1986. Т. 1. С. 102—104.

¹⁷⁸ *Говард М.* Большая стратегия. Т. 4. Август 1942 — сентябрь 1943 / пер. с англ. М.: Воениздат, 1980. С. 428—432.

¹⁷⁹ *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 2. Т. 3—4. С. 650—655.

¹⁸⁰ В связи с этим Объединенный комитет начальников штабов разработал и в августе 1943 г. представил на Квебекскую конференцию глав правительств США и Великобритании план «Рэнкин». Согласно этому плану, в случае неожиданно быстрого и полного разгрома вооруженных сил Германии Красной Армией, англо-американские войска должны были срочно высадиться в Северной Франции и оккупировать возможно большую территорию европейского континента.

¹⁸¹ Поводом для разрыва Москвы с «лондонскими поляками» послужила германская информация о найденных под Катынью (на оккупированной вермахтом территории Смоленской области) могил польских офицеров. Польское эмигрантское правительство поддержало инициированное немцами расследование т.н. «катынского дела», при посредничестве Международного Красного Креста, доказывающего виновность в расстреле поляков советских органов НКВД. В ответ Москва объявила правительство В. Сикорского в пособничестве нацистской Германии и заявило о необходимости прервать с ним отношения.

¹⁸² Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 2. С. 69—70.

¹⁸³ *Leshuk L.* Op. cit. P. 168.

¹⁸⁴ *Liddel Hart B.* History of the Second World War. L.: Perigee, 1970. P. 488 // Liddel Hart Centre for Military Archives. 9/31/46.

¹⁸⁵ *Wartime Washington: The Secret OSS Journal of James Grafton Rogers, 1942—1943* / ed. T. Troy. Frederick, Md: University Publ. of America, 1987. P. 121—122, 157.

¹⁸⁶ *Leshuk L.* Op. cit. P. 163, 170.

¹⁸⁷ Из выступления профессора Университета Огаста (Джорджия) Х. Ван Тулла на круглом столе в Институте всеобщей истории РАН «Ленд-лиз в годы второй мировой войны», 14 апреля 2005 г.

¹⁸⁸ Осуществляемые преимущественно в рамках программы ленд-лиза поставки ряда видов военного снаряжения и промышленного оборудования составили по самолетам 15 %, танкам 12 %, боевым кораблям и судам более 22% советского производства (18300 самолетов, 12 тыс. танков, 596 боевых кораблей и судов), основная масса которых поступила в 1943—1944 гг. Особо следует отметить ценность поставок 427 тыс. автомобилей, около 2000 паровозов и 11 тыс. вагонов (в СССР за этот период было произведено 219 тыс. автомобилей, 92 паровоза и около 1 тыс. вагонов), обмена военно-технической информацией по новейшим технологиям, которая поступала из США и Великобритании. СССР в рамках своих возможностей также осуществлял поставки своим союзникам. США получили из СССР 300 тыс. тонн хромовой, 32 тыс. тонн марганцевой руды, значительное количество платины, технологию производства морозостойких шин и др.

¹⁸⁹ *Дин Дж. Р.* Странный союз / пер. с нем. И. Кадетова; пред и комм. А. Орлова. М.: Олма-Пресс ; Звездный мир, 2005. С. 81—82, 87.

¹⁹⁰ *Голль Ш. де.* Сражающаяся Франция. // Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / сост. Е. Трояновская. М.: Политиздат, 1990. С. 244—246, 287—288.

¹⁹¹ *Суполс В.* Указ. соч. С. 166.

¹⁹² *Gannon Robert I.* The Cardinal Spellman Story. N.Y.: Doublday, 1962. P. 222—224.

¹⁹³ На англо-американской конференции в Квебеке 14—24 августа 1943 г. были приняты важные решения, касающиеся

стратегии западных союзников в войне, «подготовки большого вторжения в Европу», координации секретных разработок ядерного оружия и др.

¹⁹⁴ Report "Strategy and Policy: Can America and Russia Cooperate", August 20, 1943. Attachment to G. Robinson to A. Harriman, September 15, 1943 // WАНР. CF. Cont. 164.

¹⁹⁵ *Говард М.* Указ. соч. С. 434—435.

¹⁹⁶ Национальный комитет «Свободная Германия» — политический и организационный центр немецких антифашистов во время Второй мировой войны, созданный в июле 1943 г. на территории СССР по инициативе компартии Германии. Включал в свой состав также военнопленных. Действовал до ноября 1945 г.

¹⁹⁷ JCS Memo. for Info. N 121, CCS 113th Mtg., August 20, 1943. — NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 209.

¹⁹⁸ Переписка Председателя Совета министров СССР... Т. 2. С. 85.

¹⁹⁹ Наступление англо-американских войск в Италии протекало в обстановке острого кризиса, в котором оказался режим Муссолини в результате антифашистской борьбы, развернувшейся в стране. 25 июля 1943 г. правительство Муссолини было свергнуто. Во главе нового правительства стал маршал Бадольо, подписавший 3 сентября перемирие с США и Великобританией. 13 октября правительство Бадольо объявило войну Германии.

Вопрос об учреждении военно-политической комиссии из представителей трех стран по проблемам ведения переговоров со странами, отпадающими от фашистского блока, был практически решен в октябре 1943 г. созданием по решению Московской конференции министров иностранных дел Европейской консультативной комиссии. В качестве одной из первых задач ЕКК определялась выработка детальных рекомендаций по поводу условий капитуляции, которые должны предъявляться каждому из воюющих государств — противников СССР, Великобритании и США.

²⁰⁰ W.A. Harriman, Memorandum of Dinner at Citadel, Quebec, August 24, 1943// WАНР. CF. Cont. 164.

²⁰¹ Несмотря на принятые в ходе Квебекской конференции документы относительно организации высадки во Франции, Черчилль и впоследствии продолжал настаивать на т.н. «балканском варианте» второго фронта. В случае его реализации западные союзники могли оказаться в Юго-Восточной и Центральной Европе раньше Красной Армии. 20 октября 1943 г. британский премьер

писал Рузвельту: «...Если бы решение зависело от меня, я не стал бы отводить никаких войск со Средиземноморского театра и не вышел бы из узкого “голенища” итальянского “сапога” в долину По, а решительно связал бы противника на узком фронте и в то же самое время поощрял бы волнения на Балканах и в Южной Франции. В случае если Германия не потерпит краха, я не думаю, что нам следует переправляться через Ла-Манш, располагая менее чем сорока дивизиями на шестидесятый день, и то только при условии, если на Итальянском фронте будут вестись решительные бои с противником... Все вышесказанное предназначается только для вас лично: на данном этапе не следует разворачивать эту аргументацию. Однако мои замечания могут показать вам опасности, с какими связано для нас твердое обязательство начать операцию “Оверлорд” в мае, ради чего мы можем погубить Итальянский фронт, упустить возможности на Балканах и все же не иметь достаточных сил для того, чтобы удержаться на 30-й или 40-й день...» (Churchill W. The Second World War. V. 5. L., 1952. P. 254—255.)

²⁰² Шервуд Р. Указ. соч. Т. 2. С. 431—432.

²⁰³ Там же. Т. 2. С. 432.

²⁰⁴ WAHP. CF. Cont. 164.

²⁰⁵ Имеется в виду начало наступления англичан под Эль-Аламейном и высадка американо-английского десанта в Северной Африке (октябрь—ноябрь 1942 г.)

²⁰⁶ Национальная Администрация по восстановлению (National Recovery Administration, NRA). Организация, основанная в 1933 г. по инициативе Ф. Рузвельта на основании принятого Конгрессом Акта по восстановлению национальной промышленности. Актом предусматривались срочные меры по стимулированию экономического развития и трудоустройству безработного населения. Всего NRA удалось задействовать на различных работах около 23 млн чел. Администрации были приданы полномочия определять количество рабочих часов, размер заработной платы и др. Руководителем NRA был назначен генерал Х. Джонсон. Свою активную деятельность NRA осуществляла до конца 1935 г.

²⁰⁷ The reprinting from the article, October, 1942 // WAHP. CF. Cont. 163.

²⁰⁸ Memorandum of Mr. W.A. Harriman Meeting with Certain of the American Press in his Apartment, London, January 29, 1943 // WAHP. CF. Cont. 163.

²⁰⁹ Дин Дж. Р. Указ. соч. С. 18—19, 48—50.

²¹⁰ Интересно, как оценивали в то время отношение к будущей Германии со стороны Москвы аналитики из Государственного департамента США. В документе Госдепартамента от 8 сентября 1943 г. «Советская политика в отношении Германии» говорилось, что СССР «имеет намерение ограничить военную мощь Германии, чтобы она в будущем уже никогда не смогла угрожать безопасности Советского Союза. Однако СССР выступает против полного разоружения Германии, возможно, из-за своей теории, что «вакуум силы» между Россией и Западом может стать полем для антисоветских интриг, возможно, из-за того, что считает разоруженную и бессильную Германию способной скорее повернуться на запад, чем на восток, в надежде получить оттуда необходимую экономическую помощь и восстановить свои позиции среди великих держав...». В документе также указывалось, что Москва, по-видимому, против всех планов разделения Германии на несколько мелких государств и собирается компенсировать Польше территориальные потери на востоке за счет предоставления ей взамен немецких земель на западе. Имелись в виду земли Восточной Пруссии, Померании и Силезии. (см. LC. MD. WAMP. CF. Cont. 164).

²¹¹ Memorandum of Lunch with the President, September 2, 1943 (From WAN's Script Notes) // WAMP. CF. Cont. 164.

²¹² В комитетах Государственного департамента США обсуждали различные варианты послевоенного будущего Курильских островов. В представленной ими аналитической записке от 28 сентября 1943 г. в частности говорилось, что острова имеют большое экономическое и стратегическое значение для Японии, США и СССР. Все острова можно поставить под интернациональный контроль или под протекцию группы держав — США, Великобритании и СССР, но Япония в любом случае будет иметь твердое намерение оставить за собой острова южной гряды. Советский Союз, исходя из своих интересов, может поставить вопрос о передаче ему не только северной гряды, но и центральной гряды или даже всех Курил. Если такое решение будет принято, то «было бы желательно обеспечить демилитаризацию островов центральной и южной гряды, сохранив за Японией возможность осуществлять там рыболовный промысел. Передача Советскому Союзу островов южной гряды стало бы неудачным решением.

Это создало бы опасную ситуацию, когда будущая Япония вряд ли легко бы признала такое решение окончательным». (Records of Harley A. Notter // NA. RG 59. Entry 558. Box 153.

²¹³ Department of State. Records of Harley A. Notter, 1939—1945, Talks with F.D.R. // NA. RG 59. Entry 498. Box 54.

²¹⁴ Ibid.

²¹⁵ Ibid.

²¹⁶ Agenda for Tripartite Conference (Draft), September 13, 1943 // WАНР. CF. Cont. 164.

²¹⁷ Recommendations as to Position of the American Delegation, September, 1943 // WАНР. CF. Cont. 164

²¹⁸ Хэлл К. Государственный секретарь США вспоминает // Вторая мировая война в воспоминаниях... М., 1990. С. 375—393.

²¹⁹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945 : в 2 т. / сост. А. Адамишин, В. Зорин, К. Зуева, П. Севостьянов. М.: Политиздат, 1983. Прилож. Док. 126.

²²⁰ Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19—30 октября 1943 г.) : Сб. док. М., 1978. С. 346—348, 358.

²²¹ Дин Дж. Р. Указ. соч. С. 25—26.

²²² Хэлл К. Указ. соч. С. 375—393.

²²³ A. Harriman to F. Roosevelt, November 5, 1943 // WАНР. CF. Cont. 170.

²²⁴ Известия. 1943. 3 дек.

²²⁵ Запись разговора И. Сталина с Ф. Рузвельтом во время ужина 28 ноября 1943 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (Далее: АВПРФ). Ф. 06 (Секретариат В.М. Молотова). Оп. 5в. П. 42. Д. 8. Л. 23.

²²⁶ Сопровождение военных представителей на Тегеранской конференции, 29 ноября 1943 // АВПРФ Ф. 06. Оп. 5в. П. 42. Д. 8. Л. 24—35.

²²⁷ Дин Дж. Р. Указ. соч. С. 43—45.

²²⁸ Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.) Сб. документов. М., 1978. С. 95, 173.

²²⁹ Леги У. (1875—1959) — американский адмирал флота (1944). Во второй мировой войне — начальник штаба при Верховном главнокомандующем вооруженными силами США, фактический председатель Комитета начальников штабов США.

²³⁰ *Леги У.* Советник двух президентов // Вторая мировая война в воспоминаниях... С. 422.

²³¹ *Леги У.* Указ. соч. С. 422.

²³² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. С. 453—456.

²³³ Опул. в кн.: *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. М.: Наука, 2004. С. 404.

²³⁴ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 1. С. 453—456.

²³⁵ *McCaughey M.* Op. cit. P. 9.

²³⁶ *Иванов Р.Ф.* Сталин и союзники. 1941—1945. Смоленск, 2000.

²³⁷ *Roosevelt E.* As He Saw It. NY: Duell, Sloan, and Pearce, 1946. P. 37.

²³⁸ *Хэлл К.* Указ. соч. С. 375—393.

²³⁹ *Doenecke J., Stoler M.* Debating Franklin D. Roosevelt's Foreign Policies, 1933-1945. N.Y.: Rowman and Littlefield Publishers, INC, 2005. P. 73.

²⁴⁰ *Schwabe K.* Op. cit. P. 19.

²⁴¹ *Schwabe K.* Op. cit. P. 19—20.

²⁴² *Дин Дж. Р.* Указ. соч. С. 140—141.

²⁴³ Советско-американские отношения. 1939—1945 гг. Документы / под ред. Г.Н. Севостьянова. Сост. Б. Жиляев, В. Савченко. М.: МФД, 2004. С. 544—545.

²⁴⁴ Там же. С. 546.

²⁴⁵ Там же. С. 548.

²⁴⁶ Там же. С. 552.

²⁴⁷ Великая Отечественная война 1941—1945: Военно-исторические очерки. В 4 кн. / гл. ред. комиссия: В.А. Золотарев, Г.Н. Севостьянов (сопредседатели). М., 1998—1999. Кн. 3. С. 460—461.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ «Фрэнтик» («Frantic», в переводе с англ. бешеный, неистовый) — кодовое название совместной американо-советской операции по организации челночных бомбардировок ВВС США германских объектов на оккупированной территории. Полеты совершались, как правило, по маршруту: с американских баз в Италии до аэродрома под Полтавой и обратно. Первый рейд был осуществлен 2 июня 1944 г. Операция была приостановлена по-

сле того, как в конце июня 1944 г. германские ВВС уничтожили на полтавском аэродроме около 50 американских самолетов. Надобность в дальнейшем продолжении операции отпала вследствие успешного продвижения Красной Армии на запад и освобождения тех районов, которые ранее были объектами бомбардировок ВВС США. Глава военной миссии США Дж. Дин высоко оценивал результаты «Фрэнтика», отмечая, что благодаря операции были осуществлены 18 крупных атак на важные стратегические цели, был основательно подорван немецкий боевой дух. Само разрешение на полеты с русской территории должно было, по его мнению, привести к потере последней надежды немцев расколоть фронт союзников и заключить секретный мир с одной из сторон. Тем не менее, деятельность американцев в Полтаве, писал Дин, ограничивалась и из-за политических разногласий, прежде всего по вопросу о будущем Польши (см. *Дин Дж. Р. Указ. соч. С. 113—114*).

²⁵⁰ A. Harriman to H. Hopkins, September 9, 1944 // US. Library of Congress. Manuscript Division. W.A. Harriman Papers (Далее: WAHP). Chronological file (далее — CF). Cont. 174.

²⁵¹ *Mayers D. George Kennan and the Dilemmas of US Foreign Policy*. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1988; reprinted: 1990. P. 93.

²⁵² *Ibid.*

²⁵³ *Ibid.* P. 92.

²⁵⁴ *Дин Дж. Р. Указ. соч. С. 119—120.*

²⁵⁵ *Дин Дж. Р. Указ. соч. С. 119—120.*

²⁵⁶ Memorandum by the Director, Civil Affairs Division, War Department (“Spheres of Occupation in Europe”). Attachment to JCS, Note by the Secretaries, April 12, 1944 // US. National Archives (Archive II, College Park, VA) (Далее: NA). RG. 218. Entry CCS/JCS “Geographical files”. Box 308.

²⁵⁷ Memorandum by the Director, Civil Affairs Division, War Department (“Spheres of Occupation in Europe”). Attachment to JCS, Note by the Secretaries, April 12, 1944 // US. National Archives (Archive II, College Park, VA) (Далее: NA). RG. 218. Entry CCS/JCS “Geographical files”. Box 308.

²⁵⁸ Черчилль поставил вопрос о распределении сфер влияния СССР и Британии на Балканах 9 октября 1944 г., во время первой в ходе его визита в Москву встречи со Сталиным. На этой встрече обсуждался также и польский вопрос.

- ²⁵⁹ *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. С. 418—439.
- ²⁶⁰ Там же. С. 417.
- ²⁶¹ *Roberts G.* Beware Greek Gifts: The Churchill — Stalin “Percentages” Agreement of October 1944: Paper Presented at the Foreign Office Seminar “Churchill—Stalin” in London on March 4, 2002. P. 6—11.
- ²⁶² *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. С. 436—438.
- ²⁶³ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941—1945. Т. 2. С. 224.
- ²⁶⁴ F. Roosevelt to A. Harriman, October 4, 1944 // WAHP. CF. Cont.174.
- ²⁶⁵ A. Harriman to J. Byrnes, December 16, 1945 // WAHP. CF. Cont. 174.
- ²⁶⁶ Department of State. Policy Committee. Minutes, June 26, 1944 // NA. RG 59. Entry 499. Box 138.
- ²⁶⁷ Department of State. Policy Committee. Minutes, June 28, 1944 // NA. RG 59. Entry 499. Box 138.
- ²⁶⁸ Автор доклада в документе не указан.
- ²⁶⁹ Report on Greece and Yugoslavia. Attachment to Department of State. Policy Committee. Minutes, August 3, 1944 // NA. RG 59. Entry 499. Box 138.
- ²⁷⁰ F. Roosevelt to A. Harriman, October 11, 1944 // WAHP. CF. Cont. 174.
- ²⁷¹ A. Harriman to J. Byrnes, December 16, 1945 // WAHP. CF. Cont. 174.
- ²⁷² A. Harriman to Department of State, October 16, 1944 // WAHP. CF. Cont. 174.
- ²⁷³ *Doenecke J., Stoler M.* Debating Franklin D. Roosevelt’s Foreign Policies, 1933—1945. N.Y.: Rowman and Littlefield Publishers, INC, 2005. P. 72.
- ²⁷⁴ *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993. С. 274—275.
- ²⁷⁵ А. Гарриман находился в Вашингтоне с 21 октября по 19 ноября 1944 г. (в этот период завершилась президентская кампания и прошли выборы президента США) с целью лично высказать Рузвельту свое мнение о необходимости коррекции американской политики в отношении СССР.
- ²⁷⁶ A. Harriman. Memorandum of Conversation with the President During Trip to Washington, D.C., October 21— November 19, 1944 // WAHP. CF. Cont. 175.

²⁷⁷ Department of State. Policy Committee. Minutes, May 10, 1944 // NA. RG 59. Entry 499. Box 138.

²⁷⁸ А. Harriman. Memorandum of Conversation with the President...

²⁷⁹ Во второй половине 1944 г. японские войска провели в Китае ряд успешных наступательных операций, заняли обширные территории в центральных и южных районах страны, и поставили тем самым гоминдановские войска в крайне тяжелое положение.

²⁸⁰ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / сост.: Ф. Лоуэхайм, Г. Лэнгли, М. Джонас : пер. с англ. М.: Терра, 1995. С. 693—696.

²⁸¹ 24 ноября премьер польского правительства в эмиграции С. Миколайчик подал в отставку из-за отказа членов его кабинета принять линию Керзона в качестве основы границы с СССР, произошедшего на фоне отсутствия поддержки со стороны западных держав польских требований о восстановлении границы 1939 г.

²⁸² Польский комитет национального возрождения, как прообраз будущего правительства Польши, был создан при поддержке Москвы в июле 1944 г.

²⁸³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... Т. 1. С. 324—325, 328.

²⁸⁴ Там же. С. 340—341.

²⁸⁵ Советско-американские отношения, 1939—1945. С. 601.

²⁸⁶ Майский (Ляховецкий) Иван Михайлович (1888—1975) — в 1932—1943 гг. посол СССР в Великобритании. В 1943—1946 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР, одновременно с ноября 1943 г. — председатель комиссии по возмещению ущерба, нанесенного нацистской Германией и ее союзниками. Занимался разработкой вопроса о сумме германских репараций.

²⁸⁷ G. Kennan to A. Harriman // WАНР. CF. Cont. 175.

²⁸⁸ А. Громыко — В. Молотову, 25 января 1945 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (Далее: АВПРФ). Ф. 06 (Секретариат В. Молотова). Оп. 7а. П. 57. Д. 5. Л. 7.

²⁸⁹ А. Громыко — В. Молотову, 26 января 1945 г. // АВПРФ. Оп.7а. П. 57. Д.5. Л. 12—15.

²⁹⁰ Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4-11 февраля 1945 г.). М., 1979. С. 266.

²⁹¹ Миколайчик С. — премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне в июле 1943 — ноябре 1944 г., лидер крестьянской партии; Ромер Т. — министр иностранных дел в польском эмигрантском правительстве в 1943 — 1944 гг.; Грабский С. — председатель лондонской Рады Народовой, профессор.

²⁹² Арцишевский Т. — премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне.

²⁹³ Берут Б. — председатель Крайовой Рады Народовой; Осубка-Моравский Э. — премьер-министр и министр иностранных дел Временного польского правительства; Роля-Жимерский М. — Главнокомандующий Войска Польского, формирование которого началось в 1943 г. в СССР.

²⁹⁴ *Ржешевский О.А.* Указ. соч. С. 499—506.

²⁹⁵ Там же. С. 505.

²⁹⁶ Известия. 1945. 18 февраля.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ *Schwabe K.* Op. cit. P. 21.

²⁹⁹ F. Roosevelt to W. Churchill, March 10, 1945 // WAHP. CF. Cont. 177.

³⁰⁰ *Яковлев Н.Н.* США и Англия во Второй мировой войне. М.: Учпедгиз, 1961. С. 180—195.

³⁰¹ My Dear Mr. Stalin. P. IX—X.

³⁰² Гувер Г. (1874—1964), 31-й президент США (1929—1933). В 1914—1921 гг. — глава Американской администрации помощи (АРА). Поддерживая идею оказания помощи Советской России в годы Гражданской войны, считал ее «лучшим методом обеспечения краха большевизма». Выступал против дипломатического признания СССР. Благосклонно относился к Мюнхенскому соглашению 1938 г. До конца своих дней сохранял враждебное отношение к СССР. В 1946 г. назначен президентом Г. Трумэном координатором европейской программы продовольственного снабжения. (Энциклопедия российско-американских отношений XVIII—XX века / авт. и сост. Э. Иванян. М., 2001. С. 164—165).

³⁰³ Department of State to A. Harriman, February 14, 1945 (First U.S. Reaction to Report of Crimea Conference) // WAHP. CF. Cont. 177.

³⁰⁴ *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932—1945. P. 523—524.

³⁰⁵ *Дин Дж. Р.* Указ. соч. С. 129—130.

³⁰⁶ A. Harriman to E. Stettinius, February 20, 1945 // WAHP. CF. Cont. 177.

³⁰⁷ Ibid.

³⁰⁸ Schwabe K. Op. cit. P. 24.

³⁰⁹ Ржешевский О.А. Указ. соч. С. 515.

³¹⁰ Department of State to A. Harriman, March 7, 1945 (Fortnightly Survey of American Opinion of International Affairs). — WAHP. CF. Cont. 177.

³¹¹ Dallek R. The Lost Peace: Leadership in a Time of Horror and Hope, 1945—1953.

³¹² Schwabe K. Op. cit. P. 22.

³¹³ A. Harriman to E. Stettinius, March 21, 1945 (Draft) // WAHP. CF. Cont. 177.

³¹⁴ Первоначально Гарриман написал «вторжения», но потом зачеркнул и исправил на «проникновения».

³¹⁵ A. Harriman to E. Stettinius, March 21, 1945 (Draft) // WAHP. CF. Cont. 177.

³¹⁶ Ibid.

³¹⁷ Дин Дж. Р. Указ. соч. С. 84—93.

³¹⁸ A. Harriman to E. Stettinius, March 21, 1945 (Draft) // WAHP. CF. Cont. 177.

³¹⁹ A. Harriman to Department of State, April 4, 1945 // WAHP. CF. Cont. 178

³²⁰ Сан-Францисская конференция 1945 года 50 государств — учредителей Организации Объединенных наций (ООН), состоялась 25 апреля — 26 июня 1945 г. На ней был выработан окончательный текст Устава ООН.

³²¹ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля... С. 777—779.

³²² Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 215.

³²³ J. Dean to G. Marshall, March 13, 1945 // WAHP. CF. Cont. 177.

³²⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 219.

³²⁵ Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. (Далее: FRUS). 1945, Vol. 3. Washington: Government Printing Office, 1968. P. 745—746.

³²⁶ Н. Alexander to U.S. Military Mission, Moscow, April 6, 1945 // WAHP. CF. Cont. 178.

³²⁷ В телеграмме Сталину от 5 апреля 1945 г. Черчилль утверждал, что в Швейцарии не было никаких переговоров о военной капитуляции армии Кессельринга в Италии, а просьба о переговорах, с которой обратился генерал СС Вольф, была одной из тех попыток, которые предпринимаются врагом с целью посеять недоверие между союзниками (Переписка Председателя Совета Министров... Т. 1. С. 359—361).

³²⁸ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля... С. 793—794.

³²⁹ Энциклопедия российско-американских отношений XVIII—XX века. / Авт. и сост. Э. Иванян, при участии В. Батюка, М. Литвиновой, В. Печатнова. М.: Международные отношения, 2001. С. 462.

³³⁰ Материал о разработке проектов атомного удара по СССР в конце 1945 г. рассматривается в следующей главе.

³³¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 2. С. 222.

³³² A. Harriman to F. Roosevelt, April 12, 1945 // W.A.H.P. CF. Cont. 178.

³³³ F. Roosevelt to A. Harriman, April 12, 1945 // W.A.H.P. CF. Cont. 178.

³³⁴ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. С. 572—573.

³³⁵ Тайные контакты американской резидентуры в Швейцарии с немецкими представителями продолжались и во второй половине апреля 1945 г. Операция по переговорам, получившая кодовое название «Санрайз-Кроссворд», завершилась тем, что 28 апреля немецкие парламентарии были доставлены в ставку Александра в Казерте. Прибывший туда советский представитель был практически отстранен от обсуждения документа о капитуляции, который был подписан 29 апреля и вступил в силу 2 мая. (см. статью А.М. Филитова «Бернский инцидент» в кн.: «Великая Отечественная война. 1941—1945. Иллюстрированная энциклопедия» (М., 2005. С. 75).

³³⁶ Gardner L. Spheres of Influence: The Great Powers Partition Europe from Munich to Yalta. Chicago: Ivan R. Dee, 1993. P. X.

³³⁷ Ibid. P. XI.

³³⁸ Меморандум, который предваряла настоящая пояснительная записка, был подготовлен еще 2 апреля 1945 г. и предназначался для президента США Ф. Рузвельта, умершего 12 апреля 1945. Сам текст меморандума не публикуется.

³³⁹ Возможность резкого ухудшения отношений с Россией обсуждалась в то время и в Госдепартаменте США. По этому поводу существовали различные точки зрения. Так, заместитель государ-

ственного секретаря Д. Грю писал в меморандуме правительству 18 мая 1945 г.: «Будущая война с Россией очевидна, как может быть что-нибудь еще очевиднее на нашей земле. Она может развиться в ближайшие несколько лет. Нам следует поэтому поддерживать в готовности наши вооруженные силы... Мы должны настаивать на контроле над стратегическим вооружением и морскими базами». (Grew G., *The Turbulent Era*. V.2. N.Y., 1952. P. 1446).

³⁴⁰ W. Donovan to H. Truman, May 5, 1945 // US. National Archives (Archive II, College Park, VA) (Далее: NA). RG 226. M 1642. Reel 25.

³⁴¹ Schwabe K. *Op. cit.* P. 28.

³⁴² Г. Трумэн (1884—1972). 33-й президент США родился в штате Миссури в семье фермера. Участвовал в качестве младшего офицера в Первой мировой войне. В 1920-х гг. занялся политикой, был судьей графства. В 1934 г. избран в Сенат от штата Миссури как твердый сторонник «нового курса» Рузвельта. В годы второй мировой войны стал известен как председатель сенатского комитета, занимавшегося национальной программой обороны. В июне 1944 г. на съезде Демократической партии выдвинут кандидатом в вице-президенты США. Позиция Трумэна во внутренних вопросах устраивала Рузвельта. Фигура Трумэна удовлетворяла профсоюзы, консервативных демократов, равно как и сторонников «нового курса». До смерти Рузвельта находился в стороне от выработки важнейших решений внешней политики США. Интересно, что неофициальным «девизом» штата Миссури является фраза «Покажи мне» (“Show me”), что можно понимать следующим образом: «если ты способен сделать лучше или больше, чем я — сделай». В этом смысле Трумэн родился и вырос в штате, который воспитывал «людей дела».

³⁴³ Т.е. последователь «нового курса» (“New Deal”) президента Рузвельта.

³⁴⁴ На открытии Сан-Францисской конференции по созданию ООН планировалось присутствие министров иностранных дел государств-инициаторов ее созыва, и, прежде всего, держав, входящих в Большую тройку. Сталин не желал посылать Молотова на конференцию, если варшавское правительство (еще не признанное США и Великобританией) не будет приглашено в качестве представителя Польши. Официально Сталин ссылался на занятость наркома иностранных дел. В ответ на послание Рузвельта от 25 марта 1945 г., где президент говорил, что «конферен-

ция лишится очень многого без присутствия советского наркома», Сталин 27 марта отвечал, что СССР придает важное значение созываемой конференции, но «обстоятельства так сложились, что В.М. Молотов, действительно, не имеет возможности принять участие в Конференции. Я и В.М. Молотов крайне сожалеем об этом, но созыв по требованию депутатов Верховного Совета в апреле Сессии Верховного Совета СССР, где присутствие В.М. Молотова совершенно необходимо, исключает возможность его участия даже в первых заседаниях Конференции...». Сталин выразил также уверенность, что советский посол в США А.А. Громыко «с успехом будет возглавлять советскую делегацию в Сан-Франциско». (Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Т. 2. С. 212). После смерти Рузвельта отношение Сталина к приезду Молотова в США изменилось. В работе конференции в Сан-Франциско (25 апреля — 26 июня 1945 г.) участвовали делегации государств, подписавших 1 января 1942 г. Декларацию Объединенных Наций, а также присоединившиеся к ней затем и объявившие до 1 марта 1945 г. войну Германии и ее союзникам (делегаты от 50 стран). На конференцию также прибыли госсекретарь США Э. Стеттиниус, министр иностранных дел Великобритании А. Иден, нарком иностранных дел СССР В. Молотов (возглавлял советскую делегацию с 25 апреля по 8 мая, после его отъезда — советский посол А. Громыко). Приглашение Временному правительству Польши из-за отказа западных держав направлено не было, и вопрос об ее участии в ООН был решен в самом конце работы конференции.

³⁴⁵ A. Harriman to Department of State, April 13, 1945 (Memorandum "Meeting with Stalin") // US. Library of Congress. Manuscript Division. W.A. Harriman Papers (Далее: WAHP). Chronological file (далее — CF). Cont. 178.

³⁴⁶ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. С. 584.

³⁴⁷ Энциклопедия российско-американских отношений XVIII—XX века. С. 571.

³⁴⁸ Согласование Устава ООН на Сан-Францисской конференции было трудной задачей. В дополненном и переработанном тексте проекта Устава повышалась роль и значение Генеральной Ассамблеи ООН. В состав организации включались все ее члены, в т.ч. две советские республики — Украина и Белоруссия.

Подтверждалось, что высшим органом, на который возлагается главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности, является Совет Безопасности, состоящий из 11 членов организации: 5 постоянных (СССР, США, Великобритания, Франция и Китай) и 6 непостоянных, избираемых на 2-годовалный срок (в послевоенные годы состав Совета Безопасности расширился). 26 июня 1945 г. на заключительном заседании конференции Устав ООН был подписан, вступил в силу 24 октября 1945 г.

³⁴⁹ В 1945—1946 г. советник американского посольства в Москве Дж. Кеннан (1904—2005) сумел значительно укрепить свой авторитет в Государственном департаменте США. В феврале 1946 г. он послал в Вашингтон т.н. «длинную телеграмму», в которой ратовал за противодействие экспансионистским устремлениям Москвы, объединение усилий западноевропейских стран в целях сдерживания советского влияния. Активная позиция Кеннана оказывала большое влияние на Гарримана и явилась одной из причин его назначения на влиятельный пост директора департамента политического планирования Государственного департамента. В марте 1952 г. Кеннан был назначен послом в СССР, но уже через полгода по требованию советских властей был отозван в Вашингтон. После ухода с дипломатической службы в 1960-е гг. занялся научной деятельностью. Является автором целого ряда книг, посвященных советско-американским отношениям.

³⁵⁰ G. Kennan to A. Harriman, February 24, 1945 // WАНP. CF. Cont. 177.

³⁵¹ Minutes, Secretary's Staff Committee, April 20, 1945 // WАНP. CF. Cont. 178.

³⁵² ЮНРРА — Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций. Создана в ноябре 1943 г.

³⁵³ Относительно помощи СССР по ленд-лизу было всего 4 протокола (первый подписан 1 октября 1941 г. на Московской конференции СССР, США и Великобритании). Начиная с Третьего протокола (1.06 1943 — 30.06.1944) поставки в СССР обеспечивались в основном Соединенными Штатами, главная их часть пришлась на вторую половину 1943 и на 1944 г. По Четвертому протоколу планировалось предоставление помощи в период с 1.07.1944 по 30.06.1945 г. Но 12 мая 1945 г. США без предупреждения приостановили отправку. После заявленного советской стороной протеста поставки возобновились в ограниченном ко-

личестве и предназначались только для целей подготовки СССР к вступлению в войну с Японией. Последняя партия грузов прибыла в СССР 20 сентября 1945 г. Весной 1945 г. влиятельные группы в США усилили требования о сокращении масштабов помощи СССР и другим странам. Через Конгресс была проведена поправка к закону о ленд-лизе, согласно которой фонды помощи не могли использоваться для целей реконструкции и восстановления хозяйства стран-получателей.

³⁵⁴ Minutes, Secretary's Staff Committee, April 20, 1945 // WAMP. CF. Cont. 178.

³⁵⁵ Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) был высшим командным органом войск западных союзников в годы второй мировой войны. Состоял из представителей Британского комитета начальников штабов и Комитета начальников штабов США. Сформирован в феврале 1942 г. Большинство заседаний проходили в Вашингтоне. Поскольку британские начальники штабов не могли часто пересекать океан, интересы Великобритании в столице США были представлены Британской миссией объединенного штаба (председатель в 1945 г. фельдмаршал Г. Вильсон). Полностью весь состав ОКНШ собирался только во время крупных международных конференций для принятия важнейших решений «большой стратегии» (например в Касабланке в 1943 г.). Ключевыми фигурами ОКНШ являлись генерал Дж. Маршалл — начальник штаба армии США и фельдмаршал А. Брук — начальник Имперского генерального штаба Великобритании. Комитет начальников штабов США имел свои особенности. После того, как США вступили во вторую мировую войну, президент Рузвельт решил, что ему необходим высший офицер в качестве личного советника и связующего звена с тремя командующими видами вооруженных сил — адмиралом Э. Кингом (ВМФ), генералом Дж. Маршаллом (сухопутная армия) и генералом Г. Арнольдом (ВВС). 6 июля 1942 г. на пост начальника штаба при Верховном главнокомандующем (президенте) был назначен адмирал У. Леги. Фактически, он являлся председателем Комитета начальников штабов США, но носил титул начальника штаба при президенте. Первым военным, который стал официально именоваться председателем Комитета начальников штабов США стал генерал О. Брэдли.

³⁵⁶ Report by the Joint Strategic Survey Committee, April 5, 1945 ("Arrangements with the Soviets") // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

³⁵⁷ U.S. Secretariat Notes of the Closed Session of the CCS, April 20, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208

³⁵⁸ Дин Дж. Р. Указ. соч. С. 40.

³⁵⁹ U.S. Secretariat Notes of the Closed Session of the CCS, April 20, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

³⁶⁰ Нимиц Ч. (1885—1966), американский адмирал флота. С начала 1942 г. командующий Тихоокеанским флотом, отвечал за боевые действия американских сил в центральной части Тихого океана. 2 сентября 1945 г. как представитель США поставил свою подпись под актом о капитуляции Японии.

³⁶¹ Report by the Senior Members of the Joint Staff Planners, April 23, 1945 ("Revision of the Policy with Relation to Russia") // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

³⁶² JCS, Note by the Secretaries, April 24, 1945. — NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

³⁶³ Memorandum by the Representatives of the British Chiefs of Staff, June 6, 1945 ("Relations with the Russian") // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

³⁶⁴ British Joint Staff Mission Offices of the CCS to JCS, June 9, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

³⁶⁵ См.: Поздеева Л.В. Гопкинс (статья) // Великая Отечественная война. 1941—1945. Иллюстрированная энциклопедия / отв. ред. А.О. Чубарьян, ред. М.Ю. Мягков, сост. Ю.А. Никифоров. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 199—200.

³⁶⁶ Об операции «Немыслимое»: см. Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. С. 524—528

³⁶⁷ См.: Там же.

³⁶⁸ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 3. С. 639.

³⁶⁹ Ibid.

³⁷⁰ Предварительная дата открытия Берлинской (Потсдамской) конференции, которая проходила с 17 июля по 2 августа 1945 г.

³⁷¹ Н. Hopkins to Н. Truman // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 15.

³⁷² Позиция, занятая Трумэнном объясняется также результатом опросов общественного мнения американцев, 45% которых высказались за поддержку союзнических отношений с СССР.

³⁷³ Совет министров иностранных дел (СМИД), учрежденный в 1945 г. для подготовки мирных договоров с бывшими участни-

ками фашистского блока и решения других важных международных проблем по согласованию с членами Совета — министрами иностранных дел СССР, США, Великобритании, Франции и Китая. В 1945-1949 гг. состоялось несколько сессий СМВД. Совет проделал большую работу по выработке договоров с Италией, Болгарией, Венгрией, Румынией, Финляндией. Подписание договоров с этими странами делало возможным их принятие в ООН. Однако Совет не смог подготовить мирный договор с Германией. Западные страны также выступили против подготовки членами СМВД мирного договора с Японией. СМВД прекратил свою деятельность в 1949 г.

³⁷⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. : Сб. документов : в 6 т. / М-во иностр. дел. СССР; гл. ред. комис. А.А. Громыко (гл. ред.) и др. М.: Политиздат, 1984. Т. 6. Берлинская (Потсдамская конференция руководителей 3-х союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 авг. 1945 г.)). С. 155—156.

³⁷⁵ Конвенция подписана во время Конференции Монтрё (22.06—21.07.1936), решавшей вопросы о режиме Черноморских проливов. Проходила в г. Монтрё (Швейцария) с участием СССР, Турции, Великобритании, Франции и др. Конвенция заменила старую, принятую на Лозаннской конференции 1922—23 гг. Признано особое положение черноморских государств, которые в мирное время могли проводить через проливы Босфор и Дарданеллы военные корабли без ограничений, при соблюдении определенных конвенцией условий. Для военных кораблей нечерноморских государств были введены ограничения по классу и тоннажу и др. В случае участия Турции в войне, а также если Турция сочтет, что она находится перед угрозой войны, ей было предоставлено право разрешать или запрещать проход через проливы любых военных судов. Во время войны, в которой Турция не участвует, проливы должны быть закрыты для прохода военных судов любой воюющей державы.

³⁷⁶ На I сессии СМВД в Лондоне в сентябре 1945 г. В. Молотов, исходя из того, что колониальные территории, принадлежавшие побежденным странам должны были находиться под контролем Совета по опеке при ООН, поставил вопрос о том, чтобы СССР была поручена опека хотя бы над одной из бывших итальянских колоний. Речь шла прежде всего о Триполитании — запад-

ной провинции Ливии. Это предложение не нашло поддержки у делегаций США и Великобритании. Госсекретарь США Дж. Бирнс предложил передать колонии в ведение Совета по опеке, который назначит администратора из числа нейтральных государств; о присутствии там английских войск он не упомянул. Практическая реализация этого плана сохраняла в итальянских колониях британский контроль и обеспечивала доступ США под эгидой ООН к находящимся там военным базам и сырьевым ресурсам. Вопрос об итальянских колониях был передан на рассмотрение конференции заместителей министров иностранных дел, которая проходила в начале 1946 г. и также отложила его «до более поздней стадии». Советские предложения об опеке или получении военно-морской базы в районе Средиземноморья в дальнейшем встречали отпор со стороны США и Великобритании. (см.: Мазов С.В. СССР и судьба бывших итальянских колоний (1945—1950 гг.) // Россия и Италия. Вып. 3. XX век. М., 1998. С. 211—241). См.: Мазов С.В. СССР и судьба бывших итальянских колоний (1945—1950 гг.) // Россия и Италия. Вып. 3. XX век. М.: Наука, 1998. С. 211—216.

³⁷⁷ Макартур Д. (1880—1964). Американский генерал армии (1944). Командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке (1941—1942), верховный командующий союзными войсками в юго-западной части Тихого океана (с 30 марта 1942 по 1951), одновременно (с 1945) командующий оккупационными войсками в Японии.

³⁷⁸ *MacArthur D. Reminiscences*. N.Y.: McGraw-Hill, 1964. P. 126.

³⁷⁹ Подробнее см.: Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина: Тень Цусимы длиною в век. М.: Олма-Пресс, 2004.

³⁸⁰ Яковлев Н.Н. США и Англия во Второй мировой войне. М.: Учпедгиз, 1961. С. 230.

³⁸¹ Йорыш А.И., Морохов И.Д., Иванов С.К. А-бомба. М.: Наука, 1980. С. 214—217.

³⁸² Там же. С. 221—222.

³⁸³ См.: Поздеева Л.В. Берлинская (Потсдамская) конференция : статья // Великая Отечественная война. 1941—1945. Иллюстрированная энциклопедия. С. 67.

³⁸⁴ *United States Strategic Bombing Survey: The Effects of the Atomic Bombs on Hiroshima and Nagasaki, June 30, 1946*. P. 5, 22—

23. // Truman Presidential Museum and Library (Independence, Missouri). Truman Papers. Confidential File.

³⁸⁵Идея создания Объединенного разведывательного комитета (JIC) принадлежала генералу Р. Ли, который до 1941 г. являлся военным атташе США в Лондоне и был знаком с работой хорошо налаженной и централизованной британской разведывательной системы, в частности с деятельностью британского JIC. Военное ведомство США вначале без энтузиазма восприняло предложения Р. Ли. Но после нападения Германии на СССР, летом 1941 г., помощник начальника штаба (G-2) и директор разведывательной службы ВМС США высказались за создание американского аналога JIC. 10 сентября 1941 г. было рекомендовано создать Объединенный разведывательный комитет Армии и Флота при Объединенном комитете планирования Комитета начальников штабов, однако, эта структура фактически не приступала к работе до нападения японцев на Перл-Харбор. Лишь 11 февраля 1942 г. Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) союзников издал директиву, касающуюся функций и задач американского JIC. Новая разведывательная организация состояла из помощника начальника штаба (G-2) — которым в то время был генерал Р. Ли, директора разведки ВМС, помощника Госсекретаря США, представителя Совета по экономическому ведению войны, Координатора информации (позднее директора Управления стратегических служб) У. Донована. Первоначально от JIC требовалось предоставлять высшему командованию (Комитету начальников штабов США) оригинальную разведывательную информацию, а не свои оценки. Однако в ходе войны Комитетом, наряду с разведдонесениями, было подготовлено большое количество меморандумов оценочного, аналитического характера. При JIC действовала небольшая группа, готовившая проекты меморандумов, сводок, аналитических записок — Объединенный разведывательный штаб (JIS). Все документы, исходящие от JIC, прежде чем поступить на рассмотрение Комитета начальников штабов проходили через Объединенный комитет планирования (позднее — Объединенный комитет военного планирования). Одной из важнейших задач JIC в последний период войны и сразу после ее окончания стала подготовка аналитических разработок, касающихся возможностей и намерений Советского Союза. Со-

временные историки подчеркивают, что деятельность американского JIC еще недостаточно изучена. Большой интерес вызывают прогнозы, представленные этим Комитетом в первые послевоенные годы (в частности о сроках появления в СССР атомного оружия) — см. *Valero L.A. The American Joint Intelligence Committee and Estimates of the Soviet Union, 1945—1947 // Studies in Intelligence. A Collection of Articles on the Historical, Operational, Doctrinal and Theoretical Aspects of Intelligence. Summer 2000, № 9.*

³⁸⁶ JIS, Note by the Secretaries, August 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS “Geographical files”. Box 206.

³⁸⁷ Report by JIS (“Estimate of Soviet Post-War Capabilities and Intentions”). Attachment to JCS, Memorandum for Information, February 5, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS “Geographical files”. Box 206.

³⁸⁸ *Ibid*; *Valero L.A. Op. cit*

³⁸⁹ Report by JIS (“Air Capabilities and Intentions of the USSR in the Post-War Period”). Attachment to JIC, October 19, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS “Geographical files”. Box 206.

³⁹⁰ *Дин Дж. Р. Указ. соч. С. 95.*

³⁹¹ Примечание А.С. Орлова в кн.: *Дин Дж. Р. Указ. соч. С. 95.*

³⁹² На сессии СМИД в Москве 1945 г. США и Великобритания сняли возражения относительно проектов мирных договоров с этими странами. Кроме того, в Москве были решены вопросы о правительстве Кореи, учреждении Союзного совета для Японии, куда также вошел и СССР, и др.

³⁹³ Впервые термин «холодная война» был употреблен Б. Барухом в речи, произнесенной в г. Коламбия (США) 16 апреля 1947 г. (см.: *Энциклопедия российско-американских отношений, XVIII—XX века. С. 597.*)

³⁹⁴ К концу Второй мировой войны СССР и США располагали примерно равными вооруженными силами, насчитывавшими более 12 млн чел. В послевоенное время произошло значительное снижение численности военнослужащих. В 1948 г. в вооруженных силах США было 1,4 млн, а в вооруженных силах СССР 2,9 млн чел. (См.: *Энциклопедия российско-американских отношений. Указ. соч. С. 125; Кривошеев Г. Сравнительная таблица балансов использования людских ресурсов в вооруженных силах СССР и Германии в период второй мировой войны (1939—1945) // Вестник военной информации. 1999. № 4. С. 18.*)

³⁹⁵ Report by the Joint Strategic Survey Committee ("Military Position of the United States in the Light of Russian Policy"). Attachment to Memorandum for the Secretary, JCS, October 9, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

³⁹⁶ JCS, Note by the Secretaries, October 16, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

³⁹⁷ Joint War Plans Committee, Note by the Secretaries, October 17, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

³⁹⁸ JIC, Memorandum of Request ("Russian Capabilities"), Note by the Secretary, October 18, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

³⁹⁹ JIS, Memorandum for the Secretary, 20 October, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

⁴⁰⁰ JIS, Memorandum for the Secretary, 22 October, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

⁴⁰¹ Report by JIS ("Soviet Postwar Foreign Policy"). Attachment to JIS, Note by the Secretary, October 26, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

⁴⁰² Report by the Military Intelligence Service ("Postwar Economic Policies and Capabilities of the USSR"). Attachment to JIS, Note by the Secretary, November 1, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

⁴⁰³ Report by the Military Intelligence Service ("Postwar Economic Policies and Capabilities of the USSR"). Attachment to JIS, Note by the Secretary, November 1, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

⁴⁰⁴ Report by the Military Intelligence Service ("Domestic Factors Influencing the Stability of the Soviet Regime"). Attachment to JIS, Note by the Secretary, November 5, 1945 // NA. RG 218. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

⁴⁰⁵ Report by JIC ("Strategic Vulnerability of the USSR to a Limited Air Attack"). Attachment to JIC, Note by the Secretary, December 3, 1945 // NA. Entry CCS/JCS "Geographical files". Box 208.

⁴⁰⁶ *Ibid.*

⁴⁰⁷ *Valero L.A.* Op. cit.

⁴⁰⁸ *Ibid.*

⁴⁰⁹ *We Now Know: Rethinking Cold War History.* Oxford: Oxford Univ. Press, 1997. P. 88—89.

⁴¹⁰ Ibid. P. 89.

⁴¹¹ Ibid.

⁴¹² *Stoler M.A.* Allies or Adversaries? The Joint Chiefs of Staff and Soviet-American Relation, Spring 1945 // *Victory in Europe 1945: From World War to Cold War* / ed. by A. Offner and T. Wilson. University Press of Kansas, 2003. P. 159—160.

⁴¹³ *Михайлов В.Н., Брезкун С.Т.* Добро или зло? Философия стабильного мира : в 2 кн. Кн. 1: От питекантропа к ядерному миру. Москва, Саров: Красный Октябрь, 2002. С. 313.

⁴¹⁴ Cit. by: *Dallek R.* The Lost Peace: Leadership in a Time of Horror and Hope, 1945—1953. N.Y.: Harper Collins Publishers, 2010. P. 7.

⁴¹⁵ См.: *Мальков В.Л.* Первые письма с холодной войны // *Международная жизнь*. 1990. № 11. С. 140—148.

⁴¹⁶ Там же. С. 138.

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ Там же. С. 148—154.

⁴¹⁹ Документ подготовлен сотрудниками отдела по изучению СССР Аналитического и исследовательского департамента Управления стратегических служб США; начальник отдела Дж. Т. Робинсон.

⁴²⁰ Тито, Броз И. (1892—1980), государственный, военный и политический деятель Югославии. С 1937 г. возглавлял Коммунистическую партию Югославии (КПЮ). Во время войны 1941—1945 возглавил Народно-освободительную армию Югославии. В 1943-1945 — председатель Национального комитета освобождения Югославии. С 1945 г. председатель временного правительства Югославии, министр обороны и верховный главнокомандующий; Шубашич — премьер-министр югославского правительства в эмиграции